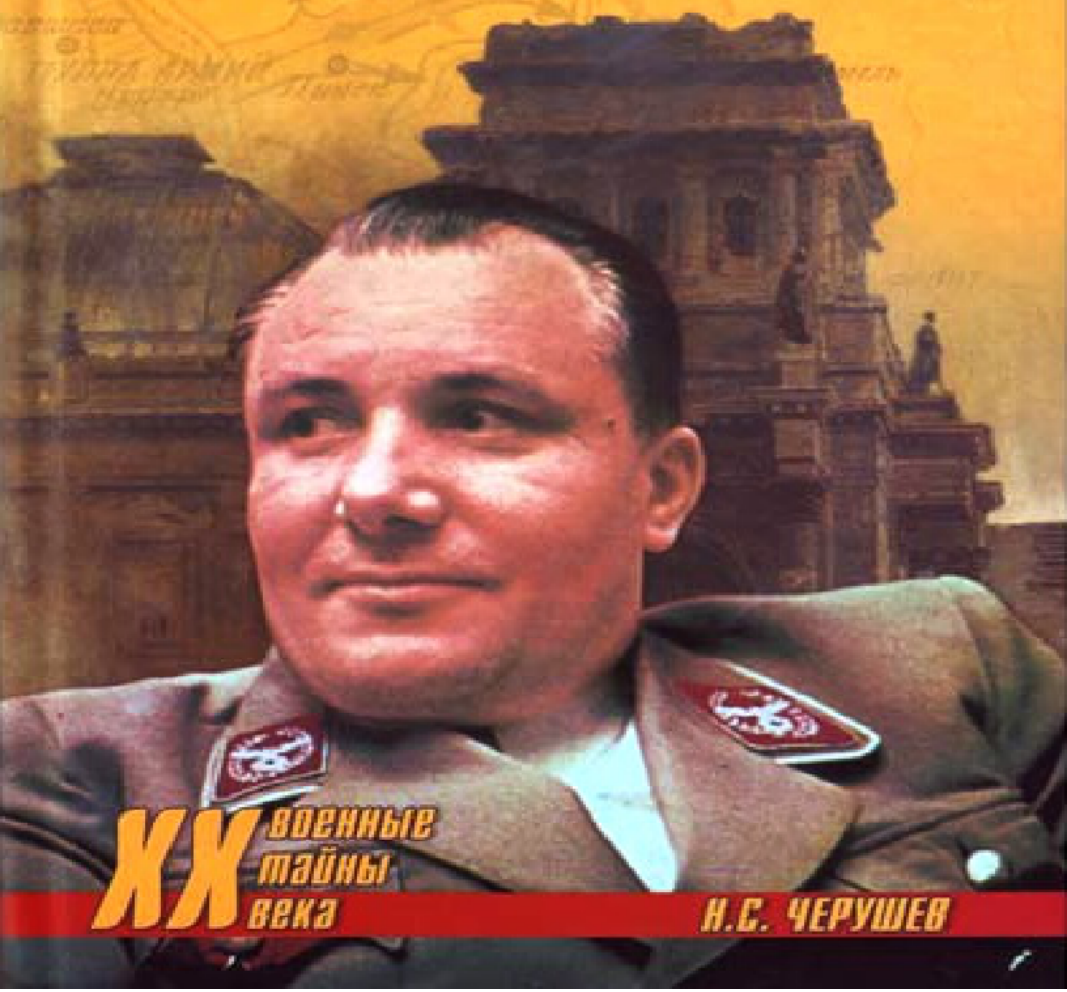
ПАРТАЙГЕНОССЕ

ЖИЗНЬ И СМЕРТЬ МАРТИНА БОРМАНА



ХХ ВОЕННЫЕ ТАЙНЫ ВЕКА

Н.С. ЧЕРУШЕВ

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Книга журналиста и исследователя Н. Николаева воссоздает портрет Мартина Бормана — «кукловода» Адольфа Гитлера. Автор рассматривает партийно-государственную карьеру Бормана, его причастность к преступлениям гитлеризма, активную роль в разработке бесчеловечной политики нацистов, особенности его взаимоотношений с другими вождями и функционерами Третьего рейха, с окружением германской «элиты». Большое внимание в книге уделено загадкам жизни и смерти нацистских лидеров, а также послевоенной деятельности уцелевших военных преступников, их попыткам развернуть активную экономическую и идейно-политическую деятельность в новых условиях. Автор разоблачает сотрудничество ряда политиков, военачальников, разведчиков стран Запада и третьего мира с военными преступниками, в том числе под флагом «борьбы с сионизмом».

- Николай Николаев
  - Убийца «Кукловода»
  - У истоков головоломки
  - Шелленберг рассказывает
  - ПОВЕРЕННЫЙ В ЛИЧНЫХ ДЕЛАХ
  - ОЖИВШИЕ ПОКОЙНИКИ
  - ПЕРЕДВИЖКИ ДРУЗЕЙ И ВРАГОВ
  - С ДУМОЙ О НОВОМ РЕЙХЕ
  - Бегство из бункера
  - Кошки-мышки по-морскому
  - Подлинный Люцифер и будущие вервольфы
  - Скорцени снова при деле
  - Восток — дело тонкое!
  - Одиссея Шахта
  - ГРАЖДАНСКИЙ ПОДВИГ БЕАТЫ КЛАРСФЕЛЬД
  - Удивительные превращения
  - СОВЕТСКАЯ ВЕРСИЯ
  - В ГОСТЯХ У ГЕЛЕНА
  - РАССЛЕДОВАНИЯ ДОКТОРА ЙОНА
  - ДЕЛО ФЮРЕРА НЕ ПОГИБЛО
  - НЕБЛАГОВИДНАЯ РОЛЬ ВАТИКАНА
  - ДОРОГАМИ ВАТИКАНА — В ЮЖНУЮ АМЕРИКУ
  - ЗАБЫВШИЕ КЛЯТВУ ГИППОКРАТА
  - ЕЩЕ ОДИН БОРМАН
  - «СВЯТОЙ ДУХ» с одним яичком

- ДРУГИЕ ВРЕМЕНА И КИМ ФИЛБИ
- Имя прикрытия — Мюллер
- «Братство» могло возродиться
- Убежище на Путумайо

- notes
  - 1

Николай Николаев
ПАРТАЙГЕНОССЕ.
Жизнь и смерть Мартина Бормана

Убийца «Кукловода»

Человек в кофейне Лондонского фестивального зала сказал:

— Никто не хочет поверить в то, что я застрелил Бормана.

— Вы все еще полагаете, что это на самом деле был он?

— Я совершенно уверен в этом!

Официантка пронесла мимо постукивающие друг о друга кружки.

— Мало что изменилось, не правда ли? — он взглянул на пышущий паром чан с кипятком. — Совсем как в армейской столовой…

— Вы хотите сказать, что вы ничуть не сомневаетесь в том, что это был Мартин Борман?

— Я же не совсем спятил!

— Да вроде нет…

Через окно виднелась сверкающая в лучах солнца Темза. По Лондонскому мосту неуклюже ползли красные двухэтажные автобусы.

— Мне же с этого нет никакой выгоды.

— Из этого еще никто не извлек выгоды. Тридцать следственных процессов зашли в тупик.

— Понимаете, все дело в том, что они не хотят его искать.

— «Они»?

— Кучка власть имущих Западной Германии. То письмо, что я получил из администрации генерального прокурора, оказалось написано бывшим нацистом. Я нашел его имя в «Коричневой книге».

— Еще кофе, мальчики? — спросила официантка с забавным акцентом. В ее словах явно слышался намек на то, что уже хватит.

— Да, — упрямо подтвердил великан. — Еще кофе!

— Сейчас будет. Не кипятись, парень!

Она исчезла в глубине кофейни. Чайная ложечка, свисавшая на цепочке с ее пояса, поблескивала, словно ключ тюремщика.

Все это происходило в одиннадцать утра 19 июня 1972 года. Исследователь и писатель Уильям Стивенсон разговаривал с Рональдом Греем, бывшим сотрудником разведывательного подразделения британской армии, профессиональным бойцом 33-й стрелковой бригады. В официальных американских документах он упоминался в связи с участием в работе контрразведки в Корее: его удостоверение № 001 237 было подписано генералом армии США Джеймсом Ван Флитом. Потом Грей служил в отделе уголовных расследований морского министерства ее величества. Теперь он жил в Уэст-Уикхеме в Кенте и регулярно ездил в

Германию. Вот и все, что о нем известно.

— Что за «Коричневая книга»?

— Список, составленный русскими. Там перечислены все немецкие бонзы, нацистские партийные шишки, гестаповцы, члены СС, их военные преступления и те ключевые посты, которые они теперь занимают в Западной Германии. Это не секретная книга. Все четыреста страниц можно запросто купить в Восточном Берлине.

— Да ну? — он взглянул на свои сжатые кулаки.

Упрямец. Одет хорошо, скромно и со вкусом. Консервативный галстук. Туфли натерты до блеска с усердием хорошего солдата. Когда Стивенсон вошел в кофейню в назначенное время, Грея нигде не было видно. Стивенсон никогда не встречался с ним прежде и не имел понятия, как тот должен выглядеть. Импульсивный и порывистый, порой он превращался в упрямого тугодума, и с этим ничего нельзя было поделать.

Все это могло оказаться очередной выдумкой. Но Грей рассказывал о прошлом, не зная, что его слова странным образом подтверждали отчеты, с которыми он не мог быть знаком. Он был уверен, что убил Бормана. Очевидно, ему хотелось верить в то, что он стал свидетелем смерти «кукловода», дергавшего в свое время за ниточки Адольфа Гитлера. Произошла перестрелка, а затем в лучах лунного света он увидел, как тело Бормана упало во фьорд Фленсборг.

Городок Фленсбург находится на самом севере Германии. Беглым преступникам не составляло труда перебраться оттуда в Данию, а затем, преодолев узкий пролив между Копенгагеном и Мальмо, — в южную Швецию. А еще Фленсбург расположен в самом центре самой тоталитарной из федеральных земель — Шлезвиг-Гольштейн. Там то и дело натыкаешься на зловещие замки и сталкиваешься с мрачными воспоминаниями. Фленсбург стал последним прибежищем последнего правительства Третьего рейха, возглавляемого «фюрером на час» адмиралом Карлом Деницем. Немецкая армия, отступавшая в панике под натиском русских, миновав этот город, была разбита у фьорда. Фленсбург стал северным направлением отступления нацистов и альтернативой прохода к Альпийской крепости в горах, протянувшихся к югу через три границы.

В марте 1946 года, когда пикетные заграждения в Германии были увешаны клочками бумаги, в которых бездомным немцам сообщали, в каком лагере или госпитале находятся их родные, Рональд Грей пересек границу под Фленсбургом, воспользовавшись обычным проходом для британских военнослужащих. В кармане у него имелись фотографии главных

нацистов, объявленных в розыск по обвинению в военных преступлениях. Самым важным человеком среди них являлся Мартин Борман.

Грей вспоминал, что в те дни никто не знал, что произошло с Борманом. Прошло еще много лет, прежде чем стало понятно, каким великим заговорщиком он был. Прихвостни Гитлера ненавидели его. И боялись. Видели, как он бежал из гитлеровского бункера в Берлине после самоубийства фюрера и заклятого врага Бормана — Йозефа Геббельса. Некоторые полагали, что Борман все время работал на Сталина и содействовал победе русских так, что под предлогом преследования немецкой армии Сталин завладел половиной Европы.

Кое-кто из коллег Грея говорил, что Борман теперь спокойно сидит в Вашингтоне, объясняя, как цивилизованная нация могла сойти с ума и превратиться в разъяренного берсерка.

Русские подозревали, что Борман всегда работал на британцев. Британцы опасались, что они подорвали (конечно же, по чистой случайности) немецкую подводную лодку, на которой Борман отправлялся за границу к своему «Братству».

В те дни Грея не интересовали подобные опасения. Он знал, что в Фленсбурге находятся немецкие подлодки, чьи капитаны подписались под планом Регенбоген («Радуга»), который предусматривал путем открытия кингстонов затопление судов, дабы избежать их попадания в руки врага. Этот план мог стать прикрытием для спасения некоторых из них. Он также знал, что Борману было известно о нелегальных перевозках, осуществлявшихся в годы войны между Германией и Швецией. Среди тех, кто ускользнул из Германии в то время, когда нацисты все еще контролировали крепость «Европу», были и ученые, необходимые для создания немецкой атомной бомбы.

Грей держался нарочито вызывающе, надеясь таким образом выявить членов групп, занимавшихся организацией побегов. По иронии судьбы нацисты выбрали пути, которыми также пользовались шпионы союзников. Солдатам союзных войск, имевшим многоразовые пропуска, предлагали деньги за помощь беглецам. Грей потри раза в неделю проходил через посты британской военной полиции, немецкой пограничной службы и датской таможни. Его лицо уже примелькалось — примелькалось настолько, что агент «благотворительной организации» СС или гестапо мог попытаться его подкупить…

В конце самой страшной европейской зимы с Греем познакомилась молодая немка Урсула Шмидт. По ее словам, наладить с ним контакт ее попросила группа беженцев, живших в

деревянных бараках Фленсбурга. Она предложила ему перевести кое-кого через границу, пообещав 30 000 датских крон, что равнялось примерно 10 000 долларов. Грей согласился. Он переодел беглеца в униформу капитана Рональда Гранди. Вечером в день побега он выехал на британском военном грузовике на встречу в Фленсбурге и подобрал коренастого мужчину, одетого в поношенную одежду.

Тот завернулся в куртку Гранди, надвинул на глаза остроконечную шапку и разрешил Грею ехать. Была уже почти полночь. Часовые на границе узнали Грея и пропустили его грузовик. Он проехал еще около пяти километров, когда пассажир потребовал остановиться. Он вышел из машины и наклеил на фару черную ленту в виде звезды. В эту минуту Грей узнал Бормана. Он испугался: было понятно, что эта работенка не закончится простым «прощайте!». Предполагалось, что ему заплатят по факту исполнения задания, но теперь он думал, как бы остаться в живых.

Пассажир заставил Грея проехать через датскую деревушку Ринкенес и приказал остановиться. Теперь он стал резким и грубоватым. Слева от них проходила железная дорога, справа блестела вода Фленсборгского фьорда. В легкой дымке, отразившись на тонкой кромке льда, сверкнул сигнальный огонь. Клиент Грея вышел из машины, снял британскую форму и вдруг пустился бежать.

— И тогда я его застрелил.

Через окна были видны речные лодки. По тротуару шла симпатичная девушка, за которой следовал фургончик «Темза ТВ», передвижная камера и с десяток людей, чьи лица были спрятаны за темными очками и длинными волосами. Солнечный летний день. Британия как раз готовилась вступить в общеевропейский рынок, Вилли Брандт вел Западную Германию к новым отношениям с коммунистическим Востоком… И вновь Борман был рядом, его тень продолжала преследовать Грея…

— Вы его застрелили?

— Я стоял посреди дороги со своим «Стеном» и выстрелил, когда он был примерно в тридцати метрах от меня.

В честности Грея сомневаться не приходилось.

— И что потом?

— Остальные члены шайки начали отстреливаться. Я скатился в придорожную канаву. Они подобрали тело Бормана и продолжили стрелять.

— Что за шайка?

— Нам она известна как «Die Spinne» — «Паук».

— Так вам известно название? Или Вы после об этом читали?

Он неуклюже задвигался.

— Я знал это название. Одна из группировок, занимавшихся организацией побегов. Ни британцам, ни американцам так никогда и не удалось схватить ее главарей.

Грей вернулся к своему рассказу. Итак, он затаился в канаве. Затем увидел, как двое мужчин подняли то, что он считал телом Бормана, и отволокли его на берег фьорда. Потом раздался всплеск, и наступила тишина. Грей поднялся и подошел к кромке воды. В небе висела полная луна, окрестности окутала туманная дымка, сквозь нее вдалеке мерцали огни. На фоне светлого северного неба появился силуэт маленькой лодки. Она двигалась неуверенно, в ней стояли двое мужчин, а в руках у них было нечто похожее на тяжелый мешок. Его перекинули за борт, и всплеск воды по сей день звучит в ушах Рональда Грея…

Странная история! Грей действовал без ведома британского военного руководства, но ему никогда не было предъявлено обвинений в нарушении устава. Он не делал никаких публичных заявлений до 1965 года, когда перспектива амнистии немецких военных преступников привела его в ярость. Он связался с судебными ведомствами Западной Германии, но получил лишь уклончивый ответ.

Основные детали его рассказа легко проверить. Капитан Гранди живет теперь в Ливерпуле и работает рекламным агентом. Урсула Шмидт вышла замуж за уроженца Уэльса Роберта Брукса и сейчас живет в Риле, хотя она частенько навещала свою семью, переехавшую из дома 41 по Бисмарк-штрассе в Фленсбурге в новый дом в Бад-Годесберге.

Провозил ли Грей беглецов через границу с тайного одобрения британской армии, чтобы поймать главарей группировок? В военном министерстве о подобной игре ничего не знают. Тогда почему ему не предъявили обвинения? Ответа нет. По его личному делу понятно, что руководство было полностью в нем уверено: в 1948 году он жил в Берлине, вновь заключив контракт с британской армией, и занимался разведывательной деятельностью.

А что же государственный обвинитель во Франкфурте, где годами велась работа по доставке военных преступников в суд Западной Германии? По словам Грея, совершившего несколько поездок во франкфуртское бюро, в то время эту должность занимал Йоахим Рихтер. Грей заявил, что его показания, данные под присягой, письма и позднейшие заявления «потерялись». Он заинтересовался прошлым немногочисленных сотрудников бюро и теперь считал, что никто из них по многим причинам не стремился серьезно заниматься судьбой Бормана.

— Вашего Бормана?

— Того человека, которого на моих глазах сбросили в воду фьорда. Даже сейчас ничего не стоит осмотреть дно и поискать скелет. Любого Бормана! Я видел, как той ночью в Фленсбургский фьорд сбросили мертвое тело. Может быть, я ошибаюсь. Но я все равно не понимаю, почему никто не хочет расследовать это дело.

У Грея безупречная характеристика. Он всегда считался уравновешенным человеком. Ему было почти пятьдесят и он находился в отличной физической форме. Ему нравились жители Западной Германии, он сражался с коммунистами в Корее. Никто из его близких не пострадал от фашистских зверств. Он непредвзято читал коммунистические публикации, напечатанные в Восточной Германии, но всю свою сознательную жизнь провел в западном окружении. Он верил в то, что говорил.

О причинах отсутствия интереса к судьбе Бормана со стороны немецких властей можно только гадать. Фактом остается то, что «холодная война» действительно охладила интерес к немецким военным преступникам. Профессиональные наблюдатели заявляют, что «холодную войну» специально начал один нацистский шпион, которого переманили на сторону союзников прямо из окружения Гитлера, и эти наблюдатели далеки от того, чтобы быть коммунистами.

Рассказ Грея соответствует реконструкции событий, последовавших за ночью, когда Мартин Борман выбрался из гитлеровского бункера в Берлине. Причины, по которым Грею отказываются верить, вполне понятны. В 1959 году правительство Западной Германии было вынуждено по дипломатическим соображениям основать ведомство для согласования расследований преступлений, совершенных во время Второй мировой войны. Оно называлось «Центральным управлением Людвигсбурга по расследованию преступлений национал-социалистов», но оно не обладало правом инициировать судебные процессы. Его задачи описывались как преследование преступников. В разряд преступлений, разбирательством которых занималось это ведомство, пытки не входили. Только массовые убийства, осуществленные нацистами.

Управление было основано слишком поздно и зависело от государственных служб, большинство которых его запросы просто игнорировало. Полицейские подразделения с нескрываемым отвращением относились к следователям управления. Юристы понимали, что судебная система наводнена бывшими нацистами, и загляни они в этот гадюшник чуть более пристально, на их карьерах можно было бы поставить крест. Спустя пять лет после основания этого учреждения и через двенадцать лет после

исчезновения Бормана выяснилось, что глава Управления был членом национал-социалистической партии, штурмовиком и исполнял обязанности судьи в гитлеровских народных судах. Так что Грею еще повезло остаться в живых. Он совал свой нос в очень опасное дело.

Загадка Мартина Бормана преследовала мир, стремившийся обо всем забыть и не желавший слишком пристально вглядываться в историю той части человечества, что возомнила себя высшей и цивилизованнейшей. Почему же судьба Бормана волнует огромное количество людей? Отчасти потому, что Борман был воплощением тайной власти, а в том неустойчивом положении, в котором сейчас пребывает человечество, мы подозреваем, что демократические атрибуты все больше превращаются в маскировку, между тем настоящая власть начинается там, где берет свои истоки тайна.

Мартин Борман обладал тайной властью. Он обладал ей настолько, что смог избежать виселицы.

Одна знакомая посоветовала Стивенсону: «Не поддавайтесь искушению пуститься в погоню за сокровищами. За каждым рассказом о том, будто Борман жив, стоит погоня за сокровищами».

— Я не собираю такие истории, — ответил Стивенсон. — У меня на это нет ни времени, ни средств, ни желания.

Женщина взглянула на узкую улочку за Оксфорд-стрит, где ветхие домишки садовников превратились в уютные, но скромные квартиры, в которых в основном жили актрисы. Вся ее карьера была связана с демократическими учреждениями Германии. Они читали отчеты о массовых убийствах, пытках и медицинских экспериментах над пленными. Она постоянно совершала поездки в Германию и верила в лучшее будущее для немцев. В школах Западной Германии действительно старались непредвзято смотреть на недавнее прошлое страны, а суды делали все возможное, чтобы правосудие восторжествовало.

Женщина продолжала: «Нам всем известно, сколько было ложных следов, имя Бормана окружено зловещей романтикой. У кого есть хотя бы малейшее представление о том, как он выглядит? Вы можете сказать, что существуют фотографии и описания. А я отвечу, что под эти фотографии и описания подойдет любой. Выйдите на улицу, и я за двадцать минут покажу вам двадцать Борманов».

В Лондоне есть один из скромных отелей, которые никогда не нуждаются в рекламе, — «Даррентс». В нем во время войны, прежде чем высадиться на нацистской территории, останавливались тайные агенты, имевшие дело с Бейкер-стрит

(британским управлением специальных операций — УСО). Тут Стивенсон встретился с Отто Йоном в первый раз. Он был одним из тех измученных немцев, что разрывались между понятиями о добре и зле и инстинктивной преданностью своему народу. Генерал Рейнхард Гелен дважды назвал его предателем: Йон перешел в коммунистическую Восточную Германию и был взят в оборот советской секретной службой. Затем он бежал обратно на Запад.

Йон сдержанно улыбнулся, когда Стивенсон провел аналогию с охотой за сокровищами.

— Вы имеете в виду потерянные нацистские сокровища, поддельные купюры, украденные шедевры искусства и запас золотых монет Бормана?

— Я ничего не имею в виду. А вы перешли на советскую сторону после того, что узнали, будучи главой службы безопасности в Бонне?

Он покачал головой. Они пили джин-тоник в тихом стильном баре.

— Давайте разберемся, — предложил он. — Нацистские военные преступники существуют, но кто их судит? Естественно, осуждения добиваются коммунисты. Они волокут этих тварей в суд, где все давно решено, а затем расстреливают их. Вам нужны улики? Не неживые доказательства, а говорящие мужчины и женщины. Но таких спустя двадцать лет осталось не так уж и много. И те, кто мог бы сказать: «Да, я это видел! Я слышала это!», часто уже неспособны говорить. Что же остается? Папки с документами. Миллионы слов, подвалы, заполненные документами, и несколько увлеченных немцев, пытающихся добиться возмездия. Немецким властям известно местонахождение главных военных преступников и их ужасные злодеяния. Но боннское правительство потеряло бы голоса избирателей, начни оно их преследовать. Людям это не нужно! Те немногие немцы, что стремятся узнать правду, не могут добраться до виновных, и те это знают. Виновные даже начинают хвастаться своими поступками и заявляют, что они действовали на благо нации. Их не могут привести в суд из-за отсутствия достаточного количества улик.

В гитлеровской Германии доктор Йон был либералом, ненавидевшим нацизм и убежденным в том, что он обязан действовать против него. Он строил заговор против правления Гитлера, но в итоге заговор провалился. В июле 1944 года его брат был убит после провала заговора. По окончании войны Йон выступал против режима Конрада Аденауэра, и вновь неудачно. Он сидел в тюрьмах Германии, Португалии, Англии, СССР, был

интернированным и теперь вновь находился в изгнании.

Во время войны он снабжал информацией британские секретные службы. Его товарищи по сопротивлению — те из них, что уцелели, — помогли ему занять должность главы Федерального управления защиты конституции BfV (Bundesamt für Verfassungsschutz). Противники нацизма сплотились в решимости не допустить, чтобы эту должность занял бывший нацист. А бывшие нацисты оказались также едины в своем стремлении сместить с этого поста Йона. Самый талантливый из них — Гелен, будучи главой новой немецкой секретной службы, использовал свои полномочия для спасения старых эсэсовцев и прочих товарищей по партии.

Когда Восточная Германия стала отдельным независимым государством, это не заставило Йона выступить открыто. Но в жизни человека наступает такой момент, когда ему важно добиться правды и уже безразлично, какие последствия будут иметь для него его слова. Борьба доктора Йона началась осенью 1972 года. Йон был эмоциональным человеком, и «дезертирство» на сторону Советского Союза и обратно казалось результатом того ужаса, который он испытывал в связи с тем, что сотворил и мог опять повторить его народ.

— Неужели так трудно добиться приказа об экстрадиции явного нациста? — спросил его Стивенсон. — Разве не достаточно сказать: «Я обвиняю…»?

— Так говорили нацисты.

— Значит, Борману можно не бояться законных преследований?

— В Западной Германии из-за давности преступлений не преследовали бы даже Гитлера. — Йон огляделся: вокруг на обитых кожей стульях сидели английские джентльмены со строгой выправкой и хрупкие леди в легких шляпках. Он продолжал: — Борман мог бы зайти сейчас сюда, — и я бы не удивился. Он мог бы даже повесить себе на шею табличку со своим именем и громко доказывать, что он — это он, и я бы не удивился, если бы его вежливо только попросили говорить чуть тише.

У истоков головоломки

В конце 1972 года в нескольких европейских и американских газетах был опубликован ряд статей одного уважаемого автора, заявлявшего, что Мартин Борман, проходящий во всех списках как самый важный из до сих пор разыскиваемых осужденных, не понесших наказания за преступления, жив и находится в Южной Америке. Не прошло и месяца с публикации этих статей, как были напечатаны расследования других журналистов и экспертов, поставившие под серьезное сомнение истинность и ценность доказательств, приводимых в пользу упомянутого «открытия». Со времени исчезновения Бормана более полувека тому назад много раз утверждалось, что он «найден живым».

Стоило утихнуть журналистским баталиям, разгоревшимся в 1972 году по поводу обнаружения живого Бормана, как в 1973-м в западногерманской газете возникла первая гипотеза о находке мертвого Бормана. Скелет, случайно поднятый группой рабочих в Западном Берлине на поверхность земли в декабре 1972 года, был подвергнут изучению, «длившемуся более месяца». Этим занимался Хайнц Шпенглер, директор Института судебной медицины. Он основывал свои выводы на сопоставлении черепа с фотографиями Бормана, на обнаружении сращенного перелома ключицы, подобный которому был у Бормана, на измерении скелета и соответствии зубов тому наброску, который сделал дантист Бормана. Все это выглядело основательной научной экспертизой, на которую ушло значительное время, что также предполагало получение достоверных результатов. Но так ли все на самом деле было «научно»?

За то время, пока Стивенсон занимался своими исследованиями, ему не удалось обнаружить ни одного достаточно подробного описания внешнего облика Мартина Бормана. От него осталось мало фотографий. Люди, знавшие Бормана лично, дают разные показания о его росте, причем разница достигает десяти — пятнадцати сантиметров. Подлинных медицинских записей о состоянии его зубов не существует, и сопоставление проводилось целиком и полностью на основе воспоминаний дантиста, не видевшего пациента почти тридцать лет. И все же подобные «свидетельства» убедили профессора Шпенглера сделать такое заявление: «Нет никаких сомнений, что один из скелетов является останками Бормана».

Это уже не первый раз, когда обнаруживают фрагменты скелета, якобы принадлежавшего Борману.

Загадка судьбы Бормана десятилетиями остается

неразгаданной. Тысячи опытных профессионалов — сотрудников военной разведки и дипломатов по меньшей мере десяти стран пытались обнаружить след, бравший свое начало в рушившемся Берлине, когда в апреле 1945 года советские войска вошли в город. Независимые исследователи — журналисты, специализирующиеся в области истории, негосударственные организации, жаждущие отмщения, — присоединялись к этой бесконечной погоне. Официально сообщалось, что Бормана замечали в столь далеких от Берлина местах, как Китай и Южная Америка, и всегда не хватало окончательного подтверждения, фактических доказательств. Слухи и предположения, возможно, основанные друг на друге, кидали исследователей через северную границу разгромленной Германии в скандинавские страны, или на юг, к пустынным горным перевалам Альпийской крепости. Рассказы, не подкрепленные доказательствами, говорили о том, что он будто бы бежал на подлодке, или на самолете, или на корабле, или в грузовике, или что ушел пешком… Поиски Мартина Бормана так и не достигли своей цели.

Один профессиональный исследователь, привыкший к тому, что приходится сталкиваться с бесконечным разнообразием версий, предупреждает — не следует попадаться на соблазн и безрассудно, отчаянно увлекаться какой-либо одной из них.

Но неужели тайна Мартина Бормана приводит увлеченных поиском от удивления к отчаянию? Неужели она — начинка случайных газетных новостей, основа для ретроспективных статей и хороший сюжет для создателей международных интриг? Да, но она является чем-то гораздо большим, чем все это, вместе взятое. Она — головоломка, которая представляет собой своеобразное отражение самых темных закоулков души современного человека.

Грей был одним из многих людей, затянутых в эту тайну не по своей воле. Стивенсон — еще одним. Мартин Борман пересек ему дорогу почти в конце Второй мировой войны и затем постоянно, год за годом, вновь и вновь появлялся на ней. Он походил на какое-то привидение, которое будет дергать Стивенсона за рукав, пока он не услышит то, что оно хотело заявить. Сказать, что уже в последние дни войны Стивенсон понимал значимость поисков Бормана, будет слишком большим преувеличением. Это не соответствует истине. Проще было охотиться на одинокого беглеца, нежели увидеть всю важность тех преступлений, которые совершил Борман, понять, какое серьезное и коварное влияние он будет оказывать на грядущие события.

Когда Мартин Борман исчез, ему исполнилось сорок пять лет.

Это очевидный факт. С ним исчезли и другие виновные. Это тоже факт. Почему же им удалось исчезнуть? Не потому ли, что человечество было слишком потрясено масштабами их преступлений, и казалось, что никто не решится укрывать таких чудовищ? С течением времени стало очевидным, что им удалось бежать, потому что у них имелись тщательно подготовленные планы, блистательно разработанные для того, чтобы обеспечить их убежищем и помочь скрыться. То, что казалось таким простым тогда, когда у Рональда Грея произошла та странная встреча в Фленсбурге, сейчас стало настолько сложным и запутанным, что не поддается описанию. Головоломка распалась на части, а те разбились на мелкие кусочки. И образца, по которому можно собрать их в единое целое, нет. Очевидно, ничто, связанное с Борманом, не может быть названо простым. Каждый кусочек головоломки, независимо от того, насколько он исследован, объяснен и проанализирован, вызывает новые вопросы и погружает в новые глубины. Тень Бормана легла на те годы, что Стивенсон провел в путешествиях с британской военно-морской разведкой в качестве писателя, иностранного корреспондента и продюсера телевизионных документальных фильмов. Эти занятия давали ему возможность смотреть, слушать и задавать вопросы людям в разных частях света, в коммунистических и западных сообществах. Стивенсон не может сказать точно, когда эта возможность превратилась в обязательство…

Стивенсон пытался отделить факты от комментариев. Порой он обнаруживал, что его путь изобилует лжецами и обманами. Но встречались также и документы, и авторитетные заявления, на истинность которых можно было полагаться. К 1972 году стали доступны документы, доказывающие, насколько «планы на будущее», взращенные Борманом, пронизывали наши жизни. В Лондоне нашли папки с документами, хранившиеся в секрете в течение тридцати лет. Они были обнародованы министерством иностранных дел Великобритании, и теперь историки способны составить хотя бы приблизительное представление о периоде открытой фашистской агрессии. В Лондонском архиве ученые могли увидеть 1939–1945 годы во всей их полноте (в Вашингтоне дело обстояло иначе — там Стивенсону сообщили, что материалы разведки никогда не подвергались рассекречиванию, и вряд ли их когда-нибудь откроют).

Рассекречивание британских документов дало многим власть имущим возможность говорить. Стивенсона поразило количество американцев и европейцев, сдержавших свои обещания, данные британской службе безопасности — хранить в секрете свою осведомленность о фашистских операциях. Некоторые из них

теперь стремились высказаться, ибо были уверены, что даже самые «точные» документы могут врать. Об этом свидетельствует следующий случай.

Из шести девушек, сброшенных на парашютах в оккупированную фашистами Францию, одна англичанка оказалась единственной выжившей. Остальные пять разведчиц были замучены до смерти. Оставшаяся в живых проследила их судьбы, поговорив со всеми, кто имел отношение к этому делу. Она обнаружила, что девушек преднамеренно принесли в жертву, чтобы сохранить других агентов союзников. Версия, содержавшаяся в официальных документах, оказалась более сглаженной. Из них следовало, что британское правительство не имело ничего общего с хладнокровно разработанным планом, согласно которому девушек снабдили именно той информацией, которую фашисты и должны были у них получить при помощи пыток. Возможно, ставки были столь высоки, а последствия столь серьезны, что пришлось прибегнуть к таким ужасным мерам, чтобы противостоять коварству противника. Но мучается ли от ночных кошмаров изобретатель этого плана?

Еще одна девушка, немка, помогала собирать части головоломки, связанной с Борманом. Когда Борман исчез, она была еще ребенком. Она выросла в страхе перед собственным народом и пришла к выводу, что общество довело до совершенства метод складывания факта к факту, чтобы затем полностью их исказить. Познакомившись с ней, Стивенсон убедился, что когда дело касается различения правды и лжи, женская интуиция может оказаться вполне надежным фактором. Ее звали Беата Кларсфельд. Всякий раз, когда их пути пересекались, она рассеивала мрак, сгущавшийся вокруг Стивенсона.

Но мрак был неизбежен. Все усложнялось желанием поскорее из этого выпутаться. Зачем рыться в кровавых отбросах? В этом не имелось ни малейшего смысла. Западная цивилизация все более походила на отвратительный ночной кошмар. Преследование и истребление слабых и беззащитных подробно описаны в документах, а документы хранятся долго. Из этого источника скорби и печали предстояло еще многое извлечь, но как можно продолжать пить и остаться в своем уме?

Папки с досье на СС, подготовленные международному военному трибуналу в Нюрнберге, заполнили шесть грузовых машин. Печатные отчеты, сделанные на судебных слушаниях в ходе процесса над двенадцатью главными военными преступниками, составили пять миллионов страниц. После двенадцати последовательных американских слушаний в

Нюрнберге было опубликовано двадцать четыре тысячи страниц, а еще четверть миллиона осталась ненапечатанной. Те вещи, о которых в них говорилось, должны были отрезвить нас и пошатнуть нашу самодовольную веру в западную цивилизацию. В них рассказывалось о великой германской нации, сделавшей значительный вклад в развитие науки и искусства, но вернувшей в невероятных масштабах рабство и спланировавшей массовое истребление детей, стариков, слабых и немощных, евреев, цыган, славян, расчетливо разграбившей всю Европу и воспитавшей в своих школах мужчин и женщин, специализировавшихся в середине двадцатого века на истреблении миллионов людей.

Документов было в избытке, и они ошеломляли. Ганс Франк сохранил тридцать восемь томов своего дневника, который он вел, будучи генерал-губернатором Польши. Он использовал свое положение, чтобы убивать и грабить. Его дом переполняли шедевры — от пейзажей кисти Рембрандта до золоченых кубков. Солдатам его отрядов было позволено уничтожать любого не немца, проявившего враждебность. Франк вел подробные записи о событиях, которые его коллеги, правившие прочими захваченными территориями, посчитали бы просто рутиной: о детях, разбрасывавших пепел кремированных в лагерях смерти, чтобы было не так скользко; о греческих мальчиках, отправленных в Силезию, где их подвергали экспериментальной кастрации; о девочках, пришитых друг к другу, чтобы сделать из них сиамских близнецов; о том, как половые железы пленных подвергались радиоактивному облучению, что вело к ожогам и пожизненным увечьям; о военнопленных и гражданских, захваченных на «варварских» территориях — в России и Восточной Европе, которых тысячами направляли в трудовые лагеря, где врачи-эсэсовцы ставили эксперименты в так называемых «лабораторных» условиях…

Но итог расследования не укладывался в голове: в ночь 16 октября 1946 года только десятерых отправили на виселицы, и этим словно завершилось очищение западного общества. Гитлер был мертв, десять его прихвостней повешены. Теперь-то уж ночь точно миновала!

Двумя приговоренными международным трибуналом были Геринги Борман. Фельдмаршал Герман Геринг обманул всех — он принял цианистый калий за два часа до казни. Борман ухитрился не явиться на суд. Он стал единственным обвиняемым, чье дело слушалось заочно и которого приговорили заочно. Борман и его сообщники не собирались наблюдать, как будет разрушено дело всей их жизни. Нацизм не умер на виселицах.

О Германском братстве (Die Deutsche Gemeinschaft)

Стивенсону впервые рассказал один из агентов латиноамериканской разведки, чьим координатором являлся сэр Уильям Стивенсон (не путать с «нашим» героем), личный помощник Уинстона Черчилля, отвечавший за секретные операции во время Второй мировой войны. «Малыш Билл», как его называли, и его американские коллеги оказали Стивенсону неоценимую помощь и поддержку в работе над головоломкой Бормана. Одним из его лучших друзей в военное время был генерал Уильям Д. Донован, возглавлявший отдел стратегических разработок. Когда Стивенсон знакомил «малыша Билла» в 1972 году с «кусочками» головоломки, тот сказал: «Ничто и никто не сможет обмануть лучше документов».

Его агент в Латинской Америке вторил этому предостережению: «Дух нацизма связывает группы людей. Они не составляют списков членства, редко обращаются друг к другу по настоящим именам, манипулируют и действуют подобно участникам старого Германского братства, давшему Борману такую власть над Гитлером. На таких людей документации не существует».

Более двадцати лет Борман, этот коренастый крестьянин с приплюснутым носом и подобострастными манерами дворецкого, держал в своих обманчиво мягких пухлых ручках те нити, что позволяли манипулировать фюрером. Еще долгое время после смерти Гитлера историки продолжали недооценивать его значение, что также многое говорит об этом человеке. Его никогда не заботили внешние символы власти, он хотел обладать ее сутью. Когда он появился при дворе Гитлера — скромный и проницательный, генералы с их фальшивой аристократичностью смотрели на него свысока. Глупцы, наподобие Иоахима фон Риббентропа, жадные до титулов и почестей, его игнорировали. Снобы-интеллектуалы, и в числе их Альберт Шпеер, даже в семидесятых годах отзывались о Бормане как о жестоком и грубом простолюдине. Сумасшедшие идеологи — такие, как апостол новой религии Альфред Розенберг, говорили о его безграмотности.

Нацистские стратеги долгие годы плели заговоры, чтобы настроить Запад против Советского Союза. Они продолжили претворять этот план в жизнь и после окончания войны. Члены Братства Бормана стали наемными агентами западной разведки. Как это обнаружилось, — еще один из кусочков головоломки. Каждый из них ужасает, а общую картину так же трудно осознать и понять, как и явление третьего рейха. Нацистский эксперимент по созданию в Европе расы господ провалился, и сами немцы оказались недостойными называться высшей расой. Но

эксперимент должен был начаться вновь в другом месте. Дальнозоркие нацисты подготовились к этому, но в то же время они хотели сохранить некоторое подобие законности.

Во время процесса в Нюрнберге западной частью мира начало овладевать чувство морального долга. Но «холодная война» внесла в него коррективы более приземленного характера. Появилось оправдание, что цель оправдывает средства. И русские успокаивали себя теми же словами. И обе стороны с азартом стали соперничать, пытаясь подкупить нацистов. Так мало-помалу мир пришел к тем общественным настроениям, на которые так рассчитывал Борман и его «братья». Они начали выходить наружу, однако столь тихо, что это мало кто заметил.

Но сам Борман превратился в неудобный символ: он был напоминанием о зловещем прошлом, тогда как Запад уже шел на небольшие компромиссы: например, к 1970 году в возрожденной западногерманской армии имелось 176 немецких офицеров, каждый из которых служил при Гитлере в ранге старшего офицера. К 1970 году уже можно было приобрести мемуары «Лионского палача», нашедшего убежище в Латинской Америке. Он чувствовал себя в достаточной безопасности и заявлял миру, что, отправляя сирот в газовые камеры, он всего лишь выполнял свой долг главы местного гестапо.

Повествование в хронологическом порядке не сможет дать ясного понимания такой сложной истории. Поэтому Уильям Стивенсон позволил себе свободно обращаться со временем и местом повествования. Его целью было, двигаясь вперед и назад, включить столько фактических и психологических деталей, сколько может увидеть разумный наблюдатель при взгляде на безумный мир, и дать панорамный обзор той мании, которая не укладывается в воображение обычного человека. Он пытался сложить все кусочки головоломки так хорошо, как это только возможно, но при этом не делать вид, будто ему удалось разгадать эту загадку. И мы пройдем вместе с ним по этому пути. Но прежде отметим еще, что Мартин Борман вел обо всем подробные записи. Оставляя пылающий труп Гитлера, он прихватил с собой более тысячи напечатанных страниц, озаглавленных «Заметки чрезвычайной важности для будущего» с пометкой «Хранить с величайшей осторожностью».

Шелленберг рассказывает

Еще раз напомним, что точного описания Мартина Бормана никогда не существовало. Наиболее подробно его охарактеризовал Вальтер Шелленберг, бывший глава нацистской внешней разведки: «Шрам на левой щеке, тонкие пряди волос, лысоват, рост от ста шестидесяти сантиметров до ста семидесяти».

Расхождение в десять сантиметров выглядит очень странным. Шелленберг сам удивлялся: «О нем ничего нельзя было сказать наверняка. Говорят, в полицейских документах есть отпечатки его пальцев, сохранившиеся с того времени, когда он сидел за убийство, но я утверждаю, что все они — в руках у коммунистов. Еще говорят, что у него подмышкой есть эсэсовская татуировка с группой крови, но поверьте, он никогда не подвергался подобной процедуре, потому что почетным членом СС он стал с подачи заискивавшего перед ним Гиммлера».

Этот разговор между Стивенсоном и Шелленбергом состоялся в Швейцарии сразу после того, как бывшего главу гитлеровской разведки осудили в Испании вместе с бывшим главой боевиков СС Отто Скорцени («человеком со шрамом»). Встреча происходила в 1951 году, в Палланце, на берегу озера Маджоре. Шелленберг на определенном этапе своей карьеры многое сделал для британского расследования дела Бормана и теперь изо всех сил старался доказать, что всегда служил Германии, а не Гитлеру. Он поделился и другими личными воспоминаниями о Бормане, которые в своей основе совпадали с той информацией, что поступала через британско-испанские и британско-португальские контакты на Пиренейском полуострове во время войны.

«Я наблюдал за тем, как Борман ведет себя с Гитлером, и вдруг понял, что он контролировал фюрера. Он добился этого, сделав себя незаменимым. Заметьте, это произошло задолго до войны. Я думал тогда, что не согласился бы превратиться в раба какого-либо человека лишь для того, чтобы получить над ним власть. Но я не понимал, куда двигался Борман…

…Борман обладал безупречной памятью и телосложением быка: приземистый, с круглыми мощными плечами и короткой шеей, он постоянно держал набок свою будто вросшую в плечи голову. Борман был похож также на участницу женских гладиаторских боев, проходивших в Берлине: переступает с ноги на ногу, поджидая удобного момента для обмана соперницы. Бегающие глазки, всегда наготове, чтобы тебя уничтожить. Очень ловкий, несмотря на свою грузность. Короткие толстые пальцы,

напоминавшие сосиски, были покрыты густыми волосами… Он нравился женщинам, потому что был таким волосатым.

…Он ничего не забывал. Всегда знал, что и когда именно сказать. Он был похож на преданную умную жену, заботливо оберегавшую супруга от мелких повседневных забот. В их отношениях было нечто забавное, словно Борман вселял в фюрера уверенность в собственной физической силе. Знаете, наш фюрер ужасно смотрелся в купальном костюме, а Борман был как свинья на картофельном поле, что в Германии воспринимается совсем не плохо. В моих дневниках я отметил, как с ним контрастировал Гиммлер — аист в пруду с лилиями».

Генерал-лейтенант СС Шелленберг — маленький щеголеватый нацистский технократ — оказался неосведомленным о планах Бормана на выживание из-за собственных тайных связей с западной разведкой и своих попыток в самый разгар войны выторговать себе право на жизнь в нейтральной Швеции. Он работал в британской разведывательной сети и после войны провел пять лет в приюте для умалишенных в окрестностях Лондона. Приют был идеальным прикрытие для проведения долгих допросов таких людей.

Шелленберг обрел непримиримого врага в лице Гелена, возглавившего службу разведки восточных иностранных армий вермахта, специализировавшуюся на вопросах, касавшихся Советского Союза. Гелен играл на страхах Запада перед коммунизмом и вскоре стал возглавлять организацию, работавшую на американскую разведку. Шелленберг же считал, что он более подходящая кандидатура для таких постов. Сгорая от зависти, он раскрыл заговор, нацеленный на помощь в побеге военным преступникам. Многие из агентов Гелена, содержавшиеся за счет фондов западной разведки, оказались на деле бывшими убийцами из гестапо и СС. В дальнейшем мы рассмотрим эту часть головоломки подробнее.

Шелленберг описал Стивенсону личность Бормана в момент расцвета его карьеры. Этот рассказ можно дополнить некоторыми подробностями его молодых лет. В психоаналитическом докладе союзной разведки основной упор был сделан на то, что Борман потерял отца в возрасте четырех лет и впоследствии чувствовал себя в семье лишним и неприкаянным.

Борман родился 17 июня 1900 года в маленьком городке Гальберштадт в Нижней Саксонии. Его отец был трубачом в военном оркестре. Овдовев, его мать вышла замуж за банкира. В конце Первой мировой войны юношу призвали в артиллерийские войска, но он так и не увидел настоящих боевых действий.

После восьми месяцев военной службы и еще более короткого

периода поисков работы он вступил в «Общество борьбы с дерзостью евреев». По его словам, он участвовал в управлении поместьем, присоединившись к семейству местных землевладельцев. Непонятно, как именно двадцатилетний юноша заразился идеями нацизма. Некоторые писатели тех лет проповедовали неотевтонические арийские теории. Монах цистерцианского ордена Ланс фон Либенфальс уже в 1900 году использовал свастику в качестве символа своего ордена новых тамплиеров. Монах издавал книги и памфлеты, повлиявшие и на Гитлера. Они точно встречались, и впоследствии Либенфальс назывался автором некоторых предложений Гитлера по «окончательному решению еврейского вопроса».

Борман был близок к крестьянам и благодаря этому соответствовал представлениям монаха о господствующей расе, растущей на доброй почве. «Эта раса может процветать только без отрыва от земли», — писал Либенфальс. Немцы «чистейшей арийской крови» очищали и укрепляли себя через прямую связь с землей. Евреи якобы испортили чистую арийскую кровь, так как им была чужда эта приверженность к крови и железу. Поэтому евреи должны были быть уничтожены. Он подробно описывал столь страшные способы ликвидации еврейского народа, что интеллигенция никогда не воспринимала его всерьез. Но Борман относился к его идеям серьезно, и позднее его действия превзошли все, что производило на свет воспаленное воображение движимого ненавистью монаха.

То, что в начале века явно являлось плодом испорченной фантазии, через тридцать лет превратилось в ужасную действительность. Прочие теоретики создавали псевдонаучные описания эволюции человечества. К ним, в частности, относился Рихард Вагнер, которого Гитлер просто обожествлял. Борман вырос в обществе, пропитанном мистицизмом, закамуфлированным под новый порядок и истинно научный подход, основанный на революционных идеях Дарвина о том, как обезьяна стала человеком. Идеи превращения немцев в господствующую нацию обладали большой привлекательностью. Борман бредил ими. Как и всякая религия, они служили для него прикрытием в достижении исключительно личных эгоистических целей.

О его любви к деньгам и жажде власти говорил в своем интервью много лет спустя Герхард Россбах.

Россбах возглавлял «Добровольческий корпус» — группу вооруженных добровольцев. Его поддерживала немецкая армия, число регулярных войск которой было ограничено согласно Версальскому мирному договору. Борман стал казначеем этой

группы после того, как она сменила несколько названий, чтобы обойти закон. В задачи «Добровольческого корпуса» входило уничтожение слабых, которые, как считалось, были основной причиной всех бед Германии. Также их использовали для борьбы с большевистскими силами на восточной границе. Но молодое правительство республиканской Германии увидело в них угрозу собственному существованию. В 1920 году их объявили вне закона, но к 1923 году они развернули как никогда активную деятельность, когда французы казнили Лео Шлагетера — солдата Свободных отрядов — за промышленный шпионаж. Это произошло в сердце промышленной Германии, оккупированной французами и бельгийцами. Немецкая экономика все больше приходила в упадок. Негодование и национализм побежденного народа обострились до предела.

Внимание организации Россбаха, выдававшей себя, за Объединение профессионального обучения работников сельского хозяйства, привлек один из ее бывших членов — Вальтер Кадов. Он стал первой известной жертвой Бормана, талантливо уничтожавшего тех, в ком он видел соперников. Кадов, молодой школьный учитель, занял из групповой казны, охраняемой Борманом, 30 000 марок. Это — ничтожная сумма, в переводе на современные деньги — около трех евро, но большие деньги для семьи, которая могла в течение недели покупать на них продукты. Борман заявил, что заставит Кадова работать, покуда тот не выплатит долг, но при этом нашептал силовому звену группы, что именно Кадов выдал солдата, расстрелянного французами. Когда учитель вернулся в штаб, его отвезли ночью в лес и избивали, покуда не выбили все зубы и не переломали руки и ноги. Затем ему перерезали горло. В завершение ночной казни ему дважды выстрелили в голову.

Борман за этот наглядный урок предателям был позднее награжден орденом Крови. Нацистским орденом Крови награждались те, кто во времена Веймарской республики отсидел срок в тюрьме. Но в июле 1923 года еще сохранялась какая-то доля законности. Бормана арестовали в Лейпциге, и спустя восемь месяцев он (наряду с другими членами группы Россбаха) предстал перед судом за убийство Кадова. Как следует из судебных записей, Борман действовал в свойственной ему манере: он объявил Кадова предателем и большевиком, обеспечил убийц машиной и оружием. Между тем Кадов не был причастен к казни солдата Свободных отрядов и никогда не высказывал интереса к левым политикам.

Борману удалось избежать серьезного наказания за убийство. Он сделал это с изяществом, которое впоследствии превратилось

в его фирменный стиль: «Я ничего не подписывал, вы ничего не докажете». Человек, подробнейшим образом описывавший действия других людей, был достаточно умен и в документах избегал упоминаний о себе. Он не оставил отпечатков пальцев, так как его руки не касались оружия. Даже отпечатки большого пальца, которые в свое время вызвали столько споров, были позднее удалены из записей государственного суда Лейпцигской республики…

Суд приговорил Бормана к году тюремного заключения. Его марионетка, Рудольф Франц Хесс - (не путать с Рудольфом Гессом, бежавшим в Англию), собиравшийся учиться на католического священника, был приговорен к десяти годам заключения. Хесс, принявший удар на себя, так и не смог понять, как Борману удалось это провернуть. Его тюремный срок был сокращен по всеобщей амнистии, и его стали продвигать по службе, в итоге он занял пост коменданта Освенцима. Позже он стал главным представителем СС в концентрационном лагере Дахау в то время, как еще должен был сидеть в тюрьме. Борман продолжал принимать участие в карьере этого массового убийцы.

На начальной стадии Борман вывел для себя принципы, которые впоследствии вели его по жизни: никогда не нести прямую ответственность за принятые им спорные решения, а для этого нигде не оставлять следов и не забывать об интересах тех, кто может тебе помочь либо помешать. Многих из своих жертв он поставил в положение, единственным выходом из которого была смерть. Его страх оставить за собой какие-либо следы оказался настолько сильным, что он уговорил Гитлера подписать приказ, запрещавший фотографирование Бормана.

Тем временем Гитлер после провала путча в 1923 году отбывал четырнадцать месяцев тюремного заключения. Национал-социалистическая партия была объявлена вне закона, но в 1925 году запрет сняли, и Гитлер возродил партию. К тому времени Борман присоединился к новой антисемитской группировке, наследнице Немецкого военного союза «Подпольному фронту». Эти военизированные группировки ставили перед собой одинаковые задачи: превратить Германию в самую могущественную страну, сокрушить коммунизм, уничтожить евреев.

Борман стал членом национал-социалистической партии под номером 60/508, когда был наемным служащим, отвечавшим за крестьян, арендовавших участки у его работодателей. Он работал в качестве пресс-секретаря партийного отделения в Тюрингии, а затем занимал пост его управляющего. Тут он научился более эффективному использованию партийных средств и понял, какая

власть сосредоточена в регионах. В Германии, поделенной на 41 административный район, гауляйтер являлся диктатором в своей вотчине.

Совместное расследование, проведенное экспертами американской и британской разведки, последовавшее за бегством Рудольфа Гесса, показало, насколько мудро со стороны Бормана было сосредоточить власть внутри партии.

Баронами Третьего рейха стали гауляйтеры. Это слово обозначает главу политического региона, подконтрольного нацистам, но оно стало синонимом грубого вояки, наделенного властью самим фюрером; впоследствии оказалось, что властью их наделял Борман. Насчитывали 808 крайсляйтеров, 28 376 ортсгруппенляйтеров, отвечавших за небольшие городки или районы больших городов, 89 378 целленляйтеров, стоявших во главе нацистских подразделений в нескольких районах в каждом городе, а в основе этой структуры — несколько сотен тысяч блокляйтеров, т. е. малых богов в окрестностях своих домов.

Гитлер трогательно заботился о них и охранял систему от давления со стороны прочих силовых структур, включая военных. Спустя год после того, как он стал канцлером германского рейха, он заявил на собрании национал-социалистической партии рабочих Германии в Нюрнберге: «Не государство управляет нами, а мы — государством». Нацисты к тому времени стали единственной легальной партией. Все партийные вопросы решались в отделе заместителя фюрера — Рудольфа Гесса, подробно рассказавшего об этом после своего побега в Великобританию.

Как смог Борман пройти путь от бывшего заключенного 1926 года до высших постов в государстве и штабе, которые он занимал в 1933 году, вскоре после прихода Гитлера к власти?

Во-первых, он женился на чистокровной арийке, белокурой дочери Вальтера Буха, человека, отвечавшего за партийную дисциплину, председателя партийного «суда». Девушка Герда фанатично предавалась изучению немецкого фольклора и ненавидела любые проявления религии. Она встретила Бормана в 1928 году, когда он стал штабным офицером в главном командовании штурмовых отрядов, уничтожавших всех, кто смел высказываться против партийной линии на нацистских собраниях. Гитлер выступал в качестве свидетеля на их свадьбе. Вскоре Борман стал главой фонда помощи национал-социалистической партии, и многие лица, занимавшие ключевые партийные посты, в ходе расчетливого распределения займов впоследствии превратились в его должников.

Жена Бормана была ученицей Юлиуса Штрайхера,

проповедовавшего основную идеологию движения: евреи — причина всех бед, выпавших на долю Германии. Его судили за преступления, включая садизм и изнасилования. Будучи гауляйтером Нюрнберга, он запустил процесс разрушения главной городской синагоги. Он якобы видел нимб вокруг головы Гитлера и вскоре стал его верным учеником и рупором идей, создал теоретическую базу политики уничтожения слабых рас во имя укрепления сильных.

К 1930 году у Бормана родился сын, названный в честь Гитлера Адольфом. Герда всей душой поддерживала усилия мужа, направленные на то, чтобы незамужние немецкие девушки рожали вне брака. Она родила ему десять детей, считая, что «бык» должен иметь как можно больше детей, чтобы их количество перевесило число «неполноценных». «Каждый ребенок должен понимать, что в евреях заключено абсолютное зло этого мира», — писала Герда. Она была уверена, что славяне станут рабами, причем рождение новых славян было нежелательно.

Идея еврея как источника зла преследовала Адольфа Гитлера, опасавшегося, что его собственная кровь оказалась «подпорченной». Это привело к жестокому убийству его племянницы и любовницы. Нацисты уже ступили на тропу войны. Прошло сорок лет, прежде чем стали известны детали убийства, и это вполне объяснимо. Ученых тех лет больше заботило исследование документов., событий и докладов, относящихся к важным вопросам мировой политики и к схватке идеологий. Профессиональным следователям, которые могли бы заняться раскрытием убийства, не дали возможности познакомиться с уликами, и вскоре они потеряли интерес к делу. Только когда исчезновение Бормана стало предметом споров и рассуждений, а агенты разведки начали копаться в разных грязных подробностях, всплыл и этот эпизод из жизни Гитлера. Возможно, здесь и кроется разгадка того, как именно Мартину Борману удавалось держать в своих руках все нити, необходимые ему, чтобы заставить Гитлера плясать под свою дудку.

ПОВЕРЕННЫЙ В ЛИЧНЫХ ДЕЛАХ

Борман получил власть над Гитлером после убийства его племянницы, Анжелы («Гели») Раубаль, удовлетворявшей нестандартные сексуальные притязания фюрера. Ей не было и двадцати, когда ее дядя ложился перед ней на спину и заставлял ее ползать над ним на корточках и мочиться на его лицо. Эти занятия достигли впоследствии еще более извращенных форм, и девушка жаловалась друзьям: «Он чудовище! Вы себе представить не можете, чего он от меня требует».

По словам Эрнста («Пуци») Ганфштенгля, будущего главы отдела иностранной прессы, на сделанных Гитлером рисунках Гели изображена «в таких позах, на которые никогда не согласилась бы профессиональная модель». Эти наброски попали в руки мюнхенского торговца, продавшего их Борману за деньги, взятые из казны национал-социалистической партии, которая находилась под контролем Бормана.

Вечером 18 сентября 1931 года в шуме Октоберфеста потонул звук выстрела, прогремевшего в баварской столице в роскошных апартаментах на мюнхенской Принцрегент-плац, где Гели жила на деньги, выплачиваемые из нацистских запасов Борманом, который тогда служил личным казначеем Гитлера.

Среди следователей, вызванных на место преступления, был Генрих Мюллер, работавший тогда в местном сыске. Мюллер регулярно платил минимальные взносы через одну из схем, созданных Борманом для сбора средств. Однако в то время он не собирался подставлять себя под удар ради нацистов. Но при любой системе он «жаждал признания со стороны вышестоящих лиц».

Мюллер обнаружил труп девушки рядом с револьвером. Как выяснилось, он принадлежал Гитлеру. Обнаженное тело Гели было покрыто синяками и ссадинами, а нос ее сломан. Последующие события описаны Герхардом Россбахом. Тридцать пять лет спустя в своем гамбургском доме он рассказал Стивенсону о том, что Борман достиг взаимопонимания с Мюллером. В результате тело девушки было отправлено без каких-либо вопросов в Вену в запечатанном цинковом гробу.

Россбах, являвшийся нацистским агентом во Франции и Турции во время Второй мировой войны, считался в кругах западной разведки человеком, сохранившим достоверные и весьма подробные воспоминания. До его смерти 1 сентября 1967 года в возрасте семидесяти четырех лет, с ним постоянно консультировались также историки ЦРУ. Его рассказ об убийстве

Гели совпадает в подробностях с воспоминаниями доктора Отто Штрассера, который, проиграв в борьбе за власть с Гитлером, нашел убежище в Канаде, где и оставался до самого конца войны. Ганфштенгль, еще один человек, хорошо знавший Гитлера и Гели, подтверждал, что Геля ждала ребенка.

Гели считали чересчур страстной глупышкой, которая к тому же слишком много болтала. Она открыла Бригитте Гитлер, жене сводного брата Адольфа — Алоиса, что беременна от еврейского художника, за которого собиралась замуж. Очевидно, она сделала такое же признание Гитлеру в дни того Октоберфеста, когда все находились в состоянии истерии. В ночь убийства она, видимо, сказала Гитлеру, что уходит от него и возвращается в Вену. За этим, должно быть, последовала страшная драка, поскольку в комнате все было перевернуто вверх дном. Известие о том, что его любовница наслаждалась любовью с евреем, ударило по самым болезненным комплексам фюрера, касавшихся сексуальных отношений. У него не было левого яичка, — такой дефект имеет медицинское научное название «монорхизм», что приводило Гитлера к ощущению неполноценности и к самобичеванию перед женщинами.

В то время основной темой его речей, срывавших громовые аплодисменты, была животная развращенная природа евреев. Чистоту арийской крови требовалось защитить от «сифилитической гнили низших рас». Принадлежность к еврейской национальности он считал своего рода болезнью. Его одержимость проблемой сифилиса заметна уже в «Майн кампф». Насмехавшаяся над ним любовница, очевидно, не понимала, в какой опасности она находится. Гели знала, что Гитлер боялся импотенции. Впоследствии это заставило его личного врача Теодора Морелля добавить фюреру в повседневный лекарственный набор из дехедрина, перватина, кокаина, прозимена, ультрасептила и прочих химических пилюль порошок из бычьих яичек.

О сексуальных извращениях актриса Рене Мюллер рассказывала режиссеру Цайслеру: «Я провела весь вечер в Канцелярии, ожидая отправиться с ним в постель, — говорила она. — Мы разделись, затем Гитлер упал на пол. Он начал выкрикивать самоуничижительные оскорбления, умолял меня ударить его. Он производил столько шума, что я действительно пнула его в надежде, что он успокоится. Но чем больше я ударяла его, тем более острое удовольствие он испытывал». Этими воспоминаниями Цайслер в 1941 году поделился с агентами Управления стратегических служб в Голливуде. Спустя некоторое время Рене покончила с собой, а Цайслер бежал в США.

Очевидно, из-за Гели Гитлер впал в один из тех приступов ярости, что наполняли ужасом его приближенных и позже приводили к таким безумным действиям, как приказ избавиться от очередной тысячи евреев или к решению отправить несколько армий в явную советскую ловушку — в Сталинград, или же к требованию доставить к нему герцога Виндзорского, чтобы потолковать с гостем о монархии.

Карьера Гитлера могла бы оборваться, не достигнув своего пика, если бы дело о жестоком убийстве двадцатичетырехлетней Гели дошло до суда. А Генрих Мюллер не поднялся бы до головокружительных высот (главы гестапо) и не заслужил бы генеральского чина, не хвати у него ума собрать в квартире Гели изобличающие улики, например, письма, из которых становилось ясно, что она собиралась бросить Гитлера и наслаждалась страстными романами с мужчинами, которых он считал низшими, включая его шофера и телохранителя Эрнста Мауриса. К числу улик относился и револьвер, явно ставший орудием убийства, интимные записки, которыми она обменивалась с молодым еврейским художником, ее дневник, где она называла крестного отца Гитлера «венским евреем».

Был ли крестный отец Гитлера евреем? Полицейское досье дает новые поводы для раздумий. Борман завладел всеми документами, связанными с этим делом. По поводу происхождения Гитлера обнаружилось, что бабушка Гитлера оказалась горничной барона Ротшильда, а ее внебрачный сын Алоис, отец Гитлера, единогласно считался плодом ее связи с одним из еврейских аристократов. Не было сомнений в том, что крестным отцом для своего сына Алоис выбрал также еврея. Этой информацией было весьма опасно обладать. Но Борман занялся этим вопросом, а Мюллер поставлял гестаповские отчеты по родословной Гитлера, датированные 1935, 1938, 1941, 1942 и 1943 годами. В эти годы Гитлер уничтожил бы любого, кто бы в нацистской империи осмелился заявить, что фюрер на четверть был евреем. Но в 1931 году все сложилось иначе. Он только готовился стать первым диктатором, использовавшим массовую пропаганду, основанную на большой лжи, большую часть которой составила его претенциозная автобиография «Майн кампф» и его расистско-националистическая («народная») философия. Согласно этой философии, германские народы являлись создателями культуры и стояли выше всех народов, а над ними возвышалась национал-социалистическая партия, во главе которой находился Гитлер. В этот решающий год для Гитлера было бы по меньшей мере неосмотрительно оказаться связанным с евреями, которых он сделал козлами отпущения, виновными во

всех бедах Германии.

Гели могла догадываться о тайных страхах Гитлера по этому поводу. Те, кто впоследствии вспоминали эти дни (Ганфштенгль, Штрассер, Раушнинг, Конрад Гайдн, Винифред, Эрнст Рем и масса девушек, очарованных каким-то странным притяжением его глаз и голоса), соглашались с тем, что Гитлер никогда ни с кем, кроме Гели, не откровенничал. После ее смерти эта опасная роль доверенного лица перешла к Борману. Вместе с опасностями она принесла ему и несомненные выгоды. Борман ловко избавился от тела Гели. Было объявлено, что она покончила с собой в Мюнхене. В Вене ее похоронил католический священник. Обычно самоубийцы и освященная земля — вещи у католиков несовместимые, но Борман, скорее всего при помощи тех же самых нацистских денег, которыми он заставил замолчать Мюллера, избежал неприятных вопросов и заплатил за полицейские документы.

Подобное укрывательство для менее хитрого человека могло стать смертельным, ибо даже такие знания были крайне опасны, но Борман был достаточно умен, выполняя грязную работу и играя роль наипреданнейшего слуги Гитлера. Гитлеру, который пришел к власти полтора года спустя, это чрезвычайно нравилось. Он видел в Бормане быкоподобный символ брутального мужского начала. Свидетельств о гомосексуальных отношениях Гитлера не сохранилось, но известно, что его сексуальные комплексы и инстинктивное отвращение к нормальным сексуальным отношениям вызывали у него восхищение таким человеком, каким был молодой Мартин, тридцатиоднолетний самец в самом расцвете сил.

Борман расчищал территорию вокруг пьедестала Гитлера, тщательно сохраняя между тем каждый клочок грязи.

После того как под давлением Мюллера мюнхенская полиция закрыла дело о смерти Гели, Мюллер сам очутился у Бормана в кармане. Все последовавшие расследования, связанные с открытием подлинной семейной истории Гитлера (не с романтизированной «официальной» версией), проводились Мюллером для Бормана. Что самое невероятное, Гитлер тайно жаждал этих гестаповских отчетов. Это была странная одержимость. Гитлеру хотелось знать, текла ли в его венах еврейская кровь и жил ли в его душе образ Иуды, вновь и вновь предававшего Христа. Гитлер и большинство окружавших его людей являлись католиками, и он причащался во время войны. По его словам, когда он впервые попал в Берлин и увидел его роскошь, то чувствовал себя Иисусом Христом, изгоняющим торговцев из храма.

Реконструкция убийства Гели показывает, что Борман инстинктивно играл на страхе Гитлера, а племянница заставила его вспомнить факты собственного происхождения. Гели была дочерью сводной сестры Гитлера, Анжелы Раубаль. Одно время она работала домоправительницей в альпийском загородном доме, известном под названием «Альпийское гнездо». Гели уехала оттуда, чтобы жить с Гитлером в мюнхенской квартире за сто двадцать километров от матери. Но девушка слишком много болтала и раздражала Гитлера напоминаниями о его бабушке, Марии Анне Шикльгрубер, и об интрижке с Ротшильдом. Созданное этим напряжение в их отношениях достигло апогея во время Октоберфеста 1931 года. По всей вероятности, ссора произошла из-за еврейского любовника Гели, и она в ответ на его оскорбления поинтересовалась, как же Гитлер может поносить народ, чья кровь течет и в его венах, а также поделилась распространенными в Вене слухами о том, что канцлер Австрии Энгельберт Дольфус отдал приказ о расследовании родословной Гитлера.

Легко представить себе последовавшую за этим сцену. Мы знаем, что Гитлер страдал извращенными наклонностями, заставлявшими его униженно ползать у женских ног, есть испражнения и пить мочу. И мы можем сказать, что он сделал евреев символом всего того, что ненавидел в самом себе. У нас есть свидетельства других женщин (Юнити Митфорд, пытавшейся покончить жизнь самоубийством, и Рене Мюллей, покончившей с собой) о том, как он умолял в спальне, чтобы его наказывали и унижали, а затем изображал из себя сверхмужчину: «Грубость уважают! Обыкновенный человек на улице не уважает ничего, кроме грубой силы и беспощадности! Наш народ освободится лишь тогда, когда научится ненавидеть, ненавидеть и еще раз ненавидеть!»

Когда пузатый и кривоногий Гитлер демонстрировал перед Гели свое физическое уродство и умолял ее унижать его, а затем столкнулся с ее вызовом, он отреагировал так же, как и три года спустя, когда по его приказу австрийскими нацистами был убит Дольфус, так как подозревалось, что у него имелись подробности родословной Гитлера.

Гели умерла страшной смертью. Ее брат Лео возложил ответственность за это на Гитлера. Но поскольку Лео Раубаль жил тогда в Вене, ему так и не удалось возобновить расследование. Тем не менее он столь часто угрожал Гитлеру правосудием, что в 1942 году, оказавшись на Балканах, куда его направили военным приказом, был убит при невыясненных обстоятельствах. Сын брата Гитлера, Уильям Патрик Гитлер, повторял эти обвинения,

но он находился в безопасном Нью-Йорке, куда бежал в 1939 году. Мать убитой девушки спустя годы заявила, что Борман добился от нее обещания никогда не возобновлять обвинений против ее сводного брата. Все семейство не брезговало межродственными браками, но родственники Гитлера в любом случае не хотели бы стирать грязное белье на людях, особенно после того, как его отношения с Гели добавили кровосмесительный подтекст..

Но все же в клане Гитлеров-Шикльгруберов время от времени раздавались слабые голоса протеста. Его единокровная сестра Паула сменила свое имя на «фрау Вольф» и стала заниматься рассылкой корреспонденции в страховой компании. После 1945 года свободное баварское государство конфисковало имущество Гитлера и попыталось вернуть фрау Вольф содержимое карманов ее покойного брата. Однако найти ее так и не удалось. В ходе поисков была обнаружена копия ее показаний, данных в венской криминальной полиции и датированных октябрем 1931 года. В них говорится, что ее жизни угрожали члены немецкой гимнастической ассоциации, служившей прикрытием для молодых нацистов и будущих членов отрядов СС. По ее словам, угрозы эти последовали после ее заявления, что ее брат Адольф был убийцей и умалишенным, которого следовало посадить в сумасшедший дом. Оригинал этих показаний оказался уничтоженным. В них сестра Гитлера говорила также, что Гели могла бы остаться в живых, если бы кто-нибудь предостерег бедняжку. Ее могла бы предупредить одна молоденькая англичанка — Винифред Вагнер. Она являлась снохой Рихарда Вагнера, чья апокалиптическая музыка и языческие оперные мелодии так гремели в душе Гитлера, что он проявлял неограниченное уважение к человеку, именуемому им как «Его Превосходительство барон Рихард фон Вагнер, тайный советник и главный дирижер». Гитлеру было свойственно такое внимание к пышным титулам, которое у Гильберта и Салливана принимало вид самоуничижения.

Для Гитлера же в этом не было ничего смешного. Он позволил Винифред заглянуть в мир его извращенных вкусов. Она и трое ее маленьких детей были приучены называть его «Волком», или «Вольфом», — по всей видимости, весь клан Шикльгруберов питал нездоровое пристрастие к этому имени. Ожидалось, что, овдовев, Винифред выйдет замуж за Гитлера. Она поддерживала его политические взгляды и поэтому не распространялась о его мужских недостатках. Но ее дочь Фриделинда позднее рассказала объединенной союзной разведке, что Гитлер иногда умолял Винифред избить его плеткой и порой обращался с ней как с

матерью, упрашивая наказать его. У Гитлера имелся домик в поместье Вагнеров, и он приказал Борману приглядывать за ним после смерти Зигфрида, мужа Винифред. Борману также было поручено курировать ежегодный музыкальный фестиваль, устраиваемый в Байройте Рихардом Вагнером. В течение долгого времени (в двадцатые и в начале тридцатых годов) дом Винифред был единственным местом, где Гитлер расслабляется без привычной свиты молодых мускул истых блондинов гомосексуальной ориентации, зато неизменно в обществе Бормана. Винифред не нравилось, как Гитлер реагировал на «бычью фигуру» Бормана. Ей казалось, что Гитлер получает удовольствие от выраженной сексуальности Бормана. Однажды она слышала, как Гитлер называет его «Буби» — ласковое обращение, бывшее в ходу у гомосексуалистов. Она наблюдала ту отчаянную борьбу, которая шла между мягкой и нерешительной личностью, жившей в Гитлере, и другой, «походившей на животное», которое откликалась на давящее влияние Бормана. Но открыто о любви Гитлера к порнографии и о прочих странных фактах говорила именно Фриделинда. Винифред же довольствовалась отдельными замечаниями в письмах к своей семье, жившей в Англии. Она писала, что Борман, по крайней мере, не лицемерил и открыто признавался, что в музыке Вагнера ничего не смыслит, тогда как Гитлер «так усерден в своих попытках понять, что иногда мне кажется, что лучше бы он вел себя более искренно (учитывая его общую невежественность)».

Она могла бы спасти Гели от духовного разложения и смерти, если бы сама была искренней. Гели исполнилось семнадцать, когда она впервые приехала с матерью с мюнхенской окраины к Гитлеру. Сначала с ней обращались, как и подобает обращаться с любимой племянницей богатого дядюшки. Винифред устроила ей уроки пения, и Гели под чутким руководством двух самых выдающихся учителей музыки Германии готовилась стать вагнеровским сопрано. Она являлась подружкой невесты на свадьбе Бормана в 1929 году. Гитлеру тогда минуло сорок лет, т. е. наступили критические годы для холостяка. Его мечты о славе до сих пор не сбылись, а проблемы в интимной жизни усугублялись присутствием Бормана, начинавшего вести нормальную семейную жизнь.

Вся атмосфера была наполнена «неестественной скрытой сексуальностью», — писал Герман Раушнинг, позднее рассорившийся с Гитлером. «Тайные связи, измены и символы, фальшивое сочувствие и скрытое вожделение, — среди окружения Гитлера не оставалось ничего настоящего. Ни в чем нет и намека на открытость природного инстинкта».

Еще одной девушкой, втянутой в эту «злую игру», стала Генни Гофман, чей отец состоял в партии. Сегодня Генни можно было бы назвать стодолларовой проституткой. В минуту пьяной откровенности она рассказала отцу о некоторых животных наклонностях Гитлера. Ее рассказ шокировал бы и самого распутного молодого повесу. Генрих Гофман шантажировал Гитлера этими сведениями, заставив фюрера назначить его официальным партийным фотографом. Эта должность впоследствии превратила его в миллионера. Генни вышла замуж за Бальдура фон Шираха, известного своими гомосексуальными наклонностями и осужденного позднее в Нюрнберге за военные преступления, включавшие депортацию австрийских евреев в ликвидационные лагеря. Гофман выжил и после войны начал убивать своими фотографиями, а в 1966 году западногерманское литературное агентство предложило Шираху, вышедшему из тюрьмы, 150 000 долларов за его мемуары.

Мюнхенские следователи давно привыкли к преступлениям, остававшимся безнаказанными. Генрих Гиммлер, ставший рейхсфюрером СС, ушел от хорошо подкрепленных уликами обвинений в убийстве мюнхенской проститутки, с которой он жил и с чьих сбережений получал проценты. Это было время убийств в средневековом стиле, что позволило Борману отсидеть только год своего срока, полученного за убийство Кадова. Этот древний подход позволил снисходительно относиться к солдатам, заявлявшим, что они исполняли приговоры импровизированных военных судов, каравших предателей. Борман убедил Мюллера (или же инспектор позволил себя убедить), что убитая племянница представляет угрозу для нового немецкого порядка, и тем самым получил моральное оправдание. Борман использовал и более ощутимые аргументы: Мюллеру, известному своей болезненной амбициозностью, были обещаны власть и титул, и этого оказалось достаточно.

Со стороны Гитлера на похоронах Гели присутствовал глава штурмовиков Эрнст Рем и Гиммлер, бывший школьный учитель и глава «черных рубашек» гвардии СС. «Мясник» Гиммлер уже полностью подчинялся Борману, так же дело обстояло и с Мюллером. Но Рем мог проговориться и когда через три года проговорился, был приговорен к смерти.

Отто Штрассер (впрочем, отъявленный сплетник) клянется, что после убийства его брат Грегор, обладавший в то время определенным влиянием в партии, провел несколько суток с Гитлером, опасаясь, что тот может покончить с собой от горя и отчаяния. Гитлер просыпался с криками о помощи. Грегор рассказывал, что Гитлер сидел на краю кровати и трясся так, что,

казалось, вся комната вибрировала. Один раз его губы посинели и он стал показывать на угол комнаты с криками: «Это он! Он! Он! Он был тут…» Его голос стал гортанным, и, по словам Грегора, «раздались ужасные звуки и звучали странные слова, не принадлежавшие ни к одному известному языку».

Борман фиксировал эти неосторожные рассказы. Он и сам оказывался свидетелем подобных сцен, но был слишком осторожен, чтобы рассказывать об этом. Это он сделал гораздо позже, да и то собеседником являлась его собственная жена… Как сказал Отто Стивенсону в Монреале, Борман вбил клин между Гитлером и Грегором Штрассером. Спустя три года Грегор был также убит. Улики и доказательства, дошедшие до нас через годы, показывают, что и в этом случае за убийством стоял Борман. Этого мнения всегда придерживался Отто Штрассер, восстановивший в 1954 году свое гражданство и покинувший Канаду, чтобы продолжить собственное расследование прошлого Бормана.

Даже если исключить эти наблюдения, эксперты-аналитики и во время, и после Второй мировой войны считали, что убийство Гели Раубаль стало поворотным моментом в карьере Бормана. Гели могла бы предотвратить последовавшую неизлечимую паранойю Гитлера. Она была нормальной, пусть даже и чрезмерно страстной девушкой, имевшей множество любовников. Она могла бы использовать свое влияние на Гитлера, чтобы облегчить его терзания и направить его сексуальную энергию в менее разрушительное русло. После ее смерти Гитлер устроил в мюнхенской квартире комнату поклонения, где перед статуей Гели, сделанной по ее портрету, каждый день появлялись свежие цветы. Ее комната в баварской крепости оставалась нетронутой, покуда Бергхоф не был переделан в партийный штаб, отвечавший представлению Гитлера о себе как об императоре.

Эта «имперская» фаза началась со смертью Гели и продолжалась более двенадцати лет, до сокрушительного поражения под Сталинградом, которую Гитлер расценил как очередную прилюдную демонстрацию недостатка своей мужественности. Затем он отказался от публичных выступлений, которые в хрониках 1931–1942 годов описывались не иначе как грандиозные сексуальные оргии, когда Гитлер доводил толпу до оргазма, заставляя ее реветь, кричать, а женщин падать в обморок.

Человеком, режиссировавшим эти представления, был Борман. Его закулисную работу описала в 1972 году бывшая оперная дива, ставшая женой Геринга. Сам Геринг незадолго до своего самоубийства сообщил на пресс-конференции, что «Борман

не оставлял Гитлера ни днем, ни ночью и постепенно подчинил его своей воле так, что управлял всей жизнью фюрера».

Борман позаботился о том, чтобы Гитлер никогда не нашел утешения, подобного тому, какое давала ему Гели. Если бы в его интимной жизни наступило хотя бы малейшее облегчение, фюрер потерял бы свою мистическую связь с толпой. Под влиянием Бормана его представили молодой холодной фанатке спорта и физического совершенства Еве Браун, до конца остававшейся официальной любовницей Гитлера. Ева стала как бы частью мебели. Когда она поняла, какая роль ей отведена, она стала со всей откровенностью говорить о своей ненависти к Борману, который почти всегда присутствовал, когда Ева и Гитлер были рядом. Окружающие отмечали странное упорство, с которым Борман ее поддерживал. Он отвел Еве роль приемной матери, которую в жизни фюрера играли многие женщины, роль, заставлявшую их часами выслушивать его рассказы о себе. Когда Гитлер решил, что Ева должна умереть вместе с ним, он поставил в центр комнаты вазу с красными розами, которые были любимыми цветами его матери и которые у него всегда ассоциировались с ее похоронами.

Размышляя о том, что Гели могла бы направить сексуальную энергию Гитлера в иное русло, мы не должны забывать о настроении, охватившем в ту пору миллионы немцев. Огромные стадионы были заполнены толпами, приходившими по доброй воле слушать Гитлера. По словам его приближенных, он часто повторял, что обращение с толпой подобно соблазнению женщины, а массы отвечали ему чисто по-женски, они с радостью участвовали в оргиях. За спиной Гитлера всегда находился Борман. У него был склад ума укротителя животных, который морит хищников голодом, прежде чем выпустить их на арену цирка.

ОЖИВШИЕ ПОКОЙНИКИ

Мышление Мартина Бормана имело свои особенности. Он был психологом-практиком с природным инстинктом крестьянина, позволявшим ему трезво оценивать других людей. Он презирал общественные предрассудки и условности, но знал, как ими воспользоваться. Его манипулирование сексуальными отклонениями Гитлера после смерти Гели Раубаль было целенаправленным, беспощадным и в основном незаметным для тех, кто не имел доступа в спальню фюрера. Он создавал монстра, а Гели ставила под угрозу всю его работу. Она знала, как удовлетворить Гитлера, она желала это делать, и ее можно было убедить продолжить делать это, если бы Гитлер того захотел. Но Борман желал видеть фюрера каким угодно, но только не спокойным и безмятежным.

Многое из этого выявилось в ходе расследований после исчезновения Бормана. Их итоги обобщили под названием «Жизнь, прошлое и будущее, мышление и поведение Мартина Бормана». Они стали результатом технологии, впервые опробованной английскими и американскими экспертами разведки, основанной на старых методах изучения противника на расстоянии. Эта технология известна сегодня как просопография, от греческого слова, означающего изображение отсутствующего или покойного человека, как если бы он говорил и действовал среди нас. Технология базировалась на работах специалистов по древней истории, таких как оксфордский профессор Рональд К. Сайм, который мог «оживить» римского императора при помощи тщательного изучения его приближенных. Обширный анализ психологических особенностей Бормана был проведен несколькими группами профессионалов, работа которых основывалась на беседах с теми, кто знал Бормана лично.

Одним из таких людей была любовница самого Мартина Бормана. Она совершенно не походила на Гели и не имела ничего общего с Евой, способной подавлять свои сексуальные желания ради относительной славы и богатства, которые сопутствовали ее игре с Гитлером в маму и сына. После войны любовница Бормана скрылась на территории коммунистической ГДР. Позднее она оказала неоценимую помощь в изучении мышления Бормана, что приблизило ученых к пониманию той игры, которая велась между фюрером и его секретарем.

Любовница Бормана была уверена, что Борман прибег к своей обычной уловке и нашептывал доверявшему ему Гитлеру сплетни, заставив того сомневаться в Гели. В то же время он поддерживал

девушку в ее стремлении заводить другие романы и играл роль связного между Гели и ее возлюбленным. Он выступал как доверенное лицо обоих и создавал напряжение, разрешившееся убийством. Его власть над Гитлером чрезвычайно возросла. Он избавился от девушки, которая могла заставить фюрера плясать под свою дудку. Он избавился от улик, указывавших на то, что девушку застрелил Гитлер.

Обо всем этом любовница Бормана не могла знать напрямую. Она была слишком молода, чтобы входить в нацистские круги. Но у нее сохранились воспоминания о разговорах с Борманом, и она вряд ли могла знать такие подробности из других источников. Эти подробности совпадают с теми, что были открыты союзными следователями спустя более тридцати лет после убийства Гели. Любовница Бормана обозначалась буквой «М». Она тихо жила в Восточном Берлине, когда командование группы войск союзников в Западной зоне уступило политическому давлению и согласилось провести еще одни — показательные — раскопки на территории у железнодорожной станции Лертер, где, по слухам, находилось массовое захоронение, устроенное русскими. Советское руководство, опасаясь распространения болезней, приказало закопать там тысячи тел, которыми были завалены берлинские улицы в день исчезновения Бормана.

«М» уже вернулась к своей профессии актрисы. Ночью 20 июля 1965 года она выскользнула из своей квартиры и, одной ей ведомым путем преодолев возведенную к тому времени Берлинскую стену, перешла на западную сторону, намереваясь при этом во что бы то ни стало вернуться назад. Она была привлекательной стройной женщиной средних лет, которой позволили жить в достойном забвении. Семейство Борманов обессмертило ее, опубликовав одну из самых странных любовных переписок, где Борман в письме к своей жене описывал то, как он соблазнил «М»: «Я молча поцеловал ее и обжег своей радостной страстью. Я безумно полюбил ее. Я устроил все так, чтобы встречать ее вновь и вновь, и затем овладел ею, несмотря на сопротивление. Тебе известна моя сила воли. «М» просто не могла устоять. Теперь она моя, и я — о, счастливчик! — я являюсь или, скорее, чувствую себя дважды женатым и невероятно счастливым человеком. Любимая моя, что ты думаешь о своем сумасшедшем муже?»

Госпожа Борман без промедления отвечала: ««М» мне нравится настолько, что я просто не могу на тебя сердиться».

…Ночью 1965 года «М» вышла из дому, размышляя о том, не могли ли останки ее любовника оказаться среди черепов и костей, извлеченных из глины в парке у железнодорожной

станции Лертер. Тщетная надежда! Идентификация должна была проводиться в судебной лаборатории. Существовало несколько дантистов, заявлявших, что они помнят, как выглядят зубы Бормана. Существовала полиция, говорившая, что отпечатки Бормана утеряны, и судебные чины, сомневавшиеся в существовании и ценности отпечатков пальцев. Борман исчез из официальных документов, его следы оказались размыты, а фотографии встречались крайне редко. Он лелеял свою страсть к секретности и даже в письмах к Герде называл свою любовницу «М».

Существовали и другие люди, разделявшие любопытство, испытываемое «М» к раскопкам захоронения. Среди этих людей — генерал Гелен, переехавший на виллу, где прежде жили Борманы. За зрелищем наблюдал также шеф Гелена. Присутствовала и британская секретная служба. Тут был и представитель ватиканской разведки, посланный прелатом Вольми, призывавший римский понтификат к «идеологическому противодействию» коммунизму в Латинской Америке. Был и наблюдатель от лица св. отца Мартина (Бормана-младшего), католического миссионера, только что чудом избежавшего смерти в Конго. Он являлся старшим сыном того, чьи останки надеялись выкопать.

Среди щебня слонялся Альберт Крумнов, бывший почтальон. Он вспоминал, что по приказу русских трупы сжигали примерно в пятистах метрах от тогдашнего Зандкругского прохода в Берлинской стене. Возможно, его вдохновила награда в 100 000 марок, назначенная управлением франкфуртского обвинителя за информацию, ведущую к обнаружению Бормана. Старый почтальон заявил, будто тогда на одном из трупов нашел бумаги, из которых было ясно, что тело принадлежало Борману. Чего же он так долго ждал? И где же эти бумаги? Следователь из венского архива, выслушав путаные ответы, позднее докладывал, что старика обмануло Братство, основной задачей которого была защита бывших нацистов и сохранение духа их философии.

«М» вернулась в свою квартиру на другой стороне от Берлинской стены, а на берегу реки Шпрее мужчины в белых комбинезонах все еще продолжали осторожно переворачивать комья земли. Ржавые каски, стволы винтовок, сморщенные сапоги, сгнившая ткань отделялись от мерцавших в темноте бесчисленных костей. Позднее «М» сказала, что, по ее мнению, эта ложная тревога была целенаправленно поднята Братством, чтобы отвлечь внимание от их зарубежных операций. «Но, — добавила она, пожав худыми плечами, — я действительно не могу похвастаться, что знаю обо всем этом».

Ее настоящее имя было Маня Беренс, и она раздражала Герду Борман своей робостью, а не тем, что у нее возник роман с Мартином. Маня читала письма Герды, в которых та предлагала, чтобы они по очереди беременели от ее мужа, чтобы то одна, то вторая рожала отличных арийских малышей. Когда Маня выбрала Восток, это стало ее пуританской реакцией на происходящее, ведь некогда она обладала стойкими религиозными убеждениями, отвергая все, что казалось ей растлением, распространявшимся от ожиревшего и одержимого сексом Запада.

Спустя три недели после раскопок около станции Лертер она узнала, что ни одни из эксгумированных костей не могли быть идентифицированы как принадлежавшие ее пропавшему любовнику. Это ее не удивило. До того она совершила ночью 25 сентября 1963 года более секретное путешествие в немецкий военный гарнизон в Кройцберге в Западном Берлине. Там на кладбище могильщики извлекли из земли изъеденный червями гроб. Табличка гласила, что в этом месте покоятся останки Генриха Мюллера. Мюллер был вторым в списке самых важных из разыскиваемых военных преступников. Возглавлял список, естественно, Борман.

Когда перед наступлением 1963 года были обнародованы доклады, утверждавшие, что Борман бежал из Берлина, дело Генриха Мюллера цитировалось как убедительное доказательство того, что не стоит верить в то, будто два наиболее разыскиваемых человека могли скрыться. Предположительно Мюллер пересек линию советского окружения. И вот, посмотрите-ка! Его могила зарегистрирована по всем правилам и обозначена в соответствии с военными правилами и предписаниями.

Но в конце сентября 1963 года выяснилось, что в могиле не оказалось ни одной кости Мюллера. То, что выглядело как единый скелет, было собрано из останков трех разных людей, и научные исследования доказали, что ни одна кость не могла принадлежать Мюллеру. Кто-то преднамеренно и расчетливо приготовил подделку и обозначил захоронение как могилу разыскиваемого. В течение восемнадцати лет каждое воскресенье там разыгрывался спектакль с возложением цветов на могилу человека, останки которого в ней отсутствовали. Если у гестаповца Мюллера имелись друзья, которые скрыли его прошлое под землей, чтобы сохранить его живым, то подобное могло произойти и с Борманом…

«М», как все девушки ее поколения, не привыкла задавать вопросы мужчинам, которые занимали явно главенствующее положение. Правительство ГДР относилось к ней весьма хорошо, а взамен она рассказывала о том, что ей довелось видеть и

слышать. Ее свидетельства были очень полезными еще и потому, что принадлежали женщине, уважавшей дисциплину и не привыкшей давать волю своему воображению. Мнение Герды Борман, будто «М» была глуповата, можно не принимать во внимание, ведь это всего лишь реплика недовольной жены. Зато можно говорить о том, что воспоминания «М» совпадают с тем, что рассказывали другие о пути, которым шел Борман к власти над Гитлером.

Три года, последовавшие за смертью племянницы Гитлера, Борман не знал покоя. Он овладевал закулисным положением, позволявшим наслаждаться полной властью над своей марионеткой, оставаясь невидимым. Однако он не был уверен в своих силах и не мог позволить себе подвергнуться критике со стороны соперников. Та должность, к которой он стремился, не имела очарования и блеска высших военных постов. Ему предстояло манипулировать безвольным и нерешительным заместителем фюрера — Рудольфом Гессом, избавиться от него и занять его место, дававшее более определенные полномочия в отношении нацистской партийной машины.

Его успех признали только в 1941 году, да и то не его враги на родине, в Третьем рейхе, но враги Германии на Западе. Гесс бежал в Шотландию, где приземлился с парашютом в военном лагере, чтобы поведать невероятные вещи. Его допрашивал личный следователь Уинстона Черчилля — лорд Бивербрук, назвавшийся «доктором Ливингстоном». От этой встречи берут свое начало первые долгосрочные исследования феномена Мартина Бормана.

Но тогда, в 1934-м, все, кроме Гитлера, смотрели на Бормана как на пустое место. Немногие знали его имя. Еще меньше людей знали, как он выглядит. Он нанес смертельный удар правой руке Гитлера того времени — Эрнсту Рему в ночь, ставшую известной как «Ночь длинных ножей». Подробности этого и последующего побега заместителя фюрера стали известны только в процессе долгих и сложных исследований, начатых по рекомендации Бивербрука Черчиллю и запроса о сотрудничестве, посланного Рузвельту. Рем работал тогда в Боливии. Во время его отсутствия (за три года после смерти Гели) Борман сделал необходимые шаги, направленные на то, чтобы встать за спиной Гитлера и захватить власть.

Борман десятками писал записки, но в них никогда не было ничего такого, в чем его могли бы обвинить. Ни одного слова, которое его враги могли использовать против него, не выходило из-под его руки! А врагов он видел повсюду, даже (и в особенности) среди тех, с кем он заключал временные союзы.

Документация составлялась так, чтобы поразить и обрадовать фюрера. Личные записки и папки с секретными докладами должны были обеспечить Бормана материалом для шантажа. Он сохранял все личные дела и просматривал секретные доклады всех разведывательных служб, что давало ему превосходство над главами этих организаций, которым редко удавалось знакомиться с тайными донесениями своих соперников. Он решал вопросы, связанные с повышениями и понижениями внутри партии; верховенство партии он ревностно охранял. Борман верным псом следовал за Гитлером, угадывал его желания, толковал его сны, скрашивал его будни и мягко и незаметно направлял обеденные беседы, рано или поздно приводившие некоторых гостей или к могиле, или же к неожиданному повышению.

Борман научился с выгодой для себя выстраивать личные связи. Они основывались на дружбе, которая, в свою очередь, зависела от получаемых друзьями благ. Гауляйтеры и те, кто за ними стоял, захватывали все большую власть. Борман приобрел беспрецедентный опыт манипулирования людьми. Его влияние простиралось и на вооруженные силы, по своей природе враждебные к какому-либо вмешательству извне. Он исследовал полицейские структуры и превращал людей, занимавших ключевые посты, в своих должников. Разум, вскормленный на таком питании, свободно постигал тонкости работы сложного нацистского аппарата — политического, военного и служб безопасности. Борман обладал невероятной памятью на детали, ставившей в тупик посторонних (эксперты объединенной разведки запутались в функционировании полицейской машины). После побега Бормана существовало главное управление безопасности рейха, возглавляемое Генрихом Гиммлером, в которое входили: тайная полиция — гестапо, служба безопасности — СД и подразделения, подобные 4-му бюро А, 46 Альфреда Айхмана. Имелось более сотни служб, отвечавших за безопасность рейха, и Борман знал их все, хотя вряд ли Гитлер или кто-либо другой был полностью осведомлен об их деятельности.

Кризис возник тогда, когда Борман занял место Рудольфа Гесса в качестве начальника штаба. Он безукоризненно справился с создавшейся ситуацией. Борман добился жесткого контроля над службами, способными проявить враждебность. Все это говорит о полном отсутствии его интереса к чисто человеческим чувствам и проливает некоторый свет на заинтересованность Бормана в Южной Америке, всегда вызывавшей у немцев романтические мечты о «партнерстве» с отсталыми нациями, а также на его очевидную осведомленность о делах данного региона.

Партнерство предполагало, что аборигены Латинской Америки добровольно станут источником дешевой рабочей силы и сырья для рурских заводов.

Кризис весны 1934 года начался, когда Борман понял, что Гитлер намеревается ликвидировать отряды «коричневых рубашек». То, что Борман сам прослужил четыре года в штабе верховного командования штурмовых отрядов и был в близких дружеских отношениях с их лидерами, не имело никакого значения. Он без промедления начал передавать данные по штурмовым отрядам своему тестю — партийному контролеру дисциплины Вальтеру Буху, делая особый упор на роль начальника штаба штурмовиков Эрнста Рема.

Капитан Рем обучал армию в Боливии, являвшейся важным поставщиком олова и одновременно отсталым государством, чьей экономикой управляли немецкие фирмы. Ранее немецкий генерал Ганс Кундт возглавлял группу немецких военных советников в боливийской армии, потреблявшей почти половину национального бюджета, несмотря на чрезвычайную бедность, царившую в стране. Гитлер послал Рема строить новую армию в соответствии с нацистскими идеалами, а не с имперскими представлениями генерала Кундта. Однако эти двое без труда достигли компромисса. Они одели войска в форму нацистского образца, научили нацистскому приветствию, повесили в столовых портреты фюрера и подготовили путь для создания военно-воздушных сил, оснащенных немецким оборудованием. Они согласились, что итальянская военная миссия, проповедовавшая фашистские теории, поможет им отвести любые подозрения о том, что предпринимают немцы, и в то же время даст ясно понять, чем они занимаются. Они подобрали подходящего пронацистского кандидата на место президента — напористого боливийца, сына немецкого врача, — Германа Буша.

Рем был курносым коренастым баварцем с красным помятым лицом. Он являлся монархистом и добился определенного влияния во время борьбы с коммунистами, когда баварская монархия оказалась свергнутой после Первой мировой войны. Он организовал так называемые «охранные отряды», подобные добровольческому корпусу. В Мюнхене Рем встретил Гитлера в одном из тайных обществ, десятками возникавших в Германии, — в «Железном кулаке». Он хвастался Гитлеру, что помог казнить 15 января 1919 года Розу Люксембург и Карла Либкнехта, двух немецких коммунистов, которых потом в коммунистическом мире долго чтили как революционеров-мучеников. (Но боннское правительство в официальном бюллетене назвало человека, действительно отдавшего приказ об этих убийствах, — «хорошо

известного руководителя добровольческого корпуса, майора Пабста, предотвратившего большевизацию Германии».) Политические убийства, так же как и убийства вообще, были типичны для того периода. Прошло десять лет, прежде чем открытый суд смог выступить против Пабста и его группы. К тому времени тайная армия Рема превратилась в нацистские штурмовые отряды, а Пабст стал нацистским героем (майор Вальдемар Пабст умер 7 мая 1970 года. Заметка о его смерти в «Die Welt» описывает его как майора королевской прусской гвардии, бывшего директора акционерного предприятия Rheinmetall-Borsig AG, и цитирует строки Откровения Иоанна Богослова: «Они успокоятся от трудов своих, и дела их идут вслед за ними»), Пабст написал в 1962 году: «Мне было нелегко принять решение об их ликвидации, но это было совершенно необходимо с моральной и теологической точек зрения».

Рем вернулся из Боливии в настроении, будто, как говорили солдаты, «накачался мочой с уксусом», — дерзкий и готовый открыть стрельбу даже по толпе беспомощных старушек. В его войска входило уже более трех миллионов громил, и он намеревался приняться за создание профессиональной армии.

Регулярная немецкая армия, заполненная молодыми офицерами-аристократами, все же была далеко не так добродетельна и не так сторонилась мародерства, как об этом потом писали выжившие военные. Борман тогда оказался в невыгодной ситуации, поскольку ему не хватало ореола бывалого фронтовика. Однако он понимал опасность намечавшегося союза между армией и отрядами Эрнста Рема. Борман строил свою стратегию на превосходстве партии над всеми прочими силами.

После убийства племянницы Гитлера Борман формировал в Мюнхене группы людей, которые или служили в полиции, или зарекомендовали себя как преступники. Среди них оказался часовщик, подозреваемый в растрате, — Эмиль Маурис. Его брат — бывший помощник конюха Кристиан Вебер — близко знал убитую девушку. Новобранцы Бормана назвали себя «охранниками штаба» и организовывали собственные подвижные группы, известные как СС. Они носили черные лыжные шапочки с пуговицами в виде черепов и черные нарукавные повязки со свастикой. Их возглавлял Генрих Гиммлер, глава полиции Баварии, прекрасно представлявший характер закулисных игр Бормана.

Рано утром 30 июня 1934 года многих лидеров штурмовиков подняли прямо с постелей, отвезли в тюрьмы и там в течение следующих трех дней расстреляли в соответствии с таинственным списком, который Гитлер увидел только после казни. Этот список

явился предметом бесконечных обсуждений и споров.

«Ночь длинных ножей» закончилась тем, что капитана Рема и еще 921 человека арестовали и затем убили (причем способами менее гуманными, чем можно подумать, читая отчеты). Шефа штурмовиков застигли в постели с очередным «возлюбленным» парнем…

По поводу этих событий Борман выпустил небольшую эмоциональную книжицу «Разговоры Гитлера», в которой были выражены мысли фюрера. И вновь это оказалась отшлифованная версия самого Бормана. Публично Гитлер объявил, что казнено пятьдесят восемь человек. Во всех отчетах этого периода очень заметна растерянность Гитлера перед тем, что тогда происходило.

Генерал Кундт слал из Боливии срочные запросы о судьбе Рема. В этой стране немецкая военная миссия, не имея никакого отношения к событиям, творившимся на родине, находилась в крайне неловком положении. Боливийские войска сражались тогда за незначительный клочок земли, на который притязал соседний Парагвай. В тамошних вооруженных силах служил офицером артиллерии сын немецкого пивовара Альфредо Штресснер. Впоследствии, будучи президентом Парагвая и диктатором самого жестокого из тоталитарных государств, Стресснер (далее его фамилия произносилась именно так) образовал приют для нацистских военных преступников и заботился о них с неменьшим рвением, чем это делали и в Боливии. Теперь же Борман, действуя, как обычно, от лица заместителя фюрера, сообщил Кундту, что «шайка педерастов» Рема уничтожена.

Так Борман устранил самое главное препятствие на пути к своей тайной власти. Он полагал, что может управлять регулярной армией, и был уверен, что перехитрит СС Гиммлера. Эти войска признавали руководящую роль нацисткой партии, образованной фюрером. Но дело представили так, будто Рем находился в центре антипартийного заговора. Источником улик было полицейское досье, составленное самим Борманом, да и толкованием действий Рема также занимался Борман, но он не был замечен в составе расстрельной команды…

Считалось, что таинственная рука, поместившая Рема в список тех, кто должен был быть казнен, принадлежала соперничавшему с ним главе СС. Подобный вывод напрашивался сам собой. Но Гиммлер отрицал это. И неслучайно с того дня он стал бояться Бормана.

Фюрер и Борман часто хихикали, глядя на позерство Генриха Гиммлера и его торжественные манипуляции с секретным

орденом посвященных — СС. Близорукий сын бакалейщика выдумал концепцию новой аристократии, что будет править Германией, а затем Европой и потом всем миром. Он устраивал мистические собрания в монастыре, где его ближайшее окружение — двенадцать учеников — восседали на стульях, на каждом из которых красовалось по серебряной табличке с выгравированным именем.

На самом деле Гиммлер был малышом в руках такой опытной няньки, как Борман, и оставался на отведенном ему месте, сам того не замечая. Он стал «дядюшкой Генрихом» и крестным отцом четвертого ребенка Бормана, рожденного после кровавой чистки. В свою очередь, он сделал Бормана группенфюрером СС, генерал-майором. Это не означало, что для этого Борману, как предполагали ревностные охотники за эсэсовцами, пришлось пройти через эсэсовские процедуры, которые оставили бы на нем свой пожизненный след и обеспечили бы наличие в личном деле описания его внешности. Еще одним небольшим, но характерным показателем власти Бормана над Гиммлером было то, что Борман никогда не принимал участия в эсэсовских церемониях и относился к своему титулу исключительно как к почетному. Когда эсэсовские колонны маршировали перед Гитлером, Борман смотрел на них сверху вниз. Кинохроники 1937 года запечатлели его сопровождающим Гитлера, и при тщательном просмотре их видно, что единственным человеком, вставшим между ними, мог оказаться только заместитель Гитлера — Гесс.

На сцене фашистской Германии появлялись и прочие персоны, по Борман один был так гениален в понимании того, что действительно имело для него значение. Герман Геринг мог заняться проблемами ВВС, Геббельс, Риббентроп, Шахт, Шпеер и масса других специалистов могли двинуться на поиски приключений (они испробовали немецкую военную машину на испанской Гражданской войне, в ходе аннексии Австрии и т. д.), но Борман знал, что он должен всегда оставаться в центре пересекавшихся интересов всех приспешников Гитлера. Борман отличался также тем, что презирал символы власти, притягивавшие его соперников.

Гиммлер, возможно, догадывался, что происходит. Но времени на обдумывание таких вещей оставалось крайне мало. Он не без замешательства признался Вальтеру Шелленбергу, главе шпионов, ставшему его личным советником: «Вновь и вновь мне приходится искать компромиссы с Борманом, хотя на самом деле я должен от него избавиться. Фюрер сильно привязался к Борману и его влияние очень трудно уменьшить».

Человеком номер два в окружении Гитлера считался

фельдмаршал Герман Геринг. Но на международном военном трибунале в Нюрнберге он, однако, свидетельствовал, что после того как заместитель фюрера Гесс бежал, настоящая власть оказалась в руках у Бормана: «Наибольшим влиянием во время войны обладал, к огромному сожалению, господин Борман».

У Геринга спросили: «Как выдумаете, фюрер мертв?»

И он отвечал: «Я в этом совершенно уверен. Не может быть ни тени сомнений!»

«А что произошло с Мартином Борманом?»

«Надеюсь, он горит в огне!» — таков был ответ Геринга.

Его вдова двадцать шесть лет спустя также не скупилась на обвинения. Эмми Геринг, скромно жившая в доме номер 16 на очень престижной улице Букляйнштрассе в Мюнхене, цитировала слова мужа, произнесенные накануне его самоубийства: «Борман уничтожил каждого из нас поочередно. Он позволил осуществиться покушению на Гейдриха, он манипулировал Гиммлером, покуда тот не оказался в невероятно нелепом положении. Фюрер умирал, и тогда Борман избавился от Геббельса и отдал приказ о моем аресте якобы за предательство. Он заставил заместителя фюрера бежать в Англию, потому что Гесс был для него единственным препятствием».

Побег Гесса произошел ночью 10 мая 1941 года. Гессу тогда было почти пятьдесят лет. Он родился в 1884 году в Египте и провел первые годы жизни на берегах Нила. Его мысли о расовой чистоте стали частью книги фюрера «Майн кампф», большую часть которой написал именно Гесс под диктовку Гитлера, когда они оба сидели в тюрьме. Когда Гесс планировал свой побег, Германия упивалась победами в Европе и готовилась к вторжению в Советский Союз. По словам Гитлера, нападение на СССР должно было «заставить весь мир замереть», но на деле оно стало самой амбициозной военной авантюрой во всей истории человечества. Гесс знал подробности готовящегося нападения и разрабатывал план своего побега.

О его намерениях в мельчайших подробностях было известно Герингу. Глава BBC утверждал, что Гессу была оказана значительная помощь в организации опасного побега. В течение довольно долгого времени Гессу удавалось совершать тренировочные полеты. Он объяснял это тем, что не хотел растерять навыки пилотирования. Но кто навел его на мысль о побеге? Этот человек прислушивался к голосам, созданным его воображением, и годами изучал египетскую астрологию. В то же время он был чрезвычайно практичным. Он сумел договориться о переоснащении своего «Мессершмитта-110», истребителя, у которого недоставало, дальности полета. Его боевой самолет был

оснащен дополнительными топливными баками — на каждом крыле и еще одним под фюзеляжем. Ему пришлось лететь без нормальной поддержки с земли, без навигационных огней, через воздушное пространство, наполненное ночными истребителями, так как дело происходило в разгар битвы за Англию. Еще до полета предстояло провести тщательную и длительную подготовку, включавшую тридцать тренировочных полетов и тайное приобретение карт и оборудования.

Единственной непродуманной деталью во всей авантюре оказалась роль, отведенная молодому герцогу Гамильтону. Гесс предполагал, что через герцога сможет напрямую общаться с королем Великобритании и добьется подписания мирного договора, который позволил бы немецкой военной машине сосредоточить все усилия на Советском Союзе. Но герцог вряд ли подходил для этой цели. Он летал на одноместном «Харрикейне», переоборудованном для ночных вылетов, и его обязанностью было сбивать немецкие самолеты, пытавшиеся по приказу Геринга стереть Британию с лица земли. Особой задачей британской авиации являлась защита Шотландии, в которой Гесс хотел пригреться у герцогского очага.

Говорили, что Гесс сошел с ума, но в источниках того времени нет доказательств этого.

…Долгое время Гесс являлся единственным заключенным тюрьмы Шпандау в Берлине, где за ним поочередно следили охранники, поставляемые четырьмя державами исключительно по настоянию Москвы. А потом он странным образом умер. Вечным кошмаром Сталина было то, что нацисты смогут заключить тайный союз с Западом против Советского Союза. Вот почему побегу Гесса русские придавали гораздо большее значение, чем политическому маневру Бормана на пути к власти. Этот маневр производился столь аккуратно, что большинство нацистских вождей его не заметили. Директива Гитлера, составленная в крайне осторожных выражениях, гласила: «Бывший пост заместителя фюрера с настоящего времени будет называться должностью министра по делам партии и напрямую подчиняться мне. Как и прежде, исполнять обязанности партийного министра будет наш товарищ по партии Мартин Борман».

Текст этой директивы подготовил Борман. Его формулировка не встревожила тех, кто мог бы остановить продвижение Бормана, пойми они, что бывший крестьянин, который, казалось, только и делал, что ублажал своего хозяина, на самом деле им манипулировал.

Когда Гесс бежал, а его имя было вычеркнуто Борманом из партийных списков, стало ясно, в чьих руках оказалась власть.

Заместитель фюрера превратил свое управление в партийный центр. Он напоминал приближенным, что партия правит государством. Так в возрасте сорока одного года Борман получил официальную власть, позволявшую ему осуществлять личный контроль над нацистской партией — инструментом, который он создал и использовал, чтобы привести Гитлера к власти. Фюрер отныне играл роль главнокомандующего и признавал, что более не осведомлен о партийных делах. Устранение Гесса стало личной победой Бормана, подотчетного теперь только Гитлеру и способного назначать и увольнять любого партийного чиновника, строить или разрушать карьеры в любом государственном органе, в политических и военных кругах.

Радость избавления от соперника занимала Бормана больше, чем ход войны. Это ясно из его писем и записок того периода. Он писал одной из своих жертв — Гиммлеру: «Гесс хотел славы, потому что страдал комплексом неполноценности. По мнению фюрера, это и стало настоящей причиной побега. Только теперь выяснилось, что РГ лечился от импотенции даже в то время, когда был зачат его сын. РГ верил, что своей авантюрой докажет свое мужество перед самим собой, женой, партией и народом».

Прием цитирования фюрера для поддержки своего собственного мнения применялся Борманом, покуда ему мог быть полезен сам фюрер. Нацисты вершили свои дела в обстановке секретности, и после войны осталось много закрытых документов. После Бормана сохранились лишь маленькие клочки бумаги, которые просто осели на дно папки. Поэтому одно время господствовало мнение, что Борман полностью зависел от фюрера и после смерти фюрера потерял чувство реальности. Однако все, что он делал, восстановленное по этим безобидным клочкам бумаги и сопоставленное с документами о нацистских мероприятиях, образует совсем иную картину. Борман многих использовал до тех пор, пока они не превращались для него в помеху или же в угрозу. Он использовал Рудольфа Гесса для острастки, обращаясь к тем же самым иллюзиям, в которые верил Гитлер. Гитлер ассоциировался со святым Матвеем, а Борман — с Иоанном Крестителем, прокладывающим путь для тех, кто придет за ним. Рассудок Рудольфа Гесса был помутнен такими же болезненными фантазиями. Они стали известны Борману, когда он работал с Гессом.

Умение Бормана обращать слабости других в свою пользу просматривается и в том, как Гессу внушили идею странного полета. Беспощадность, хладнокровное манипулирование другими, способность становиться частью другого человека и соглашаться с чем угодно, не веря в это, — все было использовано

Борманом, чтобы избавиться от Гесса. Борман сыграл на доверчивости Гесса к англичанам. Но более всего он использовал ориентацию Гесса на предсказания и пророческие откровения.

Инструментом Бормана стал сумасшедший гений Карл Хаусхофер, бывший профессором геополитики мюнхенского университета, когда в 1920 году Рудольф Гесс стал его студентом. Хаусхофер верил в предрассудки и влияние почвы на характер нации. По его убеждению, немцы являлись прирожденной высшей расой, испорченной евреями. Германия была призвана контролировав всю Европу — от Атлантического океана до Урала. Многое из этого проникло и в «Майн кампф».

Невероятно, но факт: Хаусхофер был армейским генералом во время Первой мировой войны и немецким военным атташе в Токио. Его мистицизм и проницательные догадки привлекли к нему внимание доверчивых немцев, среди которых оказался и Гитлер. Когда началась следующая война, он наседал на любого, кто соглашался выслушивать его соображения о том, что столкновение с Великобританией неправильно в силу ряда мистических причин. Хаусхофер оказывал влияние на Гитлера через Гесса. Когда Гитлер слушал предсказания подобных людей, он делал это с суеверным вниманием и полным доверием. Англичане в конце концов переманили его личного астролога Луиса де Воля, работавшего по инструкциям секретных служб объединенной разведки союзников в Нью- Йорке с 1941 года. Он был венгром по национальности и жил за счет финансирования, производимого через британских агентов. Один из них, Бен Леви, британский драматург и член парламента, каждую неделю карабкался по ступеням черной лестницы в нью-йоркской гостинице, чтобы заплатить ему в долларах. В задачи Луиса де Воля входило приводить свои предсказания в соответствие с мировыми событиями и время от времени предсказывать Гитлеру неминуемое поражение. Еще один прорицатель в Каире был подкуплен для того, чтобы поместить планету Гитлера — Нептун — в Дом Смерти. Считалось, что через какое-то время это доведет Гитлера до самоубийства.

Вместо того чтобы изолировать Хаусхофера, Борман нацеливал его на долгие беседы с Гессом. Пока Гитлер готовился к войне с Россией, Борман следил за тем, чтобы Хаусхофер сосредоточился на Гессе. Профессор, «ведомый звездами», обратился с письмом к герцогу Гамильтону, который, по его предположению, обладал особым влиянием на короля. Но герцог ему не ответил. Тем временем профессор сказал Гессу, что ему трижды снился сон, в котором заместитель фюрера управлял самолетом, а затем входил в огромный замок с клетчатыми

гобеленами на стенах.

Заместитель фюрера быстро понял, что это значит. В октябре 1940 года он обсудил эту идею с Гитлером. Брат Бормана Альберт присутствовал при данном разговоре. Гитлер тогда не соглашался с предложением Гесса отложить нападение на Советский Союз, пока в соответствии с предсказаниями профессора не будет достигнуто мирное соглашение с Великобританией. В течение следующих месяцев Альберт докладывал Борману о растущем разрыве между амбициями Гитлера и идеями Гесса.

Сын Ильзе Гесс, жены заместителя фюрера, четырех лет, необычайно походил на Мартина Бормана, хотя никто никогда не сделал никаких предположений относительно причин такого поразительного сходства. Однако говаривали про гомосексуальность Рудольфа, и Борман поддерживал эту репутацию, распуская слухи, будто Гесс демонстрировал свою мужественность способами, которые вряд ли можно было назвать нормальными. Ильзе удивляло, что Борман одобрял идеи профессора в частных беседах, совершенно отвергая их на публике. Впоследствии она называла Бормана беспринципным карьеристом, лестью снискавшим любовь ее супруга. Это интересная мысль! В любом случае не было предпринято практически никаких усилий, чтобы запретить Гессу совершать продолжительные полеты, длившиеся до двух часов и более.

Итак, Гесс совершил свой полет в Англию и был поражен, когда попал в британскую тюрьму. Там он, встречаясь с лордом Бивербруком, говорил о приближавшемся завоевании Советским Союзом всего мира. Бивербрук доложил Черчиллю, что Гесс совершенно здоров: «Возможно, у него ненормальное представление о себе, но он не сумасшедший».

Черчилль сообщил Рузвельту, что заместитель министра не проявляет признаков сумасшествия и вообще вполне здоров. Затем он задумался над новой ролью Мартина Бормана. Этот пробел в разведывательных данных требовалось восполнить. Никто не имел о Бормане достаточных сведений для того, чтобы делать какие-либо утверждения. Последующие разговоры с Гессом укрепили подозрения, что Борман преднамеренно навел его на мысль об этой странной миссии.

Что бы ни говорила госпожа Гесс о Бормане, она позволяла ему проводить немало времени со своим сыном Вольфом. Между ними возникла крепкая дружба, и после войны, во время поиска Бормана, слежка была установлена и за молодым Вольфом Гессом, как и за всеми членами семьи Борманов!

Ответные действия Бормана, последовавшие за заявлениями Гитлера о том, будто его заместитель страдает галлюцинациями,

были предсказуемы. Юный адъютант Гесса капитан Карлхайнц Пинч, живший рядом с Гессами в окрестностях Мюнхена (в Пуллахе), был приглашен на обед к фюреру. Пинч вошел, держа в руках письмо, которое Гесс попросил доставить Гитлеру. После обеда Гитлер взглянул на Бормана. Коротко кивнув, Мартин встал и объявил Пинчу, что тот арестован. Два телохранителя вошли в зал и увели его. Пинча послали на русский фронт, где он был взят в плен и подвергнут «допросам с пристрастием». Спустя годы, вернувшись, как ни странно, на родину, Пинч говорил, что по прошествии этих лет ему стало ясно, что Борман таким образом заставил его замолчать, так как ему было слишком много известно о той роли, которую Борман сыграл в заговоре, ставшем для Гесса фатальным.

После побега мужа госпожу Гесс выселили из берлинской квартиры, расположенной на третьем этаже дома номер 64 по Вильгельмштрассе. Ей приказали составить перечень вещей, принадлежавших Гессу, а его дом на Гартхаузерштрассе был конфискован. Ответственность за указанные действия приписывали Борману. Однако спустя многие годы при изучении полицейских записей выяснилось, что эти приказы отдавал шеф гестапо Мюллер.

Когда Бивербрук делился со Сталиным своими впечатлениями о миссии Гесса, в их разговоре наступила длинная пауза: предложение об объединении нацистской Германии с Великобританией против России действительно потрясло Сталина, вспоминал позднее Бивербрук.

В СССР подозревали следующее: Борман убедил Гесса бежать, поскольку Борман был британским агентом; несмотря на провал миссии Гесса, она позволила Борману наладить прямой контакт с британской разведкой и Борман оставался британским агентом до самого конца войны. Начиная с этого времени рядом с Борманом всегда находился Мюллер. Говорили, что Мюллер «следил за соблюдением интересов Сталина». Этакий неуклюжий немецкий юмор был связан со стажировкой Мюллера в России.

ПЕРЕДВИЖКИ ДРУЗЕЙ И ВРАГОВ

Приземистый человек прошел на платформу вслед за Гитлером, затем неожиданно присоединился к группе генералов в высоких сапогах.

— Хорошо, прокрутите пленку обратно.

Девушка в Лондонском архиве нажала на кнопку, и фигурки вновь замелькали на экране.

— Теперь включите оба проектора.

Две пленки стали проецироваться рядом: одна зернистая и поцарапанная, вторая красочная. На одной Борман был на нацистском собрании, а другая запечатлела немецкого фермера на берегу притока Амазонки. У обеих фигур обнаруживалось явное сходство жестов. Прокручивая пленки одну рядом с другой, можно было синхронизировать движения пухлого мужчины сорока с небольшим лет и старого крестьянина семидесяти двух лет. Странно!

«Вы напали на след», — сказал Норман Кларк, иностранный управляющий крупного лондонского агентства новостных фильмов «Визньюз». Он был редактором Стивенсона в либеральной «Хронике новостей». Они стояли в помещении, где агентство хранило миллионы метров военных пленок. Кларк подошел к режиссеру, боровшемуся еще с одной коробкой с тридцатипятимиллиметровой пленкой. На то, чтобы просмотреть эту пленку, найденную после окончания войны в укрытии в Баварских Альпах, должны были уйти долгие часы. В 1972 году эти пленки таинственным образом обнаружились в «швейцарских пещерах» в результате соглашения между американскими компаниями признать авторские права. Британцы же до сих пор отказывались удовлетворить финансовые претензии поставщиков.

Над собравшимися в хранилище стояла безмятежная тишина, во дворах частных домов цвели розы.

Борман мелькал на пленках то тут, то там, но появлялся лишь на несколько секунд, и оказалось очень трудно опознать его наверняка. Была видна лишь немного сутулая фигура с плоским чемоданом и неизменной улыбкой на лице. И всегда за спиной Бормана находился один и тот же щеголеватый человечек в серой куртке и черных бриджах — шеф гестапо Мюллер. В этой толпе он выглядел неожиданно привлекательно.

…На переднем сиденье гитлеровского «Мерседеса» расположились два человека, ехавшие в альпийскую крепость, где впоследствии исчезло столько нацистских лидеров. Неровная, в выбоинах дорога бежала вверх между скал… Теперь эти двое

стояли перед большими бронзовыми воротами. По всей видимости, фильм снимали, чтобы запечатлеть вход в убежище Гитлера. Длинный туннель врезался в склон горы. На его дальнем конце обитый медью лифт поднял Бормана, Мюллера и оператора на несколько сотен метров, доставив их в дом рейхсканцлера.

В послевоенных исследованиях впечатляющий вход в Орлиное гнездо сравнивали с возвращением в материнское чрево. Вершина вертикальной шахты открывалась в грандиозную галерею римских колонн. В золотистом свечении альпийских сумерек круглый зал с окнами по всему периметру создавал впечатление парения.

Борман наблюдал за строительством Орлиного гнезда. Он начал обносить территорию колючей проволокой, сооружать бункера и блокгаузы. Стремился ли он сознательно воплотить сексуальные фантазии Гитлера? Вряд ли. Просто он и здесь инстинктивно чувствовал, как надо манипулировать другими.

Фильму, который просматривали на этот раз в Лондоне, было тридцать Лет. В то время когда он снимался, Борману уже принадлежала реальная власть. Гесса устранили. На обеде в берлинском ресторане один из гостей впоследствии вспоминал: «Мы как-то говорили о мрачном настроении Гитлера. Борман сказал ему: «На Вас лежит огромное бремя забот, и успешный исход великой кампании зависит только от Вас. Провидение избрало вас в качестве своего инструмента для определения будущего всего мира. Вам известна ваша задача до мельчайших подробностей. Я уверен, мой фюрер, Вы все тщательно продумали. Ваша миссия будет успешной!»» На рассвете следующего дня, 22 июня 1941 года, три миллиона немецких солдат двинулись на восток — к Москве и Кавказу.

Человеком, описавшим тот эпизод, когда Борман выразил фюреру свое полное одобрение, был генерал-лейтенант Вальтер Шелленберг, в прошлом звезда германской внешней разведки. Спустя два месяца между Борманом и одной из его жертв развернулась борьба, казавшаяся Шелленбергу более важной, чем страшные битвы, предвещавшие поражение на Востоке.

Новым соперником Бормана стал Генрих Гиммлер, чья империя СС функционировала как государство в государстве, подчиняясь своим собственным законам. Для борьбы Борман искал себе союзника в эсэсовском аппарате и нашел его в лице нелепого Эрнста Кальтенбруннера. Даже Гиммлер признавался, что испытывал страх перед австрийским великаном, когда-то ходившим в школу вместе с Адольфом Эйхманом и «прирученным» в Австрии Отто Скорцени. Борман поддерживал Кальтенбруннера еще до войны. Гиммлер навестил его в 1938

году, чтобы взять его на поруки. Эрнст тогда увяз в долгах из-за любви к спиртному и проституткам. Ханжеская лекция главы СС о том, как плохо жить не по средствам, показалась ему очень смешной, изуродованный шрамами великан сотрясался от хохота. И это совсем не удивительно, ведь Борман уже тогда снабжал его деньгами.

Но прежде, чем конфликт с Гиммлером достиг своего апогея, был устранен еще один соперник. Генерал СС Рейнхард Гейдрих в 1942 году владел системой террора, не имевшей себе равных. Он был известен как «Пражский мясник», занимая должность «наместника рейха». Он являлся главарем бандитов и головорезов гестапо и прочих организаций тайной полиции. 27 мая 1942 года он ехал в Прагу в открытом зеленом «Мерседесе» из своей летней резиденции, и два чешских агента, сброшенные на парашютах с британского самолета несколькими месяцами ранее, метнули в него гранаты и стреляли из пистолета-пулемета системы «Стен». Мясник Гейдрих умер несколько дней спустя от ужасных болей: куски стали и конский волос из обивки кресел автомобиля попали Гейдриху в печень и селезенку.

Расследование покушения вел Мюллер. Осколки гранаты показывали, что она была изготовлена в Великобритании. Он вычислил маршрут передвижений агентов и пришел к выводу, что покушение стало логическим следствием бегства из Германии заместителя фюрера Гесса. Смерть Гейдриха была очень выгодна Борману, и вновь возникал вопрос: неужели и эту операцию спланировал серый кардинал Гитлера?

Шелленберг придерживался именно этого мнения. Он описал в своем дневнике то, как разные люди вели себя на похоронах Гейдриха. Адмирал Вильгельм Канарис, глава военной разведки, не скрывал своих слез, хотя гибель Гейдриха была ему на руку. Гиммлер, выступая перед собравшимися, заявил: «В этой области успехи нашей разведки не могут сравниться с достижениями британских секретных служб». Фюрер прочел официальную речь. Шелленберг записал, что он не мог не ассоциировать разыгранный спектакль с сюжетом некой картины эпохи Возрождения. После покушения всех жителей чешской деревушки Лидице, где, по слухам, скрывались заговорщики, согнали в местную церковь, которую заперли и подожгли. Пытавшихся бежать расстреливали.

Место, освободившееся после убитого Гейдриха, занял человек, который мог стать надежным союзником Бормана. Этим человеком оказался изуродованный шрамами великан и ветеран старых бандитских сборищ Эрнст Кальтенбруннер.

Братство сплачивало ряды. Еще один союзник Бормана, Эрих

Кох, стал рейхскомиссаром Украины. Когда-то он вместе с Борманом нес гроб нацистского мученика Лео Шлагетера, казнь которого привела к убийству Кадова. В группировке все нуждались друг в друге, чтобы получать новые блага. Они радушно приняли Кальтенбруннера, члена немецкого братства Австрии, и были готовы связаться с другими молодыми авантюристами, подобными Отто Скорцени, ставшему впоследствии официальным представителем гитлеровских головорезов, наделенным правом убивать и собирать оружие и драгоценности, чтобы помочь Братству пережить любую катастрофу.

А катастрофа надвигалась. Это было время Сталинградской битвы, поворотного момента входе всей войны, и Борман понял это своим звериным чутьем задолго до ее начала, уловив запах тления рейха. Он чувствовал его и в деталях военных операций, и в организации рабского труда, и в массовой ликвидации гражданского населения и военнопленных.

Кох был послан на Украину, чтобы добиться от советских граждан сотрудничества и заполнить места на немецких фабриках работоспособными мужчинами и женщинами. Ему помогал еще один ставленник Бормана — Фриц Заукель, пригнавший три миллиона рабочих, чтобы бросать уголь в топки заводов Рура. Было захвачено в плен пять миллионов советских солдат, с которыми обращались, как с рабами, невзирая на общепринятые правила ведения войны, поэтому из этих пяти миллионов человек четыре погибло.

Возмездие пришло зимой 1942 года. В планы Гитлера входило тогда продвижение по направлению к нефти Кавказа. На захваченных территориях славянское население украинской житницы должно было работать на немецких колониальных фермах. К русским в соответствии с жестокой философией, ставившей господствующую — немецкую — расу на вершину человеческой эволюции, было такое же отношение, как и к евреям.

Все эти планы и даже больше были в мельчайших подробностях известны Сталину. Но он сумел отвлечь Гитлера от кавказских целей, вызвав его интерес к Сталинграду, которому придавалось большое символическое значение — ведь это был город имени вождя! К Сталинграду стянулись лучшие войска гитлеровского блицкрига. Выступая в двадцать пятую годовщину Октябрьской революции — 7 ноября 1942 года, Сталин заявил: «Будет и на нашей улице праздник». Он намекал и на город, названный в свою честь. Меньше чем через две недели за немцами в Сталинграде ловушка захлопнулась.

Из исторических записей, сделанных уже после Сталинграда, известно, что некоторым генералам Гитлер отказал в командовании на этой страшной и грандиозной битве. Фельдмаршал Фридрих фон Паулюс спустя многие годы, а умер он в конце 1950-х, поделился со спецслужбами своими подозрениями, что кто-то, очень хорошо знавший Гитлера, информировал Сталина о каждом этапе этой кампании.

Сталинградская катастрофа совершенно лишила Гитлера мужества. С тех пор он делился своими мыслями только с Борманом. В течение следующего месяца, возможно, в надежде вывести Гитлера из депрессии, Борман объявил о начале «действий по подготовке к решению еврейского вопроса в Европе». Он вновь продемонстрировал свое природное умение умиротворять Гитлера. Гитлер обладал необычайно сильным защитным механизмом, который называется «проецированием» — когда «эго» защищается, приписывая свои отрицательные черты другим. Еврей стал символом всего, что Гитлер ненавидел в самом себе. И теперь вина за то, что в Сталинграде фортуна повернулась к немцам спиной, была возложена на евреев.

Гитлер продемонстрировал свое самообладание в следующей директиве, подготовленной Борманом: «Уже две тысячи лет без какого-либо успеха ведется война против иудаизма. Только с 1933 года мы начали искать пути и средства устранить иудаизм из немецкого общества… Поэтому совершенно необходимо полное перемещение или же уничтожение миллионов евреев, проживающих в европейском экономическом пространстве, во имя безопасности и существования немецкого народа. Начав с территории рейха, двигаясь к остальным европейским странам…. евреев депортируют в большие лагеря, где они будут использованы в качестве рабочей силы или же отправлены дальше на запад».

Потерпев поражение на поле боя, Гитлер восстановил часть былой самооценки, уничтожая беззащитных людей. К концу той зимы Борман обрел официальное признание своей власти ценой жизней тех, кто был отправлен в лагеря смерти. Он спас престиж фюрера, и наградой за это стало назначение его секретарем фюрера 12 апреля 1943 года.

Гитлер никогда больше не говорил с толпами немцев так, как если бы он «соблазнял женщину». Эта перемена в поведении фюрера говорила Борману о том, что марионетка уже не сможет дергаться столь же живо, как прежде. Фюрер, однако, был ему необходим для одобрения собственных маневров внутри нацистского движения. Однако само движение и народ, его породивший, были для него совершенно не связаны друг с

другом. Это ясно чувствуется в записях, письмах и действиях, менее всего связанных с заботой о судьбе Германии. Таковы и его личные приказы, отданные в конце войны и способные превратить Германию в развалины, а ее народ в гору трупов. Его заботило только будущее, основанное на нацистской философии, финансируемое из награбленных богатств и поддерживаемое преданным лично ему Братством — организацией того типа, что процветала еще прежде, чем Германия стала имперской базой для воплощения стремлений сверхчеловека.

Сталинградская катастрофа лишила Гитлера того особого таланта, который давал ему власть над массами. Раньше он возбуждал в немецких мужчинах чувство мужественности, и они были должны демонстрировать свое мужество, изображая из себя задир, в то время как все они унижались, выполняя жестокие приказы. Раз Гитлер уже не мог этого делать, Борман стал рассудительно удалять его со сцены. Когда Гитлер все-таки выступал перед генералами, они видели перед собой трясущуюся карикатуру на человека, когда-то считавшего себя новым императором Барбароссой.

Ни одно из действий фюрера не оставалось не замеченным Борманом. Он контролировал каждый его шаг и внимательно слушал монологи, произносимые им в узком кругу приближенных. Записи Бормана двух последних лет войны подтверждают предположение о том, что он терпеливо ждал поражения Германии и той минуты, когда умирающий фюрер вручит ему документы, делающие его законным наследником, возглавляющим все движение.

В эти критические месяцы присутствие фюрера Борману было совершенно необходимо. Бормана окружали враги, занимавшие высшие посты вне партии, и их ненависть к нему дошла до нас через годы. Ему требовалось усилить свое положение, заставив фюрера издать соответствующие указы. Как секретарь он обрел тайную власть, но из-за своей обезличенности она всегда представляется наиболее опасной. Он мог инициировать или же интерпретировать приказы, и его голос был голосом Гитлера. Люди подчинялись ему, потому что боялись и боготворили эту абстрактную власть. Теперь же стало очевидно, что и некоторые могущественные люди признавали и уважали власть Бормана. Мюллер, ищейкой копавшийся в обстоятельствах странного и как бы своевременного убийства Гейдриха, узнал от свидетелей, что накануне покушения наместник с нетерпением ожидал аудиенции у Гитлера, но когда фюрер появился вместе с Борманом, Гейдрих отшатнулся, а Борман немедленно увел Гитлера. Шелленберг (которому было приказано полностью сосредоточиться на

операциях секретных служб за рубежом) вспоминал, что Гейдрих, несмотря на уверенность в собственной силе, был явно тогда испуган.

Борман являлся хозяином «Волчьего логова» — восточно-прусского штаба, поразившего Альберта Шпеера своим сходством со звериной клеткой. В целях безопасности посетителю приходилось пройти через несколько колец колючей проволоки, находившейся под напряжением, и затем получить разрешение пройти через лес в сопровождении волкодавов, прежде чем он удостаивался приема у секретаря, который потом излагал суть его дела Гитлеру.

За Шпеером, способным преодолеть эти препятствия в силу старинной дружбы с Гитлером и долгих разговоров об архитектуре, Борман тщательно следил. Министр военной промышленности говорил о Бормане с высокомерием: «Он выделялся своей грубостью и недостатком культуры. Подчиненный по природе, он обращался со своими подчиненными, будто со стадом овец. Он был крестьянином». Этот отзыв заставил многих немцев недооценивать роль Бормана. На деле власть «крестьянина» оказалась способна лишить немецкое военное сословие его коллективного сознания. Борман говорил генералу Альфреду Йодлю: «Никогда не напоминайте диктатору о его ошибках. Это необходимо с точки зрения психологии. Иначе он потеряет уверенность в себе». На трибунале, приговорившем его к повешению, Йодль признал, что он следовал этой рекомендации. Если бы он, будучи ответственным за наземные операции, противоречил Гитлеру, у него бы возникли неприятности с Борманом.

«Чем нелепее идеи фюрера, с тем большим восторгом вы должны о них отзываться», — советовал Борман еще одному посетителю, ошеломленному замыслом Гитлера организовать диверсии в крупном советском промышленном центре — Магнитогорске, расположенном на Урале. «Все, что от вас требуется, это создать видимость подготовки. Постоянно заверяйте фюрера, что работы по осуществлению плана движутся полным ходом. Затем постепенно, раз за разом внушайте, что определенные внешние факторы могут помешать завершению грандиозной работы. Мысль, что план может быть и не выполнен, должна просачиваться в сознание фюрера таким образом, чтобы автор проекта сначала стал удивляться своему прежнему энтузиазму, а затем отложил реализацию плана в долгий ящик, если к этому времени он вообще о нем не забудет».

Некоторые из таких абсурдных планов были подсказаны фюреру самим Борманом или же подсказаны Гитлеру другими во

время долгих разговоров у камина. В то время это казалось западным наблюдателям всего лишь частью бандитских забав команды Бормана. Да, бандитское ребячество тут присутствовало, но когда британские агенты пытались похитить фельдмаршала Эрвина Роммеля, первые же отчеты разведчиков были перехвачены Борманом.

Казалось, что Борман озабочен развитием международного нацизма. Глава службы разведки Шелленберг должен был посылать ему копии отчетов обо всех операциях, проводимых за рубежом. Таким образом Борман познакомился с сетями нацистских осведомителей на Ближнем Востоке и в Латинской Америке и с огромными шпионскими базами на Пиренейском полуострове. Ему были известны имена нацистских агентов и сочувствовавших нацизму, включая египтянина Анвара Садата, которому предстояло стать президентом Объединенной Арабской Республики. Спустя годы хорошо видно, что исчерпывающая информация о тех местах, где пустил корни нацизм, могла понадобиться Борману — самоназначенному хранителю нацистской идеологии — и для того, чтобы знать, где можно было бы найти укрытие. Он имел в своем распоряжении все необходимое для тайного перемещения денежных средств. Это осуществлялось через каналы, организованные для снабжения немецких шпионских сетей и для доставки особых грузов, подобных демонтированным ракетам, перевозившимся на подводных лодках в Японию, и для создания за рубежом укрепленных лагерей с целью укрытия тех, кто уцелеет в европейской катастрофе.

Контролировать информационные аппетиты Бормана было некому. Считалось, что он запрашивал данные, необходимые Гитлеру. Нацисты среднего уровня и те вожди, что не были напрямую втянуты в борьбу за власть, смотрели на Бормана с презрительным любопытством. Но это отношение давало Борману преимущество, поэтому он преднамеренно демонстрировал плохие манеры и отсутствие знаний. Он вызывал страх в людях, подобных Гиммлеру, который считал этого крестьянина коварным, сказав однажды: «Он разрушит наш план по завершению войны, доведя ее до компромисса со Сталиным». Он несомненно радовался бессилию аристократичного главы генерального штаба генерала Хайнца Гудериана, шипевшего: «Нужно что-то сделать с этим зловещим беспризорником».

Беспризорник… крестьянин… свинья, роющая землю в поисках картошки… Какое хорошее прикрытие для человека, избавившегося от Рема, Штрайхера, Гесса, вероятно, и от Гейдриха, и намеренного уничтожить Гиммлера, Геббельса и

Геринга! О Геринге известно, что он создавал в голодные годы партийные фонды, применив такие схемы, как обязательное страхование всех нацистов, и нашедшего способ получать авторские отчисления всякий раз, когда профиль Гитлера появлялся на почтовых марках, плакатах или же на государственных векселях. Он заманил увертливого Гиммлера в ловушку, добившись его назначения на унизительную должность — главнокомандующего группой войск на Висле, что привело в ужас солдат и заставило Гиммлера только мечтать о славе, которой не суждено было осуществиться…

Задолго до заговора 1944 года, нацеленного на убийство Гитлера, Борман установил контроль над путями к отступлению и над запасами сокровищ, сосредоточенным за рубежом. Истинное значение Бормана лучше всех выразил сам фюрер, когда — уже ближе к концу нацистской Германии — кричал своему личному фотографу Генриху Гофману: «Тот, кто выступает против Бормана, выступает против государства!»

С ДУМОЙ О НОВОМ РЕЙХЕ

Мартин Борман начал планировать создание четвертого рейха после немецкого поражения под Сталинградом. В 1943 году он несколько раз собирал на тайные совещания промышленников, которые десятью годами раньше помогли Гитлеру достичь власти. Они прислушивались к Борману, потому что он демонстрировал удивительный талант в финансовых играх, плетении заговоров и перераспределении тайных фондов. Он предложил перевести ликвидные активы в безопасные места за пределами Германии, сосредоточить запасы золота и других драгоценностей в Альпах и собрать верных нацистов в Альпийской крепости, обеспечив себе пути отступления в соседние страны. Результатом этих совещаний стало появление печально известных организаций, созданных для защиты нацистов и сохранения их идеологии, в число которых входила и ODESSA. Прошло еще тридцать лет, прежде чем стали с большими перерывами появляться подробности этой истории.

Союзникам было известно о приготовлениях Бормана. В 1946 году некоторые детали упоминались в докладе казначейства США. Чиновники казначейств Великобритании и США, напав на след, стремились сохранить полную секретность. Они конкурировали с Советским Союзом в поисках исчезнувших вождей четвертого рейха и сокровищ, оценивавшихся в 800 миллионов долларов США.

В конце войны Борман обеспечил надежный рост нацистских сбережений, которые к 1973 году превратились в гигантское состояние. Тогда золото являлось единственно надежным способом вложения средств. Считалось, что около 95 тонн этого металла все еще находится у нацистов. Для сравнения отметим, что в государственном и частном владении насчитывается только 75 000 тонн золота.

Также изменилась и политическая ситуация. Ранее таившиеся нацисты теперь бросали вызов своим врагам, не осмелившимся схватить их вовремя. Кое-кто из них стремился доказать, что они все делали правильно, а национал-социализм был единственным противоядием против коммунизма. Другие богатели в укромных местах, используя запасы, сохраненные благодаря Борману. Эти люди мечтали на склоне лет наконец начать свободно тратить свои деньги. Если Мартин Борман остался в живых, то у него никогда не было бы более сильного соблазна выйти на поверхность, чем в это время.

Профессиональные охотники за нацистами теперь не видели

смысла сохранять прежнюю секретность. Общество получило возможность увидеть целостную картину, соединив отдельные эпизоды истории. За этим последовало разоблачение ODESSA и родственных ей организаций.

ODESSA перестала быть фантазией, превратившись в суровую реальность. Эту организацию создали для защиты бывших членов СС и гестапо, ставших хранителями нацистской партии и партийной философии. Как только послевоенное общество начало более терпимо относиться к людям, обвиняемым в военных преступлениях, ODESSA перешла к более активным действиям. Она все больше изменялась, и многие из ее подопечных мало-помалу проникали в общественную жизнь Германии. Она породила новые организации, помогавшие в занятии ключевых должностей тем, кто верил в национал-социалистические идеалы. Все они зависели и в финансировании, и в идеологии от стратегов Братства. Существовали такие группы, как «Товарищеская помощь» (Kameradschaftshilfe), заботившаяся о военных экспертах; «Зальцбургский круг», работавший с обвиненными в военных преступлениях и ожидавшими суда; «Деятельность для товарищей», проталкивавшая на службу в полицию тех, кто отрекался от гитлеровского наследия ради восстановления национал-социализма.

Все они зародились из инициатив 1943 года и достигли высшей точки развития на следующий год, через двадцать дней после провала заговора против Гитлера. 10 августа 1944 года в Страсбурге, в гостинице «Мэзон Руж» собрались главы промышленных династий, которым вновь понадобился талант Бормана. Там присутствовали представители и военного ведомства, и министерства вооружения. Целью встречи считалось обсуждение отправки за границу проектов секретного оружия. На самом же Деле никто из присутствовавших не верил ни в магические силы Гитлера, ни в существование оружия массового уничтожения. Люди технического склада, подобные Вилли Мессершмитту, создавшему такие удачные самолеты, как МЕ-109, были не настолько глупы! Впоследствии Мессершмитт бежал в Испанию и основал небольшое предприятие по производству металлических изделий, продолжая в то же время заниматься созданием новых самолетов.

Скрывая за заботой о сохранности промышленных секретов Германии истинную цель конференции, ее организаторы заручились поддержкой со стороны немецкой разведки и отделений немецкой полиции, расположенных за рубежом. На самом деле промышленники готовились к послевоенным экономическим операциям. Каждый промышленник должен был с

партийной помощью незаметно обосноваться за границей. Взамен партия (в данном случае под партией подразумевался Борман) рассчитывала получить доступ к резервным фондам.

Страсбургская конференция подробно отражена в документах. Папки с этими отчетами были обнаружены американской контрразведкой. С полученной информацией ознакомились службы союзнического правительства, занимавшиеся поиском украденных ценностей. Некоторые сведения просочились через итальянское государственное управление поиска, разыскивавшее утерянные шедевры искусства и обнаружившее, что Борман распорядился об их складировании в Альпийской крепости. Остальные подробности стали известны после свержения президента Аргентины — Хуана Перона. Тогда Сильвио Сантандер, позднее назначенный послом в Испании, взялся за выявление коммерческих предприятий в Латинской Америке, финансировавшихся нацистами. Чешское правительство также немного приоткрыло завесу над тайной, когда водолазы подняли со дня Черного озера несколько запечатанных ящиков с нацистскими документами. Но Прага в то время считалась коммунистической, и к чехам прислушивались немногие страны. Среди них оказалась Югославия. Ее правительство было радо заполучить найденный в одном из ящиков Черного озера список 1800 югославов, являвшихся тайными агентами гестапо.

Стали известны источники финансирования ODESSA. Борман разработал сложный план по перераспределению средств через иностранные компании, перечисленные в докладе казначейства США в 1946 году. Список включал 750 коммерческих предприятий, разбросанных по всему миру — от Швейцарии до Ближнего Востока и Латинской Америки. 200 — на Пиренейском полуострове, 35 — в Турции, 98 — в Аргентине, 214 — в Швейцарии. Эта «техническая сеть», как ее называли на страсбургском совещании, управлялась высококвалифицированными экспертами в области промышленности. Исследовательские институты строились около озер и заводов, использовавших гидроэнергию, так что у «инженеров» нового, четвертого рейха было отличное прикрытие для сбора информации и денежных средств в виде проведения научных исследований.

В первые годы своего существования ODESSA финансировалась через ближневосточные агентства, занимавшиеся импортом и экспортом, при помощи средств, вырученных в ходе продажи снятой с вооружения военной техники и транспорта США и других союзников, а также металлолома.

Немецкие ценные бумаги, выпущенные в тридцатые годы и все еще конвертируемые спустя 3–4 десятилетия, были переведены из Третьего рейха через сеть иностранных компаний, находившихся под тайным контролем Германии. В 1944 году стоимость этих бумаг составляла около 100 миллионов американских долларов. Послевоенное федеральное правительство не могло их обналичить, не выяснив их владельца. Борман предугадал подобную ситуацию. Многим офицерам СС приказали поставить свои подписи на пустых листах бумаги, для того чтобы в случае необходимости изъять средства. Этими банковскими счетами могли воспользоваться видные нацисты и предприниматели, которые ожидали, как следует из документов страсбургской конференции, что им придется провести некоторое время в тюрьме в качестве наказания за военные преступления. Основной целью конференции являлось формирование плана действий во время союзнической оккупации. Надо было позаботиться о семьях главных военных преступников. Менее одиозным фигурам гитлеровского прошлого предстояло заново строить основы партии за границей, а если возможно, — в Германии.

Был запущен механизм накопления и укрытия будущего богатства. По сети железных дорог из всех уголков Европы в лагеря смерти свозились «недочеловеки». Шедевры искусства, ювелирные изделия, драгоценные камни, золотые коронки и прочая добыча концентрировались в Альпийской крепости. Немецкая компания «Дегусса» («Degussa») переплавляла коронки в золотые бруски. Особый отдел Рейхсбанка, занимавшийся награбленным (конечно, столь откровенные термины не применялись), отвечал за активы, которые было трудно обналичить сразу. В концентрационном лагере в Ораниенбурге упаковывали ювелирные украшения и обрабатывали золотые изделия. Все переправлялось в район Альтаузее.

Альпийская крепость являлась очевидным прикрытием. В 1944 году тут было зарегистрировано 17,5 тысячи взрослых жителей, а год спустя американские специалисты насчитали 80 тысяч взрослых граждан, но отнюдь не солдат, готовых сражаться до конца. Здесь находились семьи известных немцев, а также люди, направлявшиеся тайными тропами за границу. Все пребывали в полном замешательстве. Согласно заявлениям чиновников Британского казначейства, глава службы безопасности Эрнст Кальтенбруннер доставил сюда из Берлина пятьдесят ящиков золотых монет, два миллиона американских долларов, пять ящиков с бриллиантами и другими драгоценными камнями и определенное количество золотых слитков, которые

были зарыты в саду около дома, где он впоследствии укрылся. Спустя некоторое время после бегства Кальтенбруннера Йозеф Пухерль, местный фермер, откопал 2 железных ящика, в которых было более 10 тысяч золотых монет.

Сначала в работе организации (SS-Angehôrigen — ODESSA) были проблемы. Личному бухгалтеру Бормана, обладавшему богатой фантазией, экономисту Гельмуту фон Гуммелю пришлось закопать клад из золотых монет на сумму около 5 миллионов долларов рядом с убежищем Гитлера, прежде чем уйти в подполье. Ему не удалось установить связь с «Хаддадом Саидом» — в реальности капитаном СС Францем Рештелем, организатором побегов, впоследствии курсировавшим по делам Братства между Испанией и Уругваем.

В то время пути отступления были довольно надежными. Дороги соединяли так называемые «распределительные центры», и через каждые 80 километров пути располагались укрытия. Сотрудники станций знали только о предыдущем и следующем остановочном пункте. Именно поэтому система получила свое название — «Паук» (die Spinne). Основными направлениями являлись сухопутная дорога между Гамбургом и Римом и водный путь Гамбург — Генуя. Часть маршрутов во многом совпадала с тайными путями, по которым переправляли евреев. Поэтому основное из того, что оказалось известно об ODESSA и ее более развитом партнере — «Пауке» (использовавшемся только для проведения крупномасштабных операций), произошло благодаря израильским сановникам, бывшим в первые послевоенные годы экспертами по перемещению из Европы тысяч выживших евреев. Так, Анте Павелич, нацистский глава отделившегося Хорватского государства, бежал, использовав дорогу, частично совпадавшую с еврейским маршрутом в Рим. Там католическая церковь приютила половину выживших из восьми тысяч римских евреев. И в это же время такая же помощь была оказана беглым нацистам.

Лагеря беженцев использовались для установки контактов. Но и Борман, вероятно, был поражен тем, с какой скоростью развивалась и совершенствовалась эта изначально примитивная система. К 1955 году немецкие военнопленные, возвращавшиеся из Советского Союза, направлялись к адвокатам, защищавшим их интересы. ODESSA занималась юридическими вопросами и оценивала отношение общества к возвращавшимся нацистам, а подконтрольная ей организация HTAG (акроним «Солдатского общества взаимопомощи бывших военнослужащих» войск СС) прибегала к политическому давлению в Германии и за рубежом, чтобы облегчить их положение. Например, благодаря HTAG Бонн позволил бывшим офицерам СС служить в новой федеральной

армии, сохранив при этом те звания, которые они носили при Гитлере. HTAG продемонстрировало, насколько изменилось положение, позволив публично выступить на публике генералу Курту («Танку») Майеру, командиру СС, приговоренному канадским трибуналом к смерти. 20 мая 1960 года Майер оказался не только далек от того, чтобы быть казненным, но находился на свободе и вещал с трибуны на митинге, организованном HTAG, он признавал: «Ветераны СС должны продолжить сражаться за то дело, за которое пали наши братья». Никто не поставил под сомнение подразумевавшуюся в этом заявлении мысль о том, что погибшие канадцы (истребление которых стало причиной смертного приговора, вынесенного Майеру) пали за неправое дело.

Подобное наглое переосмысление ценностей шокировало тех, кто сражался с фашизмом. Это продемонстрировало, сколь быстро под материнским крылом ODESSA пышным цветом вновь расцветали национал-социалистические идеи. Было ясно, что изобретательность Бормана и его приспешников неисчерпаема. Развитие новой организации поражало не меньше, чем рост AHSDI — Фонда немецкой промышленности Адольфа Гитлера. С 1933 года он предоставлял в распоряжение Бормана взносы, делавшиеся немецкими промышленниками. Каждый год они давали все больше, и каждый год Борман превращал строительство Третьего рейха во все более причудливое предприятие. Через десять лет фонд предоставил Гитлеру денежные средства, достаточные для того, чтобы править Европой и ломиться в ворота Кремля. Тайный подъем ODESSA происходил медленнее, а изменения внутри нее были менее заметными.

«Нацистский режим в Германии разработал хорошо продуманный план по сохранению нацистских доктрин в послевоенное время, — докладывал исследовательско-аналитический отдел Бюро стратегических служб США в марте 1945 года. — Некоторые из этих планов уже находятся в стадии реализации, а другие готовы к крупномасштабному запуску сразу после прекращения военных действий в Европе».

Этот вывод основывался на дешифровках радиопереговоров между Германией и секретными станциями в Южной Америке. Сообщения были перехвачены базой британской разведки на Бермудах, работавшей совместно с американскими дешифровщиками. Большинство переговоров велось между Берлином и Буэнос-Айресом. Сообщения транслировались через мощный передатчик немецких военно-морских сил в Бордо, на территории оккупированной Франции.

В штабе «Малыша Билла» — Стивенсона в Нью-Йорке — обрабатывалось огромное количество секретных сообщений, доходившее до миллиона кодовых сочетаний в день. Разведданные относительно нацистов в Южной Америке в основном собирались сетью Стивенсона, исходя из целей иностранной политики США в этом регионе. Он посылал генералу Донована столько данных, сколько мог, зная, что УСО собрало «команду самых талантливых аналитиков за всю историю разведки». В ответ американские разведчики также передавали британцам интересовавшую их информацию. Особенно в этом отличился Аллен Даллес, возглавлявший в то время отделение БСС в Швейцарии, который однажды завладел микропленками, содержавшими около двух тысяч фотокопий документов немецкой дипломатической переписки за восемнадцать месяцев. Большая часть этой переписки оказалась напрямую связана с планами немцев в Южной Америке, и таким образом было обеспечено независимое подтверждение информации, полученной через радиоперехваты У.Стивенсона.

Немецкие послевоенные планы, по мнению аналитиков БСС, сводились к следующему: «Члены нацистской партии, немецкие промышленники и немецкие военные, поняв, что победы уже не достичь, развивают теперь послевоенные коммерческие проекты, стараясь возобновить и укрепить дружеские связи в иностранных деловых кругах, подтвердить довоенные соглашения.

Немецкие технические специалисты, культурологи и тайные агенты имеют хорошо продуманные планы по внедрению в зарубежные страны с целью развития экономических, культурных и политических связей. Немецкие технические специалисты и ученые должны быть доступны в качестве дешевого персонала промышленных предприятий и технических училищ в зарубежных странах. Немецкий капитал и планы создания сверхсовременных технических учебных заведений и научно-исследовательских лабораторий необходимо предлагать на наиболее выгодных условиях, так как это предоставит немцам превосходную возможность создавать и совершенствовать новое оружие».

Несколько видоизмененная версия этого доклада была обнаружена в документах Государственного департамента и министерства иностранных дел США: «Мы располагаем фотокопиями нескольких томов немецких планов, включая программу пропаганды, направленную на устранение союзнических контрольных мер путем «смягчения» позиций союзников через призывы к «справедливому» обращению с немцами. Позднее программа должна быть расширена и усилена с

целью возрождения нацистских доктрин и продвижения немецких амбиций достижения мирового господства. Если не разобраться с этими планами, они будут представлять постоянную угрозу послевоенному миру и безопасности».

Союзники устанавливали тайные связи с влиятельными немцами, которых можно было убедить помогать им в самые тяжелые месяцы войны. Мотивы этих немцев имели свои особенности. Сейчас это может показаться элементарным, но в то время все было не столь очевидно. Существовали немецкие высокопоставленные военные, стремившиеся любым способом избежать негативных последствий поражения и утверждавшие, что они сражались с большевизмом, а ни с чем бы то ни было иным. Имелись и партийные чиновники, главы СС и гестапо, а также разочаровавшиеся немецкие разведчики, желавшие выбраться из развалин рейха, чтобы возродить свою веру за границей и вновь посеять ее в восстановленной Германии, когда военные воспоминания ослабнут. Для этих нацистов, чуждых компромиссам, были особенно важны многотомные записки увлекавшегося литературной деятельностью евангелиста движения — Мартина Бормана. К этим «Бумагам Бормана», как их назвали впоследствии, относились с таким же трепетом, как к величайшим религиозным писаниям прошлого или же к работам Маркса и Ленина.

Было известно, что Борман подготовил эти записки задолго до того, как покинул горящие руины Берлина. «Георг Вуд», высокопоставленный чиновник министерства иностранных дел Германии, снабдил этими сведениями Аллена Даллеса наряду с информацией по немецким шпионским сетям, способным предоставить нацистам транспорт и убежище. Подобные ему информаторы докладывали, что фюрер лично уполномочил Бормана взять под свою ответственность целый отдел стенографисток, которые печатали все новые порции мыслей верховного вождя национал-социалистического движения. Таким образом должна была быть сохранена нацистская вера.

Перед тем как развернулась полномасштабная охота на Бормана, противостояние между Западом и Советским Союзом привело к появлению новых приоритетов. В таком политическом климате внимание союзников уже не фокусировалось на беглых военных преступниках, которым и так способствовала и обстановка в Европе, лежавшей в развалинах, и система разнообразных нацистских организаций, на которые Борман рассчитывал в случае побега и необходимости надежной перевозки своих бумаг и финансов.

На момент капитуляции Германии в национал-

социалистической партии числилось восемь миллионов человек. Будучи почетным членом СС, Борман принадлежал к тем сотням высокопоставленных немцев, что имели право носить знак черепа, черную форму и значок из двух рунических S. Слово «почетный» придумали не нацисты. В атмосфере тех фанатичных лет принадлежать к СС было почетно. В эсэсовской гвардии рейхсканцелярии служили мужчины, подобранные туда за высокий рост, стройную фигуру, голубые глаза и светлые волосы — словом, обладавшие тем типом мужской красоты, от которого, как говорят, Гитлер получал особое удовольствие.

Организация СС контролировала лагеря смерти, ее члены занимали ключевые должности в крестьянских консультациях и отделах расовой политики. Лидеры СС стояли на страже науки и здоровья. Они являлись «новым типом религиозной секты», — заявлял майор СС Дитер Вислицени, помощник Эйхмана в истреблении евреев. В СС существовали отделы, занимавшиеся немецкой археологией, человеческими инкубаторами и собирательством скелетов. Как было написано в примечании к указанию профессору Гансу Фляйшхакеру, собирать черепа следовало «предпочтительно без повреждений». Поэтому евреев полагалось «умерщвлять без вреда для их черепов». В отличие от большинства своих коллег профессор Фляйшхакер не изменил свое имя после войны и спустя тридцать лет читал лекции по биологии во Франкфурте.

Существовали также организации СС, занимавшиеся алхимией и астрологией, адаптацией лошадей к условиям степи. Но ни одна из них, как ни странно, не была связана с экспериментами над ураном, проводившимися в Шварцвальде. За рубежом СС содержала ночные клубы. Ее деловые предприятия были расположены в различных частях света, в местах, удобных для дальновидных нацистов, которых позже разыскивали по обвинению в военных преступлениях.

Лидеры нацистов планировали побег задолго до окончательного поражения. Тогда как Борман в феврале 1945 года настоял на мобилизации еще шести тысяч пятнадцатилетних подростков, великий глава ордена СС Генрих Гиммлер тайно встречался со шведским графом Фольке Бернадоттом, пытаясь спасти собственную шкуру. Вернер Науман, нацистский министр пропаганды, выступил в Мюнхене с речью, восхвалявшей верность двенадцатилетнего «солдата», а между тем истинной целью пребывания Наумана в Мюнхен являлись переговоры о его уходе в подполье.

Генерал Карл Вольф, глава немецкой полиции в Италии и итальянских подразделений СС, и прочие чиновники, способные

вести переговоры, заключали сделки с секретными службами союзников в Швейцарии, а предметом торга служила капитуляция немецкой армии в Италии. «Вольф — эсэсовец, безмерно преданный Гиммлеру, — писал в своем дневнике маршал виконт Аланбрук. — Не может быть, чтобы он занимался подобным». Но он занимался! Вольф продался в обмен на обещание Аллена Даллеса, что его не будут преследовать за военные преступления.

«Все немцы мужского пола в доме, над которым вывесят белый флаг, будут расстреляны!» — гласил указ, изданный в то время, когда Гиммлер пытался добиться благосклонности союзников, предложив освободить заключенных из лагерей смерти. Борман, запихивая ценные официальные документы Третьего рейха в особые сумки, призывал немцев: «Сражайтесь или же умрите! Только негодяи покидают свои посты».

Существовали различные организации, устраивавшие побеги. Те, что работали с членами СС, были основаны при помощи немецкой разведки за рубежом. Лидеры СС могли, ни перед кем не отчитываясь, путешествовать так, как им угодно. Они переправляли деньги и ценные вещи посредством немецкой авиалинии «Люфтганза», либо через нейтральные города типа Мадрида. Они также могли претендовать на места для пассажиров и багажа в подводных лодках и на любых судах. В 1943 году лидер индийских антибританских заговорщиков С.Чандра Бос был доставлен в Германию для переговоров с Гитлером на подводной лодке. Это осуществили по просьбе Шелленберга и на основе его договоренности с Гитлером. Японский контр-адмирал Исо Коджима прибыл в Германию также на подводной лодке в 1944 году и вернулся домой с золотыми слитками, оказавшись среди пассажиров, отобранных генерал-майором СС Вильгельмом Монке.

Войска СС являлись естественным каналом передачи нацистского мистицизма будущим поколениям. В 1939 году Борман сделал запись тайного обращения фюрера к офицерам, где Гитлер говорил о планах развития на следующие сто лет, за которые путем тщательного отбора удастся вырастить элиту, правящую миром. «Те, кто не видит в национал-социализме ничего, кроме политического движения, мало что в нем понимают, — сказал он в другой речи. — Это больше, чем религия, это намерение создать человека заново».

Так как внутренняя деятельность этого тайного общества скрывалась от публики, СС считалась таинственной, зловещей и непонятной организацией, что создавало благоприятные условия для ее выживания.

Борман абсолютно соответствовал общей двуличности

империи СС, в которой за красивыми речами скрывалась истинная сущность отъявленных головорезов. Тем, что выходило за рамки достоинства и смелости эсэсовцев, вынуждали заниматься обывателей. Существовало 45 тысяч эсэсовских наблюдателей, следивших за порядком на улицах, 65 тысяч агентов, разыскивавших врагов государства, 2 миллиона 800 тысяч полицейских, подчинявшихся командирам СС. 40 тысяч охранников терроризировали заключенных в 20 основных концентрационных лагерях и в 160 лагерях принудительного труда. Войска СС насчитывали до 950 тысяч человек. Еще 100 тысяч информаторов следили за тем, чтобы все немцы демонстрировали свою полную преданность и словом, и делом (конечно, уследить за мыслями было труднее!). Чтобы предотвратить любую утечку информации, ни один эсэсовец не мог обратиться в обычный суд.

У Бормана имелось что противопоставить империи Гиммлера. Он достиг невероятной тайной власти в партии с тех пор, как начал контролировать центральные административные рычаги и казну. Сеньоры и вассалы Третьего рейха были партийными функционерами. Они образовывали пирамиду, в основании которой находилось несколько сотен районных лидеров, а верхушку венчал 41 гауляйтер. Мистическая власть фюрера достигала их только через Бормана и никак иначе. Партийные функционеры повиновались его приказам. Они являлись «винтиками» административной машины, которые он всегда хорошо смазывал.

Более того, он запугал тех высших армейских чинов, которые могли быть ему полезны, а прочих, таких как Геринг, он мог задавить. В его распоряжении находились шпионские сети за рубежом, и чтобы заниматься приготовлениями, от которых он впоследствии должен был выиграть, ему требовалось лишь одобрение фюрера.

В личные планы Бормана входил союз с СС. После поражения Гитлера под Сталинградом, предвещавшего падение нацистской Германии, подразделения СС стали его самой явной опорой. Они знали, что мировое сообщество считает СС сборищем уголовников. Гиммлер, замкнувшийся в мире собственных иллюзий, думал, что ему удастся договориться с союзниками теми методами, которые после стольких лет работы в СС представлялись ему вполне нормальными. Он мог торговаться, прибегать к Шантажу, взывать к чувствам, напоминать о большевизме, пытаться купить свою свободу ценой жизней евреев и наладить отношения с генералом Дуайтом Эйзенхауэром. В этом генерале он, очевидно, усматривал «юнкерский» тип вояки и

даже его имя, казалось, звучало на восточно-прусский манер. Прочие, начиная с Кальтенбруннера, знали, какое наказание ожидало их после войны: в соглашении, подписанном Рузвельтом, Черчиллем и Сталиным, главы союзных государств договорились преследовать военных преступников «во всех концах Земли».

Борман имел поддержку у иностранных членов СС. Их насчитывалось 200 тысяч. Местные эсэсовцы могли предоставить временное убежище в своих домах в Австрии, Бельгии и, что было лучше всего — в силу близости к нейтральной Швеции, — в Дании. Однако большинство эсэсовцев боялось разоблачения. И до суда в Нюрнберге они знали, что СС использовались в криминальных целях. В заключении суда значилось «истребление евреев, жестокое обращение и убийства в концентрационных лагерях… принуждение к рабскому труду, плохое содержание и истребление военнопленных». СС ликвидировали 2 500 000 поляков, 520 000 цыган, 473 000 русских заключенных, от 4 до 5 миллионов евреев. Еще 100 тысяч «неизлечимых больных» были убиты в газовых камерах в соответствии с программой «эвтаназии». Более миллиона человек составляли армию преступников, и их расовый фанатизм не изменился в одночасье. Самые увлеченные из них, по мнению Бормана, должны были оказаться самыми преданными.

Бегство из бункера

— Молодежь восьмидесятимиллионного народа умирала на европейских полях сражений, пока вы обогащались, пировали, грабили поместья, мошенничали и угнетали людей. Наши молодые офицеры шли в бой с такой верой и идеалами, подобных которым мир еще не видел. Они умирали сотнями, тысячами. А ради чего? Ради германского Отечества, ради его величия и будущего? Нет! Они умерли за вас, ради вашей роскошной жизни и ради вашей жажды власти.

Говоривший это генерал Вильгельм Бургдорф развалился на скамье перед самым могущественным человеком в нацистской Германии — Мартином Борманом. Была половина пятого утра 28 апреля 1945 года. Дело происходило в бункере, расположенном под зданием рейхсканцелярии в Берлине. Между ними и внешним миром было пять с половиной метров бетона, плюс полтора метра почвы. Когда взрывались бомбы, бункер дрожал, так как взрывная волна достигала его через песчаную прослойку. Оба всю ночь пили.

Даже Адольф Гитлер, спавший в одной из 18 могилоподобных комнат бункера, никогда бы не отваживался так говорить с Борманом.

— Дружище, — сказал Борман после некоторого молчания, — не стоит переходить на личности!

Этот странный разговор описан в книге молодого военного Герхарда Больдта. Он был поражен: Борман никогда не пил, если Гитлер находился рядом. Что касается генерала Бургдорфа, то он покинул касту офицеров-традиционалистов и стал ярым нацистом, прислуживавшим Борману, второму «Я» фюрера.

Двумя днями позже Гитлер был мертв, и Борман рассчитывал на законных основаниях стать фюрером четвертого рейха. У него имелись все необходимые документы. После долгого подъема по административной лестнице он достиг верхушки власти. В то время как прочие, не менее амбициозные нацисты, боролись за престижные должности, Борман занимался сложными и незаметными делами в сердцевине нацистского механизма — в партии — и в должности министра по делам партии нес ответственность за будущее нацизма. И самое главное было надежно засвидетельствовано, что последний германский император именно Бормана оставил наследником престола. Борман мог позволить себе посмеяться над пьяным генералом, Бургдорф в истерике говорил о каком-то высоком идеале. И это тот самый Бургдорф, который дал яд Роммелю по приказу

Бормана. Это случилось после провала заговора с целью убийства Гитлера в июле 1944 года. В словаре Бормана идеалы имели несколько иное значение! Пока Гитлер зацикливался на мелочах завоевательной войны и на истреблении низших народов, Борман, несмотря на все старания Геринга, превратился в самого состоятельного человека в стране. Он добился этого во имя движения, сделав первые шаги в 1933 году, когда новая правящая партия вдохновляла немцев идеями обогащения. Началась продажа прав на производство наклеек с надписями «Хайль Гитлер!», новогодних елочек в виде свастик и кусков мыла в виде бюста Гитлера. Заинтересованных в таких делах всегда встречал неулыбчивый Борман, протягивая руку, готовую получить деньги.

Теперь он копил на новый рейх. Он решил, что первая империя должна погибнуть в пламени, чтобы избавиться от вождя, оказавшегося негодным. Так, во всяком случае, он заявил капитану Больдту, молодому ветерану восточного фронта, который впоследствии воспроизвел следующие слова Бормана: «Когда эта борьба закончится победой, мы — те, что остались здесь и сохранили верность своему фюреру, получим высокие должности и огромные состояния».

Борман вывез из Берлина множество документов, отражавших историю умирающего Третьего рейха. Еще он выслал укрывшимся в Альпийской крепости жене и детям часть добычи — 2200 золотых монет, на которые в то время можно было бы купить Монако. Последние документы доставлялись в его подземный кабинет — холодный серый склеп, с цементными стенами, влажными по ночам.

За приготовлениями Бормана следил кое-кто более проницательный, нежели Больдт. Гестаповец Мюллер, тихо работавший на соседней улице, ознакомился с докладом о выходке Бургдорфа и спустя несколько часов покинул свой кабинет.

Передвижение по Берлину не представляло особого труда. Линия обороны состояла из двух неукомплектованных дивизий вермахта и остатков добровольческого подразделения СС «Нордланд». В нескольких кварталах от них сражался французский батальон. Имелись также войска под командованием Монке, который впоследствии был объявлен в розыск за истребление канадских заключенных. Мюллер направился именно к нему. После сожжения трупа Гитлера их никто больше не видел.

Изучение действий Мюллера, предшествовавших его исчезновению, показало, что он помогал Борману собирать документы и ценные вещи и вел долгие беседы с любовницей

неповоротливого Кальтенбруннера, разделявшего надежды Эйхмана на будущее. Этой женщиной была графиня Гизела фон Вестроп. Она покинула Берлин, и некоторые говорили, что графиня бежала в Швейцарию или в Альпийскую крепость.

Многим наблюдателям казалось, что Борман вывозит необычно большое количество личных вещей в Берхтесгаден, к своей «возлюбленной мамочке». Но это происходило тогда, когда даже самые влиятельные лица не задавали лишних вопросов и не желали знать, какие сделки заключались, к примеру, с наступавшими союзными войсками.

Гитлер женился на своей любовнице Еве Браун, затем убил ее и себя. Борман, еще раз предугадав желание фюрера, позаботился о горючем и после самоубийства молодоженов он вынес тело Евы, чтобы сжечь его. Геббельс ужаснулся, увидев происходившее: Ева оказалась в руках человека, которого она всегда боялась и ненавидела. Вскоре Геббельс отравил своих шестерых детей и себя, затем вместе с женой Магдой дождался порученца СС, который их застрелил. «Я не собираюсь, — сказал он, — бродить по миру вечным изгнанником».

Что касается Бормана, то он и не собирался нигде бродить. Он облачился в форму генерал-майора СС и запихал особо важные бумаги в кожаное пальто. Среди них было завещание Гитлера, душеприказчиком которого он являлся. В завещании Гитлер во всем винил «мировое еврейство».

Борман покинул бункер фюрера в ночь на 1 мая 1945 года. К этому времени русские уже знали, что Гитлер находится в Берлине. Они забрасывали снарядами парк, окружавший рейхсканцелярию, но, казалось, никуда не торопились. Им оказывали сопротивление импровизированная армия моряков, члены гитлерюгенда и вооруженные охранники, усиленные эсэсовцами. Напыщенный Бургдорф не принимал в этом никакого участия, ибо этот генерал был застрелен неизвестным.

Бывший адъютант Гитлера и брат Мартина Бормана Альберт отсиживался в деревянной избушке неподалеку от изуродованного взрывами убежища Гитлера в 128 километрах к юго-востоку от Мюнхена, в Альпийской крепости. Имелись сведения, что там СС и фанатичные молодые вервольфы были готовы начать партизанскую войну. Но ничего не происходило. Информация об организации сопротивления в горах, протянувшихся от Орлиного гнезда до границ Австрии, Швейцарии и Северной Италии, оказалась ложной пропагандой, отсрочившей продвижение союзников в 450 километрах к северу от Берлина. Если все шло по плану, Борман выигрывал дополнительное время, необходимое, чтобы собрать важные

документы, касавшиеся недвижимости.

Даже самые близкие друзья Гитлера не знали, что Мартин Борман уже тогда стал обладателем поместья Берхтесгаден. На его имя был зарегистрирован комплекс из восьмидесяти зданий, имевших немалую стоимость. Более того, он также являлся законным владельцем дома родителей Гитлера и прочего имущества, которое Гитлер считал подаренным Еве Браун и прочим своим фаворитам.

Но воздушный налет союзных войск, состоявшийся неделей ранее, разрушил украшенную подушками с вышитыми свастиками деревянную хижину, в которой Гитлер, бывало, укрывался, притворившись крестьянином. Та же участь постигла и особняк, который критики, отрицательно относившиеся к архитектурным созданиям Бормана, заполонившим долину, сравнивали с пароходом, пришвартованным к вершине холма.

К развалинам Орлиного гнезда спешил и Вернер Науман, нацистский пропагандист, уже строивший планы возрождения былого величия. (Спустя восемь лет он был обвинен в заговоре, нацеленном на восстановление нацистского режима.) В его задачу входило установить связь с теми, кто хотел бежать за границу, — с офицерами СС, гауляйтерами и чиновниками, разделявшими дух Братства. Он также намеревался порадовать Альберта Бормана хорошей новостью: брат Мартин уже направлялся к нему. Туда же двигался и Эрнст Кальтенбруннер, выдавая себя за врача международного Красного Креста, хотя, имея рост два с лишним метра и лицо, испещренное шрамами, вряд ли можно было замаскироваться таким образом. Он знал о планах использования маршрутов, пролегавших через Альпы, но не был уверен, поможет ему старый друг Мартин или нет. Поэтому он договорился о встрече с Адольфом Эйхманом, чиновником, известным своим убеждением, что «недочеловеков» следует уничтожать. Когда же Кальтенбруннера спросили, как поступить с проститутками, с больными сифилисом, он говорил: «Сожгите их». Приказ должен был привести в исполнение Отто Скорцени, но вместо этого он теперь сжигал документы СС.

В той же части Баварии генерал Рейнхард Гелен также жег документы. Однако он сохранил досье немецкой разведки, посвященные Советскому Союзу, которые впоследствии продал американцам за нечто большее, чем просто деньги.

Призрак Гитлера не посчитал бы сложившуюся ситуацию совершенно безнадежной. Все его мысли и идеи были сохранены в многотомных записях, хранимых Мартином Борманом, а последний вождь гитлерюгенда — Артур Аксман — мог стать вождем новой эпохи. Он также бежал из Берлина и двигался к

горному убежищу. Личный помощник Гитлера, полковник СС Вильгельм Цандер, унес с собой из партийной канцелярии полный чемодан документов, который он спрятал в озере в шестидесяти километрах южнее Мюнхена, где-то поблизости от Берхтесгадена.

На другом конце Германии, далеко на севере, рядом с самыми большими верфями подводных лодок, летчик-испытатель Ханна Райч предстала перед озадаченным гросс-адмиралом Карлом Деницем. Он ничего не мог понять в запутанных телеграммах от Бормана, но доклад Райч кое-что прояснил. Борман до самого конца действовал как прирожденный заговорщик: задерживал отправку сообщений, искажал содержание сигналов бедствия, получаемых от Геринга из Альпийской крепости, и продолжал делать вид и поступать, будто у нацистского правительства, возглавленного им, было какое-то будущее. Он уничтожил двух последних соперников, Гиммлера и Геринга, занимаясь при этом приготовлениями к самоубийству Гитлера.

Фюрер приказал Ханне Райч проследить за тем, чтобы его «наследником не стал предатель», а под «предателем» он подразумевал Гиммлера. Она вылетела из Берлина под обстрелом русских на маленьком учебном самолете Ара-До-96.

Покинув командный пункт Деница, она ворвалась в кабинет Гиммлера и решительно потребовала ответить, вступал ли он в контакт с противником, делая предложения о мире без ведома Гитлера. Гиммлер признался в этом. Ханна Райч воскликнула: «Вы предали своего фюрера и свой народ в самое трудное время! Какая низкая измена, господин рейхсфюрер!»

Как следует из мемуаров Райч, ее самым ярким воспоминанием стала встреча в бункере с Борманом, выводящим записи «в одной из своих бесконечных записных книжек и на кусочках картона», будто бы увековечивая события для потомства. Она думала, что Борман собирается бежать для того, чтобы его бумаги смогли занять свое место «среди величайших глав немецкой истории». Ханна Райч рассказала также о своей авиационной карьере и допросах, которым она подвергалась со стороны союзнических следователей.

По гамбургским улочками бродил бывший министр иностранных дел Иоахим фон Риббентроп, все еще бредивший манией величия. Он называл себя «райзером» («путешественником»), носил темные очки, черную шляпу и черный костюм в полоску. Теперь он пытался найти работу по своей бывшей специальности — устроиться торговцем вина. В кармане у него лежало письмо Уинстону Черчиллю, часть

которого достойна того, чтобы процитировать ее как яркое свидетельство о тех заискивавших и наполненных страхом людях.

Риббентроп никогда не скрывал своей ненависти к Великобритании, но на этот раз на своем отвратительном английском писал следующее: «Предоставляю себя в распоряжение британского главнокомандующего… Не знаю, действует ли древний и благородный британский обычай честной игры в отношении поверженного врага. Я также не знаю, захотите ли вы выслушать политические признания покойника».

Он предлагал передать последнее послание фюрера, беспечно упуская из виду тот факт, что оно предназначалось Мартину Борману. Риббентроп искал встречи с Черчиллем, чтобы передать послание, с которым якобы он был ознакомлен «лично в устной форме». Ему также не терпелось присоединиться к боевым действиям в Берлине, но фюрер ему запретил, приказав ждать дальнейших указаний в безопасном месте. Так он и сделал, и теперь жаждал подробно обсудить вопрос наследования власти. «Несмотря ни на что политическое кредо фюрера до последнего часа характеризовалось разочарованием и горечью, вызванными постоянным отклонением британской стороной немецких предложений об англо-немецком сотрудничестве», а ведь фюрер всегда считал Англию своим вторым домом. Когда же Германия побеждала в войне, фюрер и он сам никогда не хотели нанести урон английскому престижу и чести. Риббентроп постоянно подчеркивал одну и ту же мысль, которая потом долго озадачивала союзников: он не имел никакого понятия о том, что творилось в концентрационных лагерях. До него однажды дошли слухи о плохом обращении с евреями, и он тут же направился к Гитлеру, призывая его «немедленно принять меры. Фюрер ознакомился с докладом… и ясно дал мне понять, что этим занимаются подчиненные низшего ранга».

У спасавшихся бегством нацистов имелось два, но ненадежных пути отступления, опекаемых Гитлером, которого к этому подвигли советы Бормана. К югу от Берлина находилось место, названное Гитлером «последним оплотом борьбы с большевизмом», Альпийская крепость, расположенная в центре земель фюрера в Берхтесгадене. Их настоящим хозяином являлся Борман, и именно у него возникла идея превратить Орлиное гнездо в крепость. Это был монстр, созданный «Франкенштейном». Так Гитлера именовал разведчик-коммунист Леопольд Треппер, директор-резидент «Красной Капеллы» — советской шпионской сети, действовавшей в нацистской Европе. Всякую шпионскую сеть, раскрытую в Германии, адмирал Канарис прозывал «оркестром» («капеллой»). Секретные радиопередатчики

кодировались как «фортепьяно», а организаторы — «дирижерами». Шпионские сети получали также дополнительно название в соответствии с их типом.

В Альпийской крепости пересекались пути отступления в Швейцарию, Австрию и Северную Италию. Отсюда с немецкими летчиками вылетали на секретные задания захваченные американские самолеты. Гитлеру говорили, что они сбрасывают агентов на территории противника. На самом же деле они доставляли главных нацистов в убежища, например в Испании.

К. северо-востоку от бункера фюрера находился «Проект Север». Это был «канал» кайзера Вильгельма в Киле, на границе со Швецией. В Киле обеспечивался доступ к подводным лодкам и прочим судам на военно-морских базах, расположенных около Гамбурга. В последние часы Гитлера там размещался штаб гросс-адмирала Деница, преемника фюрера. Дениц играл свою роль в одной из величайших шарад этой войны.

Геринг, погруженный в мрачные раздумья в горах Берхтесгадена, глотал таблетки паракодеина, тревожась за свое великолепное собрание из 1300 картин общей стоимостью 180 миллионов долларов, часть которых была конфискована у евреев, отправленных в газовые камеры. Оценка коллекции производилась в мае 1945 года, а четверть века спустя ее стоимость выросла в несколько раз.

В это время в школе, где Дениц управлял новым правительством Германии в стиле старых имперских традиций, возник спор о назначении министра по делам религий и церквей. Никто тогда не упомянул о синагогах, так как никто не мог признаться ни в тот момент, ни позднее, что ему известна судьба евреев. Таким же образом прошли дебаты по поводу перестановок в кабинете министров. Никто не сказал о том, что немецкое правительство не собиралось уже двенадцать лет. Когда они получили сообщение о том, что Гитлер мертв, а Ева Браун стала госпожой Гитлер и также мертва, и что Мартин Борман бежал, лицо гросс-адмирала омрачилось. Он сел в один из роскошных лимузинов, реквизированных из гаража фюрера, и начищенный до блеска «Мерседес» на порядочной скорости стал продвигаться посреди забрызганных грязью британских машин-разведчиков и танков, с покрытыми брезентом пушками. От школы до поместья гросс-адмирала было всего пятьсот метров. К счастью, у него имелось приглашение от герцога Голшгейнского переехать в апартаменты, более подходящие наследнику фюрера, — в замок, которым семья герцога владела уже более трех столетий. Это помогло бы создать вокруг главы правительства, занимавшегося не самыми приятными вопросами, необходимую атмосферу

церемониальности и великолепия. Личный фотограф Гитлера послал одного из своих лучших помощников запечатлеть на пленке беседу между президентом Деницем и главнокомандующим вооруженных сил фельдмаршалом Вильгельмом Кейтелем. Они все жили будто во сне.

21 мая 1945 года, за два дня до ареста всего правительства Деница (которое просто выпало из внимания союзников во время трех суматошных недель, последовавших за самоубийством Гитлера), из Фленсбурга вышел странный человек с подбитым глазом. Он располагал документами на имя Генриха Хитцингера. С обеих его сторон шли два адъютанта СС в обычной полицейской форме, карманы которой были полны фальшивых документов. Эта группа надеялась прорваться через контрольные пункты союзников и достичь своей цели в восьмистах километрах к югу — в том месте, о котором говорил их покойный фюрер, т. е. в Альпийской крепости.

В центре этой троицы оказался рейхсфюрер СС Генрих Гиммлер. Он был обескуражен, когда при встрече с гросс-адмиралом Дениц взвел курок пистолета и заявил, что рейхсфюреру нет места в новом кабинете министров. Более того, Дениц процитировал сообщение, посланное Борманом, в котором говорилось о том, что Гиммлер предательски играл на стороне шведов. Все это настолько потрясло Гиммлера, что он отложил свой отъезд на несколько дней и стал искать гауляйтера Эриха Коха, который должен был прибыть на ледоколе из Западной Пруссии. У Гиммлера имелся план — сесть на одну из подводных лодок, находившихся под командованием инакомыслящих капитанов. Оказалось, Кох действительно достиг Фленсбурга, но его было трудно узнать из-за огромных усов, которые он отрастил с того времени, когда «наводил порядок» на Украине.

Теперь, пополнившись новым членом, группа достигла контрольно-пропускного пункта между Гамбургом и Бремерхавеном, откуда немецкие подлодки готовились ускользнуть от союзников. Гиммлер знал, что у друзей Бормана были планы побега, и он надеялся, что они не придадут значения тому факту, что Гиммлер значился в списке врагов Бормана, подлежавших уничтожению. Мысли о побеге питались еще и прежней верой в то, что Европа будущего не сможет обойтись без него. «Я буду нужен ей как министр полиции… Эйзенхауэр должен согласиться с этим», — считал Гиммлер.

Бывший король концентрационных лагерей пребывал в «мечтательной задумчивости», как показалось сержанту разведвойск Великобритании, первым осматривавшим группу. Сержант не сразу узнал Гиммлера. Граф Лутц Шверин фон

Крозиг, министр иностранных дел правительства Деница, вспоминал, что Гиммлер был уверен в скором начале долгожданной войны между большевиками и западными союзниками, в которой нацисты станут решающей силой и «добьются того, чего не смогли достичь в предыдущей войне». Шверин фон Крозиг, один из бесчисленных немецких графов, когда-то считал Гиммлера избранным спасителем Германии. Теперь же он пытался заслужить снисхождение Эйзенхауэра, заверяя, что он и Дениц планировали провести расследование происходящего в концентрационных лагерях.

…Британский сержант задержал всю группу. Ему показалось подозрительным, что на них была гражданская и военная одежда, в которой выделялись серые форменные куртки немецкой полевой полиции. Надень они шинели регулярной немецкой армии, все бы обошлось. Но полевая полиция безопасности являлась частью гестапо и была включена в список обвиняемых организаций. Сопровождали Гиммлера полковник СС Вернер Гротман и майор Хайнц Махер. Они привлекли к себе внимание особенностью жестикуляции, свойственной тем, кто привыкли отдавать приказы, а не исполнять их. Когда они прошли около ста сорока километров, их арестовали и доставили в Британский центр расследований номер 031 на Люнебюргерской пустоши, где располагался штаб фельдмаршала Бернарда Монтгомери. Перед командующим центром капитаном Томасом Сельвестером предстал «маленький, несчастный, одетый в обноски мужчина». Гиммлер сбрил свои усы и носил на глазу черную повязку. Сельвестер послал за главой разведывательной службы Монтгомери — полковником Майклом Л. Мерфи. «Вы — Гиммлер», — уверенно произнес Мерфи. Человек снял черную повязку и надел всем знакомые очки без оправы.

В тогдашних отчетах, возможно, из-за соблюдения секретности ускользнуло немало Подробностей. Гиммлер начал было говорить, а чья-то бестактность заставила его навсегда замолчать. Тогда существовала опасность, что преступники могли покончить с собой, не начав давать показания. Поскольку капитан британских медицинских войск С. Дж. Л. Уэллс, нашел у Гиммлера капсулу с цианидом, он посоветовал раздеть заключенного.

Гиммлер пребывал в состоянии нервного возбуждения. Истерика началась прежде, чем с Гиммлера успели снять одежду, но спокойное отношение тюремщиков ободрило его. Он убеждал их в своей ценности для Третьего рейха, высказывал надежды на будущее новой Германии, в котором он, без всякого сомнения, должен был сыграть большую роль. Причиной всех своих проблем

Гиммлер называл Бормана: именно тот хитростью заставил его превратиться в игрушечного вояку. Борман предал Гиммлера, с горечью констатировал Гиммлер.

Охранники стояли и слушали, что он рассказывал о тайных приготовлениях «клики Бормана»: трусы подготавливали теплые местечки за границей, и уничтожались досье на сотни тысяч эсэсовцев. Так же поступали рядовые члены партии. А что же оставалось делать, если вожди бежали?

Его слушали молча, с удивлением и отвращением, видя перед собой загнанную в угол крысу, способную предать всех и вся. Месяц назад он считался богом войны, теперь же раздражался подобно малому ребенку. Глава СС, главнокомандующий одной из армий и военной группировки, первое лицо в полиции (столь сложном аппарате, что следователи долго разбирались в механизме ее действия), он снова был сыном баварского учителя, криком добивавшимся хоть какого-то внимания и требовавшим признания. Сочетание вспыльчивого характера и отягощенной христианской совести (Гиммлер никогда не разрывал формальных отношений с католической церковью) вызвало у арестованного такой поток слов, что из него едва удавалось вычленить отдельные факты. Был вызван высокопоставленный британский офицер, не имевший, однако, опыта общения с преступниками. Гиммлеру, находившемуся в состоянии истерики, требовалось некое утешение: рукопожатие, слова типа «мы все братья-вояки», намек на то, что противник способен лучше, чем бывшие друзья, понять, каким хорошим солдатом Гиммлер всегда являлся.

Возможно, некого винить в том, что произошло дальше. Высокопоставленный британец рявкнул на врача за то, что заключенного не раздели согласно правилам. Охранники схватили Гиммлера и забрали его одежду. И вот он стоял, серый сморщенный человечек, который прежде так долго радовался жизни, облачаясь в генеральские сапоги и серое военное пальто. Доктор Уэллс засунул ему в рот палец, ощупывая зубы, и, чтобы обеспечить лучший обзор, потянул Гиммлера за редеющие волосы, поворачивая его голову к свету. То, что доктор увидел в следующую секунду, было маленькой черной «горошиной», торчавшей слева между зубами нижней челюсти. Это оказалась особая капсула, заключенная в почерневшую серебряную оболочку. Гиммлер раскусил ее, и из нее брызнул цианистый калий.

Последовала непродолжительная схватка. Гиммлера прижали к полу и вставили в горло резиновые трубки, залили внутрь рвотное. Содержимое его желудка удалось выкачать. Прошло

сорок минут, прежде чем бывший глава организации, уничтожившей шесть миллионов человек и искалечившей физически и психически еще многие миллионы, дернулся в последний раз. Влажный воздух наполнился тяжелым запахом пота и цианистого калия. Яд начал окрашивать труп в зеленый цвет. Лицо Гиммлера, заснятое на официальных фотографиях, походило на морду бешеной лисицы. Затем черты его разгладились и он стал похож на то близорукое ничтожество, каким запечатлелся в 1923 году в Мюнхене на другой фотографии среди неряшливо одетых мужчин, столпившихся вокруг грузовика легендарных «охранных отрядов Гитлера».

Глава службы разведки Монтгомери, глядя на труп великого инквизитора, испачканный желчью и валявшийся среди ванночек, резиновых трубок и тампонов, в отчаянии стиснул кулаки: «Это был единственный человек, способный сказать нам, где скрылся Борман!»

Еще одного человека, владевшего такой информацией, поймали на другой стороне Германии — в Альпийской крепости. Этим человеком был генерал Рейнхард Гелен, припрятавший микропленки и досье, при помощи которых он спустя несколько недель доказывал в Вашингтоне, что истинным врагом всех здравомыслящих людей является большевизм. Такая схема отвлечения внимания начала работать со дня самоубийства Гиммлера и тут же заставила западных союзников ослабить охоту за нацистами. Они начали нанимать немецких профессионалов для войны, предсказанной Геленом.

По словам Виктора де Гинцбурга, американского сержанта, агенты американской разведки прочесывали территорию вокруг гор «подобно рыбакам, загнавшим на мелководье большую стаю рыб». Этому сержанту довелось поймать Гелена и впоследствии стать полковником военной разведки.

Юлиус Штрайхер, один из самых ярых антисемитов, печатавший расистскую порнографию, был найден, когда он пытался укрыться на вершине холма поблизости от развалин особняка Гитлера. Бывший повелитель Италии — фельдмаршал Альберт Кессельринг сдался вместе со своими армиями, которые, по свидетельству Гиммлера, «должны были окружить Редут (Альпийскую крепость) стальным кольцом».

Один из американцев заметил человека, чья внешность отвечала описанию, данному массажистом Гитлера: «Большой грубый бык. Скала! Огрубевший, строптивый, способный думать только в состоянии опьянения. Великан с телом лесоруба, с тяжелым подбородком, толстой шеей с жировыми складками. Похож на огромного гризли. Маленькие поблескивающие глазки

движутся подобно двум гадюкам. Гнилые зубы, некоторых недостает, поэтому он говорит, шепелявя и присвистывая». Массажисту Феликсу Керстену эти подробности были известны слишком хорошо, так как он частенько трудился над жирным телом гестаповского убийцы, которым был, как и следовало ожидать, Эрнст Кальтенбруннер. Для маскировки он сбрил усы.

Его любовница, графиня Гизела фон Вестроп, несла сумки, набитые фальшивыми долларами и британскими фунтами, напечатанными заключенными лагерей смерти. Их казнь откладывалась до тех пор, покуда они продолжали участвовать в величайшей криминальной операции подобного рода в истории, изготавливая фальшивые деньги, — операции «Бернард». В тот момент люди, поймавшие Кальтенбруннера, не знали, для чего могли послужить эти запасы, так как графиня несла лишь ничтожную часть вместе с золотом и драгоценностями жертв газовых камер. Ей позволили уйти, но впоследствии стало известно, что она направлялась в швейцарские банки, где хранились более ликвидные активы, предназначавшиеся для устройства побегов, а графиня служила «общественным секретарем» у организаторов этой акции.

«Рыбалка» продолжалась. Был пойман Роберт Лей, глава Трудового Фронта, депортировавший миллионы пленных. Он способствовал изобретению смертоносных лучей и чуть было не убедил Гитлера применить в окрестностях Лондона новый отравляющий газ.

В лесах был схвачен глава боевых отрядов вервольфа Отто Скорцени. Тюремные камеры Аугсбурга стояли как раз на одном из путей отступления в Италию. Они были забиты пестрой толпой высокопоставленных немцев — полевых командиров, командующих авиацией, руководителями СС и гестапо. Над тюрьмой высился один из величественных австрийских замков. Внутри замка находился епископ Алоис Гудал, священник, собиравшийся найти Мартина Бормана живым.

В ночь на 23 мая, когда Гиммлер раскусил капсулу с цианистым калием, жену Мартина Бормана выследили в укромном уголке австрийского Тироля, граничащем с итальянским городом Больцано. Она под чужим именем ехала с детьми в автобусе, замаскированном под карету «скорой помощи».

В нескольких километрах от итальянской границы капитан 307-а части Джон С.Л. Шварцвальдер внимательно слушал немца, утверждавшего: «Я генерал и глава отдела разведки верховного командования. У меня есть чрезвычайно важная информация для вашего верховного командующего…» На это молодой американец

ответил: «Вы были генералом! Были, сэр!» Рейнхард Гелен мрачно кивнул. Он мог бы рассчитывать вновь стать генералом, если бы ему удалось завладеть 52 большими контейнерами, которые он закопал у маленького сельского домика вблизи Альпийской крепости, где он прятался. Внутри контейнеров находились подробные описания сетей тайных агентов, находившихся за русским фронтом, включавших белоэмигрантов, продолжавших действовать совместно с вооруженными группировками украинских националистов. В тех же контейнерах имелись бесценные досье военной, экономической, промышленной и политической развединформации по Советскому Союзу.

Все документы СС были закопаны или сожжены. Когда русские начали свои поиски, им не дали ознакомиться с фотокопиями документов немецкой армии и полиции по той простой причине, что многие из упоминавшихся там имен уже были внесены в списки наемных служащих западных организаций.

Фаворит Бормана — Рудольф Гесс из Аушвица (Освенцима), также был пойман. С большинством лидеров СС, которым не удалось бежать, обращались снисходительно. Только 50 тысяч немцев обвинялись в прямом участии в ужасных преступлениях. Из тридцати высокопоставленных военачальников СС и глав полиции, бывших личными осведомителями Гиммлера, шестнадцать освободили. Из двенадцати глав гестапо и криминальной полиции восемь остались в живых. К 1970 году большинство основных действующих лиц, приговоренных к длительному тюремному заключению, были выпущены на свободу. Самые злостные преступники растворились среди миллионов немецких солдат и бывших заключенных, наводнивших послевоенную Европу. Остальные ожидали отправки либо следовали на промежуточные станции, откуда они отправлялись в Испанию и Латинскую Америку.

Естественно, существовали сотни свидетельских рассказов о том, что происходило в девятистах метрах от озера Топлиц, где, по слухам, агенты ODESSA спрятали запечатанный ящик, заполненный разоблачающими документами, которые можно было использовать для того, чтобы заставить молчать бывших нацистов, сотрудничавших с иностранцами. Небольшим примером того, чем на самом деле являлось это «сотрудничество», послужил тот факт, что спустя два десятилетия после окончания войны на приеме в посольстве Германии в Лондоне общительная супруга посла предупредила сотрудников, чтобы они никогда не забывали: в Англии они находятся среди врагов.

Юристы союзников, пытавшиеся ради справедливости выделить из общей массы эсэсовцев и воздать по заслугам всем тем, чье участие в военных преступлениях было доказано, сочли свою задачу практически не выполнимой. Их сбивало с толку предположение, будто СС являлось государством в государстве. Обвиняемые, не относившиеся к СС, создавали этот миф в течение десяти лет в период работы союзнических военных трибуналов. СС Гиммлера казались своего рода гигантской организацией секретной полиции, и старшим поколениям немцев было удобно придерживаться этой версии. Говорили, что Генрих Мюллер преобразовал политическую полицию Веймарской республики в гестапо, изучив советские системы — ЧК, ГПУ, НКВД. Но они являлись инструментами революции, а в Германии революции как таковой не происходило. СС создали для того, чтобы предотвратить перемены. Немецкие промышленные и финансовые монополии управлялись теми же воротилами, что и прежде. Гражданские службы также не изменились. Министры Гитлера щеголяли в черной форме с серебряными эмблемами, изображавшими череп, потому что всем была по душе мистическая атрибутика СС.

Гиммлер стал Игнатием Лойолой, который, по представлениям Гитлера, создал для него, фюрера, иезуитский орден. Вступавшие в СС или же с радостью принимавшие почетное членство оказывались во всемогущественном тайном сообществе. По словам Альберта Шпеера, «невозможно понять СС и Бормана, не понимая того, что для большинства немцев «политика» и «правительство» значили власть оккультных сил. Борьба между Гиммлером и Борманом была частично борьбой за право стать главой нации, «руководителем тайного общества тщательно отобранных аристократов»». Полковник Чарльз Г. Эллис, создававший проекты для американской службы разведки, однажды в лондонском клубе ярко обрисовал Стивенсону такой тип сознания. В свои семьдесят с небольшим лет Эллис, бывший глава службы связи между британскими секретными организациями, сохранил то чувство юмора, которым всегда отличаются хорошие шпионы. О кандидатах в шпионы он говорил: «Начнем с того, что, ежели они собираются сделать карьеру в разведке, они уже никуда не годятся». Он вспоминал атмосферу гитлеровского Берлина в то время, когда там работал. Однажды ночью он пришел домой и почувствовал некоторую перемену в поведении хозяйки квартиры. «Мой муж, — объявила она несколько надменно, — назначен квартальным». Теперь ее муж мог гордо держать голову, так как был допущен во внешний круг тайного общества, собравшегося вокруг Гитлера. Ему стало

доступно «единение душ» Народного союза. Рассказывая эту историю, Эллис переходил порой на немецкий. Он был безобидным маленьким австралийцем, мягким и добросердечным, неизменно вежливым с официантами. Но когда он изображал эту немецкую хозяйку, его спина неожиданно выпрямилась, голубые глаза засверкали, и гортанные немецкие звуки ворвались в спокойную тишину клуба. Это произошло не от сознательной имитации. Он всего лишь цитировал! Его слова произвели эффект разорвавшейся бомбы. Все резко обернулись, а один из медлительных официантов тут же примчался посмотреть, что случилось. Словом, Стивенсон отчасти уловил истинный смысл Народного союза.

В довоенном британском издании «Майн кампф» термин «Фольксгемайншафт» («Народный союз») обозначал подавление любой критики. Словосочетание «народное сообщество» применялось в отношении всего народа.

«Фольк» — «народ» — было ключевым словом, в нем-то и заключалась основная особенность настроений, витавших в воздухе после поражения 1918 года, падения монархии и уничтожения аристократии. Оно стало фактором объединения немецкого народа.

Братство имело то же самое таинственное и неопределенное значение, что было весьма на руку его членам. «Братство» оказалось словом, использовавшимся по договоренности внутри ODESSA для обозначения Третьего рейха.

В 1961 году из Аргентины поступили первые серьезные доказательства того, что имевшие место дикие слухи не были совершенно безосновательными. Человек, отвечавший за решение «еврейского вопроса» в гестапо, — Адольф Эйхман — был схвачен израильскими агентами и предстал перед судом в Иерусалиме. Там бывший посол Аргентины в Израиле заявил, что Борман бежал в Аргентину, а затем поселился где-то в Южной Америке. Спустя пять лет сын Эйхмана Клаус написал открытое письмо, призывая Бормана выйти из подполья и понести наказание за те преступления, в которых он повинен и за которые отец Клауса был осужден вместо Бормана. Клаус уже не жил в Аргентине, но там находился его брат Хорст-Адольф Эйхман. Хорст-Адольф доложил министру юстиции во Франкфурте о том, что часто беседовал с Борманом. Потом он неожиданно изменил свои показания и сказал, что Борман погиб в Берлине. Когда его попросили объяснить подобное противоречие, он ответил: «Когда живешь в Южной Америке, где существуют влиятельные нацистские круги, приходится помнить о том, что однажды оттуда могут нанести удар».

Кошки-мышки по-морскому

Первой частью головоломки, с которой столкнулся Стивенсон, стал небольшой эпизод, относившийся к лету 1945 года. Речь шла об исчезновении Мартина Бормана, человека, неизвестного морякам небольшой части военно-морского флота, готовившейся к переброске в Азию. Они только что перешли с морской версии «Спитфаера» на оснащенные новейшим оборудованием «Хеллкэты», присланные по ленд-лизу из США.

Восемь пилотов проходили тогда обучение одиночным полетам и ждали авианосцы, направлявшиеся на Дальний Восток. Война окончилась, и было мало смысла в том, чтобы бороздить воды вокруг Британии. В то время они думали, что решение стало всего лишь результатом военно-морской бюрократии.

— Как вам нравится этот Борман с высотными камерами? — спросил один из них главного пилота.

— Привяжите профессора к концу кабеля и подвесьте его над Атлантикой!

— Борману удалось бежать на подводной лодке?

— Возможно.

— Что это за профессорская чушь?

— Посмотрите-ка сюда, и вы увидите. Это информация о Бормане.

Шеф-пилот, известный как «Фиш» («Рыба»), — производное от «адмирал Джон Фишер», раздал им папки. Их содержимое впечатляло. Пилоты увидели что-то вроде фоторобота. Но его составляли, когда человек отсутствовал. Стивенсону никогда не пришло бы в голову, что с фрагментами этого портрета он будет сталкиваться еще два с лишним десятилетия…

Среди важных бумаг, пропавших вместе с Борманом, имелись завещание фюрера с выражением его последней воли. Эти документы впоследствии могли возродить нацистскую мифологию.

Советская комиссия утверждала, будто обладает неопровержимым доказательством того, что некоторые нацистские лидеры бежали из Берлина в Гамбург на небольшом самолете, а там эти «таинственные люди» пересели в подводную лодку.

Считалось, что многим немецким подводным лодкам удалось уйти, и Сталин чуть ли не обвинял союзников в потворстве побегам нацистской верхушки. Русские, казалось, были лучше осведомлены о немецких подводных маршрутах…

«От Норвегии до Баварских Альп полным ходом идет

величайшая охота на людей», — заверял Москву Уинстон Черчилль. Президент Рузвельт отправил Сталину телеграмму с протестом против необоснованных подозрений относительно переговоров союзников с нацистами, состоявшихся якобы еще до окончания войны.

Поиски в открытом море привели к тому, что однажды немецкая субмарина была атакована в Бискайском заливе торпедоносцем королевских военно-морских сил Великобритании. Капитан подлодки проигнорировал его сигнал, приказывавший оставаться на поверхности, и попытался осуществить аварийное погружение. Судно находилось недалеко от Сан-Себастьяна, где немногим ранее совершил аварийную посадку персональный самолет Альберта Шпеера с нацистским военным преступником Леоном Дегрелем на борту. Более того, во время войны в этом порту встречали нацистских шпионов. Так что у военно-морского истребителя не было выбора и он потопил подлодку. Об этом случае тактично забыли, так как союзники не желали ставить в неловкое положение франкистскую Испанию и не хотели обнаружить, что им известны пути отступления немцев через Испанию. Поскольку все стремились избегать неприятностей, немецкий подводный флот мог перемешаться с прежней быстротой.

У Германии имелось 398 подводных лодок. Все они были способны неделями оставаться в открытом море. Многие находились в пределах досягаемости американцев, другие могли курсировать между Норвегией и Шотландией. Капитан Хейнц Шеффлер, командовавший подлодкой U-977, днем двигался под водой, а по ночам всплывал на поверхность. Обогнув Британские острова, он направился в Аргентину.

В конце войны эта игра в кошки-мышки пополнилась странными подробностями. Шеффлер избегал британских вод, так как разведка донесла, что уже по окончании войны там обнаружено нескольких новых минных полей. Они якобы состояли из глубоководных мин, рассчитанных на подводные лодки, которым уже не требовалось всплывать на поверхность для подзарядки батарей благодаря шноркельным дыхательным приборам. На самом деле в Великобритании ощущалась острая нехватка подобных мин, а также судов, способных их доставлять. Военно-морская разведка в Лондоне распространяла ложную информацию, снабжая ей двойного агента, известного как «Тейт». На самом деле существовала лишь одна территория, защищенная от подводных лодок. В результате U-977 затратила намного больше положенного времени (четырнадцать недель), чтобы достичь Аргентины.

В послании от 7 мая 1945 адмирал Дениц приказал капитанам своего флота «воздерживаться от любого насилия». Тем не менее известно, что Дениц дал команду капитанам подводных лодок «ни за что не сдаваться». Несколько капитанов исполнили это требование.

По прибытии в Аргентину Шеффлер, к немалому своему удивлению, был арестован, хотя его и заверили в том, что это чистая формальность. Аргентина вступила в войну в самый последний момент, дабы польстить союзникам. Поэтому профашистское правительство Аргентины предоставляло убежище нацистским беженцам. Но с капитаном U-977 это не сработало. Перемещения его подлодки привлекли внимание американской разведки. Капитана на самолете доставили в Вашингтон, где подвергли тщательному допросу, обвиняя в пособничестве побегам высокопоставленных нацистов. Он отрицал это.

Затем его отправили на самолете в Англию, где в Хертфордшире он присоединился к другим заключенным, проходившим по делу о подводных лодках. Там они жили в старинном особняке, окруженном парком. Тем, кто давал какую-либо информацию, приносили нормальную одежду и разрешали посещать ночные клубы в сопровождении офицеров британского военно-морского флота, которые заверяли своих подопечных: «Мы с вами морские братья!» Капитана Шеффлера выпустили. То, что он рассказал, никогда не было предано огласке.

Отто Кречмера, чья U-99 затонула, развлекал капитан (впоследствии адмирал) Джордж Кризи. Беседы были легкие и непринужденные, зато напитки употреблялись довольно крепкие. Многие годы спустя безутешный Кречмер признавался, что тогда его поразило, насколько обширной информацией по составу моряков немецких подводных лодок — вплоть до личных дел — обладали англичане, да и сам он способствовал расширению их осведомленности в пьяной дружеской болтовне.

Общественности никогда не сообщалось, сколько немецких подводных лодок на самом деле достигли гаваней Южной Америки, а потом оказались затопленными, когда их экипажи сошли на берег. Отто Вермут, к примеру, бесцельно кружил вокруг Лонг-Айленда в своей U-530, когда получил приказ сдаться. Но он решил следовать первой из данных Деницем инструкций и поэтому спустя два месяца после окончания войны направился в прибрежные воды Аргентины. В официальных списках в графе «судьба неизвестна» значатся пять немецких подводных лодок: U-34, U-239, U-547, U-957 и U-1000. Общее число подводных лодок, затопленных зимой 1946 года,

впечатляет — 217.

До самого конца войны для перевозки стратегических материалов и выброски десанта у американского побережья использовались подводные лодки особой прочности. Большие оснащенные шноркельными дыхательными аппаратами лодки совершали также рейсы до Японии и обратно. Адмирал Дениц управлял крупнейшим подводным флотом мира из центра во французской бухте Лорьян Бискайского залива. Когда ему пришлось сложить оружие, он не отдал приказа о прекращении перемещений судов. Ему удалось избежать суда благодаря заступничеству командующих американских и британских флотов, хотя он руководил военными операциями, из-за которых погибли многие невинные люди. Он не признался в авторстве плана «Регенбоген» («Радуга»), согласно которому капитанам подводных лодок полагалось затоплять свои суда, чтобы не сдаваться врагу.

Существуют доказательства, что Советский Союз знал о планах использования грузовых субмарин для перевозки «ценных документов», собранных Борманом. В СССР также располагали сведениями о лодках нового образца. Они имели радиус действия 31 500 миль при скорости в 10 узлов. Грузовой вариант лодок был рассчитан на 252 тонны. Тридцать старых подлодок предстояло усовершенствовать. Они были зарегистрированы на высокопоставленных чиновников военно-морского флота Германии. Также существовало семьдесят зарегистрированных военных лодок. Все они могли перевозить большое число людей и грузов через южную Атлантику. Однако официальными документами подтверждено, что они были построены.

Советские компетентные органы имели также регистрационные номера лодок, хотя союзная морская разведка не сообщала об этом ничего определенного. Сто больших немецких подводных лодок как бы растворились. Между тем о начале строительства все более продвинутых подлодок Сталину сообщил не кто иной, как сам Черчилль. С советской стороны еще долгое время сохранялось недоверие: ведь то, что сотня кораблей, зарегистрированных должным образом, оказались не более чем штампами в портовых книгах, выглядело крайне неубедительно!

Компетентность Сталина является дополнительным доказательством того, что советским шпионом в штабе национал-социалистической партии был некто, превосходно осведомленный в конфиденциальных вопросах. Он поставлял огромное количество материала, но ему не хватало времени либо опыта для того, чтобы его обработать. Оказалось, что новые подводные лодки дальнего действия не были построены, так как бомбежки

союзников затрудняли работу в доках, но не поступило ни одного официального приказа о прекращении строительства. Адмирал Дениц был проинформирован, что бомбежки срывают программу, и на этом дело закончилось.

Русские разведали о планах Бормана и прочих высокопоставленных нацистов отправить на подводной лодке большое количество партийных документов в безопасное место в Южной Америке. Так называемые «Бумаги Бормана» считались в Советском Союзе потенциально опасными, поскольку они могли стать основанием для возрождения национал-социалистического движения, что недооценивалось на Западе. Война между Германией и Советским Союзом была также битвой идеологий, поэтому русские не считали конец войны завершением идеологической борьбы, и для них пропавшие «Бумаги Бормана» являлись, подобно исчезнувшим подводным лодкам, тайной, требовавшей разгадки.

Тень Бормана вновь встала на пути Стивенсона, когда в конце 1945 года командующий Ян Флеминг оставил Британскую военно-морскую разведку и занялся службой зарубежных новостей, известной под названием «Меркурий». А пилот Теренс Горели был редактором газеты, связанной с проектом «Меркурий». Он управлял легкими бипланами, использовавшимися англичанами всю Вторую мировую войну, чтобы выслеживать немецкие подводные лодки. Эти «рыбы-мечи» при пикировании достигали скорости до ста пятидесяти километров в час, но Горели был опытным охотником за субмаринами, и ему нравилось кружить над ними: «Заметив их в воздухе, можно зависнуть у скал и узнать, где находятся гнезда».

Флеминг перебил его: «Что произошло с донесением о скрывавшихся лодках?»

Горели уставился на Стивенсона.

«Он принес клятву», — нетерпеливо выдохнул Флеминг. Это был знак того, что Горели было известно о шпионских планах и о клятве неразглашения, которую дал и Стивенсон.

«Донесения неточны, — начал Горели. — Несколько капитанов подлодок приняли решение об отплытии самостоятельно. Остальные отбыли по приказу в Южную Америку. Затем существовал план «Регенбоден» («Радуга»)…»

Стивенсон уже не мог следить за нитью разговора, так как он не знал об обсуждаемых фактах. Затем Горели сказал:

«— Ее купил Фишер. Потонул в море недалеко от Ньюфаундленда.

— Он был твоим начальником? — спросил Стивенсона Флеминг. Стивенсон молча кивнул.

— Весь в деда, — добавил Флеминг. — Должно быть, он был его дедом, да, так оно и есть. Старый адмирал Фишер. Все время повторял, что мы относимся к одному из десяти утраченных колен израильских.

— Так любил говаривать Борман, — тихо заметил Стивенсон.

Их серые мудрые лица как по команде повернулись к нему. Им, скорее всего, было всего лишь под сорок, но они выглядели свирепыми стариками. Что ему известно о Мартине Бормане?

Стивенсон рассказал.

— Вы присоединились к охоте на Бормана? — поинтересовался Флеминг у Стивенсона.

— Всего лишь пытался выяснить, куда делись лодки. У нас говорили, что Борман бежал на самолете. Я читал об этом, но мне так и не удалось взглянуть на полный отчет, составленный позднее.

Флеминг вставил сигарету в мундштук из слоновой кости.

— Люди, которые что-то знают об этом, находятся в Нью-Йорке. Один из них — генерал из бюро стратегических служб Донован. А второй — ваш тезка, Билли Стивенсон».

Стивенсону следовало обратить на это больше внимания, но его отвлекла рассказанная Флемингом история о том, как его брат Питер написал роман, в котором рассказывалось, что заместитель Гитлера бежал на самолете в Великобританию. Книга вышла в свет раньше, чем вице-фюрер совершил свой безумный побег в Шотландию. Питер был военным разведчиком в управлении специальных операций, и Стивенсон уже начинал подозревать, что кто-то способствовал возникновению у «правой руки» Гитлера Рудольфа Гесса этой безумной идеи.

Подлинный Люцифер и будущие вервольфы

22 октября 1945 года по Германии были разосланы двести тысяч копий официального извещения, в котором в числе прочего говорилось: «Мартин Борман обвиняется в преступлениях против мира, в военных преступлениях и преступлениях против человечества, описанных в обвинительном акте… Если Мартин Борман объявится, он должен будет предстать перед судом…»

Это объявление, дававшее возможность заслушать дело Бормана в его отсутствие, являлось результатом работы международного военного трибунала, в который входили представители Соединенных Штатов Америки, Франции, Великобритании и Советского Союза. Заместитель главного обвинителя, Дэвид Максвелл-Файф, заявил главе трибунала: «До сих пор существует большая вероятность того, что он жив».

Бормана признали виновным в военных преступлениях и преступлениях против человечества. Срок его заключения трибунал мог уменьшить, если бы Борман открыл встречное дело и предоставил смягчающие вину доказательства. Дверь оставили открытой…

Одной из трудностей в ведении процесса стало то, что роль секретаря фюрера оказалось невозможно описать при помощи каких-либо документов. Все его личные документы, тысячи страниц записей речей Гитлера, все партийные бумаги, за которые он отвечал, исчезли. Сторону обвинения заслушали 16 января 1946 года. Обвинительная речь начиналась следующими словами: «Любому школьнику известно, что Гитлер был плохим человеком. Но мы хотим особо подчеркнуть, что без людей, подобных Борману, Гитлеру вряд ли удалось бы захватить и удержать власть… На самом деле Борман был архангелом зла на службе Люцифера-Гитлера».

Подлинным Люцифером, конечно, являлся сам Борман. В те дни, при отсутствии документальных доказательств, было трудно осознать его роль. К тому же политическая ситуация стремительно менялась. Дьявол сидел в Москве, а антихристом считался большевизм.

Желание стереть из памяти людей пять лет всеобщего ужаса символизирует переход жены и детей Бормана в католичество. Он совершился тихо и незаметно почти сразу по окончании войны. Всего лишь год назад Герда писала мужу о своей надежде, что их дети будут помнить, как в Германии искоренили христианство и

иудаизм. Она всегда разделяла яростную ненависть Бормана к церквям. Теперь же, летом 1945 года, она отдала Адольфа Мартина Бормана и его братьев в руки священников, которые впоследствии оказались членами «Ватиканской линии», организации, помогавшей скрываться разыскиваемым нацистам. Старший сын Бормана отказался от имени Адольф, данного ему в честь Гитлера.

Герда уже была больна и вскоре после этого умерла от рака. Ее решение помогает понять то, что иначе выглядело бы невероятным: по всему выходит, что общественное мнение в Германии благоприятствовало нацистам, ушедшим в подполье. Многими западными наблюдателями попытки союзников очистить государственные структуры от нацистов тогда считались тщетными. Но в это время страх перед призраком нацизма сменился страхом перед коммунизмом. Борману, как хранителю нацистской философии, так сказать, пламени нацизма, нечего было бояться собственных людей-. А они все время ссылались на то, что вели себя, как верноподданные своей страны, которые естественным образом подчинялись ее законам.

Идея войны между западными союзниками и Советским Союзом лелеялась нацистами многие годы.

На Западе заговорили о существовании в СССР «железного занавеса». Впервые это выражение употребил бывший министр финансов Гитлера граф Шверин фон Крозиг 2 мая 1945 года, тщетно пытаясь добиться признания союзниками правительства адмирала Деница. Шверин фон Крозиг был скользким типом, никогда не забывавшим слова Гесса, произнесенные им накануне побега, о том, что два народа, немцы и англичане, сражались друг против друга к вящему удовольствию большевиков. Граф, бывший ученик создателя южноафриканской империи Сесила Родса, казалось, так ничего и не узнал об Англии за все время пребывания в Оксфорде и предположил, что Гесс произвел благоприятное впечатление на британцев. «Железный занавес задвигается, — объявил он по радио. — Люди, попавшие в могучие руки большевиков, уничтожаются».

Термин был подхвачен. Черчилль использовал его, телеграфируя 12 мая президенту США Гарри Трумэну: «Железный занавес опущен. Мы не знаем, что за ним происходит». Год спустя он вновь ввернул это выражение в своей речи, произнесенной в США. Это показывает, насколько заразны оказались страхи, намеренно распространяемые последователями Гитлера, чтобы добиться расположения со стороны Запада.

Тысячи послушных слуг Гитлера знали о требовании от них союзниками «безусловной капитуляции». Они слышали, что

военных преступников будут настигать во всех уголках земли, и они опасливо пробирались по руинам немецких городов. Некоторые знали точно, куда и как идти. Остальным были известны лишь названия «безопасных» укрытий. Но уже летом 1945 года беглецы поняли, что на самом деле у союзников нет желания мстить всем им. Популярность приобрела идея проведения военно-полевых судов над несколькими представителями нацистской верхушки. Это предложение высказал государственный секретарь США Корделл Хэлл, его поддержали Черчилль и министр финансов Генри Моргентгау. Они желали, чтобы были расстреляны самые отъявленные нацистские преступники.

«Иногда я задаюсь вопросом, не стоило ли в свое время строить более впечатляющие планы на конец войны, — писал глава разведки Эйзенхауэра Кеннет Стронг. — Немцы закончили свою западную кампанию в 1940 году с пышными церемониями и официальным подписанием договора о перемирии. Подписание состоялось в железнодорожном вагоне, который был точной копией того, в котором в 1918 году маршал Фох принимал капитуляцию Германии. Но тогда мы все хотели как можно скорее со всем разобраться и покончить с резней. После разбирательства с делами нацистов предстояла война на Дальнем Востоке».

1Мартин Борман рассчитывал на крестовый поход против коммунизма, и теперь, когда вновь начиналось создание пугала коммунизма, его сторонник граф Шверин фон Крозиг в своем выступлении на радио предсказывал, что намеченная в Сан-Франциско конференция никогда не закончится созданием мировой конституции, если в ней примут участие «красные подстрекатели». Он предрекал, что большевизация Европы станет первым шагом к «осоветченному» миру. Поражение Германии уже не выглядело столь позорно. Представители немецкой военной верхушки заявляли, что они сражались против коммунизма, а не за нацизм, и без всякой поддержки со стороны Запада противостояли большевистским полчищам. Это означало героизм! «Следуйте за светом трех звезд, озаряющих истинные свойства настоящего немецкого характера, — восклицал Шверин фон Крозиг, — единство, справедливость, свобода!».

Однако не все шло гладко. Англичане не позволили немецким командирам эвакуировать свои войска, стоявшие на пути наступления русских. К концу войны Аргентина заняла антинемецкую сторону. Папа Пий XII неожиданно обрел голос и в самый последний день войны осудил нацистов, заявив, что фашизм был плохой системой в дурных руках.

Тем не менее через три недели после капитуляции

фашистской армии в Норвегии немецкие командующие продолжали вести себя так, словно совместно с союзниками готовятся к новой войне против Советского Союза. В штабе военно-морского флота в Осло военный суд вынес приговор молодому матросу, заявившему своему командиру: «Я теперь свободный человек, а ты — нацистская собака!» Судьей, приговорившим этого юного нахала, был Ганс Фильбингер, впоследствии ставший видной фигурой в политической жизни Западной Германии. Приговор Фильбингера по делу матроса датировался 19 июня 1945 года. А в 1972 году в разговоре со Стивенсоном он высказывал еще большую уверенность относительно правомерности нацистских военно-полевых судов, приговаривавших людей к смерти за дезертирство и после окончания войны. Но если обстановка благоприятствовала нацистским военным судам, то спустя недели после исчезновения Бормана она оказалась еще более комфортной для бежавших военных преступников.

Когда с подлодки Шефлер высадил на берег небольшую группу людей и отправился в Аргентину, Фильбингер находился в Осло. Было ли ему известно, почему этот корабль сперва заходил в воды Норвегии? Нет. Знал ли он, что военные преступники спасаются бегством через Норвегию? Вполне вероятно.

В ходе ни к чему не обязывающей беседы с полковником Леоном Дегреллем Стивенсон узнал, как нечто само собой разумеющееся, что Дегрелль, близко связанный с Братством и Скорцени, нашел убежище в франкистской Испании. Леон Дегрелль, бельгийский фашист, командовавший войсками «СС-Запад», покинул Гиммлера у границы Дании и бежал в Норвегию. Там он искал помощи у Видкуна Квислинга, норвежца, чье имя стало синонимом предательства. Дегрелль обнаружил, что Квислинг также стремился избежать возмездия и пребывал в полном замешательстве. Тогда Дегрелль обратился к Йозефу Тербовену, рейхскомиссару Норвегии, который впоследствии застрелился. Тербовен обратился к Швеции с просьбой предоставить бельгийцу убежище, но ответ был отрицательным.

— Я попытался бы помочь тебе попасть на подводную лодку, отправлявшуюся, возможно, в Японию… Нет, это слишком далеко. Может быть, в Аргентину. Но выбраться из гавани практически невозможно. Поблизости слишком много военных кораблей союзников.

Он посоветовал Дегреллю договориться о полете на частном самолете бывшего министра военной промышленности Альберта Шпеера. Самолет находился в Осло, очевидно, готовый для того, чтобы доставить Шпеера в безопасное место, если ему удастся

вырваться из Фленсбурга. Экипаж торопился подняться в воздух, опасаясь, что норвежские силы сопротивления заметят самолет. Дальность его полета была меньше, чем расстояние до Испании.

Хотел ли Дегрелль воспользоваться этим шансом? Он ухватился за него! В полночь самолет пересек занятую союзниками территорию, приземлился на пляже в Сан-Себастьяне из-за того, что кончилось топливо. Дегрелль немедленно связался с Мадридом, где ему оказали радушный прием. Там он и остался.

Фильбингер никак не объяснил присутствие самолета Шпеера в Норвегии и приказ, данный его экипажу вывозить важных немецких беглецов на свободу. На самом деле, наряду с немецкими «кондорами» воздушной эскадры люфтваффе дозор несли захваченные немцами американские «летающие крепости», и это давало командирам возможность делать все, что заблагорассудится. Несмотря на то что большинство преследуемых могли раствориться в толпе, многие немцы пребывали в постоянном ужасе. Ими владел страх как следствие многолетних полицейских репрессий и агитации вервольфов — стоять до последней капли крови.

Долгосрочные планы побегов были частью работы особого подразделения вервольфов немецких военно-воздушных сил. Предполагалось, что они сбрасывали молодых десантников за линию фронта. Также они упоминались и в планах побега, разрабатывавшихся Мартином Борманом. Организация «Вервольф» была еще одним его детищем. Он осуществлял политический и административный контроль над фольксштурмом, специфической народной армией, состоявшей из очень юных и совсем старых мужчин и женщин, вооруженных чешскими винтовками и однозарядными противотанковыми гранатометами «панцерфауст».

Гиммлер, проводя смотр первого из отрядов фолькс-штурма, заявил: «Новое движение сопротивления нанесет удар в спину союзников, — заявил он. — Добровольцы будут нападать подобно оборотням — вервольфам». Так впервые публично прозвучало название, позднее окутанное атмосферой страха и неопределенности.

Когда на немецкую территорию ступила нога иноземцев, понадобились надежные люди для крайне важного дела — переправки документов и ценностей в безопасные места. Решающим шагом в личных маневрах Бормана стало продвижение по службе здоровяка, впервые попавшегося ему на глаза в 1940 году и состоявшего в первой дивизии СС, числившейся в личной охране Гитлера, — Отто Скорцени. Его поставили во главе организации «Вервольф», отвечавшей наряду с

прочими необычными операциями за осуществление прикрытия при перемещении основных ценностей. Генералу Рейнхарду Гелену было поручено военное командование организацией «Вервольф», но в 1972 году в разговоре со Стивенсоном он отрицал свою причастность к этому.

Гелен и Скорцени должны были одеть бойцов сопротивления в военную форму союзников. Также в их обязанности входило формирование и снабжение группировок, способных исполнять приказы, суть которых описана в письме Гиммлера шефу полиции «СС-Запад» генералу Карлу Гутенбергу: «Наставлять население, наказывать его за сотрудничество с врагом путем исполнения смертных приговоров».

Но какие бы планы ни строил относительно новой организации воспаленный рассудок Гитлера, окружавшие его преступники в атмосфере сумятицы и страха увидели превосходную возможность организации побега. Верхушка СС и гестапо, планировавшая уйти в подполье, имела в своем распоряжение униформу союзников, транспорт, продовольствие и оружие. Они могли бы получить помощь от своих соотечественников, находившихся в зоне союзной оккупации. Это казалось реальным, так как уже начиналась вселявшая ужас кампания против пособников врагу. Вервольфы карали за предательство Гитлера.

В полной мере было использовано слепое почитание фюрера, существовавшее среди молодежи. Молодым вервольфам предстояло стать частью войск, охранявших «национальный редут» вокруг гитлеровского дома в горах Берхтесгадена, больше известном как Альпийская крепость. Седьмая армия США докладывала, что там сосредоточено 200 тысяч опытных эсэсовцев и вервольфов. Защищаемая ими территория в Баварии, Австрии и части Италии составляла до 50 тысяч квадратных километров. Естественно, это место служило укрытием для бежавших за границу гитлеровцев.

Атмосфера неразберихи и ужаса помогла многим преступникам скрыться. Это хорошо иллюстрирует осуществленное вервольфами загадочное и устрашающее убийство бургомистра старого имперского города Аахена.

Аахен стал первым немецким городом, занятым иностранными завоевателями за последние сто лет. Чиновникам, помогавшим врагу, полагалось понести публичное наказание. По радио «Вервольф» постоянно передавали одну и ту же фразу: «Лучше быть мертвым, чем красным!», остававшуюся популярной еще многие годы спустя. Истинным врагом назывался большевизм, и нацисты всегда противостояли большевикам, а

посему любой немец, помогавший врагам нацизма, считался предателем.

29 марта 1945 года было объявлено, что бургомистр Аахена Франц Оппенгоф казнен по приказу народного немецкого суда. Его убила девушка из объединения «Девы Гитлера» и шестнадцатилетний подросток. Они входили в отряд вервольфов, сброшенных с летающей крепости 252-й эскадрильи. Юноша, именуемый как «человек-П», был назван в честь генерала СС Ганса Пруцмана, поставлявшего детей из Прибалтики для «онемечивания». Впоследствии он терроризировал гражданское население Украины, занимая пост главы полиции группы армий «Юг» в Киеве. Еще до окончания 1941 года по его вине оказались уничтоженными 200 000 евреев.

Участь Оппенгофа не была связана с его личными убеждениями, типичными для сановников, считавшихся «не нацистами». Перед захватом города в Аахене сформировалась новая элита. По описанию британских секретных агентов, она состояла из «проницательных, волевых и агрессивно настроенных инженеров, юристов, технических специалистов, предпринимателей, промышленников и представителей духовенства… В последние десять лет правления Гитлера их зарплата составляла от семи до двухсот тысяч марок в год (что соответствовало уровню доходов среднего класса). Никто из них не пострадал при нацистском режиме и никогда ни словом, ни делом не противостоял ему».

Двенадцатая американская армия выделила из этой элиты Оппенгофа, и он стал бургомистром под контролем американцев. Его поддерживал епископ Ван дер Вальден, который, по словам капитана Сауля Падовера, профессора истории и сотрудника отдела психологической борьбы двенадцатой армии, «разделял точку зрения Оппенгофа, заключавшуюся в том, что американское военное правительство даст им время для восстановления экономики без вмешательства со стороны политических партий и профсоюзов. Они считали, что если бы США последовательно придерживались своих интересов, они бы присоединились к Германии в войне против Советского Союза».

Оппенгоф, юрист-католик, придерживавшийся правых взглядов, заявил: «Немецкий народ можно разделить на две части: тех, кто подчиняется, и тех, кто командует». Он видел, что до прихода Гитлера был хаос, когда сорок политических партий грызли друг другу глотки, и «если американцы разрешат деятельность политических партий, нам останется надеяться только на помощь с неба», — сказал новый бургомистр Падоверу.

Оппенгоф нанимал людей, придерживавшихся фашистских

взглядов. Это оскорбляло демократическое мировоззрение Падовера: «То один, то второй повторяет лозунг и штампы, оставленные Германией после Версальского договора, затем один из них резко заявляет о том, что бедный рейх совсем стеснен и должен расширяться… Военные правительства назначают на важные должности людей, симпатизирующих нацистам, членов партии и немецких националистов, так как они являются единственными доступными специалистами. Они выглядят очень впечатляюще, обладая профессиональным опытом, сходным с тем, который имеют сотрудники американского военного правительства. Они ставят на второстепенные посты своих друзей, которые мыслят примерно так же. В итоге наше безразличие к складывающейся ситуации приведет к политической неразберихе». Вервольфы продемонстрировали, что они никогда не проявят слабости.

Спустя пятнадцать лет в Ганновере был арестован глава вервольфов — Гюнтер Вельтерс. Ему предъявили обвинение в неонацистской деятельности. Остальные лидеры вервольфов выжили, но их редко удавалось схватить. Во время союзной оккупации с ними обращались достаточно жестко. В зоне советской оккупации СМЕРШ расстреливала их без суда и следствия. По иронии судьбы Оппенгоф высказывал Падоверу именно их политические взгляды, говоря, что немецкой ментальности с ее «рабской покорностью» больше бы подошла тоталитарная система Муссолини или Франко.

Планы по организации «Вервольфа» возникли у Гелена в результате кабинетных размышлений. Он заявлял, что они основывались на разведданных по польскому сопротивлению. В эти планы входило создание тайных складов боеприпасов немецкой армии и сохранение важных документов, которые позволили бы возродиться военной верхушке. Впоследствии он утверждал, что эти приготовления были направлены против большевиков, которые всегда являлись главным врагом.

Военные грузовики неделями перевозили документы, имевшие значение для сохранения нацистского мифа, включая последнюю версию «Бесед Гитлера». Их копии на микропленке были помещены в банковские сейфы, откуда их извлекли лишь годы спустя, а к тому времени оригиналы уже выполнили свое назначение. Нацистская пропаганда ополчилась на предложение Генри Моргентау — превратить Германию в сельскохозяйственную страну. «Это разрушит немецкую промышленность! — возмущались выступавшие по радио «Вервольф». — Немцы начнут голодать или будут вынуждены эмигрировать в качестве рабов. Еврей Моргентау поет те же

песни, что и евреи, сидящие в Кремле».

Покуда все новые мальчики пополняли ряды «людей-П», генерал СС Пруцман пытался прорваться в безопасное место, облачившись в лохмотья беженца. Гелен же обзавелся фальшивыми документами: «В этом не было ничего сложного для моего агентства разведки. Там сделали подложные приказы, подделали подпись гауляйтера. Гитлер строго запретил нам эвакуировать семьи, но для моей будущей миссии было крайне важно переместить жену и детей в Альпы». И он начал подготовку еще зимой. Вместе со Скорцени, выполнявшим сходные поручения, он спрятал в Альпийской крепости документы, которые так пригодились ему после прихода американцев.

В это время Мартин Борман находился в бункере Гитлера. Его союзник Эрих Кох, когда-то бахвалившийся тем, как он усмирит украинцев кнутом и водкой, зарезервировал ледокол, чтобы через Балтийское море бежать в Киль, где его, очевидно, должен был ждать Борман.

Деяния вервольфов и приготовления в Альпийской крепости, информация о намерении Скорцени убить Эйзенхауэра, а также радиозаявления, в которых пособникам оккупантов (русских) грозили повешением, — все это отвлекало внимание от Берлина, где в своем бункере Гитлер не особо готовился к военным действиям. Эйзенхауэр не мог игнорировать сообщения об Альпийской крепости. Впоследствии он писал: «Если бы мы дозволили, немцы втянули бы нас в длительную партизанскую войну… Целью организации вервольфов были терроризм и убийства». В Вашингтоне он получил от генерала Джорджа Маршала предложение о незамедлительных действиях по предотвращению формирования очагов организованного сопротивления. «Потенциально опасной считается горная местность на юге», — подчеркивал Д. Маршал.

Черчилль опасался каких-либо отклонений от курса, направленного на Берлин, и поэтому Великобритания резко возражала против любых изменений в плане, которые могли бы изменить облик Европы. Эйзенхауэр телеграфировал, что он сделает все возможное для ослабления Альпийской крепости прежде, чем она превратится в оплот вервольфов. Отовсюду поступали доклады о существовании школ вервольфов, и английская разведка оценивала число подростков, еженедельно обучавшихся под руководством офицеров СС, в пять тысяч. Появилась брошюра «Вервольф: основные положения для охотничьих отрядов», усиливавшая атмосферу всеобщего страха. На самом же деле главный вервольф Пруцман в это время торговался через датское подполье с британцами, в надежде

получить охранное свидетельство в обмен на предательство своих друзей.

Легенды «Фогельфрай», возрожденные вервольфами, особенно подходили Борману. Это слово означает «свободный от птиц». Оно берет свое начало в средневековом кодексе отмщения, объявлявшем, что любой человек, признанный виновным, превращается во время охотничьего сезона в мишень. Молодой Мартин Борман после Первой мировой войны принимал участие в подобной охоте, творя самосуд над «ноябрьскими предателями» за их переговоры в 1918 году с союзниками. Средневековые мстители клялись собственной жизнью, что не посвятят в тайну своего святого дела «ни жену, ни детей; ни мать, ни отца; ни сестру, ни брата; ни огонь, ни ветер — ничто, существующее между небом и землей». Любой признанный виновным и отсутствовавший на ритуальном суде объявлялся «дичью», и любой мог его убить безнаказанно. В народном ополчении, к которому после 1918 года присоединился Борман, не пытались изображать благородство. Рыцарями становились дурно воспитанные вояки, а жертвами — заподозренные в сопротивлении бандам. Нацисты, возрождая фольклор, сделали из сочинителя баллады веррольфа — оборотня, который в германской мифологии находился под влиянием дьявола и обладал способностью превращаться из человека в волка и обратно.

Радиопередачи Геббельса и трансляции радио «Вервольф» были полны истерических предупреждений: «Бог уже не защищает наш народ… наступило царство сатаны… Жуткие злодейства творятся над нашими женщинами и детьми». Для мальчиков и девочек, некоторым из которых было всего девять лет, существовали тайные опознавательные знаки, а на домах тех, кому суждено было стать жертвой, рисовали руку ангела-волка. Геббельс разражался речами подобного рода: «Мы, вервольфы, считаем нашим высшим долгом убивать, убивать и еще раз убивать! Используя всю свою хитрость, мы будем красться по городам и деревням подобно волчьим стаям, бесшумно и таинственно под покровом ночи!»

Согласно данным SHAEF (главного штаба экспедиционных войск союзников), в ходе воздушной разведки в марте 1945 года было зафиксировано по меньшей мере двадцать мест и многочисленные пещеры вокруг Берхтесгадена, в которых велась подпольная деятельность. Аллен Даллес докладывал из своего наблюдательного пункта в Швейцарии, что фанатичные нацисты могут создать там последний оплот сопротивления. Он располагал свидетельствами о поспешных приготовлениях к

сооружению горной крепости, которыми командовал генерал-майор фон Марцинкевич.

Борман изменил весь ход военных операций союзников, прибегнув к обманному маневру. Поддельная крепость давала убежище многим нацистам, строившим планы на будущее. Прежде чем отправиться в лагерь в качестве военнопленного, там можно было скрыть документы, обладая которыми можно было торговаться. Там скрывали бесценные полицейские сводки, награбленные иностранные акции и облигации, затаившись до тех пор, пока союзный ветер не начнет дуть в нужном политическом направлении. Там отсиживались те, кто был уверен, что в случае обнаружения его точно повесят. Все они собирались в Альпийской крепости, зная, что им некуда спешить. Прежде, чем поисковые группы союзников могли оказаться для них реальной угрозой, должны были пройти недели, а то и месяцы. По многим дорогам можно было пройти либо пешком, либо на вездеходе.

Спустя многие годы Эйзенхауэр продолжал требовать полномасштабного расследования этого дела. В то время, когда он был главнокомандующим союзных войск, паника достигла таких размеров, что его служба безопасности запрещала ему выходить за пределы парижской территории главного штаба экспедиционных войск союзников. Утверждали, что будто «Скорцени и воздушные силы СС намерены убить его». Впоследствии глава разведки Эйзенхауэра заявлял: «Поступали доклады о сбрасывающихся на парашютах вооруженных немецких десантниках, переодетых священниками и монахинями».

Данный маневр Бормана облегчил русским захват территории вокруг Берлина. Позже это стало одной из причин, по которым считалось, что Борман все время работал на русских. После ухода с поста главы западногерманской разведки Гелен настаивал на том, что Борман специально сделал все так, чтобы Берлин очутился в руках русских. Но не стоит забывать еще одно обстоятельство: Борман располагал недвижимостью на территории Альпийской крепости, которая вскоре стала резиденцией новой шпионской сети Гелена. Именно там он придумал отчет для американцев, в котором существование среди приближенных Гитлера советского шпиона подтверждал, ссылаясь на данные адмирала Вильгельма Канариса, «короля шпионажа» и бывшего главы абвера, немецкой военной разведки.

Что касается адмирала, то имеются свидетельства о его сотрудничестве с британцами. Но Канарис никогда не называл Бормана шпионом, хотя действительно заявлял, что Кремль получал сверхсекретную информацию, и это его крайне

беспокоило. Канарис не был предателем. После падения Франции он предупредил британцев о готовящемся немецком вторжении, но сделал это в надежде предотвратить столкновение с извечным сильным противником. К тому же он все еще надеялся создать западный блок против Советского Союза. Тайны инициатив Канариса заключены в его дневниках, полностью еще не опубликованных.

Борман принял решение остаться с фюрером. Позднейшие исследования, направленные на изучение образа мышления Бормана, пролили свет на его скрупулезную разработку весьма интересных концепций. То, что на первый взгляд представлялось безумными схемами, Борман исполнял с таким хладнокровием, что он заработал репутацию бесчувственного тупого крестьянина. Он упорно добивался письменного распоряжения фюрера о назначении его на пост министра партии. Все остальные кадровые перестановки ничего не значили! Он совершенно спокойно отнесся к назначению пропагандиста Геббельса, этого мелкого безумца, рейхсканцлером, ибо знал, что Геббельс будет мертв не позднее, чем через несколько часов после того, как Гитлер составит свое завещание.

Почти все, кто наблюдал за его действиями, ненавидели его, но это была та ненависть, что порождает страх, а потом и подчинение. Он методично уничтожал остававшихся врагов: после смерти Гитлера — смерть Геббельса, превратившегося в лакея Бормана и уже не способного ни на что полезное. Далее было подготовлено смещение Гиммлера. «Новое предательство!!! — телеграфировал Борман гитлеровскому наследнику Деницу еще до того, как Гитлер умер. — Гиммлер предлагает сдаться… Необходимо срочно принять самые жесткие меры…». Смерть уготована и заклятому врагу — Герингу. «Вы знакомы с интригами, которые плел Борман, чтобы меня уничтожить?» — скорбно вопрошал Геринг Деница. Необходимо было упаковать и спрятать ценные документы и записи, сделанные Борманом на первом этапе саги о национал-социалистической трансформации мира. Ганна Райч видела, как он «отражал на бумаге величественные события, дабы сохранить их в вечности», прежде чем похитить все документы. Прежде, чем выбраться из развалин, Борману нужно было свести кое-какие счеты.

Развалины в Берлине кое-кто до сих пор называет «собранием произведений Гитлера». Там были просто горы обломков, семь миллионов квадратных метров руин. В войне погибли восемь миллионов немцев. Некоторые особо чувствительные души до сих пор чувствуют в Берлине зловоние. От бывших восточной и

западной зон к небесам возносится запах оперной трагедии и вареной капусты.

Непредвзятый исследователь все еще может обнаружить удивительные детали, меняющие взгляд на официальную историю — примером может служить случай с Артуром Аксманом.

Кто видел Бормана последним? Кто утверждал, что Борман погиб? Артур Аксман — единственный свидетель, на которого ссылаются все, кто заявляет, что Борман погиб под огнем утром 2 мая 1945 года. В свое время эксперт по нацистской Германии Хью Тревор-Ропер комментировал это следующим образом: «Верить Аксману или нет — дело вкуса… Если у него имелась цель — защитить Бормана, самым естественным было бы сделать ложное заявление о его смерти».

Берлинец Артур Аксман являлся главой отрядов гитлерюгенда, брошенных на защиту Берлина. События, происходившие, когда ему было тридцать два года, живы в памяти, будто все случилось только вчера. Места, названия которых мелькают во всех книгах, написанных об этом периоде, для него являлись территорией повседневной жизни.

Его описание ночной бомбежки Берлина отличается живыми подробностями. Он заявляет, что не могло быть и речи о беспечной вылазке Бормана из гитлеровского бункера, даже если бы русские не взяли его на мушку. «Вам нужно быть солдатом, чтобы понять, что русские не просто болтались по Берлину. Они вступали в город, который символизировал все, что они ненавидели, с такой же одержимой свирепостью, с какой мы атаковали Сталинград — не ради его стратегической ценности, но чтобы разрушить его как символ. Русские слышали наши радиопередачи и знали, что Гитлер в Берлине. Также они знали о том, что англичане и американцы верят докладам о последнем редуте в Баварии. Они не торопились вступать в город, но были беспощадны. Они стреляли во все, что двигается».

Так, значит, Бормана могли убить? В свои пятьдесят девять лет Аксман был уже не столь в этом уверен. Он полагал, что видел труп Бормана бок о бок с телом личного хирурга Гитлера доктора Людвига Штумпфеггера. Их убило взрывом на мосту над железнодорожными путями, ведущими к станции Лертер. Теперь он припоминал лишь, что в ночной темноте он прошел мимо двух мужчин, лежавших среди многих других мертвых и умиравших. Позднее ему говорили о радиопередачах Штумпфеггера из Советского Союза.

В ту ночь он отправлялся в Альпийскую крепость, зная, что там не увидит никаких укреплений. Но получив инструкции,

должен был присоединиться к одному из отрядов гитлерюгенда, скрывавшемуся в горах. Ему повезло меньше, чем остальным, нашедшим прибежище в Италии, но тогда он и не собирался бежать из Германии. Его личное дело было чистым, и он мог лучше послужить общему делу, оставшись на родине.

Первые сомнения в истинности рассказа Аксмана появились в 1965 году, когда была предпринята попытка найти тело Бормана. Поиски основывались на том, что берлинское почтовое отделение № 40, расположенное на станции Лертер, сообщило госпоже Гертруде Штумпфеггер о гибели ее мужа. Говорилось, что были посланы четыре железнодорожника, чтобы похоронить его вместе с трупом коренастого невысокого мужчины в Выставочном парке. Парк перекопали, но не обнаружили ничего, что подтвердило бы эти сведения, и уж точно не было найдено тело Бормана. В ходе второй попытки в 1973 году нашли черепа и кости, к которым общество отнеслось с сомнением.

Вырисовывалась следующая версия. Аксман, ревностный нацист, занимавший ответственный пост в гитлерюгенде, преемник старого друга Бормана — гомосексуалиста Бальдура фон Шираха, поспешно отправился в Альпийскую крепость, преодолев путь в шестьсот километров, пролегавший по чрезвычайно опасной территории, занятой армиями противника. Он двигался очень быстро, зная, что Гитлер мертв, а Германия находится на пороге капитуляции. Он направлялся туда, где собирались остальные люди, объявленные в розыск за военные преступления. Ко времени, когда там оказались эти преступники, союзники уже знали, что не существует крепости, откуда Гитлер мог бы командовать партизанскими армиями в новой войне, способной продлиться годы. Гитлер был в Берлине и был мертв. Борман исчез. Солдаты союзных армий расслабились.

Аксман знал о путях отступления, проложенных в Альпах. Ему было известно о том, что вервольфы и Альпийская крепость созданы, чтобы сыграть основную роль в кампании по обману противника. Он знал, что Борман будет двигаться в противоположном направлении — к северо-западу Германии, к большим докам подводных лодок Фленсбурга. Аксман не сделал ничего настолько дурного, чтобы попасть под международный трибунал, и ему не было нужды бежать. Он оказался очень полезен в качестве приманки. После войны Аксман стал удивительно преуспевающим бизнесменом, учитывая то, что он открыл свое дело довольно поздно. То же самое произошло и с Ширахом: отсидев двадцать лет за преступления против человечества и покинув тюрьму в Шпандау, он занялся прибыльным издательским делом. Оба лидера гитлерюгенда

проявили полную лояльность и заслужили свою награду.

Мартин Борман вряд ли предвидел то, как будет использоваться часть недвижимости, принадлежавшая ему в баварском убежище, попавшая в его руки после побега Гесса в Англию. Впоследствии, когда его коллег повесили, она перешла во владение союзной миссии. Речь идет о «Белом доме» и окружавшем его поселке в Пуллахе, примерно в десяти километрах к югу от Мюнхена. Семья Бормана использовала старый дом Гесса для приема гостей. В поселок приезжали отдыхать и развлекаться офицеры, служившие в концентрационном лагере Дахау.

После исчезновения Бормана в Пуллахе обосновался генерал Гелен со своим штабом разведки. Его деятельность финансировалась Западом и направлялась против советских интересов. В старом особняке Бормана над дверью германский орел держал в когтях обломки, оставшиеся от свастики. В саду скульптуры изящных молодых людей, которыми когда-то любовался Гесс, покрылись зеленой плесенью. Но на стене обеденного зала Гелена сохранились изображения пышных блондинок, соответствовавших нацистским представлениям о немецких женщинах. Над домом реял американский флаг, на воротах на медной табличке была выгравирована дезориентирующая надпись: «Южно-немецкая компания утилизации промышленных отходов». Охранники, одетые баварскими егерями, в кожаных шортах и вышитых подтяжках, патрулировали вдоль высоких стен и нового забора, находившегося под напряжением. Бывший учебный центр гитлерюгенда превратился в школу разведчиков.

Спустя год в Пуллахе по проекту Гелена возвели крепость, где большая группа специалистов занималась исследованием советских секретов и заговоров. Все это финансировалось США. Некоторые люди, покинувшие это агентство, рассказывали, что в то время Гелен стал как бы эхом Гитлера — не только в том, что касалось внешнего сходства, но и в склонности к грандиозным планам. В крепости существовало три уровня подземных бункеров. Сейфы были обиты сталью и обложены бетоном. Дома приспособили под нужды сотрудников, чьи выходы за пределы крепости, кроме как по делу, не приветствовались. С жителями деревни их семьи не общались. Двери и ворота в стенах Пуллаха управлялись при помощи электрических реле. За посетителями наблюдали через телекамеры и вели запись на пленку.

Став частью федерального немецкого правительства, организация Гелена все же продолжала получать основную часть финансирования из американских источников. Комитет

свободной Европы оплачивал пропагандистские трансляции радиостанции «Свободная Европа», при этом ее спонсорами выступали главы крупнейших и уважаемых американских компаний. Гелена с этой новой «игрушкой» связывал бывший руководитель отрядов штурмовиков — Петер Фишер, работавший под псевдонимом «майор Фидлер». Во время войны он разработал технологию радиообмана для поимки британских агентов, забрасываемых в страны Бенилюкса с воздуха. Его начальником в то время был майор СС Йозеф Шрейдер, хвастався, что от него не уйдет ни один человек, причастный к голландскому движению сопротивления.

Радио «Свободная Европа» на момент начала вещания в 1950 году находилось в парке в центре Мюнхена. Со временем возникла целая сеть радиопередатчиков, транслировавших на территории всего Советского Союза и маоистского Китая антикоммунистическую информацию вперемешку с развлекательными программами.

За назначением Гелена стоял американский консул по защите от коммунистической агрессии, американские друзья Российской свободы и прочие «гражданские» сообщества.

Когда глава бывшей нацистской разведки Шелленберг понял, что его главный соперник Гелен не собирается нанимать его на службу в новую американо-немецкую разведку, он начал активнее сотрудничать со своими британскими тюремщиками. Он рассказал им немало интересного о доступных немцам устройствах и приспособлениях. В них входил радиопередатчик размером с пачку сигарет, имевший маленький диск с тремя кнопками. Агент нажимал первую кнопку и наговаривал свое закодированное сообщение, которое записывалось на магнитную пленку внутри коробки. Затем он задействовал вторую кнопку, и когда она загоралась ярким светом, это означало, что аппарат настроился на нужную частоту. При помощи третьей кнопки осуществлялась высокоскоростная передача информации, занимавшая, по словам Шелленберга, всего лишь три пятых секунды, время, слишком малое для перехватывающих устройств. Такие передатчики очень пригодились беглецам, перемешавшимся по Европе, оккупированной врагом. Из досье их снабжали именами и адресами «друзей» на нейтральной территории.

Вальтер Шелленберг описывал обстановку своего кабинета в военное время: «Повсюду были микрофоны, спрятанные в стенах, под столом, даже в одной из ламп, и каждый разговор, любой звук автоматически записывался… Стол напоминал небольшую крепость. Он имел встроенные автоматы, которые могли усыпать

пулями всю комнату. В случае опасности оставалось только нажать кнопку, и автоматы начали бы стрелять. Одновременно с этим включалась сирена, и охрана окружила бы здание, перекрыв все входы и выходы… Отправляясь за границу, я вставлял искусственный зуб, в котором находилось достаточно яда, чтобы убить меня за полминуты. Для пущей надежности я всегда носил перстень-печатку, в котором под большим голубым камнем была спрятана золотая капсула, содержавшая цианистый калий».

Система документов, разработанная главой нацистской разведки, была своеобразным шедевром. Существовали записи о психологических особенностях друзей и происхождении каждого представителя союзников, чье имя когда-либо упоминалось в военных донесениях или отчетах иностранной разведки. «У нас были досье на каждого агента, сотрудника, работника штаба, включавшие сведения относительно мотивов, побудивших их сотрудничать с нами, — говорил Шелленберг. — Мы могли выбрать имя какого-либо лица в Стамбуле и через минуту при помощи перекрестных ссылок получить информацию обо всех его связях и человеческих слабостях». Имелась сложная циклическая цепочка индексированных документов, которые моментально снабжали исследователя всей информацией по той или иной проблеме.

Эта система, ставшая прототипом современных компьютеризированных банков данных, использовалась и Геленом. Ее содержимое было тщательно изучено еще до конца войны в ODESSA.

Скорцени снова при деле

В свое время Борман просил Вальтера Шелленберга «подготовить краткий обзор административной структуры римской католической церкви» и особенно «ее политики в Южной Америке». Нацистские карты Великой Германской империи того региона, который она собиралась поделить с колонизаторами из франкистской Испании, составлялись еще с тех самых пор, когда впервые появились угрозы сбросить на американские города бомбы с южных баз. К государствам, ориентировавшимся в своей политике на нацистскую Германию, применялись дипломатические и экономические меры. По возможности американцы перекрывали пути перемещения нацистских средств, а когда операции производились через американские организации, Эдгар Гувер добивался действий со стороны министерства финансов и ФБР.

Но в Европе война закончилась ликвидацией разведывательных служб, а в лучшем случае их жестокой борьбой за выживание. Поэтому все, что предпринималось против беглецов-нацистов, делалось на той же неформальной основе, как и в начале войны, когда нью-йоркский адвокат Уильям Донован и глава отделения британской разведки в Канаде Уильям Стивенсон совместно работали над созданием военного союза, который подчинялся бы напрямую Рузвельту и Черчиллю. Теперь Донован боролся за то, чтобы его управление стратегических служб трансформировали в разведывательную организацию мирного времени. Стивенсон сворачивал латиноамериканские операции. Ему доложили о необходимости защиты советского шифровальщика Игоря Гузенко, выдавшего всю советскую шпионскую сеть, занимавшуюся добычей данных об американской атомной бомбе.

Таким образом, внимание к оставшимся последователям Гитлера заметно ослабло. Однако Донована и Стивенсона это настораживало, поскольку они были осведомлены о немецких сетях так же хорошо, как и глава нацистской разведки Шелленберг. Адмирал Канарис предупредил их, что немецкие базы будут развернуты в Мексике, Аргентине, Бразилии, на франкоговорящей территории Канады и в других местах. У Канариса имелись свои причины для того, чтобы делиться информацией с западными союзниками. Но Гитлер повесил его, обвинив в предательстве, и о его предупреждениях забыли за более срочными делами.

Уильям Стивенсон отбыл на Бермуды — свой опорный

разведывательный пункт в Латинской Америке. Сеть его связных, в которую когда-то входило три тысячи шифровальщиков, работавших в подвальных помещениях отеля «Принцесса», значительно сократили. Он держал связь с Интерполом и подтверждал, что в отношении военных преступников предусмотрены самые строгие меры. Ситуация по делу Бормана оставалась неутешительной. Стивенсон задавался вопросом, кто снабдил Бормана для его охраны специалистами войск особого назначения. Таким человеком мог стать только один военный широкого профиля, и это был Скорцени. Конечно, и организации СС, устраивавшие побеги своим членам, располагали сведущими людьми. Нацистским политическим теоретикам, хранителям огня, требовалась военная поддержка. Тут пригодился опыт добровольческих отрядов. Исследователи немецкой истории были уверены, что поражение 1945 года не положило конец стремлению нацистов создавать вооруженные группы взаимопомощи.

В Рождество 1945 года «самый опасный человек в Европе», как называли его американцы, Отто Скорцени, был выпущен из лагеря для заключенных, чтобы повидаться со своей семьей, находившейся в Мюнхене. За ним следили агенты союзников в надежде, что он свяжется с Борманом. Ничего подобного не произошло.

Скорцени имел приметную наружность. Его лицо от левого виска до краешка рта пересекал хорошо заметный белесый шрам. У него был массивный подбородок, синевато-серые глаза и темные густые волосы. Его уже тогда подозревали в руководстве организации под названием «Паук» (die Spinne), устраивавшей нацистам побеги. После бегства в Испанию он заявлял, что считал себя коллегой главы управления стратегических служб (ОСС) США Донована. «Генерал допрашивал меня, и так я познакомился с американцем, который выполнял ту же функцию в своей армии, какую я в своей». Эта обезоруживающая попытка уравнять должности тайного личного телохранителя Гитлера и Донована не могла смягчить отношение к нему ОСС.

По долгу службы Скорцени часто беседовал лично с Борманом. Неразбериха, последовавшая за заговором против Гитлера в июле 1944 года, говорил он, помогла ему понять, «что может сделать находчивый человек, чтобы захватить власть». Скорцени оказался идеальной личностью для подготовки спасения тех немногих, кого отобрал Борман. «Теория Скорцени» предусматривала воздушные налеты и нетрадиционные методы установления контроля над целыми народами с помощью нескольких головорезов, способных захватить власть. Он строил

планы обстрела Нью-Йорка ракетами с подводных лодок и убедил ракетного конструктора Вернера фон Брауна позволить Ханне Райч управлять ракетой V-1.

Он намеревался также похитить во время политического кризиса короля Италии. Но его реальные военные свершения не соответствовали его мечтам и обещаниям. Тем не менее Скорцени действительно умудрился вызволить Муссолини из идеально охраняемого заточения в горах, где диктатор находился в заключении после капитуляции Италии. В ноябре 1972 года он хвастал перед южноафриканскими полковниками золотыми наручными часами с выгравированной на них буквой «М» и датой спасения: «12.9.1943».

Согласно приказу, составленному Борманом в июле 1944 года, Скорцени предоставили средства для подготовки путей отступления СС. Этот документ обязывал всех сотрудников, как военных, так и гражданских, всячески содействовать Скорцени и исполнять любые его требования. Приказ, подписанный Гитлером, гласил, что «Скорцени поручено выполнение заданий особой важности и совершенной секретности».

В наибольшей степени этот документ послужил генералу Гелену, который в то время работал на Восточном фронте и готовил обширную отправку папок с разведданными по Советскому Союзу. Он часто прибегал к Скорцени, чтобы создать картину тайных операций на советской стороне фронта, и мог использовать его, чтобы купить себе свободу после падения Третьего рейха.

Скорцени был привлекателен по многим причинам. Он понадобился бы как приманка для американцев, когда Гелену и всем остальным пришло бы время перейти на другую сторону, заявив, что они всегда сражались против коммунизма. Скорцени презирал большевиков и вообще русских: «Все они, от Арктики до Черного моря, вымазаны одним и тем же дегтем. Это грубые фаталисты с азиатскими рожами», — писал он спустя долгое время после окончания войны. Он был полезен и для ODESSA, так как знал пути отступления через Италию и создал программы тренировок для бойцов. Они в совершенстве овладевали разнообразными навыками: могли управлять локомотивами и пароходами, чинили все, что двигалось, включая торпеды. Скорцени имел разрешение Бормана брать все необходимое на любом складе, собирать награбленное оружие для своих специальных войск. Он добился того, что каждый его человек был экспертом в промышленных диверсиях, отличным парашютистом, подводным пловцом и актером. Отряды планеристов, использовавшиеся в операции по освобождению Муссолини,

имели при себе карты с обозначенными на них католическими приютами, где в случае необходимости они могли найти убежище, замаскировавшись в рясы и сутаны.

В ноябре 1944 года, когда начали развиваться контакты между немецкими агентами и Западом, Скорцени получил «ордер», гарантировавший ему теплый прием во франкистской Испании. Ему приказали создать организацию сопротивления в советском тылу и установить контакт с партизанами-антикоммунистами. Основная часть работы была проделана двумя годами ранее в ходе операции «Цеппелин». Советские заключенные проходили тогда курс обучения, чтобы вернуться на родину диверсантами. Гелен в это же время занимался организацией новой шпионской сети — «Тайной лиги зеленых партизан».

Во всех этих предприятиях форма значила больше, нежели содержание. Скорцени из своего пребывания на Восточном фронте извлек мало пользы, зато переболел дизентерией и стал страдать от болей в мочевом пузыре. Но подобно Гелену, впоследствии он очень красочно описывал свои подвиги. «Стальной обруч», который он должен был создать вокруг Гитлера и Альпийской крепости, являлся всего лишь мыльным пузырем. Однако этого оказалось достаточно, чтобы появились срочные телеграфные сообщения союзников о существовании последнего круга фашистской обороны. В конце войны Скорцени и несколько офицеров СС действительно отошли к австро-немецкой границе, но там не имелось ни горной крепости, ни тридцати дивизий первоклассных войск, ни складов с продовольствием и обмундированием для «защитников Альп».

Вместо этого в Альпах оказались «чрезвычайно важные партийные документы», спрятанные от врага. Президент Рейхсбанка и министр экономики Вальтер Функ добивался там защиты для себя и государственной казны. Адольф Эйхман планировал остановиться в Альпийской крепости на первом этапе своего долгого пути. Скорцени имел приказ сдаться американским войскам. Это было безопаснее, чем рисковать жизнью, изображая беглого обезображенного шрамами великана. К тому же после ареста он мог рассчитывать на сравнительно быстрое освобождение.

Так и произошло. Сначала его старый друг и поклонник генерал Гелен заключил сделку с американской разведкой. Затем Скорцени подвергся скорому суду за военные преступления и был оправдан (в основном благодаря показаниям британского агента спецслужбы), несмотря на то что все еще находился в розыске в Дании и Чехословакии. Он оставался в руках союзников, пока не

настало удобное время для побега. 27 июля 1948 года Скорцени отправился на железнодорожную станцию, сел на поезд до Штутгарта и на следующий день оказался поблизости от Орлиного гнезда, куда тайно привезли его дочь. Он месяцами «путешествовал в горах, валил деревья и восстанавливал былую форму». Затем Скорцени присоединился к своей жене, дочери бывшего финансового гения Гитлера Шахта. К этому времени Шахт был уже освобожден решением Нюрнбергского суда, хотя советская сторона голосовала за признание его виновным.

Почему британцы не вмешались в дело Скорцени? Почему Шахт получил британскую защиту, когда, несмотря на оправдание по всем статьям в Нюрнберге, был приговорен к восьми годам тюремного заключения в числе «основных нацистских преступников». Его выпустили уже в 1948 году. Прежде чем суд, находившийся во французской зоне, переменил свое решение, Шахт оказался уже в британской зоне, где к соблюдению законов и формальностей подходили более гибко. Шахт считал, что обстоятельства складывались довольно странно. Он говорил об этом Стивенсону. Когда Шахт покинул тюрьму, у него в кармане было лишь две марки и пятьдесят пфеннигов, но буквально за одну ночь он стал управляющим ведущего западногерманского банка и вскоре занял пост его президента. В преклонном возрасте Шахт занимался восстановлением иностранной торговли по частным каналам.

Основная часть этой торговли была связана со Средним Востоком. После того как в Египте свергли короля Фаруха, к Гелену поступило предложение помочь обучению местной службы безопасности. Этим открывалась долгожданная возможность — восстановить немецкое влияние на Среднем Востоке, где тайные нацистские службы потерпели сокрушительное поражение, хотя их остатки все еще действовали и использовались как местные отделения ODESSA. Гелен и Шахт быстро сошлись во мнении, что существует только один человек, способный справиться с новой задачей, — Отто Скорцени.

Скорцени поддерживал связь с отставными немецкими генералами и прочими давними товарищами, надеясь собрать несколько дивизий для военной помощи американцам в Корее. Интересен тот факт, что в немногих разговорах, о которых сохранились записи, эта война всегда называлась американской, но всячески подчеркивалось, что американцы опирались на более опытных немцев. В 1950 году, Скорцени, еще не вышедший из лагеря, несомненно, привлекал интерес западных оккупационных войск. Германию переполняли бывшие вояки, не нашедшие своего места в мирной жизни, и Скорцени предложил отправить их на

обучение в Испанию.

Он считал, что «корейская война» может быть организована и в Европе, и пять его отборных дивизий пришлись бы тогда очень к месту. Записи Скорцени полны громких слов: он бахвалился опаснейшими приключениями и был полон юношеского энтузиазма в отношении нетрадиционных методов ведения войны. Наделе его предприятия оказывались не столь впечатляющими. Он действительно вытащил из, казалось бы, неприступных тюрем Муссолини и шурина Франко — Рамона Серрано Суньера, но необходимо отметить, что в то же время он имел склонность к авантюрным схемам, которые ни к чему не приводили. Планируемые им операции на Среднем Востоке (как еще и те, что предусматривали бомбардировку уральских промышленных центров через «аэродромы подскока» в Калмыкии) провалились из-за абсолютной непродуманности и полного невнимания особенностей арабского менталитета. Тем не менее у него была своя оригинальная позиция относительно того, чего Германия может добиться в арабском мире, и он буквально проглатывал отчеты, поставляемые ему Вальтером Шелленбергом, приезжавшим в его организацию, открытую в Мадриде в 1950 году. Шелленберг навещал Скорцени в качестве консультанта по нетрадиционным методам ведения войны, хотя официально организация занималась «техническими разработками». Шелленберг верил, что участвует в создании великого проекта: Гелен и Организация тратили американские деньги с невиданным в Европе размахом, а Скорцени в Испании подготавливал оперативные подразделения для воссозданной службы иностранной разведки, нацеленной на работу с Советским Союзом. Коммунистическая угроза явилась наилучшим предлогом для того, чтобы выкачивать доллары у янки.

Хотя Франко и был благодарен Скорцени за спасение своего шурина, он не мог игнорировать доходившие до него сведения о проблемах аргентинского президента Хуана Перрона с неистовыми членами Братства. Он сказал Скорцени, что его оборонный проект, несомненно, интересен, однако по этому поводу американцы напрямую общаются с испанцами. Возможно, Скорцени стоило бы заручиться у американцев официальной поддержкой, особенно в том, что касается плана отступления в испанские владения в Северной Африке, если русские захватят Европу.

Позднее Скорцени, восстанавливая свои старые нюрнбергские связи, через своего тестя заключил крупнейший послевоенный контракт между Испанией и Западной Германией о поставке в 1952 году железнодорожного оборудования и

машиностроительной техники на сумму в пять миллионов долларов.

Скорцени играл в Мадриде роль испанского гранда. Он встречал «клиентов» в одном из лучших ресторанов, управляемых бывшим любимчиком Геринга. В этом ресторане обедала большая часть кабинета министров правительства Франко.

Скорцени читал в испанских университетах лекции о новом типе войны, в которой больше не будет длинных фронтовых линий, а между основными военными театрами окажется большое пространство для нанесения ударов по противнику. По его мнению, конфликты следовало начинать с серии заказных убийств и похищений. Дела Скорцени шли превосходно и влияли на деятельность Братства в Латинской Америке.

Работа в Каире, по мнению Гелена и Шахта, была словно специально придумана для Скорцени. Он стал советником генерала Моххамеда Нагиба, а когда того сместили, чтобы освободить место для Насера, приспособился и к нему. Немецкая военная миссия выросла там из большого числа бывших эсэсовцев, отправленных в Египет через ODESSA. Прочих нацистов доставили из Аргентины, где их отбирал рьяный представитель Братства — полковник Ганс-Ульрих Рудель.

Американцы и британцы, знавшие о той роли, которая предназначалась Скорцени в послевоенных планах Бормана, возможно, намеренно отпустили его. Можно было ожидать, что он наведет на след Бормана или же поможет союзникам понять масштабы деятельности Братства. Используя бесчисленные средства ЦРУ, Аллен Даллес выплачивал Скорцени жалованье, убедив его в 1953 году помочь выстроить египетские службы безопасности. Идея об освобожденном арабском мире, противостоящем коммунизму, все больше занимала умы многих политических лидеров.

Восток — дело тонкое!

Нацистское влияние на Среднем Востоке стало самой большой неожиданностью для нашего героя Стивенсона, когда он прилетел в Каир после того, как в 1956 году Насер взял в свои руки Суэцкий канал. Стивенсон в то время жил в Гонконге и занимался Азией, события в которой оказывали влияние на новые государства Африки и на арабский мир. В паспорте у него был нарисован «золотой ключик» — виза в маоистский Китай, открывавший в те дни очень многие двери, включая бывшие колонии Запада.

Первая странная вещь случилась, когда Стивенсон отправился навестить генерала Нагиба, революционного вождя, содержавшегося под домашним арестом. Полицейские реквизировали его машину, а самого Стивенсона загнали в пригородные бараки. Метод казался до боли знакомым. Дружелюбно настроенный египетский сержант сухо ответил Стивенсону: «Немцы победили. Наш настоящий начальник — один из бывших штабных офицеров Роммеля, генерал Фарнбахер». Это действительно оказался бывший генерал СС Вильгельм Фарнбахер.

Впоследствии Стивенсона отпустили, взяв с него обещание не появляться вблизи того места. Он прислушался к болтовне журналистской братии в гостинице «Метрополь». Там говорили о немецкой военной миссии, об эсэсовцах и офицерах вермахта, которые заявляли, что никогда не были нацистами (будучи людьми военными, они и не могли вступать в партию). Немцы работали под арабскими именами. Это говорило хоть о каком-то стремлении соблюсти приличия.

В старом спортивном клубе «Джезира» Стивенсон встретил аргентинского дипломата, принадлежавшего к числу радикалов, активизировавшихся после свержения Перона. У него был список из 240 имен — истинные немецкие имена людей, бежавших от союзнического правосудия. Он располагал подробностями о немецких профессионалах, работавших в Аргентине, где они нашли убежище при диктатуре Перона.

Стивенсон телеграфировал Яну Лангу, иностранному редактору лондонской «Санди таймс», и попросил его справиться о наиболее интересных именах. В ответ пришло несколько кратких биографий, и среди них — жизнеописания высокопоставленного чиновника министерства пропаганды Геббельса и центрального аппарата службы безопасности Гиммлера — Франца Бюнша. Он был автором «Сексуальных

привычек» евреев, немецкой порнографической книги, опубликованной в разгар антисемитской охоты, и сотрудничал с Эйхманом. Теперь он трудился в министерстве Насера под арабским псевдонимом.

В Каире жила уважаемая западная писательница, Энн Шарпли, работавшая на лорда Бивербрука. В своих исследованиях она пришла к выводам, сходным с идеями Стивенсона: в египетской столице находятся несколько сотен немцев с опытом службы в гестапо, СС или органах нацистской пропаганды. Их анонимность защищается системой безопасности, созданной Отто Скорцени. Более того, обученные в гестапо египетские агенты ведут борьбу с западными журналистами, используя старые нацистские методы. Двое корреспондентов лондонских газет были предупреждены сотрудником службы безопасности посольства Великобритании о том, что их работа находится под угрозой. Провокация заключалась в том, что их «тайные» переговоры с майором египетской армии для написания статьи об оборонительной системе Суэца должны были увенчаться передачей военных карт, а после этого их обвинили бы в шпионаже. Один из репортеров улетел на ближайшем самолете домой, а второй, Дональд Вайз, работавший на «Дейли экспресс», прекратил всякие контакты со своим источником.

Но существовали и другие египетские чиновники, готовые рисковать собственной жизнью, чтобы помочь в поисках нацистов. Сотрудник министерства указал Стивенсону на профессора Йоханна фон Леерса, который под мусульманским именем вел антиизраильскую радиопрограмму.

Стивенсон долго не мог оправиться от потрясения, которое он испытал, встретившись с этим человеком лицом к лицу. Одно дело — анализировать обрывочные свидетельства, приходя к определенным выводам, и совсем другое — сталкиваться с реальностью. Это — самый захватывающий момент любого исследования, когда абстрактные расчеты подтверждаются наделе.

Субботним утром незнакомый человек позвонил Стивенсону по телефону и пригласил его в министерство. Стивенсон отправился вместе с Энн. Они предусмотрительно попросили двух своих коллег начать их поиски, если они не объявятся к определенному времени. В министерстве анонимный собеседник, отослав своего излишне наблюдательного коллегу за кофе, быстро сказал: «Идите в офис… на пятом этаже».

Дверь с табличкой, на которой было написано арабское имя, оказалась открытой. В офисе сидел седой розовощекий человек с голубыми глазами. Энн закрыла дверь, и Стивенсон выдохнул:

«Фон Леере!» Он вскочил:

— Я вас слушаю?!

— Что вы здесь делаете?

— Я специалист по происками сионистов.

— Как вы тут оказались?

— Я приехал из Аргентины в 1954 году.

— Вас разыскивают как виновного в военных преступлениях.

— Так точно! В Германии, прежде чем я бежал, меня трижды арестовывали американцы.

Теперь он живет в достатке и почете, получает большую зарплату, не говоря уже о других привилегиях и о жене и детях, вывезенных из Аргентины.

Череда вопросов и ответов сильно напоминала допрос. Позже Энн и Стивенсон пришли к выводу, что Леерса так часто допрашивали союзные эксперты, что отвечал он уже «на автомате». У журналистов сложилось ощущение, что он ждал их всю свою жизнь. После «первого раунда» они начали расспрашивать его о том, как ему удавалось бежать из союзных лагерей, о подробностях его работы на Гитлера и о вере в сионистскую угрозу.

Энн задавала вопросы тихо и спокойно, голосом, которым женщины разговаривают с маленькими детьми, но Стивенсон знал, какой гнев ей приходилось при этом сдерживать. Возможно, тот пухленький коротышка реагировал не столько на слова, сколько подчинялся силе, стоявшей за ними. Вопросы Стивенсона были краткими, его постепенно охватывала паника. Он был уверен, что с минуты на минуту ворвется полиция.

Невероятно, но факт: Леере продолжал говорить. По его мнению, все дело было в сионистском заговоре. Ничто не могло излечить человечество от еврейской заразы, кроме массированной хирургической операции. Израиль стал раковой опухолью, которую требовалось вырезать. Германия узнала главного врага задолго до того, как ситуация стала понятна остальному цивилизованному миру.

— Но атакуя Израиль, не откроете ли вы дорогу русским в этот регион? — удивился Стивенсон.

— Ах, эти русские! — пробормотал он и начал раскачиваться туда-сюда, тихо мурлыкая: — Сначала они приезжают, распевая арабские песни, а затем мелодия переходит в балалаечный наигрыш.

Энн вспоминала в 1972 году свои ощущения. Она говорила: «То, что перед нами немец, стало ясно с первого взгляда, какая бы арабская табличка ни висела у него на двери. Его манера говорить была очень нервной и в то же время дружелюбной,

словно ему все наскучило и он рад развлечься. Не спросив даже, кто мы, он впал в полуистерическое настроение и с готовностью делился признаниями, воспоминаниями, сожалениями… Он сравнивал с собой мировых диктаторов: Гитлер слишком нетерпелив; Перон, с которым он работал, был также слишком нетерпелив. И Насер тоже. А вот «дядя Йося» — Сталин мог позволить себе выжидать».

В тот же день Стивенсона и Энн арестовали, однако к тому времени они уже отправили за пределы Египта все, что могло их компрометировать. Но все же власти выслали их из страны, посадив на первый же подходящий самолет той же ночью.

Они радовались, что так легко отделались. Неделей раньше Стивенсон получил телеграмму: «Майк» советовал ему немедленно покинуть Каир ради собственной безопасности. «Майком» был Лестер Пирсон, министр иностранных дел Канады. Впоследствии он рассказал Стивенсону о том, что угрозы исходили от известных нацистов, рассуждавших в присутствии канадских сотрудников разведки об Энн и Стивенсоне — «этих жидовских любовниках». В Каире Стивенсону и Энн угрожали и напрямую. Их пригласили поужинать с египетским журналистом, в обязанности которого входило поддерживать хорошие отношения с иностранными корреспондентами и докладывать о них правительству. Вечер проходил в совершенно дружелюбной обстановке, когда один из гостеприимных египтян вдруг четко проговорил: «Если вы продолжите копаться в грязи, ваши тела завернут в ковер и положат на ступени вашего посольства». Стивенсон и Энн не сразу поняли, что фраза была тщательно подготовлена и произнесена совершенно всерьез. Представители иностранного журналистского корпуса провожали их в аэропорту, чтобы удостовериться, что они сядут на свой самолет, и не покинули их даже после таможенного контроля.

… Профессор Иоганн фон Леере был доктором философии и профессором истории в нацистской Германии. Он с удовольствием говорил, что Гитлер «впитал мощь немецких гранитных гор через отцовскую кровь». Профессор был помешан на идее крови и стали. Он возмущался, что после войны его держали в «еврейском» концентрационном лагере, имея в виду американских евреев. На самом деле ему пришлось сидеть и в русских, и в восточногерманских лагерях.

С помощью коммунистов его отправили в Западную Германию, где он связался с посланцами Ватикана. Братство считало его выдающимся специалистом по расовым вопросам. Ему удалось собрать свою семью в Италии и затем перебраться в Аргентину. Через несколько месяцев он был уже на пути в Каир.

Как ни странно, Леере пропагандировал идеи, которые при ближайшем рассмотрении оказались более всего полезны коммунистам: «Германцы вновь объединятся. Их естественными друзьями и союзниками являются арабы. Арабы должны сплотиться под руководством Насера. Израиль — это нелепость, которую предстоит уничтожить. Сионисты несут ответственность за 90 % травли Насера в печати. Египтяне поют нормальные песни, пока дядюшка Хрущев не вмешивается со своей русской балалайкой».

Он говорил Стивенсону: «Отто Скорцени — неисправимый авантюрист. Он делает бизнес и тут, и в Южной Америке, и в Африке, и везде, где существует наше братство. Когда он приедет в следующий раз, я вас с ним познакомлю». Конечно, сделать это ему так и не удалось. Стивенсон подозревал, что конечной точкой пути Леерса была его родина, Восточная Германия.

За встречей с Леерсом последовал разговор с генералом Геленом, состоявшийся в 1972 году. После войны Гелен отдавал приказы об отправке различных немецких «экспертов» в Каир. По мнению некоторых аналитиков, он сделал это после того, как Насер пришел к власти, так как Вашингтон считал новый Египет ценным союзником. Факты говорят о другом. Задолго до того, как в январе 1952 года был свергнут король Фарух, в Каир и другие крупные города Ближнего Востока направлялось множество эсэсовцев и гестаповцев. К середине 50-х в одном только Египте их сосредоточилось так много, что Гелен туда послал связного — бывшего лидера гитлерюгенда — Германа Лаутербахера.

Еще один оправившийся от испуга нацист, присоединившийся к каирской клике, оказался коллегой Бюнша. Они оба работали под руководством Эйхмана в еврейском отделе центрального аппарата службы безопасности.

Бывший капитан СС Алоис Бруннер, о котором говорили, что его повесили русские, на самом деле бежал, намереваясь присоединиться к организации Гелена. В целях безопасности его отправили в Дамаск. Там он работал директором сирийско-немецкой компании «Отрако» под именем Джорджа Фишера. В Каире он делил офис с Герхардом Баухом, пасынком помощника Гелена — генерал-майора Ганса-Генриха Воргитского. Для Бауха прикрытием стал немецкий концерн тяжелой промышленности «Квандт».

Список можно продолжать. Беглый взгляд на серийных убийц может поведать нам кое-что и об их защитниках. Возвращаясь к Шахту и Скорцени, можно сказать, что они — банкир в нелепом пальто и авантюрист с обезображенным шрамом лицом, так удачно выдавший свою дочь замуж, — были любопытной парой.

Шахт обладал чутьем на деньги, которое вывело его на Мартина Бормана. В 1931 году они встретились, чтобы обсудить финансы Гитлера. После этой встречи Шахт писал Гитлеру: «Ваше движение содержит такую великую правду, что Вам так или иначе не миновать победы». И он взялся за создание финансовых запасов партии. К 1933 году Шахт вынудил Густава Круппа и других известных немецких промышленников вносить на счет Гитлера огромные суммы. В это время Борман полностью контролировал все доходы Гитлера. Рурские бароны говорили им: «Спасибо, продолжайте в том же духе», пока нацисты громили коммунизм, социализм, профсоюзы и еврейских конкурентов.

Шахт боролся с евреями несколькими изощренными способами. Самой удачной своей находкой он считал налог, взимаемый с каждого еврея, эмигрировавшего в Палестину. За каждого еврея Всемирная сионистская организация вносила 15 тысяч марок, что составляло четверть годовой зарплаты Шахта на посту президента Рейхсбанка. До 1951 года, когда он в Индонезии говорил со Стивенсоном о своих планах по возрождению могущества Германии, он уже побывал в 23 тюрьмах. О Круппе Шахт отзывался с презрением. Его зять тем временем находился в Испании.

Одно из направлений деловой активности — «управление десантных стратегических войск» — Скорцени описывал таким образом: «Используемые термины позволят нам провести водораздел между военными операциями, выполняемыми войсками в униформе, и политическими, которые проводятся гражданскими сотрудниками. Первейшей задачей директора этого управления является планирование операций с учетом того, что мы располагаем самыми разнообразными силами. При этом директор обязан полностью использовать все существующие возможности военной и политической разведки для выбора целей и оценки приоритетов. Некоторые из целей необходимо изменять время от времени в соответствии с развитием политики, остальные будут сохранять свое значение. Методы нападения подлежат постоянному пересмотру. Значительная часть сил должна находиться в состоянии полной боевой готовности для выполнения особых задач».

А что же Шахт? Старик занимался сходными вопросами.

Одиссея Шахта

«Гораций Грили и Братство замышляют злодейство у Вас за спиной, — гласила телеграмма, полученная Стивенсоном в Сайгоне в 1951 году. — Если у Вас есть время между войнами, не могли бы Вы перехватить нашего Горация в Джакарте?» Гораций Грили — часть имени, данного гитлеровскому банкиру его отцом, эмигрировавшим из Шлезвиг-Гольштейна в Америку, а затем вернувшимся обратно домой.

Телеграмму прислали с фермы Блек-Холл-Холлоу, расположенной поблизости от Саратоги (Нью-Йорк), где находились Ян Флеминг с Айвеном Брайсом. Он все еще занимался службой иностранных новостей «Меркурий», но также сотрудничал с Североамериканским газетным союзом, а в особенности с человеком, который играл важную роль в Вашингтоне в военное время, — Эрнестом Канко, юристом по международным делам, которого особенно интересовали страны Латинской Америки. Все они в прошлом были коллегами Донована и Стивенсона.

Доктор Гораций Грили Яльмар Шахт бежал в Индонезию в то время, когда победители нацистской Германий отправились воевать в Азию. Он удачно рассчитал время. Его старые враги не могли заниматься новой республикой Индонезией — самой богатой из неразвитых стран мира, которая успешно отбивалась от конкурентов-немцев. Таким новым революционным вождем стал Сукарно. Он собрал вокруг себя немцев, как поступали и прочие демагоги, захватившие власть на волне антиколониальных настроений. Британцы сражались с терроризмом в Малайе, а их сухопутные, морские и воздушные силы были заняты в Корее.

У американцев были проблемы с корейской войной и Красной армией Китая, пересекавшей реку Ялуцзян. Французы попали в ловушку в Индокитае. Западный союз с Россией расшатывался конфликтом между коммунизмом и западными интересами.

Шахт считал, что созрели условия для возвращения немцев в афро-азиатский мир. Более того, канцлер Конрад Аденауэр намеревался использовать то время, что было отведено Шахту. Имея сходное происхождение, осужденные как военные преступники в 1945 году и до сих пор разыскиваемые по некоторым вопросам немецкими судами и различными правительствами Европы, они озаботились вопросами немецкого капиталистического предпринимательства. Но подготовительные

работы предстояло вести вне поля зрения союзников или русских.

И основная роль в этом отводилась Братству. Оно давало беглецам живительную силу праведного гнева против их преследователей, весьма похожего на обвинения, выдвигавшиеся Гитлером для достижения собственных политических целей против «версальских предателей». Одной из задач Братства было способствовать скорейшему экономическому развалу бывшей колонии Золотого Берега, Ганы. В 1951 году Сукарно поддался соблазнительной идее — обратиться к немецким «экспертам» за помощью в создании гигантского исламского полумесяца от Океании до Ближнего Востока.

Гелен доверил своему западногерманскому разведывательному агентству подготовку свержения Сукарно. За этим последовало назначение бывшего нацистского штурмовика послом Бонна в Джакарте. Это был Гилмар Басслер, прежде ответственный за пропаганду в Восточной Азии, как член гитлеровского министерства иностранных дел и сотрудничавший с японскими войсками, оккупировавшими Индонезию.

Когда на сцене появилась требовательная фигура доктора Шахта, в Джакарте царил полный беспорядок. Экономика страдала от галопирующей инфляции, что напоминало Шахту о 1923 годе, когда он стал президентом Рейхсбанка и остановил катастрофическую инфляцию, последовавшую за Первой мировой войной. Он применил свои методы и в Индонезии. Но зная индонезийскую нелюбовь к точным цифрам, можно только удивляться тому, что Шахт выжил после обсуждения вопросов с Сукарно. Они были слишком разными людьми. Сукарно являлся секс-символом для миллионов последователей. Он делал все, повинуясь внутренним импульсам. Шахт же, седой старик, смотрел на мир сквозь толстые стекла очков, которые он выбирал так, чтобы они отражали свет в глаза его собеседников.

Шахт не жаждал встречаться с репортером. Незадолго до этого он вышел из тюрьмы, но, как и другие люди с похожим прошлым, не был склонен к враждебности. К тому же у него создалось впечатление, что Стивенсон находится в хороших отношениях с новыми индонезийскими вождями. От западных немцев в то время можно было ожидать самой деятельной поддержки. Курт Майер, генерал, возглавлявший танковую дивизию гитлерюгенда, был первым человеком, представившим Стивенсона Скорцени, а теперь и Шахту. Майер, приговоренный к смерти за истребление канадских военнопленных, стремился, как бы во искупление вины, оказывать любую помощь.

Стивенсон встретился с Шахтом в отеле «Капитолий», окна которого выходили на грязные каналы Джакарты. Вокруг роились

малярийные комары, а от коричневых вод, загрязненных отбросами и фекалиями, распространялось зловоние. На открытом воздухе женщины, развязав саронги, омывали упругие груди. Неподалеку мужчины и мальчишки мочились, словно хвалясь друг перед другом живописными струями. Воздух в отеле был спертый. Над головами поскрипывали вентиляторы, то и дело оттуда сыпались электрические искры. Стивенсон процитировал индонезийскую поговорку, намекая на грязный канал: «Хорошие микробы поедают плохих микробов, если Вы не вмешиваетесь». Шахт устало глядел на Стивенсона, покачивая маленькой головой на костлявой шее, уголки его рта были опущены. Ходить вокруг да около не имело смысла, Стивенсон спросил напрямую, что известно Шахту о так называемом Братстве.

Вопрос явно испугал Шахта. Стивенсон быстро добавил, что не собирается публиковать его ответы. «Для Шахта, наверное, не новость, — пояснил Стивенсон, — что сохраняется постоянный интерес к подобным группам, например к «Кругу друзей»».

Шахт заметно напрягся при упоминании этого источника дополнительных доходов Мартина Бормана, созданного преемником и главным соперником Шахта — Мартином Эммануэлем Функом.

Стивенсон продолжал: «Функ рассказал следователям, что «Круг друзей» распался сам собой, но сейчас в задачу Братства входит поддержка Бормана».

Голубые глазки Шахта забегали за стеклами очков. По его подбородку стекала струйка пота. Стивенсон с утра страдал от тропической жары, но Шахт, одетый, как голландский колонизатор, в открытую рубашку и шорты, не проявлял никаких признаков дискомфорта.

— Функ так сказал?

— Так об этом докладывали.

— Функ всегда был дураком! — Шахт откинулся в кресле. — «Круг друзей» был источником денег, причем не благодаря Функу.

— А Братство?

— Я ничего не знаю о немецком Братстве. Я тут нахожусь по делу. Война уже далеко в прошлом.

— Функ все еще сидит в тюрьме в Шпандау.

— А я сидел в Равенсбрюке, Флоссенбурге и Дахау, — рявкнул он, назвав три концентрационных лагеря, где когда-то его держал Гитлер.

— В Нюрнберге Функа приговорили к пожизненному заключению, — прибавил Стивенсон.

Стивенсон знал, что Функ избежал виселицы, поскольку союзники основную вину возлагали на Шахта.

Шахт посмотрел в сторону:

— Существовало только одно Братство. В Вене. Там не составляли списков членов и никого не называли настоящим именем.

— А ваш зять был членом этого Братства.

— Он вам об этом сказал?

— Нет, но он являлся частью сборища, целью которых было освобождение немецкого народа от еврейского влияния.

— Я ничего не имею против евреев.

На самом деле всего лишь шестнадцать лет назад в речи 1935 года Шахт утверждал: «Ни один еврей не может стать гражданином или жителем Германии». Теперь же он кивал головой, как послушная птица-секретарь.

— А вы еврей?

— Нет, и я не женат на еврейке, — сказал Стивенсон, напомнив Шахту о еще одном запрете Братства.

— Какова ваша цель? — спросил сухо Шахт.

— Ваш зять говорит, что Россию можно победить. То есть коммунизм в Китае и России может быть побежден, если мы извлечем уроки из прошедшей войны.

— Теперь понятно. А вы думаете, Индонезия выберет коммунистический путь?

— Да. Конечно, со своими особенностями.

— Думаю, это еще можно остановить.

— Так же, как в Африке или, допустим, в Южной Америке?

— Я скоро отправляюсь туда. Ситуация изменилась к лучшему, не так ли?

— К лучшему для чего?

— Для свободного предпринимательства.

Шахт прихлопнул комара. Вокруг с потными лицами сидели голландские торговцы, с кружками пива на маленьких круглых столиках. Вскоре большинство из них окажутся депортированы, их коммерческие операции будут аннулированы, счета конфискованы, а семьи сосланы в лагеря.

Слова «свободное предпринимательство» эхом отозвались зловещим во влажном воздухе. Шахт финансировал перевооружение гитлеровской Германии способами, в то время считавшимися незаконными. Он имел прямое отношение к достижению сложных договоренностей с СССР, которые помогли Германии обойти ограничения в выпуске оружия. Казалось, Шахт сделал свою карьеру, пользуясь системами свободного предпринимательства, созданными другими людьми. Он добился

некоторого успеха в США в начале 30-х годов, убедив американских евреев, что их братьям в Германии нечего бояться Гитлера. Теперь ему не хотелось вспоминать о своей подпольной кампании, направленной на изгнание евреев из Германии, о своих крупных торговых сделках со Сталиным и о «Новом плане» достижения контроля над всеми закупками рейха за рубежом.

— Канцлер Аденауэр говорит, что ваш опыт в Южной Америке может пригодиться и тут.

Шахт кивнул:

— Возможно, но нужно остерегаться русских.

— А в Аргентине?

— Там слишком сильна католическая церковь, чтобы дать развиться коммунизму. У нас там хорошие связи, да и в Боливии тоже.

Он начал говорить о двусторонних бартерных соглашениях, согласно которым осуществлялось более половины торгового оборота нацистской Германии. Если бы история развивалась иначе, Аргентина и ее соседи стали бы процветающими партнерами под нацистским небом.

— Вероятно, все еще возможно?

— Не сейчас. — Шахт пожал плечами. Дул свежий бриз, несущий с собой тонкий аромат специй. Какая-то часть его прежней враждебности растаяла в этой нереальной атмосфере. Шахт резко поднял голову: — Вы упомянули «Круг друзей»?[1]

— Да.

— Глупцы! Они только вредят.

Неожиданно Стивенсон понял, что Шахт говорит в настоящем времени.

— Эти люди опозорили нацистов! У них не хватает мозгов, чтобы держаться подальше от прессы. Штраус производит слишком много шума и снабжает коммунистов материалом для пропаганды. Они твердят о неонацизме, а затем молодые студенты и придурки-коммунисты поднимают шум. Нужно двигаться медленнее.

— Но вы же так уважаете Гитлера!

— У Гитлера вначале были хорошие идеи, но затем его сбили с пути истинного.

— Кто? Геринг? Борман?

— Нет, не Борман! — быстро ответил Шахт и поджал губы.

…Старый киноролик дает нам представление о том, каким был Шахт в середине 30-х, в том году, когда он хвастал перед немецкими промышленниками: «Я держу Гитлера за горло». На старой пленке рядом с фюрером он гуляет с видом собственника. На нем черный костюм банкира, тесная жилетка и

консервативный галстук. На месте глаз — узкие щелочки, в одной из глазниц зажат монокль. Серебристые волосы расчесаны на прямой пробор, руки плотно прижаты к бокам. Чуть спереди от него, немного справа семенит Гитлер, вытянув вперед руку. Они проходят мимо толпы, которую солдаты держат на безопасном расстоянии. Глаза Шахта косят в направлении Гитлера. Можно представить, как он говорит: «Пища объединяет тело и душу, пьянство разъединяет их. В чистом теле — чистый дух. О характере человека можно судить по тому, как он чистит свои ботинки».

Это 1933 год. Гитлер стал рейхсканцлером в возрасте 44 лет. Шахту 55, он министр экономики и несет особенную ответственность за перевооружение Германии. Он имеет право чувствовать себя так, будто у него в руках поводок от ошейника на горле Гитлера. За ним виден задумчивый Мартин Борман. Это один из тех редких случаев, когда Борман не скрывается за кем-то еще, прячась от камеры. Шахт важно вышагивает, Борман ступает тяжелыми шагами.

На самом деле персональным банкиром Гитлера был Борман, а не Шахт. Авторские отчисления с продаж «Майн кампф» составили 300 тысяч долларов за один только 1933 год. По тем временам это был огромный доход! В секретный гитлеровский фонд от промышленников стекались миллионы марок. Они шли на зарплату госслужащих Гитлера и составляли его прибыль от различных предприятий и партийных организаций.

В то же время Шахт мыслил миллиардами: как контролировать национальные экономики в дальних странах, как облагать налогами еврейских эмигрантов и принуждать их пользоваться немецкими продуктами, как финансировать производителей оружия, используя заблокированные счета иностранных политических противников, как платить за сырье местной валютой в странах, подобным Аргентине. Все старое высокомерие, которым Шахт отличался в период немецкой оккупации Бельгии во время Первой мировой войны, вся презрительная чванливость вернулись на свое место. Шахт просто не мог не вышагивать тогда с поразительной важностью…

Борман — в форме без знаков отличия — идет между мировыми финансистами и партийными гомосексуалистами. У всех резкие движения, столь типичные для старых новостных роликов, но Борман, кажется, справился даже с техническим несовершенством старой камеры. Сын почтового служащего стал лидером рейха. В то время, когда Шахт использовал военные силы, чтобы, образно говоря, выжать сок из бельгийских лимонов, Борман был простым стрелком. Он являлся подозреваемым, когда

Шахт составлял претенциозные максимы в своем офисе президента рейхс-банка. Борман писал счета на ферме, когда Шахт дружески беседовал с главой банка Великобритании.

Есть еще один новостной ролик примерно того же времени в котором Шахт оступается и чуть было не падает. Лицо Бормана теряет обычное невозмутимое выражение, на нем на несколько мгновений появляются проблески радости.

В то время Борман был главой штаба заместителя фюрера — Рудольфа Гесса. Со всех сторон его окружали амбициозные юнцы, а впереди маячил тщеславный старик Шахт. Все их надежды связывались с Гитлером, чьи личные предпочтения служили наиболее быстрым способом продвижения по карьерной лестнице. Основные шестеренки государственного механизма вращались в кабинете заместителя фюрера, где Борман незаметно плел свои интриги. Он постарался стать незаменимым для Гесса и прочих членов партии, которые называли Гесса «фройляйн Анна» из-за его нетрадиционных, как это принято сейчас называть, наклонностей. Борман не мог гарантировать юным амбициозным нацистам любые привилегии, но если они носили накопительный характер (подобно счету в банке), он с радостью сводил «фройляйн Анну» с соискателями. Его власть над Шахтом оказалась силой человека, управлявшего деньгами, накопленными тщеславным банкиром, который был на 23 года его старше.

В исследовании немецкого перевооружения, проведенном для Черчилля лично Уильямом Стивенсоном, который в это время постоянно проживал в Руре, особо подчеркивалось, что Шахт вдохновился идеями Гитлера уже в достаточно немолодом возрасте. Проникнувшись «Майн кампф», он отправился за границу, чтобы поведать финансовому миру о политических и экономических преимуществах национал-социалистических теорий. На приеме, устроенном в 1933 году Девидом Сарноффом из радиокорпорации Америки в Нью-Йорке, 10–12 гостей были евреями, которых Шахт величал «влиятельными кругами». Он рассказал им, что не воспринимает Адольфа Гитлера слишком серьезно и что евреям в Германии нечего бояться. Нацеленный на сбор средств для нацистской партии, он приспосабливал свои заявления к нуждам аудитории. Он сказал Рузвельту, что без дисциплины и национализма в партии Германия пошла бы по пути коммунизма. В США, обращаясь к слушателям национальной радиопередачи, как банкир и человек чести, адресуясь к более чем сорока американским городам, он повторял, что между Гитлером и Рузвельтом существует определенное сходство и их правительства могли бы сотрудничать.

Вернувшись домой, в своем выступлении перед женским клубом в Берлине он рассказывал об исторических предпосылках ликвидации еврейского влияния. Проблема была не нова. Уже в течение многих веков в немецком обществе существовала «национальная несовместимость» между немцами и евреями. Однако в «Нью-Йорк тайме» Шахта описывали как «гуманного и смелого человека» благодаря его выступлениям в Нью-Йорке и статьям, в которых рисовалась совершенно другая картина гитлеризма и нацистских задач. Этому элегантному снобу, умевшему убеждать, некоторые американские редакторы позволяли часто выступать в прессе, в то время как американские журналисты, работавшие в Германии, пытались убедить своих редакторов в том, что концентрационные лагеря на самом деле существуют и евреев уже начали преследовать и уничтожать.

Борман увидел в Шахте человека, который мог поправить финансовое положение, пуская пыль в глаза джентльменам парижской фондовой биржи, Лондонского Сити и Уолл-стрит, человека, который никогда не подверг бы опасности свою семью ради принципа. В то время он был женат на устрашающего вида особе, которая фанатично добивалась поддержки фюрера со стороны женщин. Она носила с собой фотографию Гитлера, одетого как рыцаря святого Грааля, и поместила над своей кроватью его портрет, на котором Гитлер запечатлен с крошечными Христами.

Впоследствии, когда Шахт, к своему недоумению и раздражению, не смог заставить Гитлера поступать по-своему, он подал в отставку с поста министра экономики и военных дел. Он заявлял, что делает это не из-за «потери энтузиазма и любви к национал-социализму», просто он устал «засыпать вместе с Гитлером». Примерно в это же время его брак распался, и он женился на девушке моложе его на тридцать лет.

Юная дама стала еще одной протеже Мартина Бормана. Он знал обо всех слабостях лидеров, окружавших Гитлера, и искусно играл на них. В случае с Шахтом слабостью оказалось тщеславие. Шахт страстно увлекался работой, он мог провести всю ночь над планом дефолта и трансферных платежей по американским займам для финансирования программы перевооружения. Его первая жена не проявляла особого уважения к этому пристрастию, не понимала его блестящих решений и не могла мириться с его эгоизмом. Девушка, которая теперь боготворила Шахта, была целенаправленно найдена Борманом, когда он увидел в финансовом гении возможного соперника. Банкир явно пытался заставить Гитлера плясать под свою дудку, но в партии имелось место только для одного кукловода. Борман дергал за ниточки с

таким изяществом, которое Шахт никогда не заподозрил бы в этом неуклюжем и грубом мужчине. Шахт страдал от интеллектуального высокомерия, социального снобизма и невнимания к презренным смертным, столь характерного для всего гитлеровского окружения. Борман становился наиболее опасен тогда, когда, чувствуя свою уязвимость, предпочитал держаться в тени.

Борман достаточно знал об экономике, чтобы признать неоценимую значимость Шахта. Он понял, что не нужно быть великим финансистом, чтобы сколотить состояние, и не нужно быть механиком, чтобы водить машину. Связи — вот что имело значение!..

Сразу после того как Гитлер стал канцлером, состоялось совещание 25 глав Ассоциации немецкой промышленности. Ее президент Крупп говорил о сборе 3 миллионов марок. Предполагалось, что их разделят между тремя партиями в коалиционном правительстве Гитлера. Вместо этого деньги оказались в руках человека, управлявшего партийными вопросами национал-социалистов, — Мартина Бормана. Немецкая народная партия и Немецкая национальная народная партия не получили ни марки! Главный казначей ассоциации Шахт доставил деньги прямиком к Борману.

Все было обставлено гораздо более гладко, чем можно предположить по заявлениям Густава Круппа о «диких набегах» штурмовиков. Крупп восхищался Шахтом и прислушался к банкиру, советовавшему Немецкой торговой ассоциации собрать пожертвование для Гитлера. Шахт оказался предельно точен, указав сумму пожертвования — 0,03 процента от всех зарплат. На бумаге это выглядело совершенно незначительной величиной. Для рабочих, которые могли спросить, куда идут их деньги, взнос составлял всего лишь несколько пфеннигов в месяц. А прочих недовольных, осмельсяони возмущаться столь ничтожными затратами, не составило бы труда объявить коммунистами.

За время правления национал-социалистической партии этот прием принес полмиллиарда марок, которые Гитлер мог использовать по своему усмотрению. За них не надо было отчитываться. Остальные члены верховного правления получали достойные подарки. Но только не Борман! Он никогда не просил денег, так как не хотел ни от кого зависеть. Все зависели от него. Он вел скрупулезные записи о тех, кто делал взносы в фонд, и о тех, кто получал подарки, распределяемые им лично.

Крупп всегда считал Бормана самым любезным человеком из тех, кто занимался этими щекотливыми сделками. После смерти Гитлера семья Круппа обнаружила, что этот «любезный»

управляющий подробно описывал эти странные балансовые операции. К примеру, доходы Круппа со времени прихода Гитлера к власти выросли вдвое. Все расчеты производил сам Борман.

30 января 1937 года Шахту был вручен нацистский Золотой знак чести. В следующем году, несмотря на свой уход с поста министра экономики, он остался президентом Рейхсбанка и продолжал выступать за рубежом, способствуя развитию бизнеса и рассеивая опасения. После заключения аншлюса с Австрией он заявил в своей речи в Вене, что вероломство других народов вынуждает Гитлера действовать решительно, и призвал всех присутствовавших присягнуть на верность фюреру.

Позже, в ходе Нюрнбергского процесса, Шахт утверждал, что их с Гитлером пути разошлись тогда, когда стало очевидным, что Германия направляет все свои экономические резервы на подготовку к войне. Но документы и расшифровки телефонных и прочих разговоров, попавшие в руки союзников, говорят совсем о другом.

Шахт стремился изменить нацистскую партию согласно своим представлениям, но в отличие от Бормана ему не хватало целостности видения миссии Гитлера, который мог повести за собой и генералов, и простой народ в любой крестовый поход. Шахт предпочитал строить империю и добиваться контроля над иностранными экономическими системами посредством хитрости и обмана. Его склонность к вероломству оказалась полезной на раннем этапе, и Борман ценил его умение обращаться с деньгами и закабалять как отдельных людей, так и целые сообщества.

План Шахта, по которому многие страны были вынуждены поставлять сырье в Германию согласно запутанным экономическим и военным соглашениям, стал образцом для империализма XX века и в дальнейшем применялся также Советским Союзом. Но Шахт имел личные амбиции, что подтверждали многие из его бывших коллег, и начал совать свой нос в партийные дела. Если и существовал кто-либо, способный понять собственный план Бормана, направленный на экономический контроль страны, то этим человеком являлся именно Шахт, эксперт в сфере финансовых манипуляций.

Когда положению Бормана угрожал кто-либо, способный завоевать большую власть, он начинал притворяться глуповатым крестьянином, нашептывая обезоруживающие признания благодарным слушателям, склонным к распусканию сплетен. Миссис Геринг описывала, как он настроил ее мужа против Шахта, применив свой излюбленный способ поочередных приватных разговоров с каждым соперником.

Геринг выражал свой взгляд на бюджетную политику такими

словами: «Если Фюрер говорит, что дважды два равняется пяти, значит, так оно и есть». Шахт имел другое представление об арифметике. Ему также не нравилась идея о «максимальной разработке человеческих ресурсов». Шахт хотел осторожно замкнуть кольцо вокруг евреев, учитывая, что мнение зарубежной общественности может причинить вред немецкой торговле. Геринг, будучи главой четырехлетнего плана, настаивал на том, чтобы руководитель службы безопасности Рейнхард Гейдрих обеспечил «долгожданное окончательное решение еврейского вопроса». Если бы за все отвечал Шахт, он в первую очередь устранил бы самого Геринга и всех вождей этого крестового похода, не понимавших, что тоталитарное государство может достичь своих целей более тонкими способами. Его оскорбляли неуклюжие методы работы тайной полиции, созданной Герингом: его телефон прослушивался гестапо, письма вскрывались и т. д.

Шахт был национал-социалистом, воспринимавшим все крайне серьезно. Он верил в Гитлера, понимал необходимость создания тайной полиции и лагерей смерти, не сомневался в превосходстве германской расы, но хотел, чтобы Гитлер все же прислушивался к его советам. После приема в Нью-Йорке предприниматель Девид Сарнофф сказал Шахту: «Доктор, вы правильный человек!», показав тем самым, что разделял его взгляды. Еще одним «хорошим другом» оказался Конрад Аденауэр. Будучи канцлером Западной Германии с 1949 по 1963 год, он обезоруживал журналистов легендой о том, что являлся участником антифашистского сопротивления. Аденауэр сказал в своем интервью компании «Коламбия бродкастинг систем» в феврале 1963 года: «Я всегда был противником нацистов». «Правильный человек!».

Но существовало его письмо, опубликованное в Восточной Германии, написанное 10 августа 1934 года и адресованное министру внутренних дел Пруссии и рейха, в котором Аденауэр просил о выплате ему пенсии, как мэру Кельна. Пенсию начали выплачивать и продолжали это делать до конца войны. В то же время его сад обрабатывали французские пленные. Десятистраничное письмо подтверждало, что он был дружески настроен к нацистской партии: «Я всегда относился к ней абсолютно лояльно, но порой это расходилось с министерскими директивами. Годами, несмотря на указы прусского министерства внутренних дел, я позволял партии проводить мероприятия на муниципальных стадионах и вывешивать флаги со свастиками. Я настаивал на том, чтобы муниципальные объявления печатались в «Вестдойче беобахтер» в газете национал-социалистической партии Кельна)».

Далее Шахт пытался объяснить, почему партия ошибочно приняла его за своего противника и почему нацисты отправили его в отставку: «Для меня было невероятно болезненно оказаться в отставке по причине национальной нелояльности». Получилось так, что нацистские флаги со свастиками разместили на подвесном мосту в Кельне, а Шахт якобы просил, чтобы флаги повесили только на здании, где проходили нацистские собрания. Нацисты обвинили Шахта в отдаче приказа об уничтожении флагов.

Чтобы полностью понять настроения Шахта, необходимо читать письмо далее. Всю его униженность можно увидеть на примере следующих строк: «События одного из прошлых воскресений, перед выборами в рейхстаг, произвели в рядах членов кельнского отделения партии, которые не знали подробностей, впечатление того, что я относился к национал-социалистической партии Германии несколько враждебно». Чуть далее в тексте: «Выступая на этих собраниях, я особенно подчеркивал то, что такая большая партия, как национал-социалистическая партия Германии, без всякого сомнения, должна обладать большинством в правительстве».

Конрад Аденауэр стал канцлером Германии вскоре после того, как западногерманский суд позволил Шахту покинуть страну, а его зять Скорцени сумел бежать. Большая часть последовавших за этим заграничных поездок Шахта и создание Скорцени отделения в Мадриде происходили при активной поддержке со стороны Аденауэра и главы западногерманской разведки — генерала Гелена. Шахт заключил особое соглашение с новым «Кругом друзей», созданным промышленниками, поддерживающими неонацистские политические группировки.

За перемещением Шахта было трудно уследить. Если направлялся в Южную Америку, чтобы содействовать расширению там немецкой деловой активности, связанной с торговыми агентствами, финансируемыми через Братство, он летел через Мадрид прямым рейсом до Буэнос-Айреса. Ему было хорошо известно о систематическом перехвате нацистов и их почты во время Второй мировой войны, но современные средства передвижения делали это невозможным для иностранных правительств. Скорцени летал из Мадрида в Каир и Южную Америку в полной секретности.

Он говорил: «Реактивный самолет — это запечатанный контейнер… Это самый эффективный метод тайной перевозки людей и вещей… Единственные слабые места в этой системе — точки прибытия и отправления, поэтому необходимо добиваться, чтобы наши товарищи устанавливали дружеские отношения с

эмиграционной и таможенной полицией в каждой стране». Более того, учитывая то, что рабочий офис Скорцени располагался в Мадриде, а дом и поместье — в Ирландии, всегда можно было укрыться от внимания общественности. Однако дружеские отношения с Ирландией продлились недолго. Пока Скоренци ждал, что Ирландии потребуются его услуги как специалиста по ведению партизанской войны, ирландские рабочие организовали в его поместье собственное движение сопротивления — против самого Скорцени.

Шахт никак не мог понять, что гитлеровская эпоха не забыта. Чем старше он становился, тем менее соблюдал осторожность. Пока у власти находился Аденауэр, он мог быть уверен, что чиновники не станут разглашать тайны. Как и в старые времена, у него имелось много влиятельных друзей. Вторым человеком после канцлера в государстве был госсекретарь Ганс Глобке. Его обязанности оказались сходны с функциями Бормана при Гитлере. Именно Глобке отправил Борману проект Нюрнбергского закона 1935 года, в котором излагались основы ликвидации евреев. Эти расистские предложения Гитлер озвучил на съезде нацистской партии в Нюрнберге.

Когда спустя 25 лет досье Глобке было обнаружено среди секретных папок старого министерства внутренних дел, он содрогнулся.

В 1945 году, после того как его шеф — Генрих Гиммлер — не смог добиться расположения генерала Эйзенхауэра, Глобке нашел приют в католическом монастыре. Затем он пытался заполучить свободу, давая показания на Нюрнбергском процессе против своего бывшего начальника — Вильгельма Штукарта. Начав вести гражданскую жизнь, Глобке прибыл в Бонн к Аденауэру, на которого он проработал 13 лет. В июле 1963 года верховный суд ГДР заочно признал его виновным в преступлениях против человечества и приговорил к пожизненному заключению. Глобке подал в отставку.

Помогал ли Глобке друзьям Бормана? Вне всяких сомнений. Он заметно облегчил жизнь Шахта, и его отставка (под давлением коммунистов) была сделана специально для того, чтобы уменьшить гнев западных либералов. Пять лет спустя, в сентябре 1968 года, президент Генрих Любке совместно с канцлером Куртом Кизингером устроили в его честь прием.

Таким образом, президент, канцлер и бывший госсекретарь публично показали, как они относятся к приговору истории. В свое время Любке подписывал направления в лагеря смерти, Кизингер отвечал за нацистскую радиопропаганду, а Глобке одобрял антиеврейские нюрнбергские законы.

Неужели у всех была настолько короткая память? Нет, не у всех. Среди них оказалась немецкая девушка Беата Кларсфельд, дочь солдата, вернувшегося с советского фронта. Здоровье его было подорвано, но он сохранял непоколебимую уверенность в том, что всего лишь выполнял свой долг. Когда Беата спрашивала отца, почему он подчинялся приказам Гитлера, он отвечал: «Потому что так поступали все». Ее отец не состоял в национал-социалистической партии, и в награду ему достались не приемы и почести, а походы по министерству юстиции.

Но его дочь вышла к бундестагу, чтобы протестовать против нацистов. Она скандировала вместе с другими немцами: «Кизингер — нацист!»

ГРАЖДАНСКИЙ ПОДВИГ БЕАТЫ КЛАРСФЕЛЬД

Пылающие останки Гитлера как бы отделили руины Берлина от шестилетней девочки. Через многие годы ей суждено было охотиться за членами Братства, а в особенности за тремя людьми, которые, спасаясь бегством из пылающей столицы, уносили с собою награбленные сокровища, — именно на них впоследствии были основаны процветающие предприятия Южной Америки.

В 1972 году Беата Кларсфельд была привлекательной жизнерадостной женщиной с рыжими волосами, ей тогда удалось выследить в Боливии гестаповского убийцу. Стивенсон разговаривал с ней, когда ее пытались выслать из Перу. Но до того она заставила полицию арестовать бывшего нациста. Он оправдывался, заявляя, что действовал по приказу, создавая самую большую в истории пачку фальшивых купюр.

Вернувшись через несколько месяцев в Париж, Беата показала Стивенсону то, что осталось от посылки с бомбой, пришедшей в ее квартиру. На наклейке с адресом был изображен символ, который она считала торговой маркой Братства. Посылку отправили из Лиона, где в свое время проводились карательные экспедиции, возглавляемые гауптштурмфюрером СС Клаусом Барбье (другая транскрипция — Барби), гестаповцем, замучившим до смерти одного из величайших героев французского Сопротивления. Барби гордился тем, что он депортировал всех детей из еврейского приюта в Лионе. Он был очень ловким человеком и добился выплаты себе зарплаты из спонсируемого американцами западногерманского разведывательного агентства, когда его возглавлял Гелен. В Боливии изображал синьора Альтмана — почтенного 58-летнего бизнесмена.

Беата Кларсфельд обвиняла немецкие власти, как восточные, так и западные, в поощрении бывших нацистов, занимавших высокие посты, и в отказе сделать что-либо, чтобы искоренить забвение уроков истории. Западногерманские чиновники объявили ее сумасшедшей, но она продолжала настаивать на рассмотрении дела синьора Альтмана до тех пор, пока тот не признался, кто он такой на самом деле.

Она также занималась делом другого военного преступника — Венцесласа Тури, известного в Перу как Вендиг Ализакс. И вновь раздраженные немецкие чиновники заявляли, что она выжила из ума. Посол Бонна в Перу Роберт фон Ферстер был юристом в нацистских судах, а его коллега в Боливии — Георг

граф цу Паппенгейм — при нацистах находился на дипломатической службе и был членом национал-социалистической партии под номером 3 733 418. Оба дали понять местным властям, что обвинения дамы представляют из себя сплошное недоразумение. И все же перуанская полиция пригляделась к Тури более пристально. Его нашли в списке разыскиваемых, где он значился под именем Фредерика Швенда. В то время когда Беата Кларсфельд была еще в детском саду, он помогал переправлять фальшивые банкноты на сумму 500 миллионов долларов. Его коллегой по производству фальшивых банкнот в нацистском концентрационном лагере оказался майор СС Бернхард Крюгер. Выяснилось, что теперь Крюгер занимает высокий пост в «Стандарт Электрик АГ» — дочернем предприятии международной телефонной и телеграфной компании американского происхождения. Эта организация, как известно, пыталась саботировать социалистическое правительство в Чили.

…Берега Сены были спокойны, а брусчатые бульвары почти что пусты, когда Стивенсон отправился на квартиру Беаты в новом здании, которое охранялось частной службой безопасности.

Беата сказала, что ее возможности, конечно же, ограничены, но у нее много друзей. Ей даже хотелось верить, что у нее есть друзья и в Германии. Она пыталась убедить соотечественников поверить в правоту ее действий.

— Мои родители были протестантами, принадлежали к среднему классу. У меня нет расовых предрассудков, я росла в солидном буржуазном квартале Берлина. Меня арестовывали в коммунистической Восточной Европе, поэтому я не питаю иллюзий.

— За что вас арестовывали?

— Я разбрасывала листовки с требованием освобождения политических заключенных.

— Зачем?

Она помолчала и пожала плечами:

— Ну ведь кто-то должен это делать?

— Вы немка, почему же вы живете в Париже?

— Мой муж — местный юрист. У нас маленькие дети, и я не уверена, что хочу, чтобы они выросли в Германии.

— Разве это не предрассудок?

— Возможно, вы правы. Конечно же, можно сражаться за справедливость внутри общества. Но Вилли Брандт понимает мои чувства: он не мог сражаться «внутри» из-за гестапо.

— Вы опасаетесь чего-то подобного?

— Я знаю, что Бормана защищают люди с гестаповским

мышлением. Во Франции меня охраняет полиция. И, как видите, бомба меня не убила.

Она подставила лицо легкому ветерку, дующему от раскаленных солнцем камней и асфальта.

— Я не героиня, понимаете? Вы спокойно живете, не суете нос в чужие дела. Занятия с детьми, походы в церковь по воскресеньям и ежедневная готовка. Вдруг вы по чистой случайности оказываетесь в ситуации, которая вам совсем не нравится, но нет никого другого, кто сделал бы все за вас.

Мартин Борман вряд ли смог бы представить себе женщину, идущую против ветра. В его мире женщины существовали для удовольствия. В национал-социалистической системе женщинам отводилось мало места. Гомосексуальное окружение Гитлера относилось к ним с выраженным презрением. Их считали инструментами для получения потомства. Декрет Бормана «об охране будущего немецкой нации» описывал способность к деторождению немецких женщин как самое великое достояние Германии. Борман, которого враги называли свиньей на картофельном поле, подходил к проблеме с позиции заводчика ценных пород животных. В ходе войны от трех до четырех миллионов женщин оставались незамужними в возрасте, наиболее подходящем для деторождения. Таким женщинам позволялось становиться вторыми и третьими женами. Борману вторил Кальтенбруннер: «Все одинокие и замужние женщины моложе 35 лет, у которых еще нет четырех детей, должны произвести на свет четырех детей от чистокровных немцев. Будут они женаты или нет, не имеет значения».

Может быть, именно это вызвало у Беаты праведный гнев и заставило ее охотиться за Борманом? Она рассмеялась:

— Мне не нужно бороться за женскую эмансипацию, чтобы освободиться от воображаемых пут. Мне нравятся мужчины. У них своя роль, у нас, женщин, — своя. Нет, все произошло только потому, что я хотела больше знать об истории моей страны и очень злилась, когда люди отказывались говорить со мной об этом. Мои родители отказываются общаться со мной, заявив, что я втоптала в грязь наше доброе имя. Школьные учителя отмахивались от меня: «Зачем все это мутить?» А я продолжала спрашивать. Как могло случиться, что цивилизованная нация совершала такие ужасные вещи? И всегда мне советовали не задавать глупых вопросов. Или: «Во всем виноват Гитлер…» А потом я поняла, что Гитлер это словно… Ну, скажем, словно образ, проецируемый на экран. Без толпы он был никем. Просто больное ничтожество.

— Актерами управлял Борман?

— Именно! Нужно быть немцем, чтобы понять, как это происходило. Именно поэтому я так неудобна для своих соотечественников. Хотя подобное могло случиться где угодно. В любой стране, где мужчины обожают героику. Хотя лучше сказать — эротику. Они чувствуют ее в массовых шествиях и демонстрации власти.

— Я считаю неправильным, — продолжала она, — когда люди создают огромные тайные общества с маленькими сообществами внутри них, когда отказываются от жалости и сострадания. В какой-то степени мною движет страх, что подобное повторится. Я переживаю за женщин, но женское освободительное движение занимается лишь ничтожной толикой того, с чем стоит бороться.

…Итак, Беата Кларсфельд обнаружила, что из-за ее убеждений ее считают сумасшедшей, неуравновешенной идиоткой. Но у нее были друзья, такие же студенты и представители нового поколения интеллектуалов, которые присоединились к ней. Они отыскивали сведения о нацистах в официальных архивах, копались в документах и привлекали внимание Интерпола.

Интерпол испытывал затруднения в работе с военными преступниками, которые оказались вне зоны его юрисдикции. В некоторых странах особые подразделения Братства имели хорошие отношения с местными органами полиции. В других, особенно в Южной Америке, полиция была должником Братства и немецких заводов, от которых зависело назначение шефов полиции и политиков на управляющие должности. Но Интерполу приходилось бороться с криминальными действиями бывших нацистов и иногда для этого прибегать к нетрадиционным методам. Он спонсировал небольшие организации — например, Лигу борьбы с расовой дискриминацией. Во Франции издателя газеты или продюсера программы государственного телевидения можно было уговорить провести журналистское расследование. Многие годы Интерпол приобщал к своим досье копии докладов американских и британских разведок, касавшихся нацистской Германии до 1939 года и военных операций в регионах, подобных Южной Америке. Эти операции требовали контрабандной перевозки большого количества золота, банкнот, художественных шедевров и оружия. Все эти предметы входили в сферу законных интересов Интерпола.

Беата Кларсфельд получала помощь от исследователей из ГДР, несмотря на то что к ней там относились отрицательно. Несколько еврейских организаций, работающих с документацией, также оказывали ей сочувствие. Она пришла к выводу, что

Борман заранее выбрал маршрут отступления, а операция «Орлиное гнездо» обеспечила прикрытие для перемещения денег и документов. Беата отправилась в Южную Америку с намерением вывести Барбье на чистую воду, подняв волну общественного негодования. Летом 1972 года это вызвало во Франции еще один жаркий спор о войне, столь типичный для этой страны. Беата вернулась с доказательствами того, что Барбье — один из многих беглецов, работавших на консорциум Братства, используя фонды, созданные Крюгером и Швендом, а также огромный запас спрятанного золота.

Условия использования золотых запасов национал-социалистической партии были кратко оговорены в разделе репараций Потсдамского соглашения. Советский Союз не претендовал на золото, захваченное союзными войсками в Германии. 26 сентября 1946 года трехсторонняя комиссия по возвращению золота объявила, что определено местонахождение около 280 тонн золота. В 1972 году Интерпол оценивал стоимость этого золота в 500 миллионов долларов. Но и это огромное количество считалось лишь частью общего золотого запаса, охранявшегося людьми Бормана.

До 1964 года не было напечатано ни одного доклада о работе комиссии. Жак Руефф — французский генеральный инспектор государственных финансов, работавший в комиссии, — получил тогда запрос, подписанный президентом комиссии Джоном Уотсоном и отправленный из центрального отделения в Брюсселе. Письмо констатировало: «До настоящего времени подробности о золоте не открыты для общества ни тремя правительствами, которые являются его хранителями, ни комиссией».

Почему за двадцать лет не оказалось никакой информации? Напрашивается вывод, что комиссии было неловко говорить о своих изысканиях. К другому заключению пришел Юлиус Мадер — исследователь из ГДР, придерживающийся просоветской точки зрения. Когда в Западной Германии улеглась паника, а «холодная война» заставила общество позабыть о недавней преступной деятельности нацистов, захваченное золото вернулось в Бонн. Пропавшее золото никогда не искали, хотя было известно, что его перевозили из Италии и Испании в Южную Америку, так как западные правительства не желали создавать напряженность или ослаблять объединенный антикоммунистический фронт.

То, что приведенная выше точка зрения принадлежит коммунистам, отнюдь не лишает ее смысла. В 1972 году именно настойчивость Мадера помогла заставить западно-германские

власти внимательнее отнестись к делу Бернхарда Крюгера, чей сообщник находился тогда в тюрьме Лимы.

Главному инспектору Радкин и сержанту-детективу Чатберну Скотленд-Ярд поручил поиски Крюгера и расследование, возможно, самой крупной в истории операции по подделке денег. Они приступили к делу в конце войны при помощи сотрудника американской разведки — майора Джорджа Мак Нелли. Им было известно, что были 212 профессиональных художников, граверов и печатников из нацистских лагерей смерти были мобилизованы на подделку миллионов британских купюр. Также они знали, что операция осуществляется в Альпийской крепости. У них имелась информация, что обнаружено 23 похожих на гробы ящика, в которых содержалось 60 миллионов долларов банкнотами банка Великобритании. В это время американские агенты преследовали распространителей банкнот в Южной Америке, а британские агенты обнаружили полный мешок банкнот в Лиссабоне. В ходе объединенной операции Донован и Стивенсон наблюдали за политическими изменениями в странах, входивших в зону интересов Германии, особенно в Аргентине, Бразилии и Боливии. Там щедро финансировали жестких политиков правого крыла, приверженных к профашистским идеям. Деньги явно доставлялись из Лиссабона и Цюриха. Своевременное выявление финансовых махинаций в Южной Америке позволило выследить Фредерика Швенда. Но такова уж особенность изменчивых международных союзов: когда в 1950 году в Перу все было готово к активным действиям, с политической точки зрения оказалось неразумным добиваться ареста Швенда.

Первые сведения о том, что деньги нелегально утекали в Южную Америку, поступили еще в самом начале войны. В ходе долгой битвы за их обнаружение выяснился такой факт. Итальянская авиакомпания «ЛАТИ» поставляла ценные грузы напрямик из Европы в Бразилию. А там один из зятьев президента, Гетулио Варгаса, являлся техническим директором принимающей компании. Эта стандартная фашистская операция гарантировала соблюдение секретности, поскольку бразильское правительство не позволяло останавливать перевозки авиакомпании или же проверять грузы. Президенту Бразилии, стоявшей на одном из концов двустороннего потока, было что терять. Бриллианты, платина, слюда и прочее сырье направлялись в Германию, а обратно уходила конвертируемая валюта и золото, чтобы обеспечить резервные фонды на случай отступления нацистских вождей в Южную Америку.

Для прекращения перевозок британские агенты не смогли

предложить ничего, кроме диверсий на самолетах, решительно отклоненных Стивенсоном. Госдепартамент США мог бы саботировать перевозки, запретив американской нефтяной компании поставлять топливо, но и эта затея провалилась. В итоге бразильский президент сделал вывод, что его подставили. Он отозвал разрешения на посадку самолетов «ЛАТИ» и разорвал отношения с соответствующими странами.

Долгое время считалось, что подделывание фантастических сумм британских денег осуществлялось с единственной целью — подорвать британскую экономику. Если бы в нейтральных и союзных странах единообразие британских денег поставили под вопрос в самый разгар войны, последствия оказались бы катастрофическими. Только многие годы спустя было доказано, что агенты Бормана, действовавшие через банки в Испании, Швейцарии и Швеции, поддельные деньги обменивали на настоящие. Фальшивые купюры использовались для финансирования разведопераций нацистской Германии. Например, шпион в британском посольстве в Турции — «Цицерон» — продал секретные документы нацистам за 300 тысяч британских фунтов стерлингов, оказавшихся поддельными. Но сумма, использовавшаяся для поддержки немецких военных операций, не сопоставима с деньгами, направленными на подготовку за границей убежищ для беглецов.

В 1942 году Бернхард Крюгер был начальником отдела в главном управлении имперской безопасности, подделывавшего британские купюры еще с 1940 года. Когда Мартин Борман утвердился в качестве секретаря фюрера, совсем рядом с Берлином в одном из наиболее охраняемых лагерей собрали высококвалифицированных техников. Бумагу для фальшивых британских купюр производили из чистого льна, на нее наносились водяные знаки. Печать производилась в 19-м блоке — изолированном сарае, из которого убежать было невозможно.

Вальтер Шелленберг оставил на этот счет такие воспоминания: «Тайная служба подделывала банкноты и рубли, чтобы финансировать нашу работу. Затем операция достигла гораздо большего размаха. На создание бумаги, имитировавшей так называемую жиропрочную бумагу, используемую для британских купюр, ушло два года. Печать осложнялась тем обстоятельством, что на каждой купюре было необходимо воспроизвести 160 опознавательных знаков. Профессоры математики разработали сложную формулу для изучения каждого нового выпуска британских купюр. В результате номера на фальшивках всегда опережали на сто либо на двести пунктов номера настоящих банкнот, выпускавшихся в Лондоне».

Шелленбергу приказали покупать нормальную валюту при помощи фальшивых купюр. В конечном счете первоклассно сработанные купюры превращались в американские доллары. Теоретически все происходило под руководством Гиммлера, но зачастую он не имел права голоса в подобных вещах и не был осведомлен о деталях столь масштабной операции. Борман, напротив, являлся специалистом по обращению с деньгами, обладая идеальной памятью на все подробности дела.

Главным «бухгалтером» операции стал чешский политзаключенный Оскар Скала. Он признался после войны, что «завод» печатал 400 000 банкнот в месяц, и Крюгер со Швендом увозили часть первоклассных купюр в больших деревянных ящиках. Еще один эксперт, узник концентрационного лагеря Солли Смолянофф специализировался на выпуске американских купюр достоинством до сотни долларов. Крюгер и Швенд обнаружили Солли случайно, где его, как цыгана, ожидала газовая камера. Впоследствии выяснилось, что Эдгар Гувер знал о его работе, так как Смолянофф был фальшивомонетчиком, специалистом по американской валюте.

Смолянофф поведал Скотленд-Ярду и американским следователям невероятную историю, выглядевшую абсолютно фантастической, не будь неопровержимых доказательств. Так называемая «Галерея 16» вблизи деревушки Редль-Ципф (в Альпийской крепости) представляла собой подземную сеть складских помещений и мастерских. В шестидесятиметровом тоннеле стояли машины для печати купюр, привезенные из Берлина. Смолянофф сказал, что их доставили вместе с инструментами и всем хозяйством, пока Гиммлер пытался заключить сделку через графа Бернадотта.

Мартин Борман в 1923 г.

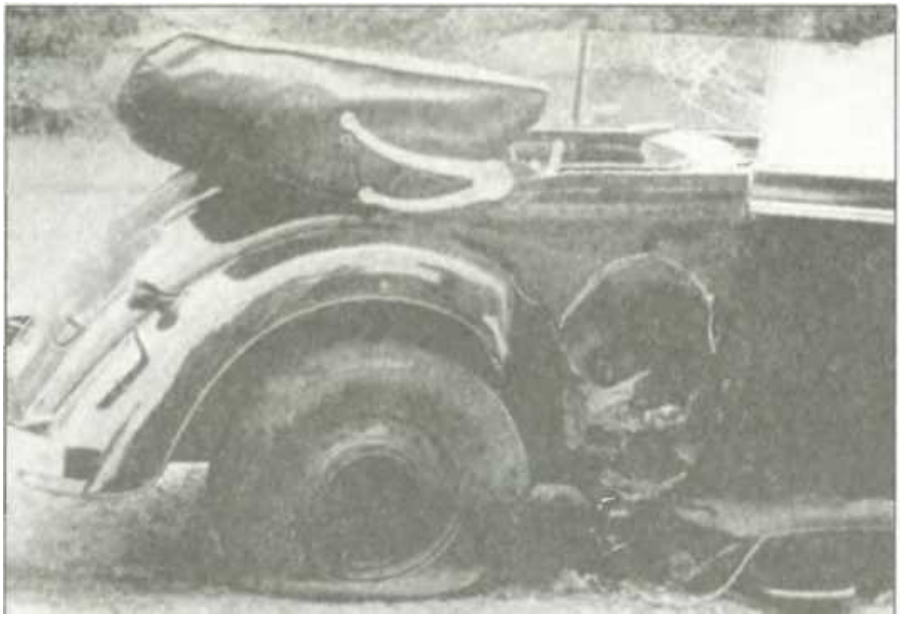
Адольф Гитлер

Адольф Гитлер и Гели Раубаль

Адольф Гитлер и Юнити Митфорд

Рудольф Гесс

Обломки «мессершмитта» Гесса в Англии



Машина Р. Гейдриха после покушения

Похороны Р. Гейдриха

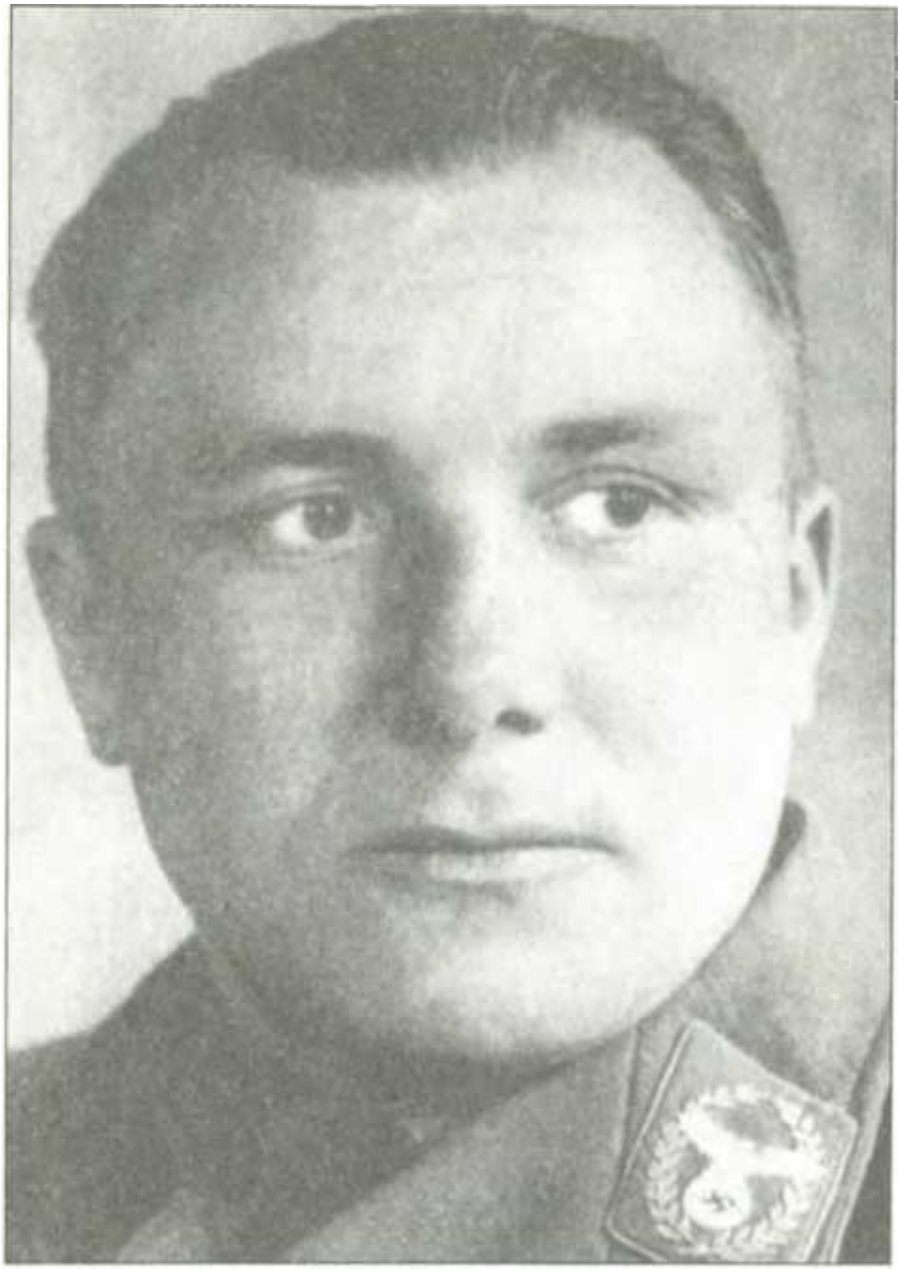
Генрих Мюллер

Йозеф Геббельс

Генрих Гиммлер

Герман Геринг

Маня Беренс — приятельница М. Бормана



Мартин Борман — рейхсляйтер, личный секретарь и ближайший соратник Гитлера

Свадьба М. Бормана

А. Гитлер с детьми М. Бормана

Жена М. Бормана Герда

Адольф Гитлер и Ева Браун

Мартин Борман и Ева Браун терпеть не могли друг друга

А. Гитлер и М. Борман в 1935 г. в Нюрнберге

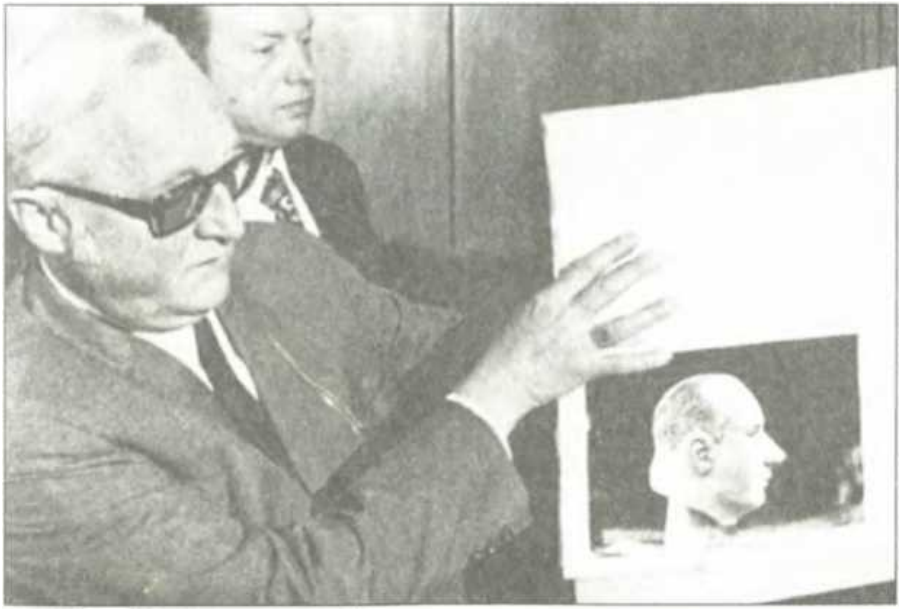
М. Борман и секретарь А. Гитлера Герда Кристиан

М. Борман, А. Гитлер и Й. Риббентроп в «Вольфшанце»

Старший сын М. Бормана Адольф Мартин Борман

После войны он отказался от имени Адольф и стал священником

Место, где были обнаружены останки М. Бормана



Реконструкция портрета М. Бормана по найденному черепу

Еще одно подтверждение подлинности останков М. Бормана

Фабрику, производившую фальшивые купюры, обнаружили, когда американская разведка наткнулась на целый грузовик поддельных банкнот. Деньги были сложены в деревянные коробки, внутри каждой имелся формуляр с данными. Это открытие произошло вскоре после самоубийства Гитлера. Грузовик задержали на одной из дорог Баварской крепости. Армейский капитан, сидевший за рулем, рассказал американцам, где следует искать оборудование, печатавшее деньги для Бормана, почти подорвавшие казну союзников.

Крюгер, как говорили, исчез из «Галереи 16» в конце войны, отдав приказ о сожжении всех записей и затоплении

оборудования в озере Топлиц. Из 9 миллионов купюр британского банка на сумму около 600 миллионов долларов около 6 миллионов долларов отправили на Ближний Восток для финансирования пронацистских лидеров арабских стран. А еще 30 миллионов послали в нейтральные страны для оплаты немецких счетов. Но оставалось еще значительное количество денег. Куда они исчезли?

Банк Великобритании предпринял отчаянную меру борьбы с фальшивыми купюрами, которые уже были в обороте, и изъял из обращения банкноты различных достоинств, заменив их пятифунтовыми купюрами нового образца с тонкой металлической нитью, предохранявшей их от самых искусных фальшивомонетчиков. Прием сработал, но лишь отчасти. У иностранных банков оказались большие суммы денег, однако их успели обменять. Но несколько банков предпочли этого не делать. Это были как раз те банки, на которых союзная разведка сосредоточила свое внимание после войны.

На свете нет ничего более секретного, чем мир финансов, и нет вещи более священной, чем деньги. Первыми в списке сведений, не подлежащих разглашению, значатся данные о перемещении фальшивой валюты и золота. Рассекреченные документы не могли ничего поведать обществу о судьбе нацистских поддельных денег. По самым приблизительным оценкам, основанным на независимых подсчетах, около 300 миллионов не настоящих долларов были выпущены в обращение и переведены в подлинные купюры для финансирования послевоенных нацистских группировок на Среднем Востоке и в Южной Америке. Золото стоимостью в 500 миллионов долларов поступило в Южную Африку, откуда его можно было перевезти в «бездонную золотую яму» — Индию и через Гонконг — в Китай. В обоих случаях ни покупателей, ни продавцов не заботило происхождение товара.

…Предполагается, что Крюгер покинул «Галерею 16» в красном «Альфа-Ромео» в сопровождении сногсшибательной блондинки и уехал в направлении Швейцарии. Его приказы — уничтожить оборудование и рабочих — не были исполнены, и некоторые фальшивомонетчики спаслись. В их изложении история выглядела следующим образом. Фальшивые купюры какое-то время использовали для обеспечения защиты беглецов. После того как Британский банк изъял из обращения свои банкноты, фальшивые деньги все еще принимали на отдаленных станциях, расположенных вдоль путей отступления. Что касается Крюгера, то он вернулся в 1961 году в Штутгарт энергичным бизнесменом «с опытом управления».

В 1945 году Крюгера разыскивали за подделку купюр в особо крупных размерах и убийство четырех заключенных концентрационного лагеря. Американские следователи в 1952 году сделали публичное заявление, что Крюгер замел следы фальшивомонетного предприятия и уехал на своем «Альфа-Ромео», доверху набитом настоящими купюрами, добытыми посредством финансовых операций на черном рынке в оккупированных столицах, а также с поддельными паспортами высочайшего качества. С тех пор о нем ничего не слышали, несмотря на то что полиция шести стран объединила свои усилия в попытке поймать его.

Когда Радкин и Чатбурн из Скотленд-Ярда вернулись к своим расследованиям, им сказали, чтобы они более не занимались вопросами, которые теперь находятся в ведении британского министерства финансов и так называемой «высшей власти» и подпадали под действие закона о государственной тайне.

Поиском нацистских запасов занялись те, чьи руки не были связаны путами закона, т. е. ухищрениями, придуманными чиновниками, чтобы покрывать собственные ошибки. Эрнест Кунео сохранил свое особое положение в окружении Белого дома после того, как вместе с сэром Уильямом Стивенсоном проверил в 1950-х годах при Трумэне серию отчетов из различных источников Южной Америки, в которых говорилось о том, что деловая активность в этих странах ведется за счет нацистских денег.

У.Стивенсон обладал обширными сведениями о передвижении немецких курьеров, агентов и контрабандистов. Во время войны его служба разведки имела по крайней мере одного надежного наблюдателя на каждом судне, курсировавшем между американским континентом и Европой. Эти наблюдатели по прибытии в порт отчитывались перед местным агентом британской разведки. На каждом гражданском аэродроме среди наземного персонала и порой среди самих летчиков у него были свои люди. Одной из причин, по которым он упорно отказывался устраивать диверсии на борту морских и воздушных судов, являлось то, что там находились его наблюдатели. К тому же, будучи пилотом, он никогда не решился бы уничтожить самолет и команду такими варварскими методами.

Стивенсон действовал совместно со специалистами американского бюро военно-морской разведки. В 1947 году они пришли к общему выводу, что все грязные деньги и находившиеся в бегах нацисты будут перемещаться одними и теми же маршрутами. Но в какой-то момент любопытство Кунео и У.Стивенсона — двух «удачливых сыщиков-любителей» — было

обуздано по причинам, о которых сейчас можно только догадываться.

Оба разведчика знали, что Бразилия и Венесуэла являлись основными производителями промышленных алмазов, в которых остро нуждался министр военной промышленности гитлеровской Германии Альберт Шпеер, и что после войны торговля продолжалась. Основным товаром, приобретаемым в Колумбии и Эквадоре за золото или конвертируемую валюту, была платина, необходимая для магнето самолетных двигателей. И снова, спустя долгое время после окончания войны, немецкие агенты платили по 15 долларов за один грамм платины, хотя официальные мировые ставки оказывались примерно в десять раз ниже этой цифры. Через пять лет после того, как Крюгер и Швенд скрылись, маркированные купюры появились в обращении указанных выше латиноамериканских странах. Номера этих банкнот в свое время были внесены в списки купюр, купленных в швейцарских банках за фальшивую валюту.

В ФБР всегда отрицали свою ответственность за «особые операции», подобные тем, что устраивал У.Стивенсон. После войны нормальная работа разведывательных служб Великобритании и США была подорвана.

Между тем генералу Гелену и его команде в считанные месяцы удалось убедить своих новых американских друзей в том, что в «холодной войне» с коммунизмом любые средства хороши. Его агентов называли «людьми-V». Их набрали из бывших гестаповцев и эсэсовцев. Нацистские доносы, в которых немцев, осмеливавшихся выступать против нацизма, клеймили «коммунистами», неожиданно превратились в союзный список «неблагонадежных» граждан Западной Германии. Казалось, произошло смещение ценностей. Теперь нацисты среднего класса могли в открытую заявлять о своих заслугах в борьбе с большевизмом. Бесследное исчезновение Крюгера и его многочисленных сотрудников в такой обстановке вполне понятно. Отметим, что начальником Крюгера в предприятии по подделке денег был Фредерик Швенд, а его партнером по бизнесу, основанному при помощи поступивших контрабандных денежных запасов, стал Клаус Барбье, также известный под именем боливийского бизнесмена сеньора Альтмана.

К лету 1972 года о Барбье-Альтмане кричали заголовки всех парижских газет, в которых его называли не иначе как «лионским палачом». Он давал интервью, издавал мемуары и постоянно повторял, что он исполнял свой долг настоящего немца и выполнил свои обязательства перед демократией, будучи одним из геленовских «людей-V».

Популярная газета «Франссуар» в мае и июне заполняла свои первые страницы самооправданиями Барбье-Альтмана и резкими ответными репликами тех бывших членов Сопротивления, которые пострадали или потеряли из-за него своих товарищей. В спор были вовлечены видные представители римской католической церкви. Писали, что организация Скорцени, отождествлявшаяся с Братством, имела в своем распоряжении более ста тысяч человек, сочувствовавших нацистам в двадцати двух странах, и снабжалась деньгами из нацистских запасов. Информанты, находившиеся в некоторых из десяти отделений Братства, действовавших во Франции под видом частных компаний, говорили об общем капитале в 500 миллионов франков. При этом активы составляли около 200 миллионов. Барбье заявил, что Отто Скорцени являлся главой сети «Паук» (die Spinne).

В консервативно настроенной «Фигаро» утверждали, что Барбье-Альтману помогали избежать правосудия послы Западной Германии в Боливии и Перу. В прессе процитировали пункт «Международного списка разыскиваемых нацистских преступников»: «Барбье, Клаус: подполковник или капитан СС, глава отдела IV (гестапо), участвовавший в преступлениях в Лионе, Дижоне и Страсбурге в 1934–1944 гг., разыскивается Францией и Великобританией по обвинению в убийствах», В марте 1973 года Барбье был арестован полицией Боливии. Из заявления государственного чиновника следовало, будто Барбье пытался бежать в соседнюю страну, чтобы уклониться от экстрадиции.

Гневные протесты со стороны французских организаций ветеранов Сопротивления заставили мюнхенских следователей обнародовать некоторые подробности их расследования относительно Барбье. Сначала упоминалось о предоставлении вида на жительство в Западной Германии тридцатилетней женщине, назвавшейся Утой Альтман, дочерью Клауса Альтмана, проживавшего в Боливии. Она заявляла, что родилась в Касселе, недалеко от Лейпцига. Но там в бюро записи актов гражданского состояния об этом не было сделано записи, зато имелась запись о рождении Уты Барбье. Был назван также брат этой женщины, Клаус-Георг Альтман, сын Клауса Альтмана, который будто бы родился в деревне Казель недалеко от Лейпцига. Оказалось, такого места не существует. Жена Клауса Барбье родила сына в клинике доктора Куна в Касселе.

Это заявление, выдавленное из представителей Мюнхена, было сделано после следующих шагов.

7 декабря 1959 года: западногерманская ассоциация жертв

нацизма потребовала информацию по делу Клауса Барбье от Людвигсбургского отделения. Ответа не последовало. Людвигсбургское отделение, занимавшееся практически всеми расследованиями, касавшимися преступлений нацистов, в то время возглавлял Эрвин Шюле, осужденный за военные преступления. Впоследствии он был амнистирован и передан западногерманским властям.

16 мая 1967 года та же самая ассоциация уведомляла Людвигсбургское отделение, что после первого обращения жертв нацизма прошло более семи лет, но они не теряют надежду получить ответ.

23 мая 1967 года Людвигсбугское отделение сообщило, что материал предварительного расследования был передан в 1963 году в администрацию государственного прокурора в Касселе. Выяснилось, что Барбье в последний раз жил в Аугсбурге, поэтому в августе 1965 года его дело перевели туда. Затем аугсбургский суд заявил, что дело находится вне его компетенции, так как Барбье был приговорен к смертной казни французским военным судом, а значит, западно-германский суд не может вновь предъявлять ему те же самые обвинения. «В любом случае судебное преследование не представляется возможным, так как считается, что Барби находится в Египте и вряд ли вернется добровольно или подвергнется экстрадиции».

22 июня 1971 года администрация государственного обвинителя в Мюнхене заявила, что дело против Барбье закрыто. Хотя Барбье, по всей вероятности, принимал участие в депортации евреев, но «не существует доказательств того, что подозреваемый знал об ожидавшей их судьбе». Что касается уничтожения бойцов французского Сопротивления, невозможно доказать участие Барбье в казнях, хотя он и отдавал приказания об арестах. «Выяснение обстоятельств казней, проведенных в лионском отделении гестапо, не представляется более возможным ввиду прошествия большого времени и количества убийств, совершенных в зоне ответственности лионского отделения гестапо».

На самом деле Барбье командовал подразделениями гестапо, уничтожавшими французов. В 1944 году он сообщал в свой штаб в Париже, что отправляет трехлетних еврейских сирот в «трудовые лагеря» в Восточной Европе. И эта хвастливая телеграмма до сих пор хранится в его папке.

Итак, Беата Карлсфельд могла убедиться, что ее соотечественники вовсе не стремятся свершить правосудие.

Привлекая внимание общественности к процессу Барбье,

Беата пыталась вывести Германию из состояния равнодушия, на которое, по ее мнению, и рассчитывал Борман. Она знала, что и от Франции вряд ли можно ждать правосудия: там в судах заседали люди, не стремившиеся ворошить прошлое. В своих расследованиях она обнаружила примеры того, как убийцы спасаются от суда, продавая свои «таланты» разведкам Востока и Запада. Так, Клаус Барбье работал на агентство по импорту-экспорту на Шилленштрассе, 38 в Аугсбурге, а подобные агентства нередко становились частью шпионских сетей. Аугсбургским агентством заведовала организация Гелена.

…Чиновник международного еврейского агентства характеризовал Беату Кларсфельд как «параноика», стремящегося решить какие-то свои психологические проблемы. Она будто бы принадлежала к душевно неустойчивым людям, мечтающим о мученическом венце. Она хотела стать еще одной Жанной д'Арк! Этот чиновник был квалифицированным психологом, экономистом и профессором международных отношений. Он подробно рассказывал о путях преодоления Западной Германией своего нацистского прошлого, о том, что суды делают все возможное, чтобы наказать основных преступников… Но немцы, подобные Беате Кларсфельд, по его мнению, только мутят воду!

К тому же девушка нарушила приличия, влепив пощечину канцлеру Курту Кизингеру на съезде ХДС в Берлине, «чтобы привлечь внимание общественности к постыдному появлению нацистов на политической арене».

Стивенсона привела в замешательство мощь этой чиновничьей атаки на Беату Кларсфельд, явно не адекватная масштабам происшествия. Стивенсон просмотрел официальный парламентский бюллетень о дебатах в британской палате общин, состоявшихся вскоре после того, как в 1966 году Кизингер стал канцлером. Тогда лорд Монтгомери, убежденный консерватор, предупреждал пэров Соединенного королевства об опасностях немецкого милитаризма. Еще один представитель правого крыла — виконт Бриджман — сказал, что двенадцать лет назад невозможно было представить более абсурдную ситуацию, чем возвращение немцев к нацистским принципам.

Теперь положение стремительно становилось иным. В памяти всплывали тридцатые годы, показавшие миру, как быстро может измениться обстановка в такой стране, как Германия. Хотя министерство иностранных дел Великобритании старательно избегало всяческих намеков на разочарование в политике Западной Германии, но дебаты в палате общин говорили сами за себя. Монтгомери также озвучил опасения очень многих людей в

связи с тем, что обширный вывод британских войск мог оставить немцев в распоряжении северной армейской группировки. И это в то время, когда мало что сдерживало возрождение неонацистских идей.

Монтгомери не раз приписывали разнообразные недостатки, но даже его заклятые враги не могли бы принять его за параноика, услышав эти речи.

Почему же Беату Кларсфельд записали в параноики?

Удивительные превращения

После того как в 1972 году Беата Кларсфельд разоблачила гестаповца Клауса Барбье, началась череда убийств. Внезапно «головоломка Бормана» перестала быть игрой. Все убийства имели отношение к Братству. Интерпол начал расследование, когда обнаружилось, что одно из убийств было связано с продажей оружия арабским партизанам через боливийское агентство, управлявшееся Барбье под ложной фамилией. Расследование коснулось и нераскрытого прежде убийства боливийского консула в Гамбурге. Позднее известный итальянский издатель погиб при взрыве динамита в Милане, и стало ясно, что в дело вступили команды наемных убийц, хотя было совершенно непонятно, каковы же причины начавшейся охоты.

Первый ключ к разгадке появился, когда бывшего помощника Барбье нашли задушенным в пригороде Рио-де-Жанейро в его квартире. Это был граф Жак-Шарль Ноэль Дюж де Бернонвиль, друг лионского палача. 27 апреля 1972 года его обнаружили связанным по рукам и ногам, во рту у него был кляп.

Французский военный суд приговорил его к смертной казни за сотрудничество с Барбье во время нацистской оккупации. Смерть настигла графа внезапно и жестоко, но с порядочным опозданием. Сначала граф ускользнул от нее, сбежав в Канаду, и оставался на ее территории до 1951 года, считаясь уважаемым представителем католической аристократии Квебека.

Когда французскому правительству стало наконец известно о его местонахождении, в Канаду был направлен официальный запрос об его экстрадиции. Вместе со своей семьей он вылетел прямиком в Рио. Бразильское правительство отказалось его выслать. К 1956 году он превратился в известного представителя экстремистских правофланговых группировок. Его жена возвратилась в Париж, и он периодически переводил ей деньги через Государственный банк Франции под кодом «Credit L Jouvait XF 495». Граф часто совершал поездки в Боливию и Перу, две страны, в которых нацистские деньги пустили в дело различные предприятия и компании.

Именно в Лиме, столице Перу, был 1 января 1972 года убит его деловой партнер Банчеро Росси, после того как в нем опознали сообщника Барбье. Вскоре после этих событий нацистского фальшивомонетчика Швенда заключили в перуанскую тюрьму. Позднее возникли подозрения, что его упрятали в тюрьму ради его собственной безопасности. Согласно

данным бразильской полиции, граф де Бернонвиль считал, что уже настало время опубликовать его мемуары, чтобы позволить французам самим судить, так ли ошибались нацисты и сочувствовавшие им люди. Возможно, это обеспокоило некоторых членов Братства.

История графа и прочие убийства были покрыты такой завесой из слухов и полуправды, что на отделение правды от фантазий требовалось много времени. Наш герой Стивенсон связался с У.Стивенсоном, который подтвердил, что первый — на правильном пути. Поэтому он обратился к ветеранам Управления особых операций — организации, снабжавшей секретные армии Европы оружием и боеприпасам из Америки. Все они в мирное время занимались крупными финансовыми сделками, заключавшимися порой под честное слово.

Слово чести не позволяло этим людям говорить о военных операциях, пока действовали жесткие запреты закона о государственной тайне, значительно смягченные поправками 1972 года. После этого стало возможным узнать точку зрения на события военных лет служащих Управления особых операций разведывательных агентств Великобритании, при том, что часто они работали без официальных документов и санкций. Официальные лица считали себя «эрудитами», но Стивенсон обратился за помощью к «мошенникам», которым не нравилось, что Запад, воюя с ветряными мельницами коммунизма, стремительно забывает все уроки нацистов.

Советские планы по разрушению западной системы всегда учитывались, но ветераны Управления особых операций относились слишком легкомысленно к угрозам подобного типа. Эта нерегулярная армия с Бейкер-стрит привыкла решать проблемы в стиле их покровителя Шерлока Холмса, чье выдуманное место жительства находилось на той же улице, что и их штаб в военное время.

Они хорошо помнили, что нацистская Германия оккупировала другие страны, умело проведя в жизнь планы, в соответствии с которыми гестапо должно было в ключевых местах расположить гарнизоны для постоянного устрашения населения. Некоторые из жителей становились бесплатной рабочей силой для промышленности и сельского хозяйства Германии и, лишенные гражданских прав, находились в состоянии полной униженности — с ними обращались, как с недочеловеками, рабами на службе у высшей расы.

Память о недавних событиях оказалась невероятно короткой. В возрожденной западногерманской республике канцлеру Аденауэру и прочим видным деятелям уже простили тот факт,

что в свое время они использовали рабский труд пленных в своих домах и садах. В целом западные союзники не особо переживали из-за этих жертв нацизма, так как в большинстве своем пострадавшие принадлежали к рабочему классу. В основном в движении Сопротивления участвовали рабочие и интеллектуалы с левыми взглядами. Очень показательно, что Лионский палач, уничтожая деятелей французского движения Сопротивления, имел поддержку в среде «сливок» лионского общества, возглавляемого графом де Бернонвилем.

Среди «мошенников», работавших вплотную с коммунистическими антинацистскими группами на территории оккупированных европейских стран, ходили устойчивые слухи о том, что в ближайшем окружении Гитлера существует советский осведомитель. Сначала наиболее вероятной кандидатурой называли Мартина Бормана, и гончие уже намеревались броситься по этому следу. Но теперь считается, что Борман, хотя и являлся идеологом сталинского масштаба, оказался верен нацистским и расистским идеям. Он сохранил деньги, собранные для поддержки нацистского учения, между тем как мог пустить их на собственные нужды. Он предпочел бы затаиться в любой другой стране, но только не в СССР. И все же доказано, что советским спецслужбам было много известно о личных делах Бормана и его планах побега.

Борман скрупулезно записывал все бытовые подробности ежедневных событий. Но кто знает, насколько подробно он докладывал обо всем фюреру. Этот нелепый человечек с пронзительным скрежещущим голосом вводил в транс огромные толпы людей. Но слова, произносимые Гитлером за ужином в последние два с половиной года войны, отличались от его публичных речей. И эти слова слышали только двое — он сам и Борман. Что Борман извлекал и создавал из полуночных диалогов, не представлял даже Гитлер, находившийся тогда в состоянии истерии, подконтрольной только его секретарю.

Самые незначительные мелочи повседневной жизни фиксировались Борманом с потрясающей точностью: кто приходил, в котором часу, для чего, какие брали книги, какие фильмы показывали в гостиной Гитлера — на бумагу заносилось все, особенно перечни имен. Странно, однако, что имя Мюллера не значилось в последнем списке людей, остававшихся с фюрером до конца.

Этот список попал в руки к русским. Вероятно, они и вымарали имя Мюллера. Если так, то зачем они это сделали? В свое время этот вопрос оставили без должного внимания. Но после того как «головоломка Бормана» обрела некоторые

очертания, он получил иное звучание.

Мюллер являлся тем человеком, который постоянно посещал бункер фюрера и имел наибольшее право участвовать во всех событиях, происходивших вокруг Гитлера. Он был обязан знать все о Третьем рейхе.

Он исчез вместе с Борманом и, возможно, имел прямое отношение к подозрительному отношению Советского Союза к Западу.

Борман писал с расчетом на публику. Ему всегда приходилось изображать из себя покорного слугу фюрера. Этим пропитаны даже его письма к жене. Когда он нацарапал странную записку Эрнсту Кальтенбруннеру, приказывая ветерану СС не стоять на пути у нацистских вождей, планировавших побег, он сделал это с определенным умыслом. Письмо датировалось 4 апреля 1945 года — днем, когда свыше семисот сотрудников Гитлера толпились в убежище на территории канцелярии, споря о необходимости продвигаться на юг, в сторону Альпийской крепости. Это, естественно, затрагивало личные интересы Бормана. Он понимал, что если Гитлер последует в этом направлении, он приведет за собой в огромную сеть горных тоннелей и укрытий всю мощь советской армии.

Кальтенбруннер спокойно воспринял упрек Бормана. После минутного замешательства он понял, что записка, написанная под диктовку, должна была подчеркнуть роль Бормана как преданного пса, который намеревался оставаться со своим хозяином до самого конца.

Это же впечатление производят и слова Ганны Райч, предпринявшей фанатическую попытку — разрушить Лондон даже тогда, когда разрушался Берлин. Поднимаясь с горящей берлинской улочки на мини-самолете, она заявила генералу Карлу Коллеру: «Мы должны с почтением и молитвой склонить колени перед алтарем нашего отечества». На вопрос о том, что конкретно она имеет в виду, Ганна с изумлением ответила: «Конечно же, гитлеровский бункер!»

В бункере располагалась «главная ставка фюрера». Там находились: личный кабинет Гитлера, его ванная комната, помещение для его собаки, спальня, а также гостиная и будуар Евы Браун. Еще в бункере были комнаты прислуги, медицинский кабинет и операционная, рабочий кабинет Геббельса и телефонный узел. В самом начале битвы за Берлин Борман составил аккуратный список всех находившихся в бункере. Эта бумага оказалась среди немногих документов, найденных советскими солдатами, ворвавшимися в убежище. И это вызывает сомнение в ее подлинности. Скорее всего, Борман еще раз сыграл

на нацистов, публику.

Данный список использовался в развернувшейся охоте на нацистских деятелей, но СССР начал обвинять союзников в сокрытии подлинной информации, что вылилось в большой скандал. Возможно, Борман рассчитывал на то, что список вызовет неразбериху. Мысли об этом трудно избежать. В документе значились: Ева Браун, Блонди — эльзасская овчарка Гитлера и ее четыре щенка, личный хирург Гитлера доктор Штумпфлеггер, доктор Геббельс с женой и шестью детьми, фройляйн Манциали, повар-вегетарианка, Хайнц Лоренц из министерства пропаганды, заместитель Бормана — Цандер, брат сестры Евы Браун — Герман Фегеляйн, полковник Николаус фон Белов — адъютант Гитлера, адъютант гросс-адмирала Деница — адмирал Восс, посол Вальтер Хевель — адъютант Риббентропа, майор Вилли Иоганнмайер — адъютант Гитлера, два пилота — Ганс Бауэр и Георг Бетц, Вернер Науман из министерства пропаганды, генерал Бургдорф и его помощник подполковник Вайс, генерал Ганс Кребс — начальник штаба, майор Бернд фон Фрайтаг-Логингхофен — помощник Кребса и дежурный офицер, который впоследствии описал последние дни, капитан Герхард Больдт.

Докладывали о том, что Штумпфлеггер был убит при попытке бегства. Науман объявился несколькими годами позже, и ему предъявили обвинение в том, что он возглавлял движение неонацистского возрождения. Георг Бетц, личный пилот Гитлера, был убит, а генерал-майора Бауэра взяли в плен русские. На самом деле немногим удалось уйти от русских.

Одним из таких счастливчиков оказался Цандер, отправленный из Берлина спустя два дня после самоубийства Гитлера вместе с Лоренцом и Иоганнмайером. Им предстояло пробраться через кордон из двух с половиной миллионов советских солдат, занявших территорию Берлина. Судьба этих беглецов еще долго озадачивала русских, считавших, что их каким-то образом перехватили союзники. На самом же деле Цандер превратился в баварского огородника Фридриха-Вильгельма Паустина, а остальные выдавали себя за лиц славянской национальности. В конце концов оба добрались до баварского убежища, пронеся с собой копии последнего завета Гитлера и другие важные документы, которые должны были стать источником вдохновения в будущем.

Русские захватили начальника личной охраны Гитлера — бригаденфюрера СС Иоганна Раттенхубера. Его имя в списке Бормана не значилось.

17 июля 1945 года Сталин заявил госсекретарю США

Джеймсу Бирнсу о своей уверенности в том, что Гитлер жив и, по всей вероятности, скрывается в Испании или Аргентине. Очевидно, советские спецслужбы о чем-то проведали. Они всегда работали так, как если бы западные союзники являлись их врагами, и у них повсюду находились свои агенты и информаторы. В распоряжении у Сталина имелись отдельные факты, но не все. Он знал, что долгое время существовали планы по отправке наиболее одиозных нацистов на «нейтральную», а на деле — пронацистскую территорию. Одной из них явилась Аргентина. Ее вступление в войну на стороне союзников было так рассчитано, чтобы всего на несколько дней опередить капитуляцию Германии.

Сталин получал доклады о нацистских шишках, безопасность которых гарантировалась представителями римской католической церкви. Ватиканский отдел по делам людей, не имеющих гражданства, выпускал для этого специальные удостоверения личности, и Сталину скорее всего оказалось известно, какие регистрационные номера имели карточки, а также кому и когда они были выданы. И все же до сих пор трудно сказать точно, как много он знал в середине лета 1945 года. Спустя годы Н.С. Хрущев заявил лидерам западных держав, что если все откажутся от переманивания шпионов друг у друга и их использования, это в разы снизит расходы и упростит ведение дел. Он совсем не шутил.

Западные службы достаточно хорошо представляли себе, насколько Сталин был тогда информирован о многих операциях. И скорее всего, он не верил, что союзникам действительно ничего не известно о местонахождении отдельных военных преступников. Возможно, чтобы напомнить Западу о том, что у них кое-что есть на руках, русские сделали следующее заявление: «Не было обнаружено никаких следов тел Гитлера или Евы Браун… Установлено, что Гитлер пытался замести следы при помощи ложных свидетельств. Неопровержимые доказательства свидетельствуют о том, что небольшой самолет вылетел из Тиргартена на рассвете 30 апреля и взял курс на Гамбург. Известно, что на борту находились трое мужчин и женщина. Также было установлено, что большая подводная лодка покинула Гамбург накануне прибытия туда британских войск. На ее борту находились загадочные люди, и среди них — женщина».

Таинственная подводная лодка создавала для британцев бесконечные проблемы, так как гамбургско-кильская область северной Германии относилась к юрисдикции Великобритании. Такие же сложности имелись и у Канады. Канадская армия изо всех сил стремилась заполучить генерала СС Монке,

обвинявшегося в казнях военнопленных. Но он находился в руках у русских, а русские уже не были расположены к сотрудничеству и настаивали на том, чтобы западная разведка усилила свои старания в деле поиска пропавших нацистов.

В этом споре участвовал специалист канадской разведки по Латинской Америке, который, как считалось, обладал особыми сведениями о перемещениях подводных лодок в этом регионе. Его звали Питер Дуайер. Он был человеком Стивенсона в Латинской Америке, затем переехал в Вашингтон и представлял там британскую разведку.

Информация о новых подводных лодках типа «Вальтер», добытая У.Стивенсоном, поступила и к Сталину. В Ялте Черчилль сказал советскому вождю: «Нам будет трудно сражаться с этими новыми субмаринами, они развивают огромную скорость под водой и оборудованы новейшими устройствами».

Сталину сообщили, что тридцать процентов указанных подлодок построены в Данциге, и он приказал маршалу К. Рокоссовскому захватить эту базу. В следующем месяце — в начале марта 1945 года — сухопутные дороги к порту были перерезаны, так что побеги из Данцига стали возможны только морским путем. Очевидно, Сталин понимал, какую роль могли сыграть быстрые подводные лодки широкого радиуса действия даже за пару месяцев до окончания войны. Дуайер был уверен, что в своих заявлениях о «большой подводной лодке» Сталин опирался на информацию, переданную его людям сотрудниками союзных разведок, которые не стали тогда разглашать эти сведения. Это заставило Сталина выразить опасения по поводу тайных соглашений, между западными союзниками и отдельными нацистами.

Однако молчание союзников вполне понятно, если принять во внимание сложившуюся ситуацию. Серьезные военные преступники разгуливали на свободе. Некоторые из них, по всей вероятности, бежали на подводной лодке. Если бы союзники объявили, что фашистам удалось вырваться, это выдало бы организаторам побегов маршруты отступления. Публикация таких сведений могла способствовать тем, кто не сумел еще выбраться.

«Холодная война» уже начинала замораживать процесс обмена информацией. Сталин, получивший от Рузвельта и Черчилля советы по подлодкам, теперь столкнулся со зловещим молчанием. Он заявил Гарри Хопкинсу в Москве, что думает, что Борману удалось бежать. Затем он пошел в своих откровениях еще дальше, сказав, что именно Борман находился в той самой исчезнувшей подводной лодке. Довольно скоро любой обмен

информацией между сторонами стал считаться выдачей государственных секретов и предательством. Но нельзя возложить вину за потерю доверия только на одну из сторон.

Дуайер вспоминал, что как-то раз, когда он работал в Канадском государственном исследовательском совете, один советский академик между прочим сказал ему: «Нам известны эти трое — мужчин и женщина, бежавшие на подлодке. Но Бормана и Эриха Коха (которых армейская контрразведка надеялась схватить в Данциге) там не было». Он утверждал, будто Кох (как это подтвердилось в дальнейшем) обзавелся документами на имя майора Бергера и еще находится в Британской зоне около Гамбурга. Докладывали и о том, что Борман скрывается там же, у Люнеберга. На самом деле его там уже не было. У Дуайера создалось впечатление, что русские знали, куда направлялся Борман. В их погоне за Борманом русским весьма помогла поимка генерала-майора СС Вильгельма Монке, начальника личной охраны Гитлера.

Монке бежал вместе с группой других людей, спрятался в подвале дома на Шенхойзер-аллее и был там обнаружен советскими солдатами. В нем признали начальника отряда, известного под презрительным названием «эрзац-труппен», — батальона СС, защищавшего Берлин. Впоследствии допрос показал, что Монке большую часть времени проводил с Гитлером в бункере, а не снаружи со своими бойцами, защищавшими «Цитадель» — бомбоубежища под старой и новой рейхсканцеляриями.

…Монке помог русским солдатам обнаружить развалины бункера. Он охотно делился сведениями о последних днях, называл основные действующие лица из числа семисот служащих, секретарей, водителей, слуг и эсэсовцев, окружавших Гитлера. Болтал и болтал без умолку. Возможно, то, что он рассказал, привлекло внимание Сталина. Монке знал — русские намеренно сообщили ему об этом, что канадцы настаивали на его выдаче, чтобы устроить суд. Он делился всей информацией, которой только мог, и придумывал факты.

После побега Гесса в Великобританию у Сталина возникли еще большие основания думать о возможном союзе между англо-американскими силами и Германией против СССР. Монке подпитывал его подозрения, отчитываясь о секретных переговорах, проводившихся в течение последних нескольких месяцев между нацистскими лидерами и Западом. Он рассказал советским следователям о побегах нацистов, которые должны были бы предстать перед судом по обвинению в военных преступлениях. Он описывал тайные убежища в Баварских

Альпах, перевод золотых и денежных резервов в нейтральные страны, сокрытие сокровищ, в том числе награбленных в России художественных ценностей. Он упомянул и обещания помощи со стороны ректора Римского папского тевтонского колледжа, епископа Алоиса Гудала, чье имя часто произносилось в последующие годы. Он говорил и о Братстве.

Западу стало известно о признаниях Монке через утечку информации из советской разведки. Но русские отказывались признать, что Монке находится у них. Начиналась игра между разведками, впоследствии приведшая великие державы на грань еще одной войны. Проблемы обострились 9 мая 1945 года, когда советская комиссия в Фленсбурге потребовала предоставить ей досье немецкой разведки, касавшиеся СССР. Ей сообщили, что единственным человеком, который, возможно, обладает обширной информацией о данных немецкой разведки по России, является генерал Гелен.

Гелен находился в особом лагере. Его допрашивал бригадный генерал Эдвин Сиберт, офицер американской разведки, которому ранее сделали выговор за то, что он недооценил немецкий боевой дух. Сиберт тотчас же доложил Аллену Даллесу суть хвастливых рассказов Гелена о его шпионской сети и о невероятных территориальных притязаниях СССР. В августе 1945 года Гелена и его специалистов переместили в Вашингтон.

…31 августа контролировавшаяся советскими властями берлинская радиостанция объявила, что «Борман находится в руках союзников». Никто не знал лучше русских, как нацистские захватчики умеют оправдываться, ссылаясь на правила и распоряжения. Хотя Борман был исполнителем завещания Гитлера и главой национал-социалистической партии, он, должно быть, казался Сталину, да и Западу, возможным фюрером четвертого рейха.

Русские знали из собственных источников — от военной разведки и от захваченных главарей вроде Монке — о том, что нацистские планы выживания предусматривали убедить западных союзников в том, что Гитлер ошибался только в способах ведения войны, но не в определении истинного врага всего человечества — Советского Союза. Довольно большое число немецких генералов считали, что необходимо сражаться с Россией, используя англичан и американцев. И в нацистских документах было достаточно сведений, оправдывавших подозрения Сталина о том, что Запад может попасться на такую уловку. Сталину казалось, что Гесс мог обсуждать создание военного союза против СССР, и его помощника капитана Пинча, оказавшегося в советском плену, допрашивали и пытали, морили голодом,

сломали поочередно все пальцы. (Он был отпущен на свободу и вернулся в Германию в 1955 году.)

Монке держали в советском лагере в Штраусберге, но союзной разведке стало известно о том, что ему развязали язык. Его заявления цитировали, однако советская сторона отрицала факт задержания Монке всякий раз, когда канадцы обращались с запросами. Его сообщник по уничтожению канадских солдат — Курт Майер — был осужден и признан виновным. Но его отпустили на свободу, когда улеглась волна общественного возмущения. Русские заметили назначение Майера в европейское представительство НАТО. В ответ на один из запросов русские заявили: «Хорошо известно, что эти силы направлены против демократических республик… Империалистские милитаристы позволили нацистам вернуться на свои прежние военные и гражданские посты…» Между тем коллеги Майера, недовольные тем, что хорошо оплачиваемая работа доставалась таким молодым командирам как Майер, заявляли о том, что они более достойны занимать высокие посты. Спустя несколько лет после суда за военные преступления, вместо того чтобы быть благодарными за освобождение, генералы СС Готтлоб Бергер и Пауль Хауссер призывали НАТО рассмотреть притязания СС, которая «создала первую армию для борьбы с большевизмом».

В 1965 году СССР выдвинул потрясающую версию того, что произошло с Мартином Борманом.

СОВЕТСКАЯ ВЕРСИЯ

Согласно советской версии событий, Мартин Борман не был убит в Берлине. Он пытался попасть на подводную лодку, стоявшую вблизи Фленсбурга, и при помощи Братства ушел в подполье, а затем добрался до Рима, где его старшего сына, Адольфа Бормана, епископ Гудал готовил в священники в Тевтонском колледже.

Гудала с большим энтузиазмом цитировали в нацистской прессе 1930-х годов. Он дал Гитлеру некоторые гарантии, позволившие фюреру действовать, не опасаясь возникновения объединенной католической оппозиции.

Советские спецслужбы выдвигали версию о том, что Гудал оказался должником Бормана с самых первых дней канцлерства Гитлера. Но и Борман был многим обязан Гудалу. Эта взаимность началась, когда Борман занимался организацией пристойных похорон для племянницы Гитлера — Гели. Традиционные католические похороны потребовались, чтобы скрыть правду об убийстве Гели, и Борман организовал их, но при этом оказался в долгу. Иных свидетельств того, что Борман использовал свои связи, особенно с Гудалом, чтобы обеспечить контакт с Ватиканом, не существует, кроме заявлений командующего СС в Италии генерала Карла Вольфа, сделанных им после того, как он вышел из тюрьмы, где отбывал срок за военные преступления.

Однако обратим внимание, что многие католические критики Бормана подвергались жестоким преследованиям. К примеру, отец Бернард Штемпфль, знавший многие компрометирующие подробности, был убит тремя выстрелами в сердце (и, на всякий случай, ему раздробили позвоночник) во время кровавой чистки, устроенной вслед за приходом фюрера к власти. После смерти священника остались документы, избежавшие цепких рук гестапо. В них отец Штемпфль заявлял, что нельзя идти на сделку с дьяволом.

Но не являлась ли советская версия пропагандой? Если это так, тогда Тито порядком подзабыл о своей вражде с Москвой, чтобы подтвердить данную версию. Югославские власти к тому же и добавили некоторые факты. Епископ Гудал являлся лидером пронацистских хорватов в Югославии, и его организация, устраивавшая побеги, оказалась хорошо знакома партизанам Тито. Более того, нацистский массовый убийца, Франц Штангл, продолжал бороться с Тито в конце войны до тех пор, пока его пребывание в Берлине не вызвало беспокойство. Когда его противники сочли Штангла достойным смерти, его отправили в

Югославию, где люди Тито никогда не брали немцев в плен. Но Штангл сбежал во время перестрелки. Югославы проследили за его дорогой в Южную Америку. В югославском министерстве внутренних дел сохранились толстые папки с докладами по Братству.

Стивенсон узнал об этом, приехав в Белград, где ему оказали всяческую помощь в поиске кинопленок военного времени для создания документального фильма о Тито. Пленки оказались рассредоточены повсюду. Старые, некоторые легко воспламеняемые, они находились в обветшалых металлических контейнерах. Отдельные кинохроники были сняты немцами, а также солдатами-операторами, посланными союзной разведкой. Когда Стивенсон обнаружил, что фильмов вполне достаточно, чтобы отразить всю войну, бывший лидер партизан возразил: «Вам нужно увидеть документы и дневники, которые мы спрятали. Но некоторые из них мы сами до сих пор не можем найти… Они были спрятаны для сохранности, когда мы спасались от нацистских отрядов смерти».

Русская версия побега Бормана основывалась на внушительном исследовании майора советской разведки Льва Безыменского, сделавшего первый публичный доклад о вскрытии трупа Адольфа Гитлера, проведенном советскими специалистами. Он допрашивал Монке, который провел такую готовность к сотрудничеству, что делился мельчайшими подробностями о своих бывших коллегах, например, об Отто Скорцени — товарище по личной охране Гитлера. Советский майор также проинтервьюировал всех, кто знал Гитлера и оказался доступен для разговора. Естественно, он не мог напрямую связаться со свидетелями, находившимися вне коммунистических стран. Это было досадной помехой в его розысках, но при сравнении отчетов Безыменского с материалами, добытыми следователями союзников, такой недостаток становился подспорьем для работы Стивенсона.

В силу сложившихся обстоятельств, две линия расследования велись независимо друг от друга, разъединенные «холодной войной», хотя многие их выводы совпадали. Более того, внутри советского блока поиски осложнились из-за ссоры между Тито и Сталиным. У югославов были свои проблемы со сбежавшими нацистами, и поэтому их доклады стали третьим источником информации.

Итак, согласно советской версии, Борман бежал из Берлина, обеспечив себе благосостояние при помощи золотых монет, зарытых в Берхтесгадене, а также твердой валюты, купленной на фальшивые банкноты, художественных сокровищ, которые можно

было выгодно продать. У него имелись люди, подобные Отто Скорцени в Альпийской крепости, а бомбежка убежища фюрера во многом способствовала ему. Немецкий командующий шестым воздушным флотом генерал ВВС Роберт Риттер фон Грайм съездил туда за неделю до побега Бормана и, обнаружив на месте крепости руины, не замедлил сообщить об этом Борману.

Борман знал по опыту Сталинграда, что массированные бомбежки фактически создают защитные укрепления и что армия, пытающаяся продвинуться под прикрытием своих бомбардировщиков, заранее обречена на задержки и остановки. Он был убежден, что проникнуть в подземные галереи, пронизывавшие горы вокруг альпийского убежища Гитлера, для противника окажется чрезвычайно трудно и что, к примеру, шестидесятиметровую галерею № 16 с ее печатными станками и оборудованием для выпуска фальшивых купюр обнаружить невероятно сложно.

Борман отправил Герду и детей в горы (в этом все мнения сходятся). Но госпожа Борман скрылась под фамилией Бергман, захватив с собой и несколько чужих детей. Автобус с красным крестом, в котором она перемещалась, внушал больше доверия. Но к ее несчастью, один ребенок оказался не сиротой и его отец сообщил в службу контрразведки американской армии в Мюнхене, что его ребенка насильно увезла из Берхтесгадена жена Бормана и что у него есть предположения о том, где ее искать. Британская разведка поручила Александру Раскину, бельгийскому еврею, угнанному на принудительные работы в Германию, попытаться определить местоположение жены Бормана. Раскин ездил по различным местам на муле и мог констатировать: если бы нацисты создали там партизанские отряды, их было бы крайне нелегко обезвредить. Русские считали, что Борман навещал свою жену прежде, чем Раскин добрался до нее.

2 апреля 1945 года Борман предложил Гитлеру отправить в Бад-Гаштайн, что в австрийской части Альпийской крепости, последние записи монологов фюрера, сделанные лично Борманом или его командой стенографисток. 16 апреля, когда начался обстрел Берлина из 20 тысяч советских орудий, высокопоставленный немецкий чиновник покинул город, унося с собой записи Бормана за период с 4 февраля по 2 апреля. Он имел приказ обеспечить перемещение немецких золотых запасов из Бад-Гаштайна в соляную шахту, расположенную на немецкой стороне границы. Этот бывший нацистский чиновник впоследствии оказался в недрах организации Гелена, где его рассказ о последних событиях приняли за правду и

зафиксировали для передачи западным союзникам.

В СМЕРШе подозревали, что Борман настолько хорошо знал пути, ведущие из Берлина на юг, в горы, что мог легко найти Герду. К этому времени она уже была тяжело больна и через несколько месяцев умерла. Борманы знали, что «фрау Бергман» и «детский сад», который она создала, попали под наблюдение. Это произошло на самом деле, и с конца мая 1945 года до самой смерти Герды в марте 1946 года за ней постоянно наблюдали британские агенты, надеясь на возвращение Бормана.

Она рассказала одному из допрашивавших ее американцев о том, что Мартин послал телеграмму, в которой сообщал, что все кончено. Но поскольку было хорошо известно о ее невероятной преданности национал-социализму, отраженной в ее предсмертных письмах, можно согласиться с версией русских, считавших, что Герда пыталась сбить с толку преследователей Бормана. Обращение Герды в католичество после ее резких выступлений против христианства можно объяснить многими причинами. В основном принято считать, что она сдалась на милость священникам, беспокоясь за детей и зная о своей близкой смерти.

Борман, по слухам, мог посетить свою жену незамеченным и затем отправился дальше на север к Фленсбургу. Там он должен был встретиться со своим старым другом Эрихом Кохом.

Кох был схвачен британцами, передан полякам и содержался в советской тюрьме в течение восьми лет после того, как его приговорили к повешению. Подобно Монке и прочим прихвостням Бормана, информацию из него буквально выдавливали. Очевидно, его все же не повесили, но скорее всего выжали всю возможную информацию. Эта ситуация похожа на положение бывших соратников Коха, сидевших на Западе, которым языки развязывал голод.

Кох всегда был фанатичным гауляйтером, одним из «баронов» Бормана, и сделался абсолютным властителем Восточной Пруссии. Он с нескрываемым презрением относился даже к самым малым ограничениям военной и полицейской системы. Ему льстило, что его тактика запугивания отлично сработала в случае с украинцами, с которыми он обращался просто чудовищно.

Когда войска генерала Черняховского сжали кольцо вокруг Кёнигсберга, Кох поднялся на борт ледокола «Восточная Пруссия» и приказал экипажу остальных беглецов не пускать. Будучи гауляйтером, он запретил какую-либо эвакуацию и открыто радовался, узнав, что корабль с беженцами — «Вильгельм Густлов» — затонул на Балтике от взрыва советской торпеды. В

этой катастрофе погибло более восьми тысяч пассажиров. Кох считал, что только нацисты достойны спасения, поскольку в этот «эволюционный период» должны выжить лишь самые сильные.

…Кох должен был связаться с другими беглецами на территории военно-морских баз у Фленсбурга и Гамбурга. Считалось, что подводные лодки запасались там провизией для долгого пути в Южную Америку. Но что-то сорвалось, и в итоге Кох очутился в лагере для беженцев в провинции Шлезвиг-Гольштейн. Он оставался там необнаруженным до мая 1946 года, а потом заделался поденным рабочим в деревне, которая находилась на британской территории. Там его опознали и вернули в Польшу в начале 1950 года.

Советские власти, добавив Коха в список ценных пленных, на все вопросы о нем отвечали крайне уклончиво.

Первое упоминание о начале расследования по делу пропавшего Бормана поступило с советской стороны 9 июня 1945 года, более чем пять недель после того, как победители обнаружили обгоревшие трупы Гитлера и Геббельса. Георгий Жуков, выступая в Берлине от лица Советского военного командования, заявил: «Мы не опознали тело Гитлера. Он мог бежать из Берлина в самую последнюю минуту…»

Даже тогда, когда расследование закончилось и когда можно было выдвинуть обоснованную версию событий, это сделали необычным образом — в форме книги, выпущенной в Москве, а затем и в Восточном Берлине в 1965 году. Ее написал Лев Безыменский. На немецком книга называлась «Auf den Spuren von Martin Bormann». Так как в Советском государстве ничего не могло издаваться без официального одобрения и поскольку тема книги относилась к вопросам повышенной секретности и имела довольно щекотливый характер, ее публикация была явно хорошо просчитана.

В книге сообщалось, что Борман, получив определенную сумму от своего финансового советника Гельмута фон Гуммеля, скрылся. Полагали, что он пересек границу с Данией вблизи Фленсбурга в марте 1946 года. Эта дата совпадала с той, которую назвал Рональд Грей, утверждавший, что он помог Борману проникнуть на территорию Дании. В Дании Бормана поддерживала ODESSA, и он оставался там до завершения Нюрнбергского процесса. Затем он вернулся в долину Инн, где проходила граница, а далее мог бежать в Швейцарию, Австрию или Италию.

Борман решил просить защиты в францисканском монастыре в Генуе. Он начал зондировать почву через Камераденверк (еще одно название Братства) и вскоре, в конце 1947 года, встретился с

епископом Алоисом Гудалом. Епископ посоветовал ему два возможных пути. Борман мог бежать в Испанию, где вместе с другими членами Братства скрывался Отто Скорцени, или же вслед за Эйхманом отправиться в Аргентину. Второй путь казался особенно привлекательным, так как в Южной Америке деньги национал-социалистической партии уже находились в обороте в различных деловых предприятиях, принадлежащих группировкам Братства.

Таковы были выводы советской стороны. Отчет Безыменского, сделанный по-русски, содержит перечень источников, которыми автор пользовался в течение семи лет исследований. Он писал с юмором и несколько самокритично, не желая изображать из себя «знаменитого детектива Шерлока Холмса». Но он признавал авторитет великого Холмса, который находил улики, а затем и весомые доказательства, позволявшие пересмотреть весь процесс. Что касается Безыменского, то он не пошел дальше утверждения, будто после Италии Борман отправился в том же направлении, что и Эйхман.

…Оберштурмбаннфюрер СС Адольф Эйхман служил в свое время в Австрии в пятой колонне вместе с Отто Скорцени. В 1937 году он отправился в Палестину посетить еврейские поселения. Тогда тесть Скорцени, доктор Шахт, взимал с каждого еврейского мигранта деньги за выезд. Шахт отзывался о еврейских общинах в тех расистских выражениях, которые в 1942 году зазвучали и в декрете Бормана о «еврейском вопросе».

Когда Гитлер умер, Эйхман находился в Праге и его имя еще не значилось в списках разыскиваемых. Он использовал американские лагеря, наиболее лояльные к «бывшим», в качестве своих постоялых дворов, упрямо перемещаясь на северо-запад до тех пор, пока не достиг границы с Данией. Там он связался с Рудольфом Хессом, который имел контакты с Борманом. Вскоре после этого Хесс предстал перед судом в Варшаве.

Борман, поданным советской разведки, побывал в своем старом доме в Гальберштадте, находившемся теперь на территории ГДР, в двух часах езды от Гамбурга. Влияние Бормана основывалось на страхе — прежде всего не перед самим Борманом, а перед тем, что он мог сделать, выдав своих людей или перекрыв потоки финансирования. Братство вообще зиждилось на взаимной помощи и взаимном страхе. Поэтому Эйхману посоветовали использовать ресурсы этой сети, а для этого ему предстояло посетить юго-восточную часть Альпийской крепости и забрать оттуда некоторые важные документы и ценности.

Перемещения Эйхмана там, где они пересекались с дорогой

Бормана и освенцимской банды, были реконструированы в 1970 году одним черногорцем, членом кабинета министров Тито. Он ворвался в отель «Метрополь» в Белграде однажды вечером, чтобы поговорить со Стивенсоном о тех событиях, которые русские не зафиксировали, а Тито оказался лично и напрямую задействован в истории с нацистскими военными преступниками. Причин было несколько. Во-первых, Тито видел, как против его народа совершались подлинные зверства и как позднее пронацистски настроенные элементы бежали из Югославии, чтобы организовать военные лагеря за границей. На Тито повлияло и то, что в то время, когда он сидел в тюрьме, как молодой коммунист, его другом оказался еврейский политический писатель и философ Моше Пияде.

Тито считал, что то, что произошло с евреями в результате политики нацистской Германии, до конца еще не оценено. Он переживал еще и потому, что Югославия пострадала от нацистских злодеяний больше, чем любая другая страна, но с Тито обращались после войны как с посторонним, а представителю страны не дали выступить на Нюрнбергском процессе. Югославия, попавшая в западню «холодной войны», считалась придатком Советского Союза, но в первые четыре послевоенные года это не соответствовало действительности. Между Тито и Сталиным шла тайная война. Поэтому югославы и не делились имевшимися у них документами.

В октябре 1942 года югославская коммунистическая партия захватила копии декрета Бормана «Подготовительные меры к решению еврейского вопроса… Слухи о положении евреев на востоке». Моше Пияде, упрямый жизнерадостный интеллектуал, был потрясен тем, что прочел. Согласно его собственным гордым заявлениям, он являлся теоретиком коммунизма, но в тот момент он не мог не чувствовать себя евреем. Перехваченный документ гласил: «В последнее время в ходе работы над окончательным решением еврейского вопроса велись разговоры о принятии «крайне жестоких мер, особенно против евреев, проживающих на восточных территориях»». Подобный стиль был очень характерен для Бормана. Фразы звучали невнятно? «Вероятно, не все лица германского происхождения способны продемонстрировать достаточное понимание необходимости подобных мер, *особенно те, которые не могут представить себе зверства большевиков».* (Курсивом эти слова выделил еврейский товарищ Тито по коммунистической партии.)

Борман развивал тему, заявляя непроницаемым двусмысленным языком гениального чиновника, что недавно депортированные евреи подлежат «транспортировке дальше на

восток». В России для евреев были уготованы газенвагены — грузовики с газовыми камерами или выхлопными трубами, выведенными внутрь машины. Согнанных туда людей убивали отравляющим газом, покуда грузовики мчались к заранее вырытым ямам. Лагеря смерти работали исправно, и для транспортировки заключенных к местам уничтожения организовали развитую систему железных дорог. Наиболее эффективным средством ликвидации была признана синильная кислота. Борман заявлял: «Само собой разумеется, эти проблемы могут быть решены только с исключительной жесткостью — все это делается в интересах безопасности людей». В таких изящных фразах крылась ужасающая правда.

…Партизаны Тито, сформировав собственное правительство, столкнулись с новыми проблемами: в стране имелись группы, которые сотрудничали с нацистами, пустившимися в антибольшевистский крестовый поход. Многочисленные свидетельства как в немецкой военной кинохронике, так и в югославских правительственных документах говорят о том, что многие из таких новобранцев были католиками, а их оружие и военная нацистская форма освящались местными священниками. Некоторые из коллаборационистов бежали в Италию, и югославы составили свои списки разыскивавшихся военных преступников.

Среди югославских документов оказались и письма Эйхмана, большинство из которых были написаны в его управлении в Вене, размещенном в бывшем дворце Ротшильда. Там Эйхман отдавал приказы о массовых убийствах и оттуда писал немецкому дипломату в Хорватии (которую Германия считала отдельным государством, хотя она входила в состав Югославии), что немецкие власти заплатят по тридцать марок за каждого еврея, доставленного на вокзал в Загребе. Эйхман располагал неплохим бюджетом, чтобы наладить процесс истребления, начиная с поимки людей и заканчивая уничтожением трупов.

Тито обладал большим числом контактов среди коммунистов, из которых не все были преданы Сталину, и, видимо, через них узнал, что, следуя инструкциям Бормана, Эйхман вернулся в восточную часть Альпийской крепости. Направляемая им колонна грузовиков двигалась вверх, в горную территорию Бла-Альм. Это место было хорошо известно Тито, который еще молодым коммунистом укрывался в Австрийских Альпах. Теперь его агенты докладывали, как развиваются события. Видели, что на ящиках, находившихся в грузовиках, нарисован номер немецкой военной части, дислоцированной в Праге. Предполагали, что в ящики упаковано переплавленное золото, изъятое у жертв лагерей смерти в Чехословакии. Позднее

все эти ящики увезли в неизвестном направлении.

Для правительства Тито самым важным результатом этих расследований стало определение лидеров организации, занимавшейся побегами во время правления Анте Павелича, который в 1941 году под покровительством фашистов основал хорватское марионеточное государство. Проповедь епископа Гудала о воинственном католичестве и идея расовой чистоты соединились тогда под знаменем борьбы с большевизмом. Последователи нацистов обменивались друг с другом приветствием из трех сложенных пальцев, символизировавших ружье, нож и крест. Группа Павелича тесно сотрудничала с «Ди Шпинне» («Пауком») — «туристским агентством», организованным Братством. Это агентство помогло Эйхману в Риме, снабдив его ватиканским паспортом беженца на имя Рикардо Клемента и отправив в Буэнос-Айрес. Югославский министр внутренних дел придерживается мнения, что Гудал заботился о Бормане в Риме до тех пор, пока того не отправили на корабле в Аргентину.

Как известно, в 1960 году Эйхман был схвачен израильскими агентами и доставлен в Израиль на суд. Там он заявил следователям, что Мартин Борман жив. Израильский прокурор Гидеон Гауснер докладывал, что Эйхман получил записку, в которой имелось всего два слова: «Мужество! Мужество!» Как сообщил прокурор, эксперты по почерку установили, что написана она именно Борманом.

В Белграде еще в 1972 году придерживались мнения, что цепь монастырей, находившихся под покровительством Гудала, была в полном распоряжении Бормана и использовалась беглыми хорватскими нацистами. Югославия после войны не принадлежала ни к советскому, ни к западному блокам и поэтому официально не участвовала в некоторых формах международного полицейского сотрудничества, хотя многое в этом направлении делалось неофициально. Югославы создали собственную международную организацию. Они были особенно хорошо осведомлены об использовании поддельных паспортов. Сам Тито перед фашистской оккупацией ездил по фальшивому канадскому паспорту.

Проблему разрыва отношений Югославии с Москвой в 1948 году Стивенсон обсуждал с членом кабинета министров Тито в ночном клубе в Белграде. «Это облегчило жизнь военным преступникам, — говорил его собеседник. — Союзники в войне против нацистской Германии внезапно превратились во врагов. Россия стремилась укрепить свою власть в Восточной Германии и Югославии, а американцы и британцы в зонах своего влияния

хотели создать политические общества на свой манер. Охота на людей выглядела уже смехотворной на фоне создававшегося в Европе атомного оружия».

Мнение этого высокопоставленного югослава перекликалось с наблюдением, сделанным одним из ответственных сотрудников ЦРУ, обладавшим трезвым взглядом и огромным опытом. На международном военном трибунале Бормана судили заочно и признали виновным, и это решение не было отменено. Ответственность за поимку Бормана лежала на странах, подписавшихся под приговором. Однако к 1950 году они были близки к тому, чтобы начать войну между собой, и Борман потерял для них всякое значение. Он потерял свое значение для всех, за исключением людей, имевших с ним общее прошлое. Процитируем бывшего британского шефа отдела антинацистской пропаганды «черного радио» Сефтона Делмера: «Это были так называемые реформированные нацисты, те мальчишки, которые стали нашими союзниками в борьбе против коммунизма, как только закончилась война. Те, кто зажег пламя холодной войны. Для них это было путем к спасению».

До сих пор ведутся разговоры о сокровищах озера Топлиц, но теперь уже чаще с иронией, как о погоне за призраками. О поисках нацистского награбленного добра написаны многие тома.

Сокровища действительно были ворованными. Европа лишилась почти всего ценного, что имела. Когда технические детали уйдут в прошлое и нацистский период предстанет чем-то иным, чем пулеметы, танки и самолеты, мы увидим горстку людишек, одержимых своей жадностью. Их валютой служили художественные шедевры, золото и компрометирующие документы, а оружием — террор. Вместо гуманизма они опирались в политике на примитивную философию. Когда настал их конец, все они вели себя крайне трусливо и уползли в свои норы, скрыв свои состояния, и стали надеяться на лучшее.

Югославские партизаны бросили Гитлеру прямой вызов, и их преследовали, как никого другого. Когда союзники проявили интерес к движению Сопротивления в Европе, рядом с Тито находился уже немолодой фермер из Велланда (Онтарио), ветеран Первой мировой войны майор Билли Джоунс, необычный солдат, презиравший напыщенных дураков.

О приключениях Джоунса никогда не писали, но сам он вел дневник. Так поступали и его товарищи, включая Тито. Они все чувствовали необходимость сохранить подробное описание нелегких испытаний, выпавших на их долю во время войны, в которой был убит каждый девятый житель Югославии. Югославы

накопили много опыта в сокрытии документов тогда, когда для этого требовалась большая смелость… Джоунс с парашютом приземлился в горах; его ранили в голову, но он выжил и с тех пор носил пулю в мозгу. У него хорошо выходило упаковывать документы в водонепроницаемые материалы и прятать их — обычно в озерах, под скалистыми выступами ниже уровня воды. Поэтому он не фыркал при упоминании озера Топлиц, как не смеялся при этом и Тито.

После войны Джоунс вернулся в горы, через которые когда-то прошел вместе с Тито. В группе югославских чиновников он совершил несколько разведывательных поездок по местам партизанских сражений. При помощи карт Джонс искал те места, где в свое время был вынужден спрятать важные документы. Среди них находились списки имен, которые, попади они в руки нацистов, принесли бы горе не в одну семью. Там же имелись копии его сообщений, телеграфированных в Лондон, а также инструкции Тито. Джоунс вел закодированные записи о том, что и где он прятал. И все же ему так и не удалось найти те документы, спрятанные под водой и в пещерах.

Тито наградил Джоунса высочайшей югославской военной наградой, а затем направил в госпиталь для извлечения пули. Но Джоунс ответил, что ему еще нужно собрать урожай на своей ферме в Онтарио. Как и предсказывал Тито, он умер оттого, что пуля дошла до определенного участка коры головного мозга.

Вскоре после этого, в 1971 году, Тито поехал в Канаду и там встретился с вдовой Джоунса. Утешая ее, он заметил, что люди всегда стремятся оставить записи о своей жизни. А для злоумышленников, чем хуже их поступки, тем важнее заменить правдивые документы поддельными свидетельствами. Правдивые описания событий пропали, тогда как бумаги Гитлера сохранились. Затем Тито быстро добавил: «Но мы еще не знаем о последних из них».

Поиск дневников военных лет затруднялся тем, что нет ничего сложнее, чем спустя годы пытаться обнаружить место под водой только при помощи закодированных записей. Джоунс указывал Стивенсону на эти проблемы и был уверен, что в горах Альпийской крепости до сих пор лежит большое количество материалов. Помощник Джоуна — партизан, который занимал высокий пост в правительстве Тито, — докладывал о том, что 2 мая 1945 года вооруженный немецкий отряд прибыл в соляную шахту вблизи крепости в Берхтесгадене. Там глубоко под землей в одной из галерей были спрятаны предметы искусства из Венского музея истории искусств и Австрийской галереи, включая более 180 картин. Стоимость многих из них просто не поддается

оценке. Там же имелось несколько ящиков со скульптурами и пятьдесят больших контейнеров с гобеленами. Немцы увезли трофеи в грузовиках по направлению к Швейцарии.

Многие из этих трофеев удалось обнаружить американским отрядам поиска памятников, предметов искусства и архивных записей. Но человек из команды Тито как-то в разговоре заметил, что гораздо большее число вещей так и не обнаружили. Бесценным сокровищем, по его словам, оказался длинный список людей, связанных с Братством, ODESSA и другими организациями, эффективность работы которых зависела, в частности, и от соблюдения тайны членства.

Имелись ли такие списки в Белграде? Да. Главой одной из самых больших неонацистских колоний в Югославии все еще являлся Анте Павелич, вынужденный бежать в конце войны. Его следы привели Тито в тирольский городок, где незадолго до своей смерти была обращена в католическую веру Герда Борман и где бывшие нацисты строили дома, уединившись от остального мира. Люди из ODESSA отправили Павелича в Испанию, где ему выдали новое удостоверение личности и снабдили документами для жительства в Латинской Америке. Контактным лицом Павелича в Братстве стал полковник СС Вальтер Рауфф, спроектировавший и построивший газовые камеры для массовых убийств в Освенциме. Все было устроено «Аранхой» (испанский эквивалент «Ди Шпинне»), Павелич поселился вместе с немцами в охраняемом военном лагере в Парагвае, к северо-востоку от Асунсьона. Там он работал с доктором Йозефом Менгеле, известным своими экспериментами в концентрационных лагерях, и Рауффом, создавшим свое собственное общественно-политическое детище — «Рейх».

Насколько эффективной оказалась деятельность «Рейха»? Складывалось впечатление, что подобные тайные организации занимались теперь исключительно устройством побегов и отказались от идеологических претензий. Однако человек Тито пожимал плечами: «Мы знаем, что «Рейх» работает на хорватских террористов. Они убивали наших людей, включая одного из послов в 1972 году. У них есть военные учебные лагеря в Латинской Америке, а теперь еще и в Австралии. Но чтобы беспрепятственно совершать поездки за границу, им нужно было легализовать свою деятельность и получить общественную поддержку. Увидите, Менгеле попытается оправдать свою работу в лагерях смерти. Альтман-Барбье, этот французский гестаповец, проверяет обстановку, выпуская свои мемуары. Если бы они могли легализироваться, «Рейх» перестал бы быть лишь подпольной организацией». Он замолк на некоторое время и

продолжал: «Думаю, что за Францем Штанглом так пристально наблюдают именно по этой причине».

Франц Штангл известен как один из эсэсовских убийц, боровшихся с югославскими партизанами. После того как его схватили, он был помещен в американский лагерь под Зальцбургом — Кэмп-Маркус В. Орр, откуда совершалось так много побегов. Подобно Отто Скорцени, в один прекрасный день Штангл тоже ушел оттуда в полной уверенности, что ODESSA позаботится о нем. Его путь пролегал по территории бывшей немецкой разведывательной сети на Ближнем Востоке. Он жил в Сирии, пока страх наказания не заставил его бежать и оттуда. В Дамаске Штангл управлял агентством по экспорту-импорту, что было явным признаком сокрытия шпионской деятельности.

Его переместили в Бразилию, где он работал на заводе «Фольксваген» в Сан-Паолу. Затем в середине лета 1967 года «взорвалась бомба» — правительства Израиля и Голландии потребовали его экстрадиции в соответствии с международной конвенцией против геноцида, которую Бразилия в отличие от некоторых латиноамериканских стран все-таки подписала. Перед тем, как Штангл предстал перед судом, прошло еще три года.

Во время войны Штангл распоряжался делами в Треблинке, близ Варшавы, куда были отправлены семьсот тысяч заключенных, из которых осталось в живых менее сотни. Когда Штангла назначили на должность в Югославии, партизаны раздобыли копии его личного дела в СС. Стало известно, что он получил Железный крест «за секретную деятельность на благо рейха». За срок менее одного года он доставил в Берлин 2 800 000 долларов США, 400 000 фунтов стерлингов, 12 миллионов советских рублей, 145 000 килограммов золотых обручальных колец, 4000 каратов бриллиантов по 2 и более каратов каждый, 25 грузовых вагонов женских волос для нужд индустрии, около 1000 вагонов поношенной одежды и так далее. В результате, когда Штангл выполнил свою «тяжелую» работу, Польша была официально объявлена территорией judenfrei, т. е. свободной от евреев.

Он предстал перед судом в Дюссельдорфе спустя 27 лет после окончания войны. На предъявленные ему обвинения Штангл ответил: «Моя совесть чиста. Я просто исполнял свой долг».

На этом процессе наблюдателем со стороны Братства являлся полковник СС Ганс-Ульрих Рудель, ставший еще одной частью головоломки.

В ГОСТЯХ У ГЕЛЕНА

Беата Кларсфельд была одной из многих, кто считал, что доклад советской разведки создан, чтобы выкурить членов Братства с территории Испании, где первый раунд борьбы коммунизма и фашизма выиграл Франко, и разоблачить их в Латинской Америке, где сражение только начиналось. Интерпол и сотрудники министерств финансов США и Великобритании прекрасно знали о скрытых запасах фальшивых купюр, инвестировавшихся в бизнес, работавший на нацистские организации. Фонды партии Бормана достигали 120 миллионов долларов США, к ним добавлялись 60 миллионов СС — все эти суммы были еще в середине сороковых переведены в твердую валюту и вложены с умом. Этот денежный поток находился под контролем Бормана.

Западногерманская секретная служба (бывшая организация Гелена) отреагировала на советский доклад о бегстве Бормана необычным образом. Генерал Гелен распространил — сперва среди своих и союзных спецслужб — информацию о том, что Борман на самом деле был советским шпионом. КГБ обвиняли в предумышленном обмане, являвшемся частью плана, направленного на то, чтобы посеять в Восточной Европе страх возвращения нацизма.

В связи с деятельностью агентства Гелена разразились два крупных скандала. Появилась информация о том, что генерал заключил союз с популярным изданием «Шпигель», и немцы, проинформированные наконец о влиянии СС и гестапо на работу спецслужбы, весьма встревожились. Процесс Гейнца Фельфе, нанятом Геленом на службу за безукоризненное прошлое, не запятнанное какими-либо связями с коммунистами, показал, что весь аппарат немецкой госбезопасности наводнен советскими агентами, которые успешно использовали в своей работе нацистские записи военного времени. Когда произошло два убийства украинских лидеров, в них сперва обвинили русских, но потом приписали вину людям Гелена.

Степень разложения империи Гелена к 1964 году обозначил канцлер Людвиг Эрхард в конце первого срока пребывания на своем посту. Он выгнал из АТТИКА спецподразделение связных, которых поместил туда Гелен. «Я отказываюсь жить под одной крышей с этими людьми», — заявил он. Ведущие издания Западной Германии писали, что при содействии Гелена многие ключевые посты заняли бывшие последователи главы ордена смерти. Газеты проинформировали, что лучшим способом найти

работу в новой федеральной спецслужбе является цитирование нацистских утверждений, будто славяне — недочеловеки, а большевизм — проклятие цивилизации.

Когда русские обнародовали описание вероятных приключений Бормана и предположения о том, что могло произойти после его побега в Южную Америку, сторонники Гелена устроили дымовую завесу из слухов, из которых следовало, что Борман — советский шпион. Скандалы, связанные с его организацией, Гелен назвал «никчемной суетой, устроенной сказочной империей масс-медиа». Он всегда работал в обстановке полной секретности, но после перевода его агентства в ведомство западногерманского правительства, стало очевидно, что жертвой этой секретности является общество. Процесс Фельфе продемонстрировал, что Гелен не смог ничего утаить от идеологических противников в Москве.

Во время войны, возглавляя разведку Восточного фронта, Гелен собирал развединформацию по Восточной Европе и России. Гальдер назначил Гелена на эту должность в апреле 1942 года. Первым, кто помог Гелену в создании этих «русских файлов», являлся генерал Франц Гальдер. Теперь он заявлял, что Борман — единственный человек, который мог быть советским шпионом, передававшим секретную информацию до самого конца войны. Военный историк доктор Вильгельм фон Шрамм рассказал, что в партийной канцелярии постоянно перехватывали сообщения, которыми обменивались Борман и Москва. На всех сообщениях стояла подпись РАКВО — акроним Parteikanzlei Bormann. Жительница Берлина госпожа Гертруда фон Геймердингер заявила, что русские держали ее в заключении во время побега Бормана. Вскоре после этого ее привезли в тюрьму Моабит, где она увидела «через дверной проем секретаря фюрера, окруженного вооруженными советскими солдатами».

С этим соглашались высокопоставленные немецкие офицеры, связанные с Геленом. Эти «свадебные генералы», отобранные по принципу впечатления, которые они производили на западных любителей военной тематики, на официальных мероприятиях твердили, что Борман предал Третий рейх. Сторонником этой кампании был генерал-лейтенант Фридрих Вильгельм фон Меллетин, в прошлом глава штаба четвертой танковой армии. Позднее он уехал в Южную Америку, где возглавил «Трек Эйруэйз», выполнявшую специальные чартерные рейсы для полиции, контролировавшей черное население. Он находился в дружеских отношениях с Отто Скорцени, советника по расовым вопросам, регулярно приезжавшим из Мадрида. Скорцени в свое время также внес свой вклад в распространение слухов о Бормане

как о советском шпионе.

У Гелена возникли проблемы с правдоподобностью того, что он описывал. Ранее он подготовил для ЦРУ отчет, в котором утверждал, что Борман убит в Берлине. Так как на этот раз он заявлял, будто Борман жив и здоров и находится в СССР, ему пришлось развенчать предыдущую версию. Так он и сделал. Генерал Гелен умел разрабатывать операции. Ночью 20 июля 1965 года парк в Западном Берлине, где якобы был захоронен Борман, перекопали и, естественно, ничего не обнаружили.

Майор Герман Баун описывал Гелена как человека, «беспощадного в своем стремлении воскресить немецкий рейх». В свое время Бауна считали лучшим экспертом по СССР в немецкой военной разведке. От него избавились, причем он умер такой страшной смертью, что Гелена осудили даже те, что разделял его националистические амбиции. Одной из причин убрать Бауна явилось то, что в 1946 году он слишком тесно сотрудничал с британскими спецслужбами и описал им планы побегов, которые строились во время войны. И в его отчете отразилась связь Гелена с такими важными фигурами, как Скорцени.

Отто Скорцени впервые появился рядом с генералом Геленом в конце 1944 года, когда его комиссовали и направили создавать группы сопротивления в советском тылу. Впоследствии они оба работали над проектом вервольфов и над легендой об Альпийской крепости Гитлера.

Уже находясь в отставке, Гелен поведал Стивенсону, что доказательств предательства Бормана нет. Зато эта версия очень подходила, чтобы объяснить унизительное поражение Германии. Тень подозрений ложилась на всякого, кто считал, что Борман бежал, как об этом докладывали русские.

— Беата Кларсфельд играет в коммунистические игры, — заявил Гелен и спросил: — Это правда, что она замужем за евреем? Без сомнения, это все объясняет! Борман был коммунистом по другим причинам. Он работал на Москву с самого начала. Он заставил Гитлера вторгнуться в ту часть Чехословакии, с которой и началась вся неразбериха. Он сделал это по приказу Сталина, понимаете? Сталин хотел, чтобы мы начали войну с Англией и Америкой. Все это подстроил Борман! Иначе мы все объединились бы против большевиков.

— Действительно ли Борман в Латинской Америке? — спросил Стивенсон.

— Живой Борман в латиноамериканских джунглях? Газетная утка! Мои люди знали бы об этом, будь это действительно так.

Генерал Гелен, имевший кличку Серый Лис, также был

прозван «шпионом века». Можно надеяться, что это была всего лишь шутка. Теперь же он тщательно рассматривал детали, связанные с Борманом.

— Мы с адмиралом Канарисом сравнивали записи и независимо друг от друга пришли к одному и тому же выводу. Но мне следует быть осторожным в своих заявлениях, ведь я больше не работаю в секретной службе, — мрачно добавил Серый Лис. — Но я все еще генерал немецкой армии, и у меня есть определенные обязанности и принципы.

Так как Канарис стал символом «порядочного» немца, Гелен постоянно цитировал свои разговоры с ним, намекая на собственные добродетели. «Холодная война» вынудила Соединенные Штаты нанять Гелена на работу. Журнал «Тайм» обозвал его «прусаком с плотно сжатыми губами, зачарованным устаревшими кодами». Другие называли его нацистом из ЦРУ, открывшим двери своей шпионской сети для безработных гестаповцев. Перед Стивенсоном предстал старик с вкрадчивыми манерами, занятый делами евангелистской церкви и сражавшийся с католиками Баварии. На железном заборе, окружавшем две виллы, которые он разделял с семейством своего сына, висела табличка со списком дневных служб в местной лютеранской церкви.

Перед встречей Серый Лис снабдил Стивенсона подробными инструкциями о том, как найти его дом на Баварском озере в Штарнберге. Всякий раз, когда Стивенсон звонил ему, инструкции повторялись. «Летите в Мюнхен. Садитесь на электричку до Штарнберга. Возьмите на вокзале такси». Он казался очень приветливым, готовым угодить, и интересовался здоровьем собеседника.

Стивенсон приземлился в Мюнхене 25 июля 1972 года и нарушил все наставления Гелена. Таксист забрал его прямо из аэропорта и отвез к югу, в область, где были очень ощутимы приметы минувшей войны, в Берг, на Вальдштрассе, 27/29. В результате Стивенсона высадили прямо у порога дома Гелена, а большой дорогой «Мерседес» отправился обратно в аэропорт. В заборе, окружавшем две виллы, расположенные на участке земли, спускавшемся к озеру, не было входа. Одна табличка предупреждала о злой собаке, вторая предлагала позвонить в один из звонков — Гелену Старшему или Гелену Младшему. Стивенсон позвонил в оба. Результата не последовало. Он начал ходить туда-сюда по дороге вдоль больших вилл, высоких деревьев. Вокруг все было чисто выметено. Должно быть, он оказался в том месте, о котором когда-то говорил Вальтер Шелленберг. По делам иностранной разведки Шелленберга

привезли туда лет тридцать назад на встречу с Вильгельмом Фриком, тем самым, который поставил евреев вне закона и таким образом отдал их на откуп гестапо.

Именно там жил Фрик, составляя списки, указания, указы и законы так, что все лазейки оказывались плотно закрытыми. Он создал проекты законов, придавших юридический лоск «окончательному решению» и позволивших Германии «очиститься от расовых загрязнений». Он не нарушал закон, заявил он перед повешением. Его совесть чиста… «Закон есть закон».

Стивенсон помнил подробный отчет Шелленберга о той поездке в это зеленое баварское поместье. В горах находился гитлеровский Берхтесгаден. Весь регион был частью Альпийской крепости — прикрытия бежавших друзей Бормана.

…Пара вертолетов бундесвера вылетела из-за деревьев и направилась к озеру. Человек в белой льняной куртке и широкополой соломенной шляпе повозился с замком на двойных воротах и вежливо отступил. Его лицо показалось Стивенсону знакомым. Впоследствии он понял, что оно удивительно напоминало лицо Гитлера, причем это чувство увеличивалось по мере разговора. Невысокий человек с заостренными ушами, какими-то застывшими голубыми глазами, с аккуратной бородкой. Он пожал ему руку и проводил мимо большой виллы в свое скромное жилище. Не будет ли его гость так любезен, чтобы оставить чемоданы в этом коридоре?

— Прошу прошения за темноту в этой комнате — ставни защищают от солнца. — Хозяин кружил по комнате, медленно открывая металлические ставни. Скромное жилище с кухней в одной части, небольшим внутренним двориком и коридором, ведущим в спальню. Вставленная в рамку гравюра изображала лондонский клуб на Пэлл-Мэлл. Большое вышитое панно из Китая. Красивый меч от арабского шейха и… обшарпанный письменный стол. Казалось, что это «бунгало» соорудили из досок и штукатурки. Явно не дворец, который должно было бы возвести для него ЦРУ.

— Все это россказни про деньги! — Серый Лис поймал взгляд Стивенсона. — Сами посмотрите, как скромно мы живем. В том доме разместился мой сын с семьей. Да нам больше и не надо.

Он пригласил Стивенсона сесть. В комнате был старый диван со стульями, расставленными с каждой стороны, и стол. Он показал на один из стульев и отправился дальше раздвигать ставни.

С момента нежданного прибытия Стивенсона прошел уже час. Примерно столько же, сколько у него заняла бы поездка по маршруту, описанному Геленом. Наконец передняя дверь

открылась, и в комнату вошла мисс Крюгер. Пробили старые напольные часы. Мисс Крюгер всегда отличалась пунктуальностью и аккуратностью. Она присела и достала блокнот. Она была с генералом с 1942 года и всегда защищала его.

— Борман, — начал Стивенсон. — Должно быть, Борман обладал огромной властью?

Они взглянули на него с интересом.

— Да, у него была власть, — Серый Лис повернулся к мисс Крюгер. Она поднялась и пересела на диван. Стивенсон попытался переместиться на другой стул.

— Нет, не сюда! — попросил его Серый Лис. — Вот сюда! — Он отвел его обратно в угол, где, как предположил Стивенсон, находился спрятанный микрофон.

Мисс Крюгер открыла блокнот. Генерал сел напротив Стивенсона.

— Мне не так много разрешено говорить о Бормане. Боннское правительство попросило меня подождать с этим.

— Подождать с чем?

— С продажей этой информации.

Стивенсон подумал, что ослышался.

— Такой договоренности не было и платы не предполагается», — сказал он. И в памяти у него внезапно всплыло то, как он подсунул сто долларов другому генералу, покидая тюрьму для военных преступников. В тот раз деньги помогли молодой жене и детям генерала, ютившимся в половине шахтерского дома. Гелен запросил у газет лорда Томсона четверть миллиона долларов за свои мемуары. Издатель отказался, приведя какие-то подходящие аргументы.

— Понимаете, — вещал генерал, — о Бормане известно многое. Но раньше не все можно было говорить. Один из моих людей как-то увидел в кинотеатре журнал новостей, в котором был репортаж о каких-то спортивных мероприятиях в Москве. И он узнал на экране Мартина Бормана! Мы проверили пленку, и действительно, это оказался именно он. Вот и все, что я могу сказать. В мемуарах я уделяю больше внимания борьбе с коммунизмом, но сейчас неудобно говорить о коммунистах. Мои друзья-политики считают, что лучше хранить молчание.

Было ясно, что этот старик опасен для друзей из правого крыла, пытавшихся помешать Вилли Брандту восстанавливать дружественные отношения с ГДР.

Разговор Стивенсона с Геленом проходил в преддверии предвыборной кампании канцлера, основой которой были обещания снять барьеры между Востоком и Западом. Всю

политику Брандта Гелен называл коммунистическим заговором, и если бы ему позволили распространяться об этом, он увел бы молодых избирателей в противоположном направлении, чего и боялись его более осмотрительные коллеги.

Гелен считал себя защитником традиционных немецких устоев. Он отвечал за спасение единственной сохранившейся организации нацистской Германии, будучи сначала начальником разведки Восточного фронта, а потом шефом организации, чья деятельность была направлена на СССР. Он цитировал политика полувековой давности, заметившего, что Германия и Япония — естественные союзники против любой экспансии русских, а Британская империя и Соединенные Штаты — ее самые уязвимые жертвы. Это абсолютно правильная мысль, сказал Серый Лис. Короче, если война закончилась бы иначе, имя Рейнхарда Гелена было бы увековечено в зале славы тысячелетнего рейха. Он не изменил своих взглядов и не скрывал своего раздражения британцами, которые во время войны «распространяли через Би-би-си антинемецкую пропаганду».

Мисс Крюгер записывала весь разговор и время от времени передавала Стивенсону листы бумаги с пометками для него, вроде: «Прочитайте Das Ende einer Legende — собрание доказательств того, что Отто Йон не был похищен, но бежал к русским по собственной воле — с двумя интервью с советским полковником Карповым, подтверждающим это заявление».

Вновь пробили старинные часы. Принесли чай и бисквитный торт. Серый Лис продолжал монотонно говорить.

— Восточная политика Вилли Брандта была тайно разработана на встрече в Риме между западногерманскими социалистами и итальянскими коммунистами.

Как оказалось, Гелен повторил это обвинение в своих мемуарах, не обладая никакими свидетельствами. Неудивительно, что политические сторонники самого Гелена не хотели, чтобы он распространялся об этом. Он мог, не моргнув глазом, заявить, что спецслужбы должны бороться с Вилли Брандтом, с коммунизмом и со всем, что не отвечает интересам правых. Ему никогда не приходило в голову, что своими авторитарными заявлениями он может отпугнуть новое поколение немцев.

Когда Фрик, бывший хозяин этой виллы, являлся министром внутренних дел рейха, а Серый Лис изображал борьбу с СССР, был издан следующий указ: «Война против большевиков предоставляет возможность восполнить нехватку черепов для центра изучения наследственности. Еврейско-большевистские комиссары, являющиеся воинствующим, но очень характерным

примером недочеловеков, дадут нам такую возможность… При уничтожении еврея голова не должна быть повреждена, офицер должен отделить голову от тела и отправить ее в особом растворе».

Возможно, не стоило вспоминать подобные вещи, беседуя за чашкой чая с генералом, который хвастал, что, будучи главой спецслужб, он знал практически все обо всех, а затем, без какого-либо смущения, добавлял, что его работа не была связана со зверствами нацистской службы безопасности. Но Серый Лис никогда даже не удосуживался задуматься, какое впечатление на простых людей могло оказать то, что он говорит или делает. И все же в его сознании должен был завестись червь сомнения. Тогда Гелен решил отождествить себя с борцами с нацистским режимом, хотя и сделал это типично туманным способом: «Я не принимал участия в заговоре против Гитлера, но я не могу отрицать того, что знал 6 нем». К счастью для Гелена, за три недели до конца войны Гитлер отправил его в отставку. Серый Лис извлек для себя пользу из этого обстоятельства, приписав себе некий оттенок добродетели. По словам Хью Тревора-Ропера, свои заслуги Гелен «всячески приумножал и использовал, чтобы преуспеть в последующей попытке выжить — превратился из шефа восточной разведки Гитлера и Гиммлера в европейского эксперта ЦРУ, а впоследствии в главу секретной службы Федеративной Республики Германии».

21 сентября 1971 года три немецких чиновника, отвечавшие за дело Бормана, заглянули к Серому Лису. Генерал Гелен опубликовал в немецком издании своих мемуаров заявление, что Мартин Борман шпионил на Советский Союз и передавал информацию по собственному секретному радио. Франкфуртский судья Хорст фон Глазенапп, все еще надеявшийся выследить Бормана, взял с Гелена показание под присягой, в присутствии главного прокурора Вильгельма Мецнера. В этом заявлении Серый Лис сказал тоже, что и Стивенсон, — будто Канарис пришел к тому же выводу в отношении Бормана. Канарис полагал, что Бормана завербовали в двадцатые годы, когда в поверженной Германии началось политическое разделение. «Недовольные ветераны становились или ультраправыми, или большевиками». Метод продвижения Бормана вверх в нацистской иерархии был позаимствован им у Сталина. Его верность идее была ненормальной и не имела ничего общего с любовью к Германии. Борман манипулировал Гитлером, чтобы добиться результатов, выгодных для России. Он уничтожал вокруг фюрера всех, чтобы обеспечить падение рейха.

Гелен выражался как всегда обтекаемо: «Канарис представил

свои основания для подозрений и предположений… В пятидесятые годы два надежных информатора убедительно доказывали, что Мартин Борман жив и находится в Советском Союзе… Я не могу даже под присягой указать личности упомянутых мною информаторов, так как убежден, что поступаю правильно, ставя интересы безопасности выше обязательства говорить только правду».

Не будем размышлять над тем, насколько можно доверять человеку, заявляющему, что безопасность важнее правды. Также не будем принимать во внимание утверждение лорда Бивербрука в «Дейли экспресс», появившееся в 1952 году: «Гитлеровский генерал шпионит за доллары». Там же говорилось, что Гелен разжигает ненависть к Советскому Союзу. И не будем задумываться о том, что произошло бы, если бы этот человек взял в свои руки контроль за всеми антикоммунистическими и антисоветскими операциями того времени. Порадуемся, что политику союзников определяли все же мудрые люди.

Если бы Гелен, вся военная карьера которого состояла из сидения в кресле, играл в свои игры бесконтрольно, костер ненависти разгорелся бы слишком сильно. У Советского Союза оставалось шесть миллионов солдат, 50 000 танков и 20 000 самолетов в Европе. США, напротив, стали сокращать свои вооруженные силы сразу по окончании войны, так что к 1947 году там от двенадцати миллионов солдат в армии осталось полтора миллиона. Гелен осуществлял провокационные операции на коммунистической территории, манипулируя жизнями людей, не осведомленных о неадекватности Серого Лиса.

Русские работали в тылу организации Гелена. Они устраивали к Гелену людей, которых он считал надежными, — добровольных агентов с хорошим нацистским прошлым, бывших эсэсовцев, гестаповцев, нацистских разведчиков… Среди них оказался Хейнц Фельфе, ставший впоследствии близким другом Гелена и шефом контрразведки. Крах организации Гелена и превращение ее во всеобщее посмешище настали тогда, когда высокопоставленный статский советник Фельфе был признан советским шпионом наряду с другими сотрудниками этой службы.

Гелен считал одним из основных достижений своей команды предсказание в 1967 году арабско-израильской войны за несколько дней до ее начала. Но еще раньше Стивенсон (и, возможно, другие журналисты) звонил из Тель-Авива, чтобы предупредить свое начальство, и назвал день и время конфликта. В мемуарах Гелен цитирует пример за примером свои сенсационные догадки, которые на самом деле основывались на

чтении солидных газет, специализировавшихся на международных новостях.

Его намерение сделать из Бормана советского шпиона выглядело довольно странно. Он знал, что общественное мнение будет против этого. Единственным объяснением, которому, кстати, судья уделил особое внимание, было то, что Серого Лиса просто попросили это устроить и придать выдумке как можно более весомости. Это закрыло бы дело Бормана и, возможно, прекратило бы поиски бывшего секретаря фюрера в Южной Америке.

В 1953 году Британские секретные службы арестовали Вернера Наумана, госсекретаря министерства пропаганды Геббельса, обвинив его в попытке восстановить подпольные неонацистские группировки. Он сказал, что покинул бункер Гитлера вместе с Борманом, и добавил: «Бормана спасли русские. Он был советским шпионом и подготовился к встрече с ударными частями Красной армии… Сейчас Борман живет в Москве…»

Материалы процесса Наумана довольно известны. В британской разведке считали, что бывшие нацисты проводили занятия с молодежью. Имелось свидетельство очевидца о существовании нацистского молодежного лагеря. На него обратил свое внимание Ганс-Ульрих Рудель, основатель Братства (или Kameradenwerk, как оно названо в британском докладе). Однако по политическим причинам это дело замяли.

Эти политические причины были связаны с «холодной войной». Западногерманская республика обретала независимость, и канцлер Конрад Аденауэр попросил британцев позволить федеральным властям самим разобраться с тем, что британцы назвали «самой серьезной неонацистской угрозой». Затем Аденауэр по наущению Гелена оставил это дело.

Ветераны организации свидетельствовали, что Гелен, будучи американским служащим, отдал приказ о тщательном расследовании прошлого Аденауэра. Аденауэр преданно служил гитлеровской Германии. Один бывший эсэсовец, покинувший организацию, так как работа там казалось ему дублированием того, что он делал под руководством нацистов, заявил: «Жесткий антикоммунизм и вся загадочность организации Гелена привлекали политические силы, которые определяли путь развития германского государства. Аденауэр считал Гелена отличным союзником».

Если говорить коротко, Старый Лис — Аденауэр — считал Серого Лиса посредником для связи с американцами, способными через каналы разведки влиять на политику Вашингтона. Американская военная политика ставилась во главу угла, и если

дипломаты западных союзников высказывали опасения относительно неонацизма и других форм ультраправого экстремизма, это не имело значения. Таких дипломатов можно было назвать в личной беседе тайными коммунистами.

Самой важной пешкой в игре Гелена был один из его людей (собственный «Борман»), глава администрации Аденауэра — Ганс Глобке, нацистский интерпретатор антиеврейского нацистского законодательства.

Агенты Гелена ездили по стране, занимаясь отдельными личностями и сообщая в штаб сущие пустяки. Встав на сторону американцев в общем фронте борьбы с большевиками, канцлер чувствовал себя в безопасности от местных критиков. Любой противостоявший ему в этой великой идеологической схватке был коммунистом.

Доктор Отто Йон, наблюдавший, как повторяется история Гитлера и национал-социализма, считал, что Науман замешан в неонацистской деятельности. Он также чувствовал, что Серый Лис продвигает версию побега Бормана для того, чтобы отвлечь внимание от Братства.

Отто Йон — глава отдела внутренней разведки и юрист, служивший консультантом в Люфтганзе, очень многое знал о перевозках этой компанией разыскиваемых людей. Он был другом принца Луиса Фердинанда, главы дома Гогенцоллернов, который в свое время казался подходящей заменой Гитлеру. С обычной точки зрения Йон выглядел «правильным человеком на правильном месте», если бы западные союзники действительно хотели помочь в строительстве демократической Германии. В 1944 году через несколько дней после провала заговора против Гитлера он бежал в Мадрид в самолете Люфтганзы, а оттуда отбыл в Англию.

Серый Лис отличался чрезмерным усердием. Расследования деятельности частных компаний проводились с невероятной энергией, учитывалась каждая мелочь. Все это во имя святой свободы! Таким образом было получено огромное количество промышленной и экономической секретной информации. Его доклады, доступные сейчас, представляют собой шедевры из мелких деталей или обвинений, характерных для Третьего рейха.

В то же время шпионаж позволял поддерживать связи. Собственное Братство Гелена состояло из коллег-офицеров и шестнадцати родственников, занимавших высшие посты в организации. Их назначение оправдывалось тем, что близким людям можно доверять.

Везде имелись тайные общества с помпезными названиями, сокращения которых порой звучали весьма курьезно. В службе

военной разведки потешались над аббревиатурой MAD («ПСИХ»), которая заставляла американцев корчиться от смеха. Существовал и BfV, Группировка антигуманистической борьбы V, Служба предупреждений действий, наносящих вред промышленности и экономике, и огромное количество служб помощи беженцам и информирования, торговавших «информацией», и т. п. В какой-то момент в Берлине по разным оценкам насчитывалось до 47 тысяч взрослых людей, зарабатывавших себе на жизнь шпионажем. Многие из них не принадлежали ни к какой стороне, продавая информацию тем, кто готов был заплатить больше.

Создалась крайне привлекательная атмосфера для военных преступников. Недалеко от штаба Гелена — в сорока минутах езды от его виллы, в Шарнберге, находился цветущий город Гунцберг, жители которого в основном числились занятыми в семейном бизнесе доктора Йозефа Менгеле, известного в Освенциме как «Ангел Смерти».

В 1959 году он почувствовал себя в достаточной безопасности и прилетел из Аргентины (где он родился и где у его семьи был крупный бизнес), чтобы посетить семейство и присутствовать на похоронах отца. В Гунцберге доминировало семейное предприятие — «Карл Менгеле — производители и экспортеры сельскохозяйственной техники и орудий. Дочерние компании в Южной Америке, основной офис в Аргентине».

Такое шпионы не пропускают. Но генерал Гелен никогда не считал судьбу Менгеле своей заботой. Его люди не видели причин преследовать подобных персонажей, разве что под давлением из-за рубежа. Организация Гелена арестовала лионского палача Клауса Барбье, почетного командира Вилли Крихбаума и лейтенанта СС Ганса Зоммера, в прошлом возглавлявшего полевую полицию безопасности и усмирившего заговорщиков против Гитлера. В 1941 году он планировал взорвать все синагоги Парижа. Список можно продолжать. После суда над Фельфе в 1963 году пошли слухи о том, что в организации слишком охотно нанимают бывших эсэсовцев. Скандал заставил боннское правительство отправить в отставку агентов организации с «неудобными» историями.

…Однажды в лицо человека, возглавлявшего антикоммунистическую украинскую группу в Мюнхене, выстрелили из газового пистолета. Пять кубиков синильной кислоты вызвали сердечный паралич, но не оставили других следов. Стрелявший проглотил антидот, чтобы защититься от смертельного газа. Дело не получило бы огласку, если бы украинец по имени Богдан Сташинский хранил молчание. Но он

рассказал офицеру берлинской полиции, что совершил это убийство по приказу КГБ. Более того, ранее он таким же образом убил лидера другой антикоммунистической украинской группировки.

Информация о расследовании просочилась в Москву через доверенного помощника Гелена — Фельфе. Спецслужбы СССР в ответ развернули пропагандистскую кампанию. Они устроили в Восточном Берлине пресс-конференцию, пригласив западных журналистов. Там бывший служащий организации Гелена рассказал, приводя неопровержимые факты и подробности, как Гелен приказывал ему совершить одно из убийств. Убийством организация Гелена хотела помешать британской спецслужбе готовить украинцев для шпионажа в Советском Союзе.

Это публичное признание сделал Штефан Лиффольц. Он заявлял, что в бытность агентом подвергался запугиванию, но он отказался от убийства и перешел на сторону коммунистов. Сначала он отправился знакомым маршрутом — через баварские Альпы в Австрию, далее в Северную Италию, затем в Норвегию.

…Генерал Гелен имел занятную привычку — копировать чужие жесты. Если Стивенсон склонялся на одну сторону и скрещивал руки, то же самое делал Гелен. Если в разговоре Стивенсон поднимал руку, и рука Гелена поднималась в ответ. Сначала это несколько нервировало Стивенсона, а затем он расслабился.

Гелен пребывал в добром здравии и в прекрасном настроении. Он чувствовал себя спокойно в отличие от многих пожилых людей, пытающихся скрыть свое недомогание. Рука его не дрожала, когда он разливал напитки, и только по своей странной привычке он теребил мочку уха всякий раз, когда это делал Стивенсон.

Вечером после встречи с Геленом Стивенсон бродил по тускло освещенным улицам и по Зеепроменаду. Большие белые лебеди спокойно скользили по темным водам. Нити ярких огней покачивались на легком летнем ветерке над головами танцоров и ресторанных посетителей. Стивенсон пытался проанализировать собственное раздражение. Он чувствовал враждебность по отношению к немцам с тех пор, как его отец годами не объявлялся дома, пропадая в оккупированной нацистами Европе. Тогда, будучи школьником, Стивенсон оказался вместо отца во главе большой семьи. Он чувствовал ненависть, глядя в окно на другую сторону маленькой улочки, разрушенную немецкими бомбами. Но когда настала его очередь сражаться, он отказался стать летчиком бомбардировочной авиации, так как не хотел

бомбить мирных немецких жителей.

Стивенсон думал о том, насколько легче и спокойнее для его души было бы поверить в то, что эта нация все же изменилась. Стивенсон вырос с убеждением, что лучший способ вылечиться и вылечить — это забыть. Но как забыть зло, сотворенное нацией, которая и теперь решительно не хотела задуматься о своей совести и никогда не признавала собственных ошибок? Германия слишком легко расплатилась за все преступления повешенными в Нюрнберге. Теперь же немцы стали хвастаться достижениями, которые приписывали нацистскому прошлому, — дисциплиной, промышленным прогрессом, великими военными победами. Стивенсон часто слышал, как образованные немцы, интеллектуалы, повторяли одни и те же слова: «Если бы мы победили в этой войне, нас бы считали великой нацией. То, что на нас повесили ярлык негодяев, — всего лишь следствие нашего поражения».

Стивенсон как-то встретился со своим мюнхенским другом, профессором, чьим хобби являлась журналистика. Это был уже немолодой человек, прекрасно разбиравшийся во всех тенденциях современной Европы. (Не станем упоминать его имя или намекать, кто это такой.) Он был солдатом, участвуя в Сталинградской битве, хорошим солдатом. В Германии в это время насчитывалось 3000 генералов и 320 000 офицеров. Он оказался одним из тех тысяч, переживших советский плен.

— Ты выглядишь расстроенным, — сказал он.

Стивенсон согласился. Тогда он предложил:

— Тебе трудно поверить, что времена не изменились. Ты достаточно умен, чтобы понять: США не располагали информацией о России, когда появился Гелен с тоннами своих материалов. Только у него имелись полномочия допрашивать заключенных, вернувшихся из плена. Ты знаешь, он верно определил задачи, вставшие перед армией ГДР. Он докладывал, что там создадут двадцать четыре пехотных полка, семь артиллерийских, три танковых и так далее — всего около 48 750 военных соединений. Он промахнулся немного, но подобная неточность стоила западным союзникам очень дорого и привела впоследствии к другим ошибкам. Организация Гелена совершала ужасные ошибки, так как секретность мешает людям, подобным Гелену, и приводит их к утрате чувства реальности. Реальность — это не детали в документах и докладах, это то, что люди говорят за кружкой пива на улице. «Реальностью» Гелена оказалось возвращение к своим навязчивым идеям, в то время как новое немецкое поколение, оглядываясь на *его* поколение, отвергало нацизм. Однако они не отвергали то, что к нему привело.

Стивенсон угрюмо уставился в свою кружку пива.

— Когда я служил солдатом, — продолжал профессор, — они узнали, что я был еще и ученым, и заставили меня считать трупы. Это они называли разведкой. Таким образом, я стал членом ассоциации военных разведчиков…

Он рассказал Стивенсону о Герольштрассе, 39 в Мюнхене. По этому адресу располагался офис рабочей группы бывших членов контрразведки. На двери кабинета директора висела табличка с именем Франц Зойберт, в прошлом полковника гитлеровской военной разведки. Затем он работал на организацию Гелена. Группа издавала журнал «Арьергард», который распространялся исключительно среди ее членов. Воссоединение группы произошло в резиденции епископа Вюрцбурга. На собрание приехали бывшие агенты из таких далеких мест, как Тироль и Италия. Это походило на конспиративную встречу ордена Туле под руководством Гиммлера. Друг Стивенсона рассказал, что перед собравшимися выступил бывший генерал, который отвечал за нацистскую разведывательную группировку, — Герхард Хенке, ныне председатель группы… (Была сделана и распространена запись его речи.) Он заявил, что генерал Гелен, конечно же, не мог допустить официальных связей с группой. Но Герхард Бессель, преемник Гелена, принимал у себя членов исполнительного комитета группы для тайных переговоров. Вессель служил в разведслужбе при Гитлере и после войны выполнял такую же работу для американцев и Бонна. Прежде, чем сесть на место Гелена, он успел поработать в Вашингтоне постоянным представителем Западной Германии в НАТО.

— Генерал Вессель слушал заявления членов группы, — сказал друг Стивенсона. — Но человек, наследовавший пост Гелена, крепче стоял на ногах. Когда Вилли Брандт был берлинским бургомистром, о каждой выпитой им стопке виски докладывали BND — организации, пришедшей на смену организации Гелена. Но когда Брандт стал канцлером, он сам преисполнился решимости получать точную информацию, а не ту, что ему преподносили «завсегдатаи пивных», агенты его тайной службы.

Недовольные ветераны и стареющие офицеры свободно распространялись о служебных секретах, возможно, надеясь таким образом изменить ситуацию. Их откровения подтверждали слухи о том, что Гелен все-таки нанимал на службу нацистов, и что его первые предприятия создавали за границей — в Южной Америке, где можно было найти наиболее информированных людей. «Он жил за счет холодной войны, — писал Тревор-Ропер, — и на благо тех американских и немецких правительств,

которые верили в примат холодной войны».

Сущность критики Гитлера со стороны Гелена сводилась к тому, что Гитлер проиграл войну из-за недостатка профессиональных советов. Гелен являлся нацистом, хотя, как все офицеры армии, не вступил в национал-социалистическую партию. Русские завладели информацией о нацистском прошлом его сотрудников, используя данные западных моралистов, которые говорили об опасности возврата к немецкому авторитаризму и тем самым способствовали коммунистической пропаганде.

Это произошло и с Отто Йоном. Гелен беспощадно уничтожил его, сказав о прошлом Йона: «Он бежал из Германии, когда заговор со взрывчаткой провалился, и сработал на благо наших противников. Он распространял контрпропаганду в наших войсках. Он носил немецкую униформу и допрашивал многих видных немецких офицеров, включая тех, которые впоследствии служили у меня в организации».

…Если Гелен мог так избавляться от противников, почему же он в разгар смертельной схватки Германии с Советским Союзом терпел присутствие Мартина Бормана, советского шпиона?

Гелен ответил на этот вопрос тем спокойным и непонимающим тоном, которого Стивенсон теперь опасался. Этот тон раздражал его. Гелен никогда не стрелял на поле битвы, но его комната была увешана фотографиями, изображавшими его на линии огня, с пистолетом в руке — типичной позе нацистов, одетым в черное кожаное пальто ниже колен и в черную заостренную шапочку.

Беседуя со Стивенсоном, Гелен восседал рядом с напольными часами. Его золотые запонки поблескивали: каждую из них украшали крошечные короны в знак его аристократического происхождения. На фотографии, висевшей над ним, он был изображен проводящим смотр солдат из РОА — русской освободительной армии.

— Я понимал, что выступить против Бормана было бы самоубийством, — признался Гелен.

Итак, обезвредить человека, который, по заявлению самого Гелена, ежедневно связывался с Кремлем, докладывая о самых главных секретах немецкого верховного командования, было слишком опасно для самого Гелена. Разница между выдачей Бормана и выдачей доктора Йона заключалась в том, что первый мог его уничтожить, в то время как второй оказался беспомощным…

РАССЛЕДОВАНИЯ ДОКТОРА ЙОНА

Доктор Йон был женат на еврейке. При всех основаниях для вражды между двумя шефами западногерманской разведки не стоит забывать об этом обстоятельстве. После заговора против Гитлера Отто Йон отправился в Лондон, где познакомился с еврейской певицей Люси Манен. Когда она стала его женой, это оказалось слишком для немецких генералов. Разговаривая с генералом Геленом и доктором Йоном, Стивенсон узнал о многом, что оставалось недосказанным. Но это оказался как раз один из тех случаев, когда автор обязан заявить, что он не доверяет одному из собеседников: Йон пребывал в состоянии духовной агонии. Он проводил многие часы с католическими интеллектуалами, пытаясь понять, что произошло с его собственным народом. Гелен, казалось, никогда не ставил под сомнение ценности своего общества.

Конечно, существовали и другие причины для зависти. Когда Йон возглавил службу внутренней разведки Западной Германии, он был намерен выдернуть с корнем каждый нацистский сорняк. Он знал, что организация Гелена покрывает нацистов, и несколько раз пытался выманить военных преступников из их убежища. Говорили, что он пошел крестовым походом, чтобы отомстить от имени всех евреев. Стивенсону он казался обезоруживающе честным человеком, которому слишком тяжело мириться с реалиями жизни. Организация Гелена, несмотря на всю свою шумиху о советском шпионе Бормане, долгое время была уверена, что Йон и его британские друзья знают, куда на самом деле скрылся Борман, и посылали по следам Йона своих агентов.

Люди Гелена докладывали, что Борман находился под наблюдением с тех пор, как он пересек границу во Фленсбурге. Так это описывал Рональд Грей. Рассказ о теле, сброшенном во фьорд, предназначался для того, чтобы предотвратить новые расследования.

Отчеты Гелена составлялись исключительно для внутреннего использования. Они циркулировали в тесном круге его подчиненных, за антикоммунистической бравадой которых скрывалось лишь желание выжить. В свое время эти отчеты неминуемо попадали в руки к людям, которые либо были настроены против нацистского мышления, сохранившегося в организации Гелена, либо просто были предателями. Подопечные Гелена сочинили версию, будто именно доктор Йон намекнул британской спецслужбе, что стоило позволить Борману бежать.

Эта версия поддерживалась странными обстоятельствами побега старого товарища Бормана — Эриха Коха. Когда ему не удалось встретиться с Борманом в Фленсбурге, он стал скрываться под видом беженца, назвавшись майором Бергером. Знали ли об этом начальники британского лагеря, откуда он исчез? Его лицо было хорошо известно, так как повсеместно объявили охоту на ненавистного гауляйтера Восточной Пруссии.

Когда его опознал немецкий офицер и увели британцы, было ли это спланировано заранее? Вполне закономерные вопросы. Коха передали правительству Польши по условиям соглашения между четырьмя державами, но он не предстал перед судом еще восемь лет. Его приговорили к смерти, но не существует свидетельств того, что приговор привели в исполнение. Советские власти также не предпринимали против него никаких действий, хотя имели все основания желать его казни за преступления, совершенные на Украине.

Естественно, Йон отрицал, что Коху даровали определенный промежуток свободы, пока он и Борман находились под наблюдением, а также что позднее бывший гауляйтер стал заключенным-советником коммунистов по делам нацистов и по раскрытию планов Бормана. Известно, что в лагере для беженцев, подконтрольном британцам, Кох распространял слухи, будто «Эрих Кох утонул в Балтийском море».

В период между разоблачением бывшего гауляйтера Коха и его выдачей Польше обстановка в Европе кардинально изменилась. Советский Союз усиливал свои позиции в Восточном секторе, Запад сосредоточился на обороне. Уже к зиме 1948 года в организацию Гелена рекой потекли подробные отчеты о том, что русские проводят тайное перевооружение восточногерманской армии, безо всяких колебаний приглашая на службу бывших профессиональных офицеров германской армии. Так называемая «народная полиция» советской оккупационной зоны стала частью отлаженной армейской машины. «Экстраполяция» проводилась в лучших традициях немецкого генерального штаба — области, в которой генерал Гелен особенно отличался. К концу 1949 года вооруженные силы коммунистической части Германии все заметнее приобретали характер, предсказанный организацией Гелена. На фоне осуществления этих целей поиски нацистских беженцев казались просто увлекательным времяпрепровождением. Подобная атмосфера заставила пересмотреть все тайные сделки с Советами. Наступил период такого напряжения и кризиса, что в Северной Америке вновь начали рыть бомбоубежища.

Это объясняет обстановку секретности, созданную

союзниками вокруг Бормана. Также это объясняет и ту неохоту, с которой о Бормане говорили люди вроде доктора Йона. Времени, когда секретами делились, пришел конец.

…Вернувшись в Лондон после встречи с генералом Геленом, Стивенсон прочел новые досье на доктора Отто Йона. В Советском Союзе от него допытывались, имел ли место сговор по созданию альянса Германии и западных союзников против Советов. Он честно и с авторитетом человека, действовавшего в качестве связного между антигитлеровскими элементами и британцами, ответил, что ни американцы, ни они ни о чем подобном не думали. Но страх заговора у Кремля все же сохранялся. Эго чувство усилила его встреча с фельдмаршалом Фридрихом фон Паулюсом, который попал в плен во время Сталинградской битвы и стал чем-то вроде советского экспоната.

Немецкий фельдмаршал был уверен, что Мартин Борман или кто-то другой, близкий к Гитлеру, отсылал в Москву информацию на протяжении всей войны. Правда, Йон не верил, что этим человеком являлся Борман. Понятно, что Паулюс, как командир, проигравший битву, испытывал соблазн свалить все на предательство или на другой не подконтрольный ему фактор. Паулюс потерял всю 6-ю армию в ловушке, устроенной немцам в Сталинграде. Он допускал, что Сталин использовал какие-то рычаги в Берлине, чтобы убедить Гитлера бросить в эту западню свои отборные силы. Это противоречило всем рекомендациям его военных советников! Таким образом, русские смогли подготовить и осуществить окружение, казавшееся невероятным и уничтожившее мощную группировку фюрера.

…Йон был хорошо осведомлен во многих вопросах. Он очищал новую республику — Западную Германию — от пронацистски настроенных служащих, когда попал в руки КГБ. Можно по пальцам перечислить людей, которые пережили бы столь много, как Йон. Если дипломаты почти не сталкиваются с суровой реальностью — простой, без привилегий, жизни за границей, то агенты редко пользуются благосклонностью богатых интеллектуалов. Йон испытал худшее, побывав в разных шкурах. Он докладывал о высокопоставленных офицерах, летавших в Латинскую Америку. Он расследовал, будучи шефом разведки Бонна, дело пропавших подводных лодок. Он знал, как в нацистское время могли использовать Люфтганзу для перевозки контрабанды и курьеров в Испанию и западное полушарие, поскольку являлся ведущим администратором государственной немецкой авиакомпании. Он стал жертвой предательства, и ему довелось видеть собственные отчеты, которые из нацистского лагеря попадали к шпиону из британской разведки.

Стивенсон разговаривал с Йоном вновь, когда тот прибыл в Лондон с визитом к вдове барона Ванзиттарта. В его честь получила название доктрина, согласно которой военная политика немецких лидеров поддерживалась немецким народом еще со времени франко-прусских войн, и Германии предстояло теперь пройти через демилитаризацию и «коррекционное обучение», чтобы это никогда не повторилось.

…На этот раз Стивенсон подготовился лучше. Его всякий раз расстраивало обращение к Государственному архиву Великобритании. Но Энн Шарпли вызвалась помочь. Будучи одним из самых путешествующих иностранных корреспондентов, она знала, что и как искать. Она написала Стивенсону в сопроводительной записке: «Государственный архив находится в той части Лондона, которая возникла в викторианскую эпоху. Там между газетными редакциями Флит-стрит с их стремительной жизнью и по-грегориански сонными Судебными палатами, на территории, где среди зеленых лужаек и розовых клумб бродили задумчивые юристы, выросли несколько амбициозных готических зданий, ставших воплощением вечности всего британского, в первую очередь — Дом правосудия и Государственный архив. Там собраны многие миллионы документов, относящихся к действиям центрального правительства и судов Англии и Уэльса, начиная с XI века.

Чтобы иметь туда допуск, необходимо после тщательной проверки на благонадежность со стороны чиновников получить рекомендацию человека, занимающего важный пост, например, священника, врача или юриста.

В этом месте вы просто зарыдаете из-за отсутствия компьютера. Тут не существует какого-либо понятного каталога, поэтому приходится бегать от одного клерка к другому, из одной комнаты, пропитанной затхлым запахом и набитой манускриптами, в другую.

Те, кто желал бы ознакомиться с документами министерства иностранных дел, вынуждены, получив на небольшом листочке маленький нечеткий неразборчивый план, отправляться через улочки, словно сошедшие с диккенсовских страниц, в другую готическую громаду, созданную из красного кирпича вместо тесаного камня, где тоже царит атмосфера вечности. Там не позволено пользоваться чернильной или шариковой ручками. Можно предположить, что этот запрет сделан, чтобы вы не испортили документ. Или они настаивают на карандаше, так как он пишет бесшумно? На стенах висят объявления с просьбами говорить тихо или вообще не разговаривать, а также

предупреждения, что запросы, полученные после 15 часов 30 минут, рассматриваются на следующий день, при этом ежедневный лимит выдачи — три документа. Здесь соблюдают размеренный ритм научных занятий, а уроки истории, извлекаемые из этих документов, столь суровы, что поневоле настраиваешься на размышления».

Конечно, было свинством заставлять Энн копаться в этих папках. Но Стивенсон успокаивал себя мыслями о том, что у нее больше терпения. Ему повезло в этих архивах только единожды. В одной из многочисленных кабинок он обнаружил клерка в черном хлопковом халате европейского фасона. Узнав, что Стивенсон хочет получить новые рассекреченные документы, связанные с войной, он сказал: «Так, значит, Вы охотитесь за теми сбежавшими нацистами — Борманом и компанией!» Он подслушал предыдущий разговор Стивенсона со своим начальником. Стивенсон увидел на столе стопку бумаг по интересовавшему его вопросу.

…Доктора Йона похитили, чтобы подлечить по-советски, когда он все еще отвечал за защиту Западной Германии от коммунистов и неонацистов. Те, кто считал его британским агентом, вспоминали, что в 1954 году его ужаснуло возвращение к публичной жизни тех самых немцев, которые поддерживали у власти Гитлера. Йон участвовал в заговорах против Гитлера и видел, как вешали его товарищей и его собственного брата, лишенного даже права быть расстрелянным. Поэтому пошел слух, что Йон перешел на сторону коммунистов из-за горя и отчаяния. Но ветераны британской разведки категорически заявляли, что его увезли насильно и держали в Союзе принудительно.

«Когда я вернулся, меня судили за измену, — рассказал Йон Стивенсону. — Я был приговорен судьями, придерживавшимися нацистских взглядов, к четырем годам — тогда как даже обвинитель требовал только двух лет тюрьмы». Йон очень переживал из-за утраты доверия к нему. При этом он сохранял философское спокойствие и тепло говорил о доминиканце отце Лаврентии Зимере, помогавшем во время войны антигитлеровскому движению. Он никогда не ругал Ватикан, хотя ведущие нацисты спасались в его монастырях. Евангелистская церковь, к которой принадлежал Йон, могла бы противодействовать нацистскому террору в тридцатые годы, примкни она к небольшой католической оппозиции. Естественно, он презирал немецких генералов, перешедших на другую сторону или же притворившихся противниками нацизма после войны. Он едко отзывался об апатичности современных жителей Западной

Германии и о недостатке гражданского мужества, что позволило когда-то тирану прийти к власти.

Доктор Йон побывал в ситуациях, которые мало кто может себе представить, и при этом отчаянно отстаивал свои убеждения. Он пытался бороться с опасными тенденциями собственного народа, и теперь его осыпали бранью его же соотечественники, находившиеся по разные стороны баррикад. Йон напоминал Стивенсону Беату Кларсфельд, от которой отреклись собственные родители за то, что она настаивала на расследовании неприятных для немцев фактов. Оба они отличались каким-то спокойствием, словно другие люди не могли причинить им зла. У них сложился свой кодекс поведения…

…Отто Йон впервые стал известен британской разведке, когда он, подвергая свою жизнь огромной опасности, приехал из Берлина в Мадрид, чтобы посвятить британцев в детали грядущего гитлеровского переворота.

Эти контакты интересовали НКВД, о чем Йон узнал на допросе в КГБ в 1955 году.

— Почему они так этим интересовались?

— Сталин всегда боялся, что Германия объединится с западными державами против Союза, — Йон перевел дыхание, хмуря свои густые брови. Его голубые глаза спокойно смотрели на Стивенсона. — Сталин постоянно получал информацию от ближайшего окружения Гитлера. Должно быть, кто-то сказал ему, что побег заместителя фюрера Гесса есть часть заговора. Кто-то, кто действительно в это верил. Иначе говоря, шпионом Сталина являлся человек, не обладавший достаточной проницательностью для понимания политических событий, но который при этом имел подробные сведения практически обо всем, чем занимался Гитлер.

— Борман?

— Борман был одним из тех последовательных нацистов, чье влияние еще долго будет ощущаться, — сказал он после паузы.

— Использовали ли Бормана после войны?

— Когда-нибудь история поведает нам об этом.

— Кто же докладывал обо всем Сталину?

— Кто-то близкий к Гитлеру! Вы знаете, после того как меня похитили русские, они привели меня к Паулюсу. В последний раз я его видел, когда он выступал свидетелем на суде в Нюрнберге. Мы оба уроженцы Гессе, поэтому могли говорить так, что он не опасался своих надзирателей. Паулюс всегда считал, что существовала утечка информации из ближайшего окружения Гитлера.

Стивенсон вновь попытался перевести разговор на Бормана.

Было очевидно, что Йон знал больше, чем хотел бы знать, и, во всяком случае, больше, чем ему было позволено говорить. Знали ли русские что-то о Йоне от их информатора?

— Они явно получали информацию от Кима Филби, советского агента в британской спецслужбе. Когда в 1967 году я вернулся в Лондон, то убедился, что русские знали о моих тайных контактах с Филби во время войны. Поэтому они и похитили меня. Понимаете, во время войны я передавал в Лондон определенную информацию о немецком сопротивлении. В то время Ким Филби был старшим офицером спецслужбы, отвечавшим за страны Пиренейского полуострова. Поскольку мои контакты находились в Испании и Португалии, то и мои доклады попадали к Филби. Там они и оставались. Он отказывался пересылать их высшему начальству. Филби, очевидно, служил своим русским хозяевам, приостанавливая любую попытку немецкого движения сопротивления использовать британцев в пакте против Союза.

В это время Тревор-Ропер, историк, работал с Филби в секретной службе. Он написал, что в моих отчетах анализируется антигитлеровская деятельность, но Филби задерживает эти отчеты у себя. В то время Тревор-Ропер не мог объяснить это. А теперь, в свете того, что стало известно, я понимаю, почему КГБ похитило меня и допрашивало о связях с британской разведкой. Они проверяли Филби, который мог оказаться двойным агентом. Они также проверяли, не вели ли британцы тайные переговоры о мире за спиной у Сталина.

Стивенсон спросил у Йона, правда ли, что авиакомпания Люфтганза, где он работал столько времени, использовалась для транспортировки награбленного? В ответ Йон процитировал приказы руководства, запрещавшие пилотам заниматься шпионажем. Но в период войны во время одной из командировок в Мадрид он видел, как одного немца, заподозренного в предательстве Гитлера, отправили домой в чемодане.

Йон руководил в 1938 году научно-исследовательскими работами в школе пилотов немецких гражданских авиалиний и был готов переехать в Эквадор, где у Люфтганзы имелась дочерняя компания — SEDTA. Но тогда сформировалась небольшая группа противников Гитлера и шла подготовка к борьбе с режимом. «Я решил, что должен остаться, но отказался участвовать в военных заговорах», — сказал Йон Стивенсону. Он находился в Берлине, когда граф Клаус Шенк фон Штауффенберг попытался захватить власть, поверив, что Гитлер мертв. Он избежал кровавой чистки, последовавшей за этими событиями, и скрылся в Лиссабоне.

Легенда о том, что доктор Йон всегда был британским шпионом, подкреплялась тем обстоятельством, что позднее он служил союзникам. Он давал рекомендации по организации радиопередач для немцев, надеясь получить хоть какую-то реакцию от тех, кто тайно ненавидел режим. Он проверял немецких заключенных в надежде найти настоящих противников нацизма. Он был доверенным хранителем документов Одиннадцатой немецкой армии, которой в войне с Советским Союзом командовал фельдмаршал Фриц Эрих фон Манштейн. Поэтому Йон присутствовал на судебном процессе с участием Манштейна в британском военном суде. Манштейн тогда настаивал на том, что узнал о геноциде евреев и прочих «недочеловеков» только после войны. Но Йон утверждал, что все немецкие генералы, которых он допрашивал, явно договорились между собой отрицать какую-либо осведомленность о совершенных преступлениях. Поэтому Манштейн, выступая в качестве свидетеля, уверял, будто ему ничего не известно о массовых убийствах.

Учетная книга Одиннадцатой армии начиналась следующими словами, зачитанными в суде: «Прибыл новый главнокомандующий. Это тиран, с которым довольно трудно общаться. Однако с ним можно быть откровенным». Затем несколько строчек были замазаны. Когда страницу поднесли к свету, Йон прочел этот абзац: «Новый главнокомандующий не желает, чтобы офицеры присутствовали на расстрелах евреев».

Манштейн подписывал учетную книгу ежедневно, и поэтому его показания на суде больше не вызывали доверия. В своей книге «Потерянные победы» Манштейн оправдывался тем, что замазанный кусок просто не соответствовал предыдущему, где утверждалось: «С ним можно быть откровенным».

Стивенсон, слушая в 1972 году рассказ Йона, понимал обреченность Йона с того самого момента, как его назначили главой новой западногерманской разведслужбы. Старые нацисты и их сторонники, а также люди организации Гелена — все они ненавидели его, ведь он был человеком, разоблачившим Манштейна, кумира юности Гелена, уличившим того в изощренной лжи. Уже это оскорбило касту военных с ее идеалами братства, которая всегда объединялась против чужих и никогда не выносила сор из избы.

Отто Йон использовал свое служебное положение, когда читал публичные лекции, это во многом подорвало доверие властей к нему. Йон предупреждал, что имеется основа для перерождения федеративной республики в авторитарное государство образца XIX века. Корейский кризис и страх перед

коммунизмом вели к перевооружению Германии. Бывшие нацисты-госслужащие, включая профессиональных военных, могли подавать ходатайства о восстановлении своих рабочих мест. Канцлеру Аденауэру было предоставлено право определять политическую линию страны. Для Йона это выглядело тревожным знаком. Возрождалась старомодная государственная администрация, основанная на старой бюрократии; федеральному канцлеру должны были повиноваться министры; генералы старой закалки получали противоречивший принципам демократии контроль над гражданской жизнью. Возвращение госслужащих нацистского периода оказалось для немцев вполне приемлемым делом. К ним даже прониклись уважением как к «старым профессионалам».

Финансируемая американцами «Немецкая солдатская газета» объясняла молодым людям необходимость военной программы. Отто Йона уличали в том, что он носил униформу британской армии и называл себя «Оскаром Юргенсом». Йон действительно однажды надел форму британского военного журналиста, чтобы получить разрешение на перемещение в закрытой зоне.

Сам Йон оказался вынужден нанимать бывших полицейских офицеров с нацистским прошлым, так как ни у кого другого не имелось их опыта. Это были единственно доступные сотрудники для расследования дел вервольфов, эсэсовцев и прочих «старых товарищей». Естественно, они не собирались бороться с себе подобными! В один прекрасный момент он обнаружил, что бывшие нацисты работают и в качестве агентов разведки в американской армии.

Он понял, что такие разительные перемены стали результатом сдвигов мировой политики в сторону «холодной войны». Его мечты оказались порушенными. Йон планировал, что Лига молодежи великого гуманиста Альберта Швейцера будет пропагандировать демократические взгляды и помогать молодым людям противостоять всякому тоталитаризму. Вместо этого он обнаружил новые молодежные группировки ультраправого и ультралевого толка — эту поляризацию тоже вызвала «холодная война». В этом проявилась также инстинктивная реакция на жесткий авторитаризм.

Канцлер Аденауэр получал теперь десятки писем от Гелена, в которых тот называл Йона британской марионеткой, алкоголиком и гомосексуалистом. Аденауэр стал враждебно относиться к человеку, выбранному британцами, так же враждебно, как он относился и к самим британцам, которые отправили его в отставку с поста бургомистра Кельна.

После года проволочек, в течение которого Аденауэру

удавалось противостоять влиянию сторонников Йона, доктора Йона официально назначили главой федерального управления зашиты конституции. Но счет сравнялся, когда Аденауэр одобрил назначение полковника Альберта Радке заместителем Йона. Радке являлся одним из людей Гелена и во время войны был главой службы безопасности в оккупированной нацистами Чехословакии.

У Йона осталось мало иллюзий. Он уже знал, как жестоко организация Гелена избавилась от Германа Бауна, главы отдела получения информации. Честного сотрудника разведки Бауна раздражала одержимость Гелена вынюхиванием красных. «Он хочет играть в гестапо для американцев», — иронизировал Баун. В итоге Бауна перевели на менее значимую работу, а затем он попал в аварию по пути в филиал организации. Его враги заявили, что деньги, найденные у Бауна в дипломате, им присвоены. От него потребовали подать в отставку «ввиду странных обстоятельств дела». Друзья Гелена оформили «протест генералов», в котором настаивали на отставке Йона, объясняя это тем, что он допрашивает их при «унизительных» обстоятельствах.

Бауна, который, по всей видимости, был человеком чести, потрясли обвинения в мошенничестве, выдвинутые Геленом. Он чувствовал себя как побитая собака, потому что считал Гелена своим другом. Пару лет спустя Баун скончался, всеми забытый…

…Через десять лет после неудачного покушения на Гитлера знаменитые немцы собрались в Западном Берлине, чтобы почтить память людей, казненных гестапо. Доктора Йона пригласили на ту встречу. Он пил кофе с хирургом, которого знал еще во время войны. Это было последнее, что Йон запомнил. Затем он проснулся в Восточном Берлине. Хирург, доктор Фольфганг Вольгемут, живший в ГДР, был обвинен в подмешивании Йону снотворного, а Отто Йона после возвращения на Запад приговорили к четырем годам одиночного заключения за предательство. Через шестнадцать лет одного из главных свидетелей обвинения по этому делу судили за дачу ложных показаний…

Разговаривая с Йоном, Стивенсон многое вспомнил: щеголеватого и самодовольного Гелена, странную историю с убийством из пистолета, заряженного синильной кислотой, и заявления, сделанные в Восточном Берлине бывшим сотрудником организации Гелена, который утверждал, что ему приказали совершить убийства, чтобы обвинить потом коммунистов. Он также вспоминал тот день в Пуллахе, когда сорвали табличку офиса «Южнонемецкой промышленности» и прежние сотрудники вновь предстали как полковники, генерал-майоры или «высшие

государственные советники» в новом федеральном агентстве разведки. Их все еще поддерживали американские доллары, но они исправно отдавали честь черно-красно-золотому знамени федеративной республики. А где-то надежно запертый в далеком Советском Союзе сидел враг Гелена доктор Отто Йон. Стивенсон помнил и слова Гелена о «едкой пропаганде против гитлеровской Германии», которую проводил Йон.

Знакомый Стивенсона из Восточной Германии, открытый апологет коммунистического режима, заявил тогда: «Отто Йон перешел на нашу сторону, так как был сыт по горло тем, что творилось в Западной Германии. Но затем он потерпел неудачу и стал заурядным пьяницей». На вопрос Стивенсона, трудно ли было Йону жить в таком мире, собеседник пожал плечами: «Быть немцем довольно сложно. На коммунистической стороне слишком сильна регламентация всего и вся. На Западе исполненные благих побуждений друзья поддерживают тех немцев, которые громче и больше всех кричат о «проклятых красных». Если же попытаетесь жить по совести, только наживете себе врагов».

Был период, когда власти стремились во всем добиться справедливости, но делали это для того, чтобы убедить руководителей союзной оккупации, что немцам можно доверить распоряжаться своими делами. Теперь старое мышление возрождалось, и ловкие юристы находили лазейки в законах, позволявшие военным преступникам вернуться к активной общественной жизни. Но не так страшны оказались неонацисты и их организации, а нехватка гражданской ответственности и отсутствие людей, способных отстаивать свои идеалы. Возвращалось поколение, взрастившее нацистов, что было гораздо опаснее. Можно было легко понять и доказать всем, что Гитлер плохой человек, но старая авторитарная система одобряла существование военной касты. И не нашлось пусть даже символической фигуры, чтобы поднять общественную тревогу.

Он был юристом и не любил, когда законы начинали служить чему угодно, но не правосудию. Виновные в массовых убийствах нацистской поры теперь могли избежать наказания. Люди, спланировавшие послевоенное выживание ведущих военных преступников, достигли большинства своих целей.

— Все, что препятствует созданию новой «Великой Германии», — это разделительная линия, проведенная русскими, — мрачно пошутил знакомый Стивенсона.

После поимки Адольфа Эйхмана западногерманское правительство заявило, что это может повредить его репутации за рубежом, и в силу вступил статут об ограничениях в том, что

касалось непредумышленных убийств и менее серьезных преступлений. Но федеральное правительство попалось в собственную западню. Оно организовало так называемое Бюро на Людвигштрассе, глава которого потом сам попал под следствие. Обнаружилось, что в 1949 году он был приговорен к тюремному заключению советским военным судом за военные преступления и преступления против человечества. Его уволили. Появилась информация о массе людей, которых ждала скамья подсудимых. Оказалось, что в полиции находятся сотни эсэсовских убийц. Один за друг им они предстали перед судом. Однако большинство этих людей были мелкой рыбешкой, а не теми, кто сочинял предписания и подписывал приказы.

Произошло следующее. Ко времени, когда Йон стал главой службы безопасности, люди, подобные Аденауэру и Гелену, использовали войну в Корее как средство добиться уступок от западных союзников. Чиновник дипломатического представительства США в Бонне Чарльз Тейер описывает типичный случай в своей книге «Неспокойные немцы». Генерал Адольф Хойзингер и генерал Ганс Шпайдель тайно посетили американского дипломата. Они заявили, что если преступники, дожидавшиеся смертной казни в Ландсберге, будут повешены, то о союзе Германии в борьбе против коммунизма не может быть и речи. В Ландсберге содержались главы ликвидационных отрядов СС, и Тейер подчеркивает, что любой суд приговорил бы их к смерти. Но если бы преступление осталось безнаказанным, какая гарантия имелась бы против возрождения варварств? Генералы настаивали, что американцы должны, побуждая в немцах раскаяние, в то же время сочетать справедливость с милосердием.

Вот эти вмешательства и беспокоили Йона. Под таким давлением исполнение приговора откладывалось, и почти все нацистские военные преступники, еще находившиеся в западногерманских тюрьмах и у союзников, оказались на свободе. В этих циничных сделках больше всего тревожило то, что была объявлена амнистия всем немцам, имевшим поддельные удостоверения личности. Это произошло как раз тогда, когда Йон пропал из Берлина. Преступники почувствовали себя в безопасности. Ганс Глобке, составлявший в свое время проекты антиеврейских указов Гитлера, восседал по правую руку канцлера Аденауэра и с ликованием думал, что Йон исчез навсегда.

Аденауэр держал Глобке в качестве важного чиновника до 1963 года, несмотря на все доказательства его военных преступлений. Глобке был комиссаром рейха по защите немецкой крови и достоинства и вел учет ликвидированных евреев.

Старый немецкий уголовный кодекс гласил, что по истечении

двадцати лет нельзя преследовать кого-либо за убийство. Но в ООН было принято решение о том, что «статутные ограничения не относятся к военным преступлениям и преступлениям против человечества». В то же время Бонн издал законодательство, включавшее снижение ответственности задорожные аварии. В нем говорилось, что виновные, не руководствовавшиеся преступными мотивами, могут понести меньшее наказание. Это законодательство не привлекало особого интереса, покуда верховный суд не начал применять его в отношении организаторов массовых убийств в военное время. Эсэсовцы, исполнявшие свой долг, обвинялись теперь только в непредумышленном убийстве. Этот выглядевший поначалу невинным раздел в правилах дорожного движения явился результатом трудов двух директоров министерства юстиции — Йозефа Шафхойтле, который создал большую часть репрессивного гитлеровского законодательства, и Вальтера Ремера, который был общественным прокурором в особом нацистском суде в Мюнхене, где он добивался смертных приговоров «для политических преступников», то есть для тех, кто противостоял Гитлеру.

В такой ситуации серьезные преступники чувствовали себя в полной безопасности. Некоторые начали писать мемуары, чтобы доказать свою невиновность, другие возвращались из изгнания со своими толкованиями национал-социалистической философии.

Отто Йон был одним из многих интеллектуалов, которые, казалось, приходят на землю, чтобы обличать несправедливость, и делают это столь непримиримо, что никто не хотел бы оказаться с ними рядом. Он отбыл срок в западногерманской тюрьме, который назначили ему из мести, был интернированным или заключенным в трех других странах. Вроде бы он смирился, но так и не смог хранить молчание. Русские, очевидно, предлагали ему выгодные условия, чтобы он остался, также поступали и восточные немцы.

Он вернулся в свой старый дом в Кельне. Его никто не ждал. Он не стал сторонником ни коммунистов, ни нацистов, и не примкнул к какой-либо религиозной группе. Он сохранял независимость, а это обычно так раздражает окружающих!

Йон уехал из Германии в 1966 году, в то время как граф фон Кильманзегг являлся командующим двадцати трех натовских дивизий, включая британскую армию на Рейне. Этот самый Кильманзегг, служивший штабным офицером в отделе разработки операций верховного командования, 23 июля 1941 года подписал следующий приказ для 6-й бронетанковой дивизии: «Захваченных партизан следует не расстреливать, а вешать на виду около

деревни… В случае нападений на немецких солдат или на отряды все деревни в радиусе четырех километров следует сравнять с землей, а всех жителей мужского пола казнить через повешение».

ДЕЛО ФЮРЕРА НЕ ПОГИБЛО

Преступники не только обрели уважение, но и снова надели форму. Между тем достойных людей поставили в безвыходное положение. Такие, как Йон, были наказаны, а те, кто поумнее, остались на свободе. Расистские фантазии Гитлера вновь овладевали людьми, знакомившимися с ними по зарубежным изданиям «Майн кампф». Гитлеровские пропагандисты, финансируемые теперь правительствами разных стран, пропитывали все вокруг старым расистским зельем. Больнее всего это ударило по Израилю. В арабских государствах свободно работали нацистские профессионалы. В Боливии гестаповец уподоблял расправу с деятелем французского Сопротивления ликвидации партизан Че Гевары. Никого это не удивило — людям было все равно.

Процесс в Нюрнберге не покончил со злом. Тысячелетний рейх набирал полную скорость уже двенадцать лет. Проповедники расового превосходства были по-прежнему полны энергии, и в мире накопился огромный опыт развития фашизма во всех его проявлениях.

К концу войны союзническая армия оказалась вместилищем различных талантов. Там были американские и британские писатели, психологи, взломщики и прочие мастера на все руки. Доносы и доклады строчили многие: знаменитая любовница немецкого дипломата, чемпион по боксу в тяжелом весе Гене Танней, европейские физики и выпускники разведшкол, расположенных на безопасном расстоянии от любопытных нацистских взглядов. Печатали и передавали им инструкции юные особы, обычно назначавшие свидания «под Атласом» в Рокфеллер-центре на Пятой авеню. В конце 1945 года туда прибыл разведчик Ноэль Ковард, чтобы уладить с союзниками вопросы, касавшиеся работы на них. Туда также приехал шеф отдела пропаганды во вражеских странах Кэмпбел Стюарт и Роалд Дал, молодой пилот королевских ВВС Великобритании, чьи рассказы для детей Элеонора Рузвельт читала своей семье в самые тяжелые годы войны. Результатом соединения этих творческих сил стали блистательные схемы шпионажа, диверсий и обмана, направленные на то, чтобы положить конец нацизму. Затем Берлин пал и глава немецкого подводного флота объявил о безоговорочной капитуляции Германии.

Но никто не думал, что это конец борьбы. Генерал Уильям Донован, к примеру, опасался, что выживут люди, способные и далее распространять нацистскую философию. Он просил у

британцев помощи, пытаясь предотвратить приход фюрера четвертого рейха. Работа над этим шла по обе стороны Атлантики. На каждого нацистского лидера было заведено отдельное личное дело. Досье Мартина Бормана обновили и пополнили материалами, касавшимися партийной структуры, распределения партийных фондов за рубежом и анализом того, как смерть Гитлера повлияла на его мышление. Папка «Жизнь, прошлая и будущая, мышление и поведение рейхсминистра нацистской партии Мартина Бормана» продолжала пополняться информацией многие годы. К этому имел отношение и Кэмпбел Стюарт. Когда-то он работал с особой миссией у папы римского, и его жизненная цель заключалась в том, чтобы «ухватить мир за горло», но не в приступе агрессии, а в пароксизме изучения. Ему нравились детективные истории. Он был жителем Монреаля, работал исполнительным директором лондонской газеты «Таймс» и чувствовал себя как дома и в вашингтонском обществе, и в Версальском дворце, и в Скотленд-Ярде. Как и многие военные журналисты того времени, он привык к долгим перелетам через Атлантику, любил старые американские самолеты, доставлявшие его в Лиссабон, оттуда на Бейкер-стрит или же «прямо в спальню» Черчилля для консультаций со стареющим премьером. Жизнь Бормана оказалась в поле его зрения, и когда Стивенсон спросил Стюарта, что его так привлекает к этой проблеме, он ответил одним словом — «Сострадание».

— Сострадание?!

— Да, ко всем жертвам этого зла. Оно не исчезло с крахом Германии. Оно и сейчас присутствует в той или иной форме. Нацисты выросли на почве расовых предрассудков, ими всеми двигало стремление создать высшую расу. Мы должны всегда с этим бороться, и Борман для нас полезное напоминание.

Стюарт постукивал тонкими длинными пальцами по стулу:

— Борман заставляет нас исследовать собственную совесть, если мы найдем для этого силы. Думаю, папе это не удалось. Я имею в виду Пия XII. Вы знали, что его предшественник подготовил послание «О единстве человеческой расы»?

— Нет.

…Ко времени этой беседы сэр Кэмпбел Стюарт не участвовал в общественной жизни, но оставался заведующим императорским колледжем науки и технологии и продолжал работу с секретными архивами. Когда в 1972 году в государственном архиве открылся доступ к некоторым документам военного времени, он посоветовал Стивенсону сделать запрос на доклады о жизни Бормана. Часть информации относилась к недавнему времени и была строго конфиденциальна. Многие из тех, кто давал сведения

о распространении Борманом фондов партии по всему миру, были влиятельными людьми, и им бы весьма не понравилось, если бы о них узнали как об источниках информации.

Защитники Бормана то и дело обнаруживались в послевоенных сумерках: заказные убийства, таинственные перемещения награбленного добра, шантаж еврейской общины Парагвая, тайные счета в банках и так далее. Обладание такой информацией было опасным. Однако получив доступ к новейшим документам, Стивенсон задумался: что все-таки могло бы подействовать на мыслящий мир? Прошение? Но Запад, столь эффективно преследовавший радикалов, казалось, ничего не сделал для того, чтобы остановить поток антиеврейских помоев, изливаемых из Каира, или же чтобы вмешаться в расистские погромы, устраиваемые пронацистски настроенными группировками в Латинской Америке. Почему?

— Потому что все это не затрагивало наши шкуры, — сказал в 1972 году Ноэль Ковард. Первой работой Коварда был латиноамериканский участок, и его тайная жизнь агента являлась запретной темой. — Этот регион кишел нацистами, а мы действовали иногда неосторожно, — он стряхнул пепел с сигареты. — Не думайте, что мы позволим им уйти сейчас. Правила игра изменились. Борман вне всяких сомнений бежал. Но я подозреваю, что за ним никогда не переставали следить. Да, он бежал, но от расплаты ему не уйти.

Эти слова подтверждали представления, сложившиеся у Стивенсона. Братство оказалось отнюдь не таким умным, как должно было быть. Да, ценности из лагерей смерти, ювелирные украшения и золото, поддельные банкноты и украденные сокровища служили мощным источником финансирования предприятий в далеких странах. Но анализ бизнес-истории этих предприятий показывает, что нацисты не умели вести дело. Они привыкли запугивать, а не торговаться. Мастер по подделкам Швенд очутился в тюрьме после того, как дал взятку не тем людям. Некоторые умерли насильственной смертью. У Стивенсона складывалось впечатление, что медленная агония этих людей была мучительнее, чем виселицы Нюрнберга. Но они потеряли еще не все свое влияние. Обзор их действий в семидесятые годы, сделанный Стивенсоном, высветил довольно противоречивую картину. То был рассказ о Бормане и о Братстве, созданный на основе самых убедительных отчетов разведки, доступных в то время. Стоит пересказать наиболее интересные отрывки.

История Рональда Грея. Эту версию до некоторой степени разделял доктор Фриц Бауэр — западногерманский

государственный деятель, отвечавший за поиски Бормана после 1964 года. Бауэр считал, что Борман бежал во Фленсбург, пропустил встречу с Эриком Кохом и не успел сесть на подводную лодку. Борман последовал примеру Коха и залег на дно, притворяясь беженцем. В то время сторонники нацистов и немцы, стремившиеся хотя бы немного заработать, подкупали служащих оккупационных войск, чтобы помочь беженцам пересечь датскую границу. «Мы считаем, что Борман останавливался в датском королевском замке в Грестене, бывшем военном госпитале СС. Этот замок прославился тем, что в нем скрывались многие высокопоставленные нацисты», — докладывал Бауэр. Его заключения считались более надежными, чем отзывы большинства немецких чиновников, отправившихся на охоту за военными преступниками.

Личность Бормана. Свидетельства его побега выглядят весьма противоречиво, а мотивы свидетелей часто подозрительны. Заявлявшие о том, что Борман ничего не хотел кроме как служить Гитлеру, старались для того, чтобы прекратить слухи о побеге Бормана. Психологические разделы в его личном деле подтверждают, что Борман, стремившийся возглавить нацистское движение, покинул Берлин именно тогда, когда был подтвержден его статус законного наследника фюрера. В соответствии с нацистской интерпретацией немецких законов, Мартин Борман был в гитлеровский период официальным вождем четвертого рейха.

Организация Гелена. Генерал Рейнхард Гелен, глава разведслужбы Восточного фронта, стал экспертом по советским вооруженным силам. Организация Гелена создавала облако дезинформации вокруг коммунистов. Незадолго до капитуляции бывший министр финансов Гитлера граф Шверин фон Крозиг произнес речь, в которой предупреждал союзников об опасности создания Европы, проникнутой духом большевизма. Организация повсюду имела своих агентов. Ее руководители давали работу и убежище членам Братства.

Охота за документами. Мартин Борман использовал свое положение, чтобы еще до смерти Гитлера перемещать документы и золото по маршрутам немецкой разведки в Латинскую Америку. Теперь служба могла использовать для этого Люфтганзу, пассажирские суда и грузовые подлодки. Борман набирал людей, занимавшихся подделкой документов, переброской агентов, владевших нестандартными методами ведения боя, специалистов-оценщиков произведений искусства, а также экспертов, отвечавших за финансирование немецких агентов за границей. К 1945 году банкиры распространили в разных странах поддельную

британскую валюту на многие миллионы долларов. Фальшивые банкноты стали причиной крупного экономического кризиса в Великобритании. Последовавшая охота за документами, проведенная следователями британского министерства финансов, выявила ряд нацистских операций, в том числе следующие:

— *Aktion Adlerflug (операция «Полет орла»)* — посредством этой операции распространялись шантажирующие документы. Бумаги были спрятаны в трех разных регионах и хранились у главных беженцев.

— *Боливия* — там в 1948 году находилась резиденция Бормана. Люди Гитлера занимались там подготовкой вооруженных сил страны. То, как Борману удалось достичь Латинской Америки, остается предметом споров. Некоторые исследователи считали, что он путешествовал по поддельному ватиканскому паспорту, выданному ему на борту пассажирского судна Giovanni C., следовавшего из Италии. Хотя было известно, что Адольф Эйхман путешествовал на Giovanni C. в 1950 году, у профессионалов возникали сомнения относительно Бормана. Дело в том, что агенты, плохо связанные между собой, иногда сочиняли отчеты для собственного оправдания. Порой они приводили к катастрофическим результатам. Существовал большой соблазн создать из известных фактов совершенно фиктивный отчет.

— *Консорциум* — эта организация покрывала финансовые сделки Братства. Ее дочерние предприятия располагались в столицах стран Латинской Америки, а делами управляли из столицы Перу Лимы доверенные главы Братства: Клаус Барбье, приговоренный французским судом к смертной казни за военные преступления; Адольф Хундгаммер, или Хубнер, бывший коллега Скорцени в отряде личных телохранителей Гитлера; Оскар Обрист — владелец железо-литейной фабрики; Гернц Эшбахер, курьер на службе у Бормана.

Консорциум включал в себя:

— *SA Estrella,* осуществлявшая контроль финансов Бормана. К сотрудникам отдела принадлежали бразильские родственники немецкого фельдмаршала Вильгельма Риттера фон Лееба (который почти захватил Ленинград) и немецкого генерала кавалерии Йохана Пейпера, чья дочь приглядывала за детьми Бормана в убежище Гитлера — «Орлином гнезде». В Эквадоре дела компании вел бывший эсэсовец Адольф Зассен, заочно приговоренный к смерти в Дании на суде над военными преступниками.

— *Ватиканские документы* — это собрание писем, записей бесед и прочих документов, которыми (предположительно)

обменивались фюрер и папа римский Пий XII. Они считаются свидетельством молчаливого согласия папы на предложение Гитлера об «окончательном решении» еврейского вопроса.

Филипп Тойнби комментировал это так: «Как типично для Пия XII было активно протестовать против нацистских планов принудительной эвтаназии слабых и неизлечимых больных и при этом хранить молчание все то время, пока шло истребление евреев!»

К этим документам относится также написанный до войны проект папской энциклики, направленной против антисемитизма, вызвавший недовольство Гитлера.

— *Операция «Бернард».* Она предусматривала снабжение фальшивой американской и английской валютой и перемещение, по крайней мере, двух специалистов в Перу. Один из них — «Федерико» (Фриц Швенд) — был вызван на совет Братства, когда в 1965 году начались проблемы с деловыми операциями. Бормана спрашивали, что он сделал с золотом, весом примерно 95 тонн на сумму около 150 миллионов долларов по курсу на черном рынке.

— *Брат Борман.* Он стал играть роль католического священника, называя себя монсеньором Августином фон Ланге-Ленбах (в одном из отчетов его назвали Лонбахом, а в другом была приведена фраза из Гёте: «Они зовут меня братом Августином фон Ланге, но мое имя брат Мартин»), Возникло некоторое недоразумение, так как его старший сын, тоже Мартин, принял сан католического священника и стал миссионером в далекой стране. Он оставил священничество в 1971 году и женился на монахине, а год спустя уже искал работу школьного учителя в Баварии.

— *Убежище Бормана.* Оно описывалось как «монастырь конгрегации Святого Искупителя». Говорили, что Борман под видом отца Августина перемешался от монастыря к монастырю в Рурренабаке, двигаясь на север Боливии, в места, принадлежавшие конгрегации Святого Искупителя (редемптористам) в плодородной области Юнгас, соседствующей с Мату-Гроссу.

Описание маршрута Бормана было сделано на основе отчетов профессионалов: докторов, сановников и политиков, недовольных проявлениями нацистских тенденций в тех странах, куда предположительно отправился Борман. Фотографиями «отца Августина» располагал Вилли Рекхорн, живший в Варендорфе в центральной Германии. Он писал, что «Борман, одетый как священник», проводил венчание «в часовне немецкого женского монастыря Ла-Паса в Боливии в ноябре 1953 года». Рекхорн в то время работал учителем в немецкой школе «Марискал Браун», а

когда в октябре 1965 года счастливая семья отправлялась домой в Германию, в аэропорту их встретил Клаус Барбье, предупредивший, чтобы они не распространялись о возникших у них подозрениях относительно того, что истинным именем «отца Августина» было Мартин Борман.

— *Че Гевара.* Он был убит в Боливии. Источники социалистических стран докладывали, что оттуда он передавал на Кубу информацию о присутствии Братства в этой стране. Если это правда, то очень странно, что коммунистическая пропаганда не стала использовать этот факт в своих целях.

— *Антикоммунистические группировки.* Их участников обучали бывшие немецкие военачальники. Особенное развитие они получили в Боливии. В Бразилии был убит некий майор Вестернхаген, зять сбежавшего генерала СС. Он являлся советником по делам разведки в немецкой военной академии в Сан-Паулу, затем вернулся в Западную Германию, когда федеральное правительство достигло полного контроля над делами страны, и был нанят на работу некой секретной организацией, которая впоследствии стала известна как организация Гелена.

— *Ева Перон.* Говорили, что она встречалась с Отто Скорцени во время своего визита в Европу в 1947 году. Можно предположить, что она (сознательно или по незнанию) помогла Борману выбраться из Европы в Аргентину. Хуан Перон во время войны, будучи военным атташе, жил и работал в Риме. Известно его преклонение перед немецкой военной машиной. Ева Перон приезжала в Испанию, где ее радушно принял генерал Франсиско Франко. Она проконсультировалась с рядом авторитетных немцев, включая бывшего управляющего государственными финансами Гитлера — Шахта, свекра Скорцени. Ева разговаривала с любовницей гестаповского убийцы Кальтенбруннера — графиней Вестроп. Однако ей не удалось посетить Великобританию из-за протестов социалистов против ее неонацистской политики и жесткого осуждения правящей лейбористской партией фашистских тенденций в Аргентине. После падения президента Перона в 1955 году Аргентина значительно ограничила деятельность Братства, за исключением законных сделок. (В одном из отчетов стояла сноска, гласившая, что контрабанда в соседние страны чаще всего не является занятием, преследуемым по закону.)

— *Die Spinne (Паук)* — эта группа, занимавшаяся организацией побегов, действовала с конца войны. Какое-то время ей руководил генерал СС Пауль Гауссер. Последних семи преступников, повешенных за военные преступления 8 июня 1951

года, он почитал как великих немцев. Ему помогал бывший генерал бронетанковых войск Гассо фон Мантейфель, под именем которого в какой-то период действовал Борман. В Испании «Паук» был известен как «La Araca», а во Франции как «L'Araignée». Существуют свидетельства, что люди из «Паука» помогли Борману добраться до Испании. В одном докладе утверждается, будто его доставили туда на «летающей крепости» вервольфов из эскадрильи Люфтваффе, предназначенной для поддержки партизанских операций.

— *Возрождение нацизма.* Сэр Ивон Киркпатрик, ирландец, всю свою жизнь изучавший Германию и какое-то время работавший верховным комиссаром Великобритании в Западной Германии, считал, что нацисты и их последователи вскоре будут чувствовать себя безопаснее всего в собственной стране. Он долго допрашивал Р. Гесса и имел представление о немецком мышлении. В 1953 году он был убежден, что некоторые из беглецов уже вернулись на родину, чтобы разведать обстановку. Он располагал свидетельствами о неонацистском заговоре, но решил не информировать об этом немецкие власти, так как понимал, что «у неонацистов повсюду имеются свои люди и они могут предупредить их и уничтожить документы». Киркпатрик отдал приказ об аресте Вернера Наумана, который бежал из Берлина вместе с Борманом, но Науман ушел в подполье и оставался там до тех пор, пока правительство Западной Германии не объявило амнистию. Затем он стал сотрудничать с кузиной главы СС в Бельгии Леона Дегрелля. Предметом партнерства был импорт-экспорт в Латинской Америке. «Невозможно предать идеал, в который верил с юности, — писал он. — Руины рейсканцелярии содержат великие сокровища…». Он заявлял о необходимости уничтожить недолюдей славянской и еврейской национальностей и сохранить дисциплину посредством террора. Используя свой бизнес в качестве прикрытия, он посещал места, где нашли убежище разыскиваемые нацисты, и встречался с сэром Освальдом Мосли, лидером фашистов Великобритании. Науман рекомендовал ему применять более тонкий политический подход, отказавшись от копирования старых гитлеровских лозунгов, что было характерно для неонацистских партий. Он предупредил бывших генералов, включая Гелена, слишком много выступавших на публике, о том, что время, в котором они живут, требует от них терпения и хитрости.

…В ночь на 14 января 1953 года британские агенты произвели налет на виллу, расположенную в пригороде Дюссельдорфа. Они изъяли оттуда более тонны нацистских документов, сложенных в трех больших ящиках. Боннский

министр юстиции Томас Делер заявил: «Науман пытался занять ключевые посты в правых партиях, где его поддерживали. Конечной целью было восстановление нацистской диктатуры с опорой на немецкую расу, которой отводилась главенствующая роль. Он создал заговор с целью разрушить демократическую систему Германии при значительной поддержке из-за границы». Киркпатрик докладывал в министерство иностранных дел Великобритании, что Науман и его сообщники «похожи на шайку китайских пиратов, которые начинают с захвата одного корабля, а затем абордируют и другие судна, пока не заполучат весь военно-морской флот».

Процесс Наумана начался в неподходящее время. Экономика Западной Германии развивалась очень быстрыми темпами, и британцев обвинили в том, что они завидуют и пытаются создать новые трудности. У канцлера Аденауэра имелись свои причины для того, чтобы уменьшить нацистское влияние. Он хотел показать британцам, что они уже не могут влиять на дела Германии. Дело передали в западногерманский суд, вынесший предсказуемый вердикт: обвиняемых следует отпустить на свободу, так как «нет доказательств существования заговора».

Выйдя на свободу, Науман свидетельствовал, что Борман действительно бежал, а затем сразу направился в штаб советских вооруженных сил, так как он всегда был советским шпионом. Учитывая известные связи Наумана и его опыт пропаганды при нацистском режиме, а также данный им анализ выживания нацистского движения после войны, его заявления стоит рассматривать как умелое использование шумихи, созданной вокруг процесса. В докладах о том, что Борман якобы убит в Берлине, имелось слишком много противоречий, и слишком много появилось свидетельств того, что он бежал и находится на свободе. Для отвлечения внимания можно было твердить, будто он находился в Москве.

Меры, принятые британцами против наиболее явных неонацистских движений, насторожили беглецов, хотя их деятельность за границей оказалась труднодоказуемой. Мнения людей, подобных Киркпатрику и прочим авторитетам в области немецкой истории, были весомы, но их реализацию приходилось иногда хранить в тайне, поэтому многие официальные документы надо читать, понимая, что скрывается за сухим бюрократическим языком.

Стивенсон выписал основные положения из наиболее убедительных отчетов. Иногда при внимательном чтении появлялось больше вопросов, чем ответов. Например, в сообщениях из Боливии от нескольких западных агентств,

включая Интерпол, в качестве первоисточника назывался человек, о котором ходила дурная слава, — он продавал европейским газетам слухи. Чиновник из Перу (с внушительными рекомендациями и множеством влиятельных родственников) поведал Стивенсону убедительную историю нацистских военных лагерей и охотно взялся организовать встречу со вдовой фельдмаршала Германа Геринга, которая якобы работала в универмаге в Лиме. Но эта женщина не являлась вдовой Геринга. С настоящей вдовой Стивенсон встречался. Она находилась в Мюнхене и болела. Так что доверие к чиновнику оказалось подорванным.

Приходилось согласиться с Симоном Визенталем (умер в 2005 г.) из венского центра документации, что ведется целенаправленная кампания с целью сбить со следа охотников за военными преступниками. Он называл это «нацистским бюро дезинформации», созданным по образцу КГБ. Все выглядело слишком сложным и запутанным.

…Борман был самым богатым человеком Третьего рейха благодаря контролю над фондами партии и личным состоянием Гитлера. Он перевел на свое имя всю собственность фюрера еще при его жизни, очевидно, без согласия последнего. К Борману перешло все, даже дом родителей Гитлера, все авторские права, включая права на почтовые марки с изображением Гитлера, и т.д. К концу войны эксперты союзников подсчитали, что Борман лично контролировал имущество на сумму в один миллион 890 тысяч американских долларов. Спустя девять лет, когда денацификационный суд пытался конфисковать имущество Бормана, чтобы выплатить компенсацию пострадавшим от нацистских зверств, обнаружилось всего 8500 долларов США. Затем суд Берхтесгадена попытался отдать наследство Бормана его детям, но после долгих поисков было найдено примерно 450 долларов, чего хватило только на судебные издержки.

В жарком климате за деньги можно купить уединение и электрический вентилятор в придачу, но даже за деньги невозможно выследить Братство без списка его членов. В лондонском архиве среди толстых томов неупорядоченных материалов Стивенсон нашел отчеты отделения британского МИДа, относившиеся к концу войны. Это были издания: «Военизированные нацистские группировки в Южной Америке» из нескольких сотен страниц; «Гитлеровцы и фаланга в Уругвае»; «Награбленное золото в немецких руках», которые занимали несколько папок. Там же находились «Избавление от нежелательных немцев за рубежом» — интригующий образец мошенничества и отчет «Поддельные банкноты», насчитывавший

более тысячи страниц. «Общение с Берлином» тоже весило немало.

Опираться исключительно на эти материалы было ненадежно. Агентства разведки, впитывая информацию, пережевывали ее для слабых желудков. Стивенсон научился с подозрением относиться к непроверенным источникам, а особенно к блистательным находкам западногерманских агентств, с их аккуратными картотеками и километрами стальных шкафов, из которых закодированная информация забивалась в компьютеры для быстрого поиска данных. Он почему-то больше доверял клеркам с замызганными манжетами, которые катили тележки с книгами вслед за стариками с ведерками угля, которым отапливалось министерство иностранных дел Великобритании. Но все же он не доверял им до такой степени, чтобы принять за истину их версию событий. Это было бы слишком легко! Он знал, как журналисты приходят к неверным выводам, безрассудно опираясь на «информированные источники» и сводки военной разведки в местах вроде Вьетнама. Он видел пропагандистов, привыкших изменять информацию, уже трансформированную целым сонмом сотрудников разведки до такой степени, что в результате не оставалось никаких правдивых сведений…

Стивенсон столкнулся с одним подобным примером. Докладывали, что члены Братства начали ссориться из-за денег в шестидесятые годы, и это было похоже на правду. Во главе восстания против Бормана якобы стоял капитан подлодки U-235. Говорили, что он привел свое судно в воды Аргентины, выгрузил награбленные нацистские сокровища, затопил лодку, перевел этот груз в деньги и купил себе большое поместье. Согласно этому отчету, на U-235 перевозили основные сокровища и золото Бормана в Мардель-Плата в 1945 году. Но, как выяснил Стивенсон, изучая немецкие отчеты, U-235 была зарегистрирована как затонувшая в Каттегате 14 апреля 1945 года. На берег Южной Америки она могла бы доставить свой груз через три месяца. Но ее по ошибке атаковал немецкий торпедный катер Т-17. Инцидент вызвал полномасштабное расследование. Сотрудники ВМФ союзников провели тщательную проверку, дабы исключить возможность ложного затопления лодки как прикрытия для побега. U-235 была подводной лодкой старого типа VIIC, построенной в Киле в 1942 году, — не лучшим судном по маршруту в тринадцать тысяч километров туда и обратно. Даже на самой высокой скорости это путешествие заняло бы десять недель, причем требовалась заправка топливом каждые 6 тысяч миль.

Чтобы убедиться, что в отчете номер подлодки не перепутан,

Стивенсон ознакомился с докладами о других субмаринах этой серии: U-234 сдалась противнику и продолжила свою службу в ВМФ США, U-233 напоролась на глубинную бомбу и была затоплена американским эсминцем в июле 1944 года, U-236 попала под бомбардировку королевских ВВС Великобритании 4 мая 1945 года. И так далее.

Из всех частей света поступали доклады, в которых «официальные агентства разведки» могли создать любой необходимый эпизод за достойную плату. Запах шелестящих зеленых бумажек вдохновлял солидных джентльменов из иностранных портов, которые выуживали Бормана из своей памяти. Скептицизм, вызванный такими «наводчиками», работал на пользу настоящим беглецам. Публика скучала, правительства уставали давать запросы об экстрадиции, а преступники скрывались за этой дымовой завесой.

Когда стало совсем невозможно отличать правду от лжи и уставшие люди уже с отвращением воспринимали бессмысленную охоту, появилась информация от фанатика из числа старых нацистов, и возродились старые подозрения.

Это произошло, когда Стивенсон прорабатывал тома экономических исследований по современной Латинской Америке. Швейцарская газета «Вельтвохе» сообщила о чрезвычайном скандале, который так неохотно освещался в западногерманской прессе: «Нацистских военных преступников предупредили, чтобы они не посещали некоторые страны из-за угрозы судебного преследования». Восьмистам немцев, которым так помогли лазейки в законодательстве у них на родине, напомнили, что французский суд все еще разыскивает их за преступления военного времени. Юридический отдел министерства иностранных дел Бонна, возглавляемый Йоханессом Гавликом, служившим генеральным инспектором оккупированной Чехословакии, передал немецкому Красному Кресту список с пометкой «совершенно секретно». Пока государственный прокурор во Франкфурте разыскивал массовых убийц, их предупредило боннское министерство иностранных дел.

Разразился скандал, так как бюллетень, опубликованный ветеранами 45-й пехотной дивизии в Линце, который Гитлер когда-то считал своим родным городом, содержал имена десяти человек, которым было «рекомендовано не посещать Францию по политическим причинам». Среди них оказался Алоис Бруннер (не следует путать его с другим членом группировки Эйхмана — Антоном Алоисом Бруннером, которого казнили в Вене за военные преступления). Бруннер отличился в команде по

ликвидации в Греции и Чехословакии, где его все еще числили в списках разыскиваемых. После войны он работал на секретную службу Гелена, последний раз его видели в Сирии. Швейцарская газета комментировала: «Уже не впервые Бонн скорее затрудняет розыск нацистских военных преступников, нежели способствует ему. Если их находят, то для того, чтобы предупредить об опасности, а не для того, чтобы арестовать». Существовали также вполне законные способы, используя которые преступники могли ускользнуть от правосудия в Германии, как и предсказывал Киркпатрик. Шеф французской контрразведки Жан Роше не питал симпатий к коммунистам, но высказывал свою озабоченность той терпимостью, с которой государства Западной Европы относятся к военным преступникам, в розыске которых заинтересована Восточная Европа и Советский Союз. Другие организации, подобные «Международной амнистии», были более озабочены операциями нацистского типа в католических странах, направленных против революционных священников и деятелей вроде Че Гевары.

Между тем советские чиновники из различных центров искусства добились поддержки Запада в своей борьбе за возвращение награбленных сокровищ, которые Бонн пытался скрывать до тех пор, пока не истечет тридцатилетний срок исковой давности. История Янтарной комнаты до сих пор остается невыясненной. Многие похищенные из СССР сокровища были спрятаны в фондах муниципального музея рурского городка Реклингхаузен. Официальный список предметов никогда не публиковался. Когда предприимчивый корреспондент «Таймс» Энтони Терри обнаружил в 1972 году местонахождение шедевров, ему сказали, что коллекции из русских музеев немецким войскам передал на хранение представитель эстонской церкви. Им оказался агент Альфреда Розенберга, гитлеровского уполномоченного по делам восточноевропейских территорий. «Никто, находящийся в здравом уме, не мог бы заявить, что такого человека уполномочила церковь», — заявил искавший сокровища Георг Штайн. Министерство иностранных дел Западной Германии поспешило предупредить его: «Вы вмешиваетесь вдело чрезвычайной государственной важности. Канцлер Кизингер позаботился о том, чтобы коллекции были надежно спрятаны, а записи посланы туда, где их будет трудно найти».

Лицемерная позиция, занятая западногерманскими чиновниками, многих привела в ярость. Для других, в числе которых был и Терри, это стало свидетельством долгосрочных планов. «Они верят в собственную ложь, — сказал он

Стивенсону. — Они позволяют главным нацистам возвращаться к общественной жизни. А бедолаг, которые — самое большее — охраняли концентрационные лагеря, держат в тюрьме как доказательства своей деятельности». Не так ли происходило и с Клаусом Барбье-Альтманом: пока гестаповец процветал в Латинской Америке, летая в Мюнхен, когда ему вздумается, французы не могли добиться его экстрадиции. Затем разразился скандал, связанный с французским пособником Барбье — Полем Тувье. Тувье скрывался у католического архиепископа Лиона, как утверждалось, в обмен на нацистские деньги. Он был заочно приговорен как военный преступник, и о его нахождении в Лионе под зашитой церкви стало известно только в 1972 году. Французский философ Гадеон Марсель призвал позволить Тувье мирно доживать на свободе. Впоследствии он оправдывался: «Я проявил слабость, поверив в его раскаяние». Мотив раскаяния вообще пронизывает все документы об укрывательстве нацистских преступников католическими учреждениями. В них повторяются одни и те же слова, эхом откликнувшиеся в 1972 году, когда кардинал Дюкер на вопрос о причинах его помощи Тувье ответил: «Я не забыл нацистские зверства, но я действовал, движимый милосердием и жалостью».

Папа римский хранил молчание в отношении уничтожения нацистами «низших» рас и слал громкие проклятия в адрес коммунистов. Церковь благословляла нацистских пособников в марионеточных государствах типа Хорватии и закрывала глаза на беспощадное преследование хорватскими головорезами партизан, боровшихся с немецкими захватчиками. Все эти противоречия до сих пор требуют объяснения.

Террор можно было бы остановить, если бы папа высказался против хорошо ему известных планов Германии! Размышления на эту тему продолжили много лет спустя американские католики, обеспокоенные значимостью данного вопроса для современников. В «Национальном католическом обозревателе» вышла статья о проекте папской энциклики, направленной против политики Гитлера: «Энциклика, осуждавшая расизм и антисемитизм, была написана в 1938 году папой Пием XI, но так и не увидела свет. В то время Гитлер только начал преследование евреев и еще не отдал приказ об их уничтожении; Италия также только начала копировать расистские законы Германии. Учитывая те преследования, которым евреи подвергались в ходе мировой истории, и те трудности, которыми сопровождалась бы атака подобных масштабов на католиков — особенно в Европе, а также моральный вес папства, особенно в тот исторический период, мы приходим к выводу, что публикация энциклики спасла бы сотни

тысяч, а может быть, и миллионы жизней… Подобное заявление пришлось бы к месту и в Америке, где католики, прежде всего рабочие, настроены против чернокожего населения. Если бы опубликовали четкое заявление против расизма, в США прекратилось бы жесткое расовое противостояние».

Журнал добавлял, что, очевидно, энциклика не была опубликована из-за антикоммунизма папы, который ослепил его и не позволил увидеть опасности нацизма. Журнал сделал следующий вывод: «Этот тип антикоммунизма слишком сильно распространен среди американских католиков, которые так много сражались с левыми, что ныне встают на сторону правых как в Германии, так и в Италии, США и во Вьетнаме».

НЕБЛАГОВИДНАЯ РОЛЬ ВАТИКАНА

Прошлое может дать нам урок, если только мы знаем с определенностью, что произошло в этом самом прошлом. В случае же полного упадка стандартов, происходящего у нас на глазах во многих аспектах западной культуры, ставятся под вопрос все наши притязания на моральное и интеллектуальное превосходство, и мы вряд ли сумеем приблизиться к истине. Большая группа людей, обладавших столь огромной властью, что начала использовать в управлении звериные методы, не исчезла за ночь. Если бы Германия первой разработала атомную бомбу подобно тому, как немецкие ученые первыми создали военные реактивные самолеты, ракеты и снаряды, явно возобладали бы нацистские теории, которые мы сегодня называем безумными. Ужас прошлого все еще слишком близок, чтобы как следует его познать. Нам не стоит надеяться и на чиновников, полагая, что станет известна хотя бы малая толика правды о нацистских фанатиках, оказавшихся на свободе. Отдельные факты перемешаны с большой долей фантазии.

Правительства, прежде делившиеся друг с другом информацией, засекретили ее. Это делается законным образом в интересах благосостояния нации или же определенных коммерческих групп. Да, существуют солидные международные учреждения, заявляющие о своей моральной беспристрастности и божественном предопределении и потому обязанные открывать свои тайны. Особенно это относится к католической церкви. Но известно, что церковь и правительства фашистского типа слишком часто сотрудничали, и это нельзя назвать простым совпадением и не обратить на это внимания. Пасторское письмо, опубликованное в июне 1933 года немецкими католическими епископами, выражало их стремление «не препятствовать национальному возрождению нового рейха». Непонимание истинной сущности нацизма исключено, так как заявления подобного рода пронизывают всю политическую историю первой половины XX века.

Невозможно обойти роль Ватикана в послевоенных приключениях нацистских преступников. Теперь, более полувека спустя, сами католические историки начинают задавать пытливые и нелицеприятные вопросы. В головоломке с Борманом слишком много католических фрагментов, чтобы их игнорировать. Если некоторые из них выглядят чересчур драматичными даже для художественной литературы, значит, таков мир, в котором мы живем. Иногда фантазия оказывается менее впечатляющей, чем

подлинные факты. История сохранила нам примеры разных позиций католиков. Так, во время войны в Германии действовало несколько католических групп сопротивления.

Молодые священники в современной Латинской Америке нередко первыми призывают к социальным и экономическим переменам. Епископ Реймский описал, как во Франции кардинал Герлиер отказался выдать гестапо участников «коммунистического» сопротивления взамен жизней двух священников и публично заявил: «Евреи — мои братья». В 1972 году Клаус Барбье-Альтман сообщил, что в Боливии его защищает церковь.

Количество людей, которым католическая церковь предоставила убежище, просто поражает. Очевидно, Мартин Борман в последние месяцы жизни Герды неслучайно нашел укрытие в тихой долине между Шварцвальдом и Швабскими Альпами: в этом регионе традиционно сильна католическая вера, и возможно, поэтому у Бормана появилась мысль о спасении именно здесь. Напомним, что Герда обратилась к церкви в свои последние часы и оставила детей на попечение католических учителей. В период войны ее письма были пропитаны ядом ненависти как против евреев, так и против христианства. Первым, что сделал ее муж в качестве главы партийной канцелярии, стал выпуск одиозной директивы для гауляйтеров от 6 июня 1941 года, касавшейся отношений между нацистами и христианством: «Идеи национал-социализма и христианства несовместимы. Христианские церкви возводятся на людском невежестве. Напротив, национал-социализм основан на научных выводах. Когда мы говорим о вере в Бога, мы не имеем в виду, подобно наивным христианам и их духовным эксплуататорам, человекообразное существо, сидящее где-то во вселенной. Силу, действующую по тому естественному закону, который заставляет двигаться бесчисленные планеты вселенной, мы называем всемогуществом или Богом. Предположение, будто эту вселенскую силу могут волновать судьбы отдельных людей и самых мелких земных бактерий, что на нее можно повлиять так называемыми молитвами и другими вещами, покоится исключительно на наивности и бесстыдном своекорыстии профессионалов… Верующих необходимо отобрать у церкви и манипуляторов-священников».

И вот пародокс: Борман хотел разрушить церкви, а его дети оказались в ее лоне.

Епископ Алоис Гудал, наставник его старшего сына, являлся основным агентом в группах, занимавшихся организацией побегов. Когда Адольф Эйхман, вороватый мясник, отправивший

на казнь миллионы людей, похвастался, что бежал в Южную Америку с помощью Гудала, епископ ответил: «Мой христианский долг — помогать всем, кто оказался в нужде и опасности». Однако агентство, чья деятельность протекала под надзором ватиканской организации помощи беженцам, очевидно, полностью сосредоточилось на бывших нацистах. При этом Ватикан выдавал паспорта только католикам.

Имя Гудала не раз упоминается в признаниях пойманных военных преступников. Доктор Герхард Боне, обвиняемый в пятнадцати тысячах убийств, сделанных посредством «эвтаназии», будучи арестованным в Буэнос-Айресе в марте 1964 года, заявил, что бежать ему помогла «благотворительность, распространявшаяся на многих беженцев». Епископ Гудал умер в 1966 году, и, возможно, ему просто приписали некоторые побеги, которые в действительности являлись делом рук ODESSA. В то время именно она несла ответственность за операцию «Тишина» — серию убийств людей, слишком много о ней знавших. Некоторые из этих убийств были обставлены как самоубийства.

Епископ Гудал озвучил свои взгляды на нацизм в самом начале этого движения. Его книгу «Основы национал-социализма», опубликованную в 1937 году в Лейпциге и Вене, с большим энтузиазмом встретила нацистская пресса. Он полностью соглашался с нацистскими «оборонительными действиями» и оправдывал нацизм, считая, что он отражает мощную христианскую культуру. Не следует думать, будто в тридцатые он не ведал о национализме лидеров, о диких племенных теориях католиков, достигших высоких постов в партии. К несчастью, из его работ следует, что он был одержим борьбой с антихристианской сущностью коммунизма и его больше всего заботило уничтожение «большевистского дьявола». Он искал компромисса между церковью и нацистами, которые, по его выражению, «были на правильном пути». В католическом Кельне 17 октября 1936 года местная нацистская газета «Вестдойчер беобахтер» посвятила всю первую полосу идеям Гудала. Скольких немцев таким образом убедили закрыть глаза на происходящее в концентрационных лагерях Германии? Сколько людей заставили замолчать собственную совесть как раз тогда, когда принимались драконовские законы, выраставшие вокруг них, подобно темному лесу? Сколько из них не решились сопротивляться нацизму? В 1936 году умный и образованный немец — а многие немецкие католики были интеллектуалами — не мог не замечать того, что планировал Гитлер!

Все епархиальные католические издания, за исключением «Берлин Зее», распространяли антисемитскую пропаганду

Геббельса и его «эксперта» по еврейскому вопросу — Йоханна фон Леерса. На встречах представителей Ватикана и Германии евреи и другие назывались злодеями и негодяями. «Я всего лишь делаю то, что церковь вершила на протяжении пяти столетий», — сказал Гитлер епископу Вильгельму Бернингу 26 апреля 1933 года. Протестантские священники также получили соответствующую информацию, поскольку их лидером был капеллан Людвиг Мюллер, друг фюрера. На пятидесятилетие Гитлера в 1939 году протестантские и католические священники всех епархий, за исключением двух, обнародовали следующую молитву: «Помяни, Господи, нашего фюрера, чьи тайные устремления лишь Тебе известны». К тому времени его «тайные» устремления ни для кого не являлись секретом, поскольку их отразили нюрнбергские законы, которые епископ Гудал определил как «неизбежные ответные меры против враждебных элементов».

Епископ Гудал поддерживал связь Ватикана с гитлеровским окружением. Она не сразу стала официальной, но Третий рейх накануне запуска своей программы ликвидации евреев был уверен, что римский папа не скажет ничего такого, что могло бы вызвать протест немецких католиков.

Вскоре после начала Второй мировой войны и вероломного вторжения фашистов в сентябре 1939 года на территорию католической Польши новый папа, Пий XII, выпустил энциклику, в которой попросту опускались основные вопросы, возникавшие в связи с этой агрессией. Зато она содержала обращение к «заблудшим душам еврейского и другого происхождения, сотрудничавшим с революционными движениями». Это относилось к большевизму и поддерживало нацистских идеологов, которые вовсю эксплуатировали тему зловещего заговора, составленного евреями и коммунистами. Гордон Цан, автор книги «Немецкие католики и гитлеровские войны», заметил в «Национальном католическом наблюдателе» от 15 сентября 1972 года: «Энциклика показала не просто неспособность папы Пия XII протестовать против систематического истребления евреев, но и его явный отказ от продолжения политики его высокочтимого предшественника» — Пия XI, готового осудить нацизм и террористические бомбардировки.

С тех пор ватиканская политика стала источником споров и противоречий. Все, кто ей следовал, знали, что после войны припрятано много документов, обнаруживающих связи Пия XII с фашистскими правительствами. Этой истории можно посвятить отдельную книгу. Существуют неопровержимые свидетельства того, что многие учреждения Ватикана целенаправленно или по недосмотру рассеянных «средневековых» монахов скрывают в

архивах и подвалах документы, подтверждающие непростительную терпимость папы в отношении нацистских действий…

Подобные документы совершенно свободно могли попасть и в руки Бормана, но это доказать невозможно. Являясь секретарем фюрера, он отвечал за переписку с Ватиканом, вел тщательные записи встреч с ватиканскими эмиссарами, как и со всеми потенциально полезными людьми. Благодаря своей уникальной коллекции он заслужил титул «Господин Собиратель Бумажек», а использование партийного телетайпного центра прославило его как «Главного Рассылателя Сообщений». Сообщения и клочки бумаги всегда имели определенную ценность, но обычно служили Борману для борьбы с соперниками или их уничтожения. Члены суда описывали, как он использовал документы для шантажа. Казалось, он хранил в своих папках уважение, работу и саму жизнь людей.

Ватикан взирал на него с опасением. Борман явно знал достаточно для того, чтобы впоследствии потребовать папской защиты, и существовало много причин, по которым он мог обратиться за помощью к церкви, будучи в бегах. Одна из этих причин, надежно задокументированная, связана с так называемым «Отчетом X», появившимся под таким названием в архивах американской и британской разведок. Утверждали, что документ отражал предположение Ватикана о готовности британцев к мирным переговорам. Немцы начали тогда дипломатическое зондирование обстановки, чтобы выяснить, существует ли для нацистской военной машины возможность сфокусироваться на России. Но этот отчет противоречил записке Черчилля министру иностранных дел Великобритании Энтони Идену. В ней утверждалось: «Мы не хотим запрашивать условия мирного договора с Гитлером… всем нашим агентам строго запрещено распространять подобные предположения».

Любая неверная оценка британских планов в то время могла бы привести к катастрофе. Британия страдала от немецких воздушных налетов, а ее солдаты тренировались с метлами. В Америке при поддержке членов групп Немецкой дружбы и культуры пытались убедить президента Рузвельта в том, что с Великобританией покончено. Эта кампания была нацелена не только на то, чтобы предотвратить вступление США в войну, но и чтобы остановить поставки в Британию чрезвычайно необходимого ей оружия. «Отчет X» давал понять, что Великобритания дрогнула. Он ссылался на готовность к мирным переговорам со стороны тех самых агентов, которых имел в виду Черчилль. Казалось, Гитлер мог спокойно завладеть всей

Западной Европой перед тем, как полностью сосредоточиться на войне с Советским Союзом.

«Отчет X» зафиксировал разговоры папы с тайными немецкими связными после захвата Польши. Бумаги, находившиеся в личных архивах Бормана, укрепили распространенное убеждение в том, что Пий XII связался с национал-социализмом, страшась коммунизма и симпатизируя режимам, заявлявшим, что Советский Союз есть воплощение дьявола.

Об «Отчете» стало известно посте того, как антинацистская немецкая группировка запросила британцев об их требованиях к Германии, если бы Гитлера удалось устранить. Ответ, по версии Ватикана, был следующий: если бы нацистский режим уступил место достойному доверия правительству и на Западном фронте были бы остановлены все военные действия, британцы могли бы «подумать о восточных границах». Тем не менее отчет включал интерпретацию, которую британцы сочли опасно ошибочной, так как папа заявил, будто британцы готовы к переговорам в пользу немецких интересов.

Когда «Отчет X» попал в руки фельдмаршала Вальтера фон Браухича, он расценил как измену предположение о том, что антинацистское правительство вступит в переговоры с Великобританией. Донесения британской разведки в последующие годы показывали, что условия Лондона оказались жесткими: восстановление Австрии, Чехословакии и Польши в их прежних границах и отмена немецкой экономической политики, наносившей урон всем остальным торговым государствам. Желательно было, чтобы Гитлер и нацисты очутились в веревочной петле.

Словом, существовали значительные различия между официальными британскими требованиями и условиями, передававшимися из Ватикана в Берлин. В руках Братства или кого угодно, желавшего раздуть вражду против Ватикана, копия этого отчета оказалась бы кстати. Отчет относился к той же категории, что и неформальное общение папы Пия XII с гитлеровскими помощниками, когда действия нацистов одобряли и давали им понять, что они могут применять «административные меры» в отношении евреев. Условный язык и вуалирование замысла предложений Гитлера о ликвидации всех «недочеловеков» позволяли Пию XII отгородиться от реальности.

«Отчет X» обнаружил в 1940 году шеф гестапо Мюллер. Заметим, что его информатором был отец Келлер, монах-бенедиктинец. Затем «Отчет» отправился к Борману. В нем отражалась озабоченность папы положением немецкой церкви, а

также утверждалось, что британцы разумно отнесутся к вопросу о восточных территориях. Теперь мы знаем, что папу сильно волновала вероятность захвата Советским Союзом власти в Восточной Европе и, возможно, за ее пределами. Он стремился достичь компромисса, который привел бы к созданию общего англо-немецкого фронта против коммунизма.

Британские условия поступили по другому каналу — через двух британских агентов, известных как «капитан С. Пейн Бест» и «майор Р.Х. Стивенс». Они встретились с шефом нацистской разведки РСХА Вальтером Шелленбергом в Голландии. Шелленберг выдавал себя за «капитана Шеммеля» из отдела военного транспорта, и в его задачу входило убедить британскую разведку в наличии антигитлеровского движения внутри армии. Другими словами, он выступал как провокатор. Он также хотел обнаружить слабые места в твердой позиции британцев. Война с Великобританией длилась всего несколько недель.

Первые контакты были установлены немцами в октябре 1939 года, и указанные выше переговоры проходили как раз перед вторжением Германии во Францию и соседние страны. Переговоры начались в машине, следовавшей вдоль немецко-голландской границы. Британские агенты шли на серьезный риск. Они слышали радиообращения Гитлера, в которых он призывал Великобританию признать его победы в Польше и Чехословакии. Они знали о вероятности молниеносного продвижения немецких войск на юге, но должны были повторять, что Великобритания ни при каких обстоятельствах не признает разросшуюся империю Гитлера. Последнее обсуждение проблемы состоялось в офисе компании «N.V. Handels Dienst Veer Her Continent Nieuwe Utleg № 15» в Гааге. Это была операция прикрытия для британской разведки: Шелленбергу тогда дали британский радиопередатчик с номером вызова 04 и тайным телефонным номером 556/331. Также ему напомнили, что со стороны Британии уступок ждать не стоило даже в случае атаки на юге.

В ноябре Шелленберг организовал встречу в ресторане на голландской границе. Дата совпала с годовщиной мюнхенского путча 1923 года, и Гитлер направился в пивной подвальчик, чтобы отпраздновать это событие. Вскоре после его ухода взорвалась бомба, были убиты несколько высокопоставленных нацистов. Шелленберг сразу же получил приказ прекратить играть в настроенного против нацизма немца и арестовать британских агентов. Специальные подразделения СС, ожидавшие у границы, моментально похитили Стивенса и Беста. В перестрелке был тяжело ранен и умер третий сотрудник спецслужбы, известный как «лейтенант Коппенс», который на

самом деле являлся офицером голландского генерального штаба.

Гитлер заявил, что бомбу подложили британские агенты. Несмотря на все доказательства обратного, предъявленные Шелленбергом, Гитлер настаивал на своем убеждении, подстрекаемый Мюллером. Но того, что агенты отказались под пытками подтвердить версию о британской готовности к переговорам, заявленную в «Отчете X», было достаточно, чтобы уравновесить опасное вмешательство Ватикана.

Даже позднее «Отчет» вызывал горькое чувство. По словам Отто Йона, все копии текста, попавшие к лидерам движения Сопротивления, были уничтожены. Копия Бормана находилась среди тонны материалов, вывезенных из Берлина и до сих пор не найденных.

Общение Бормана с Ватиканом от лица Гитлера проводилось на языке, который, должно быть, удовлетворял обе стороны. Борман обычно использовал в речи немногие и самые простые слова. Можно предположить, что если он прибегал к обтекаемым или неясным формулировкам, то делал это, чтобы избежать смущения папы. Естественно, нацисты ничего не выигрывали, скрывая подлинную сущность того, что было запланировано «окончательным решением еврейского вопроса». Борман описывал это в изящных выражениях только ради стремления Ватикана не замечать геноцид. «Самая суть проблемы требует ее решения с беспощадной жесткостью в интересах безопасности народа». Это касалось евреев Польши, балтийских государств, оккупированной России и еврейских общин в Европе. В Польше было более грех миллионов евреев и еще четверть миллиона — в оккупированной России. Это означало их уничтожение.

Возможно, для папы это значило то же самое. Зная о событиях в России, он не мог оставаться в неведении относительно той новой технологии геноцида, которая как раз вводилась в России. Нацисты убивали приговоренных жителей в фургонах еще на пути к могильным ямам. Выхлопные трубы были выведены в пассажирские отсеки. Это не являлось секретом, нацисты гордились эффективностью своего изобретения. Одно простое заявление со стороны Ватикана могло бы остановить эскадроны смерти.

Беата Кларсфельд в свое время сказала Стивенсону: «Если бы в 1933 году папа приехал из Ватикана в Берлин и сказал бы нацистам: «Я еврей», миллионы были бы спасены. Вот ведь католический президент — Джон Кеннеди — счел нужным похвастаться коммунистам, что он был берлинцем!»

Всякая католическая оппозиция Гитлеру притупилась после подписания в 1933 году конкордата между Германией и

Ватиканом. Это было первое официальное признание гитлеровского режима иностранным государством. Оно определило отношение католической церкви к новой Германии. С тех пор немецкая церковь не оказывала противодействия нацистам.

Франц фон Папен, признанный виновным послевоенным денацификационным судом и участвовавший в процедуре подписания конкордата, заявлял: «Третий рейх — это первое в мире государство, в котором высокие принципы папы римского не только признаются, но и исполняются на практике». Папен может служить примером того, как католики мирились с одной формой бесчеловечности и при этом резко осуждали другую — коммунистические репрессии.

Через четыре года после заключения конкордата с Германией папа Пий XI издал энциклику «Divini Redemptoris» с обличением коммунизма и атеистов: «Никто из хранителей христианской цивилизации не должен сотрудничать с ними ни в какой области», — требовал Пий XI. Другая энциклика, «Единство человеческой расы», осуждавшая расизм и антисемитизм, не была опубликована. В Риме над ее проектом работали американский иезуит Джон Ла Фардж вместе с немецким иезуитом отцом Густавом Гундлахом. В записке, датированной июлем 1938 года, отец Ла Фардж писал, что понтифик сказал ему: «Скажите то, что бы вы сказали на месте папы». Все предполагали, что этот проект Пий XI не получил, так как глава ордена не дал работе Ла Фарджа выйти за пределы его письменного стола.

Энциклику подготовили за пятнадцать месяцев до конца войны. Но Ватикан тогда был увлечен борьбой с Советским Союзом, где католических священников разоблачали как шпионов.

Нарком иностранных дел В.М. Молотов обвинил Ватикан в сотрудничестве с мировым капитализмом и в «подстрекательстве к войне». Сталин говорил о «крестовом походе священников под предводительством папы римского» против Советского Союза. И действительно, с первого же года войны неприятие коммунизма Пием XII было в глазах многих наблюдателей близко к крестовому походу: он отказался осудить немецкие зверства, он унаследовал пакте Муссолини, иерархию, симпатизирующую фашизму, и проводил благоприятную для Франко политику.

Атаки на Пия XII за его молчаливое принятие нацистских зверств и нападки на его мировоззрение заставили Ватикан издать в 1966 году два тома архивных документов, чтобы поддержать папу. Но все же оставался вопрос: почему папа отнюдь не хранил молчание в отношении коммунизма? И,

конечно же, было невозможно проследить за тем, как отбирались документы для публикации, и никто из посторонних не узнал, что оказалось опущено в двухтомнике избранных работ.

В 1952 году Пий XII вновь продемонстрировал свою предвзятость, пытаясь на местных выборах навязать итальянскому премьер-министру альянс с неофашистской группировкой. Это помогло бы избежать назначения мэра-коммуниста. Министр обороны того времени Джулио Андреотти во всеуслышание процитировал тогда слова папы, что «большие батальоны католического действия» помогут разрушить равновесие. Пий XII уговаривал жену премьера повлиять на своего мужа, чтобы он не противился этому плану. «Мы не хотим возвращения Муссолини», — ответила ему супруга премьер-министра. Священник возразил: «Лучше Муссолини, чем Сталин».

История эта важна не только сама по себе. Тот факт, что церковные сановники никогда не отрицали ее правдивость, говорит о многом. Американский иезуит отец Роберт Грэхэм писал, что когда ватиканские представители что-либо отрицали, они делали компиляции, служившие дипломатическим целям. Так дипломатично было заявлено, что у Ватикана имелось свое толкование понятия правды.

…В Ватикане посланников Гитлера принимали в одной из нескольких гостиных, декор которых отличался мрачностью и сентиментальностью. «Темные стены, покрытые дамасской тканью, стулья с кружевными покрывалами, созданными руками преданных монахинь, сентиментальные картины, изображающие радугу над собором Святого Петра, и мир, страдающий под натиском бурь», — докладывал генерал СС Карл Вольф. В тот же день он пытался договориться с американцами. Подобно многим высокопоставленным немцам, Вольф благоразумно не терял связи и с Богом, нанося регулярные визиты кардиналу-секретарю (главному ватиканскому министру), делясь с ним конфиденциальными планами по спасению ценностей из руин Третьего рейха.

Важными документами занимался хранитель папских писем, располагавшийся на третьем этаже дворца. Это место гарантировало полное уединение — не существует ни одного отчета агентов, которым удалось бы проникнуть в лабиринты дворца или решить бюрократические загадки Пия XII, который самостоятельно вел всю административную работу. Папа был известен своей любовью к немцам и признательностью им за то, что Гитлер не преследовал церковь напрямую. Папство всегда представляло собой сложный автократический орган, не претендующий на какую-либо демократию. Его иностранная

политика была направлена на создание дипломатическими средствами соответствующих условий для спасения людей. Тем не менее венгерское восстание 1956 года побудило самого папу Пия XII выпустить три энциклики за три дня — прямо-таки папский рекорд — с проклятиями в адрес СССР.

Более точным определением сущности его политики будет следующее: церковь всегда должна в отношениях с правительствами думать о собственном выживании. Это заложено в канонах католической теологии.

Беглым нацистам давали приют, считая, что они возвращаются в ряды паствы или готовы обратиться в католичество. Гергфон Конрат, эксперт нацистской разведки по делам Советского Союза, позднее описывал ту помощь, которую ему оказывали в «монастырской цепи». Добравшись до Рима, он определился инженером в тевтонский колледж, где служил епископ Гудал. По словам Конрата, он пересек итальянскую границу вместе с Мартином Борманом в 1947 году, когда Борман почувствовал, что можно покинуть лагерь для беженцев, а затем и датский госпиталь для чинов СС. Конрат вновь вскользь упоминал об этой встрече в своей книге «Паспорт для правды», изданной в 1972 году, где шла речь о политических и расистских притеснениях в Юго-Западной Африке.

Борман со своими связками документов имел право притязать на папскую защиту, а его характер позволял ему ради собственного спасения поцеловать кольцо кардинала или пройти через любые другие ритуалы, которые убедили бы церковь в его готовности оказаться под ее защитой. Его «лакей» Кальтенбруннер послал свою любовницу, католичку графиню Гизелу фон Вестроп, в Швейцарию вместе с большим числом документов. Американская контрразведка задержала ее при выполнении последнего задания по переправке ювелирных драгоценностей.

Отправка различных вещей в Швейцарию приобрела невиданные размеры, как заявил Шелленберг в центре допросов в имении герцога Бедфордского. Она достигла больших масштабов уже в конце 1942 года. К 1944 году в Швейцарию перевозили ценности на сумму до 600 миллионов долларов — и это учитывая одно только награбленное золото!

Швейцарцы продемонстрировали, что двойные стандарты, применяемые к жертвам, были характерны не только для Рима. Шелленберг рассказал британцам: «Швейцарцы заплатили тысячами жизней, ставшими их вкладом в победу. Но это были не их жизни, а ста тысяч евреев, которые бежали к границе, откуда их развернули обратно — прямо к нам в руки». Швейцарский

федеральный совет издал после войны доклад, показывающий, что еврейских беженцев либо отправляли назад, либо передавали немецкой полиции. Автор доклада — профессор Карл Людвиг — писал: «Некоторые из них кончали жизнь самоубийством прямо у ног швейцарских пограничников, лишь бы не попасть в руки немцев».

Шелленберг с удивлением узнал от своих агентов, что правительство Швейцарии в октябре 1942 года приказало первой и четвертой армиям усилить границы и перекрыть определенные ненаселенные зоны. «Это сделано для того, чтобы не дать евреям пробраться в нашу страну», — объяснили агенты. Все боялись возмездия. В Ватикане считали, что если папа выступит в защиту некатоликов, в лагеря смерти отправятся сами католики.

Доклад швейцарского правительства о неприятии беженцев в военное время также определял готовность предоставить швейцарские банковские учреждения, известные своей защитой тайны вкладов, в распоряжение нацистов. На швейцарские склады было переправлено огромное количество материалов, включая копии большинства нацистских военных фильмов и съемки казней, которые официальные лица сочли хорошим капиталом для будущего. В конце войны начали поступать документы с особым штампом секретности, использовавшимся в канцелярии Бормана. Они включали в себя оборотные долговые обязательства и закладные на имущество, которое все считали собственностью фюрера. Корыстное уважение тайны личной жизни (даже в преступном контексте) не позволило швейцарцам обнародовать дальнейшую информацию. Но Шелленберг, тесно сотрудничавший со швейцарской разведкой, оказался не столь молчаливым. Прежде чем покинуть центр допросов, он заметил, что среди бумаг Бормана есть планы похищения папы, разработанные по настоянию Гитлера. Если и было нечто, что делало Бормана фигурой, полезной для Ватикана, так это противодействие указанным планам…

ДОРОГАМИ ВАТИКАНА — В ЮЖНУЮ АМЕРИКУ

Замысел похищения папы римского был похож на другие дикие заговоры, но вряд ли бы он потряс Ватикан, у которого имелось достаточно информации о все более страшных деяниях фюрера. Гитлер отправил своих лучших агентов в Лиссабон, когда герцог Виндзорский посещал эту нейтральную территорию в 1940 году. Впоследствии Шелленберг вспоминал, какие нелепые приготовления они делали, чтобы схватить бывшего короля Англии, о котором Риббентроп сказал Шелленбергу, что он стал заложником британских спецслужб. Теперь, когда он находился на Пиренейском полуострове, Гитлер счел возможным положить на его счет 50 миллионов швейцарских франков, если герцог отвернется от королевского семейства Великобритании. Если бы спецслужбы Великобритании заблокировали эту попытку, Шелленберг должен был предпринять другие шаги.

Шеф нацистской разведки РСХА сказал британским следователям, что он был тогда потрясен, и уточнил, действительно ли Риббентроп поручает им похитить герцога. «Мы просто исполняем желание герцога, — отвечал Риббентроп. — Он хочет, чтобы все выглядело, как похищение». Этот комичный эпизод мог бы иметь трагические последствия. В итоге Шелленберг нанял в Лиссабоне бандитов, и они швырнули камни в окна виллы герцога. Пришел пожилой британский полисмен и попросил хулиганов уйти. А Шелленберг смог сослаться на то, что герцога надежно охраняют.

Предупреждение о намерении направить в Ватикан молодчиков Скорцени послал окольными путями Мартин Борман. Таким образом он оказал важную услугу церкви, чего, собственно, и добивался. Это ему почти ничего не стоило, но зато много дало в дальнейшем, что было отмечено рядом свидетелей. Его «донкихотский» поступок при ближайшем рассмотрении оказывается чрезвычайно практичным.

Другой план — спрятать папу Пия XII где-нибудь на территории оккупированной Франции — появился в конце 1943 года. «Под влиянием Геббельса фюрер серьезно обдумывал возможность заключения папы в своего рода изгнание — в Авиньоне», — рассказывал Шелленберг после войны. Сам он в это время готовил маршруты отступления и тайно встречался в Стокгольме с американцем Стивенсом Хьюитом, которого он воспринимал как влиятельного представителя президента

Рузвельта.

Похищение папы было явно не в интересах тех немцев, которые надеялись или перейти на другую сторону, или достичь мирного урегулирования, чтобы сохранить хотя бы часть власти. Шелленберг явно нервничал. Он говорил Борману, что Гитлер до последнего времени избегал прямого конфликта с церковью, и это оказалось неплохой стратегией: пока лидеры церкви видели возможность иметь свою точку опоры в Третьем рейхе, они оставались в стороне от политики и умиротворяли свою паству.

В это время Отто Скорцени планировал спасение по воздуху Муссолини, который после свержения в июле фашистского режима в Италии находился в заключении. Скорцени пришел в ужас от перспективы штурма Ватикана, не только потому, что он считал это невозможным с военной точки зрения, но и оттого, что даже он мог представить себе последствия такой авантюры. Тем не менее был разработан сценарий, основанный на точном плане Ватикана и с учетом обычного распорядка дня понтифика.

Уже эта схема выглядела безумной, но потом случилось нечто большее. Риббентроп задумал отправить в подводной лодке большое число спецагентов на побережье Америки. Они должны были развернуть пропагандистскую кампанию по радио, направленную против американцев европейского происхождения, чтобы создать оппозицию при переизбрании Рузвельта. Были отданы приказы об отборе субмарин дальнего действия, пригодных для этого предприятия.

«Затем, — продолжал Шелленберг, — прозвучала еще более сумасшедшая идея. Встал Риббентроп и заявил, что у него есть сообщение о деле чрезвычайной важности, требующем соблюдения полной секретности». Речь шла об убийстве Сталина. Детали были известны только Борману и Гитлеру. Предстояло организовать конференцию, чтобы Риббентроп смог встретиться там с советским вождем. Фюрер сказал, что одному Риббентропу это сделать не удастся, ему необходим помощник. Шелленберг, испугавшись возможности своего назначения на эту роль, моментально удалился к техническим экспертам. Им поручалось создать крошечный пистолет в виде автоматической ручки, стреляющий пулей крупного калибра с точностью попадания в радиусе от пяти до восьми метров.

Шелленберг думал, что все вокруг сошли с ума. Только Борман никогда бы не стал ввязываться в такое дело. Он сказал Шелленбергу, что предложение похитить папу римского отложено на неопределенный срок.

По словам Шелленберга, самоубийственная попытка покушения на Сталина не отклонялась, но сам Риббентроп был

удален Борманом из поля зрения Гитлера. Борман действовал согласно процедуре, которую он когда-то открыл Скорцени: «Соглашайся! Рапортуй об успехах! Пусть идет время, а затем появятся препятствия…»

Итак, отобрали двух агентов, чтобы поместить взрывчатку в машину Сталина. «Заряд был размером в кулак и выглядел как кусок сахара, — вспоминал позднее Шелленберг. — Он управлялся по коротковолновому радио. Передатчик имел размеры спичечной коробки и радиус действия в одиннадцать километров. У нас оказались два дезертира из Красной армии, один из них дружил с механиками кремлевского гаража — по крайней мере, он так сказал. Они были сброшены на парашютах в район, где Сталин мог появиться в один из своих выездов на линию фронта. С тех пор о них мы ничего больше не слышали».

…Борман тщательно записывал все эти безумства на квадратных кусочках картона и продолжал с обычной энергией устанавливать контакты. Он связался с Паулем Леверкюном из ближневосточного отдела службы адмирала Канариса. Ливеркюн был шефом центрального отдела в Стамбуле, где папским нунцием служил кардинал Рокалли. С Леверкюном Борман обсуждал начавшиеся дезертирства немецких офицеров. Худшим примером была ситуация с сотрудниками абвера в Стамбуле, которые перебежали на сторону британцев. Речь шла о графине Плеттенбург и Эрихе Фермерене. Заподозрив что-то неладное со стороны гестапо, они попросили помощи у британской разведки. Ценой их билета в Каир стал ключ к кодам абвера.

Глава шпионской миссии в Стамбуле раскрыл Борману детали той хаотической ситуации, которая сложилась в сфере ближневосточных операций. Борман попросил Леверкюна передать в Турции пакет папскому нунцию кардиналу Рокалли. В пакете находился подробный план перемещения папы из Рима в Авиньон, а также заверение Мартина Бормана о том, что этот план не подлежит реализации. Возможно, так Борман добивался того, чтобы ватиканский люк остался для него открытым. Леверкюн вернулся в Стамбул и передал пакет нунцию. После войны данная история и стала известна от самого Леверкюна.

Вот таким образом Мартин Борман сделал кардинала Рокалли, будущего преемника Пия XII, каналом для передачи своих новостей. Кардинал сразу же проинформировал обо всем папу. И даже более того, он связался с архиепископом Френсисом Спелманом из Нью-Йорка, с которым состоял в переписке. Архиепископ доложил Рузвельту о письмах папского нунция, носивших характер дружеских личных посланий. В свою очередь, Рузвельт информировал британцев, имевших квартиру,

расположенную на последнем этаже гостиницы «Дорсет» на 54-й Западной улице Нью-Йорка. Там проводил редкие часы досуга шеф разведки Черчилля — Уильям Стивенсон, управлявший большим хорошо замаскированным учреждением, известным как Координационный отдел британской службы безопасности. Отдел располагался за углом гостиницы.

У. Стивенсон совершал регулярные перелеты через Атлантику на бомбардировщике. Он связался с Каиром и получил необходимую информацию: перехваты сообщений абвера подтверждали, что папу предупредили о замысле Гитлера, реализацию которого на время обезопасил Борман. В то время возникли подозрения, что истинным правителем является Борман. К сожалению, этот факт долго игнорировали, и трагически мало союзных стратегов верили в это. «Внешний вид Гитлера вызывает большие опасения, — говорилось в конфиденциальном отчете Канариса. — Его левая рука трясется так сильно, что он вынужден придерживать ее правой, производя впечатление марионетки, чьи нити дергают в разные стороны: левая рука взмывает вверх, правая тянет ее обратно вниз. Его походка тоже стала дерганой. Его глаза, которые всегда были властными и гипнотическими, потеряли всякий признак жизни. Это большая ходячая кукла, из которой исходит голос, оставшийся таким же чистым и сильным, как и прежде. Но фразы стали короткими и отрывистыми. Эта марионетка в человеческий рост уже износилась. Внутри нее свернулся тот, кто способен многое сказать, но уже готовится бежать».

Борман, тот, кто «свернулся внутри», действительно собирался бежать. Британцы в Нью-Йорке занимались более насущными делами, чем анализ возможного быстрого краха рейха. И все же вместе с генералом Донованом из управления стратегических служб они подготовили приказ своим экспертам с заданием проанализировать, что может произойти. Британцы содействовали провалам зарубежных отделов немецкой разведки и благодаря этому получали ценную информацию, которая могла оказаться чрезвычайно важной для успеха высадки союзников и финальной атаки их войск.

Эксперты, которые должны были предсказать маршруты передвижения беглых нацистов по окончании войны, считали, что Латинская Америка окажется логичным направлением для беглецов. Они предполагали, что ведущие нацисты двинутся известными маршрутами — через Баварские Альпы и Италию, а также используют цепь монастырей. Прочие могут попытаться достичь по воздуху Испании или же бежать на подводной лодке из Гамбурга. Особое внимание приходилось уделять

зашифрованным посланиям, передававшимся через расположенные в Испании и Португалии коротковолновые станции, у которых имелись ретрансляторы в Северной и Южной Африке. Все они имели значение для немецких воздушных и подводных операций и могли сыграть свою роль в организации побегов.

Таким образом, когда нацисты начали бежать с тонущего корабля, за ними уже следило много глаз и ушей. К середине 1945 года западные союзники подготовились действовать, исходя из прогноза, что после войны Латинская Америка будет наводнена нацистами.

По словам Франца Штангля и других беглецов, пойманных позднее, Ватикан отплатил за услугу, оказанную ему Борманом, с математической точностью. Они заявляли, что Борман по меньшей мере один раз навестил умирающую жену. Она устроила детей на вилле в Волькенштайн (Гроднерталь в Австрийском Тироле), до которой удобнее всего было добираться верхом на лошади, так далеко она находилась от всех дорог. Генерал Джордж Паттон знал о вилле от Александра Раскина, которому местный врач сказал, что госпожа Борман смертельно больна. Паттон приказал агентам контрразведки «позволить бедной женщине спокойно умереть». В результате охрана виллы расслабилась.

Женщина, правдивость показаний которой подтвердили британские следователи, заявляла, что заметила Бормана на итальянской стороне границы в сентябре 1945 года. Однако ее свидетельство поступило слишком поздно — к тому времени Борман вновь исчез. Женщину звали Ганнелора Тальгаймер, и она говорила, что не могла ошибиться, так как раньше видела Бормана в Мюнхене. Она вновь встретилась с ним лицом к лицу на главной улице Больцано, примерно в двадцати километрах оттого места, где Герда Борман находилась в маленьком американском госпитале для военных преступников.

Герда знала точно, что ее мужа повесят, если поймают. Она знала и о своей близкой смерти. Ее опубликованные письма показывают, что крах одного из богов, Гитлера, заставил ее (но не Бормана) искать духовной поддержки. Она души не чаяла в своих детях, и в последние месяцы ее согревала мысль, что о них позаботится церковь. Она много говорила со священником, навещавшим ее на вилле и в госпитале. Это известие из показаний соседей по вилле и американцев, работавших в госпитале. Герда могла просить церковь и о помощи ее мужу.

…Прежде чем покончить с собой, Гитлер позвал к себе своего

личного пилота генерал-майора Ганса Бауэра, и сказал: «Я хотел бы доверить вам свою жизнь». Крайне взволнованный этой новостью (о чем он рассказал впоследствии) Бауэр предложил Гитлеру лететь в Аргентину. Бежать можно было на захваченной американской «летающей крепости» через Испанию. Гитлер понимал, что такой исход вполне осуществим. Но он не захотел им воспользоваться и произнес что-то не совсем вразумительное: «Война кончается в Берлине. Я собираюсь положить всему этому конец. Я знаю, что завтра миллионы людей будут проклинать меня…»

К тому времени Гитлеру было известно, что многие его соратники двигаются в Альпийскую крепость. Но то, что в уме Бауэра моментально всплыла Аргентина, весьма значимо. И не столь странно, что этот район не всплывал в уме охотников за нацистами.

ЗАБЫВШИЕ КЛЯТВУ ГИППОКРАТА

Полиция может относительно свободно бороться только с международными уголовниками. В случае с политическими бандитами существуют более жесткие ограничения и постоянные изменения договоренностей между государствами. Семь полицейских агентств из разных стран выходили на след друзей Бормана, и каждое из них по различным причинам не доводило дело до конца. Например, правительство Израиля не вело активную охоту на Бормана потому, что он не был напрямую связан с «окончательным решением», в котором был задействован Адольф Эйхман. Советские агенты в Латинской Америке предпочитали наблюдать за нацистским Братством, нежели разрушать его без явной выгоды. Коммунисты планировали зарабатывать дивиденды на деспотизме пронацистских режимов в этой части мира, обвиняя их в пренебрежении к собственному народу, «страдающему от социального неравенства и несправедливости». В Западной Европе не считали себя обязанными ворошить пепел недавнего кошмара. С точки зрения деловых англо-американских интересов было бы выгоднее, если бы Бормана в Аргентине нашли сами аргентинцы…

Эти рассуждения могут показаться циничными, но историки, занимающиеся нацистской Германией, знают, что вожди обычно живут фантазиями и это приводит к их гибели. Коммерческие предприятия, финансируемые из нажитых нечестным путем нацистских фондов, не раз терпели неудачу. Со временем преступники начинали чувствовать необходимость выйти на белый свет и оправдать себя. Что-то похожее на это началось в 1960-е годы.

Из разговоров с бывшими головорезами СС и бандитами из гестапо Стивенсон знал, что им потребовалось доказать свою правоту, а не невиновность, так как они либо не чувствовали себя виноватыми, либо просто отказывались пустить в свои души раскаяние. Они хотели получить признание в том обществе, которое считали приличным, и не могли устоять перед желанием оправдать свои действия.

Это цепочка мыслей привела Стивенсона к выводу, что нацистские изгнанники на самом деле никогда не были потеряны из виду «охотниками» союзников. Не выглядит таким уж абсурдным предположение, что британцы позволили Отто Скорцени уйти, чтобы посмотреть, куда он направится и что будет *там* делать. С Борманом все могло обстоять таким же образом. Стивенсон размышлял об этом во время «дела об

эвтаназии» Ганса Гевельмана в 1964 году. Незадолго до этого Стивенсон перевез свою семью в Лондон из Африки, где немецкие предприятия занимали ниши, освобожденные «англо-американским империализмом». Как редактор студии «Independent Television Newsfilm» он был обречен воспринимать мир «из вторых рук». Работа давала ему ощущение причастности к чужой деятельности и не вызывала чувство дискомфорта, и это казалось ему опасным. Понимание, что наше общество при помощи телевидения становится слишком оторванным от реальности, достигло максимума, когда в студию доставили видеоматериал одного из корреспондентов.

Это была пленка старого друга Стивенсона — Джорджа Клея из Национальной вещательной корпорации, снятая в Конго, когда он умирал от пуль. Просматривая пленку, один из редакторов заметил, что камера тряслась. Этот заурядный эпизод вызвал у Стивенсона приступ ярости, ведь Джордж был мертв. Люди не обладали лишним временем, чтобы читать репортажи, в которых журналисты пытались отразить нечто большее, чем панораму со взрывами. Джордж много страдал, так как он слишком хорошо понимал черных африканцев, и не упрощал материал. Он не мог ни смириться, ни осуждать крайности африканской политической жизни. Он был белым человеком из Южной Африки, и ему оказалось бы намного легче объявить себя либералом и сетовать на то, что происходит в Йоханнесбурге, аплодируя сумасшествию в Уганде. Он мог бы уехать из Африки и положить конец личным мучениям, но он остался, потому что верил в то, что делал. Он слепо надеялся на некую центристскую интеллигенцию, которая могла бы внести смысл в отчаяние и тупость, царившие вокруг. Как и Стивенсон, он думал, что где-то вверху сидят мудрые люди, которые читают отчеты с мест и принимают соответствующие меры. Теперь Стивенсон оказался одним из этих людей наверху. Джордж сделал свое дело, а редактор обессмыслил всю его работу одним циничным замечанием…

Но Стивенсон не стал вмешиваться: война в Конго была ничтожна по сравнению с трагедиями, которые творились под боком. Репортаж с процесса Ганса Гевельмана, бывшего сотрудника гитлеровской канцелярии, ускользнул от внимания по той же причине. Казалось, цивилизация начала деградировать из-за быстродействующих средств связи и новых технологий. Сто лет назад сообщение, посланное из Конго почтовым пароходом, могло и не достигнуть внешнего мира, но если бы достигло, его изучили бы с большим вниманием. Теперь же о войне говорили несколько секунд, и вдвое больше денег и времени тратилось на рекламу, включенную в военные репортажи.

Дело Ганса Гевельмана не освещалось телевидением. Возможно, только одна-две европейские газеты уделили ему по абзацу. Западногерманская пресса оказалась единственной, признавшей значимость этой истории. Двое ее участников умерли таинственной смертью до начала процесса, и британский корреспондент в Гамбурге конфиденциально докладывал, что их смерть была на совести ODESSA. Стивенсон из любопытства позвонил государственному прокурору Карлу-Хайнцу Цинналю в гессенскую прокуратуру. Он сказал, что и третий обвиняемый из Западной Германии только что умер насильственной смертью. Он также подтвердил, что в числе погибших был профессор Вернер Гейде, ответственный за «эвтаназию», и что процесс по делу врачей, замешанных в подобной деятельности, теперь поставлен под вопрос: «Думаю, существуют люди, стремящиеся сорвать процесс, и что есть врачи, которые не хотят, чтобы назывались их имена и подробности их работы в нацистский период».

Вот почему подобным образом умерли Фридрих Тильман и Эвальд Петерс, глава службы личной безопасности канцлера Людвига Эрхарда. Говорили, что Тильман «неудачно упал и скончался от повреждений», а Петерс повесился после ареста, будучи обвиненным в убийствах по приказам СС.

Предполагали, что ODESSA защищала тех, кто был замешан в эвтаназии. Гейде после побега из американского военного грузовика в 1947 году жил и процветал под чужим именем в Шлезвиг-Гольштейне. Он работал как медицинский советник государственной страховой организации и местных судов и в этом качестве под именем Фрица Саваде достиг благополучия. Когда его истинное имя открылось, он был арестован. Затем начались раскопки старых свидетельств и поиски его новых друзей, организовавших его защиту.

В самом разгаре этого дела исчез министр образования земли Шлезвиг-Гольштейн — Эдо Остерло. Через сутки его «утонувшее» тело нашли на метровой глубине. Остерло был довольно противоречивой фигурой. Он вступился за Вернера Кателя, бывшего члена комиссии рейха по утилизации детей. Комиссия являлась частью большого ведомства, занимавшегося людьми, недостойными с расовой точки зрения и бесполезными в прочих отношениях, которые предназначались для утилизации. Выяснилось, что Остерло всегда знал настоящее имя «доктора Саваде», которого теперь вывели на чистую воду как печально известного доктора Гейде. Он числился во всех западногерманских списках разыскиваемых преступников и был помечен черным треугольником, которым обозначали убийц. Тем не менее министр заверял родителей, что они могут без боязни

отдавать своих детей в руки этого доктора.

Процесс по делу врачей рушился. Четверо важных обвиняемых были мертвы, а пятый — доктор Герхард Боне — бежал в Латинскую Америку, когда стало известно о прошлом Гейде.

«Убийства из сострадания» (эвтаназия) в оккупированной нацистами Европе обнажили покорность граждан национал-социалистического государства и готовность принять любое установленное правило. Ведомствам было предоставлено право решать, кто психически неразвит или неизлечимо болен. В те дни Мартин Борман наслаждался камуфляжем бессмысленных речей. Он издевался над интеллектуалами, относившимися к нему с презрением, подписываясь под декретами, подобными следующему: «Управление юстиции может сделать лишь небольшой вклад в истребление членов этих групп (евреев, цыган, русских и негерманизированных поляков). Не имеет смысла держать таких людей в немецких тюрьмах, даже если они используются в качестве рабочей силы для военных целей, как это делается сейчас».

Низшие расы подлежали «безоговорочному уничтожению». Высокопарная болтовня Бормана успокаивала граждан, озабоченных правовой стороной дела. Истинная ее цель была хорошо скрыта для того, чтобы немцы не чувствовали угрызения совести. Их убеждали, что не следует прибегать к судебным процедурам, которые стоят больших денег и занимают много времени, если решение совершенно предсказуемо. Естественно, евреи и цыгане подлежали безоговорочному уничтожению! Это было сказано в официальном указе, скрепленном подписями и печатями.

Метод Бормана процветает и сегодня, искусство прикрытия отвратительных решений извилистыми возвышенными фразами доведено до совершенства. У тех, кто хотел бы бороться с построениями Бормана и продираться сквозь напыщенные фразы к правде, на это нет ни времени, ни энергии.

Метод Бормана позволил Леонардо Конти, министру здравоохранения, за первые шесть месяцев войны избавиться от пятидесяти тысяч «бесполезных ртов». Голубоглазый швейцарец использовал постановления Бормана, чтобы делать собственные выводы о том, кого отправить в газовую камеру, а кому сделать смертельную инъекцию. Бороться с подобными решениями означало оказаться недостойным членом партии и предателем собственной страны. Нацисты, помешанные на молодости и здоровье, считали болезнь просто преступлением. В соответствии

с такой установкой служба безопасности русско-еврейского поселения получила следующую инструкцию: «После начала распространения заразных болезней очередная мера состоит в оказании особого лечения 812 людям, не представляющим интереса с расовой и интеллектуальной точек зрения». Другими словами, было ликвидировано 812 жителей деревни.

Существует мало надежных статистических данных относительно количества убитых во время кампании «эвтаназии» между 1930 и 1941 годом, основанной на нацистских теориях о расовой чистоте. Однако известны убийцы. Среди них — доктор Владислав Деринг, который имел хорошую практику в «Севен систерс роуд» в пригороде Лондона — Финсбури-Парк. Во время войны Деринг проводил на узниках Аушвица экспериментальные хирургические операции на половых органах, осуществлявшиеся без обезболивания. Шумиха, поднятая вокруг дела Деринга, сильно встревожила других людей с замаранной совестью.

Доктор Гейде, о котором упоминалось выше, был привлечен к ответственности за участие в 1939 году в программе «убийства из милости». Она предназначалась для избавления от людей, якобы не здоровых психически, а также от детей, родившихся уродами и слабоумными. После регистрации и осмотра их отправляли на одну из пяти газовых станций, где удушение газом исполнялось тогда крайне непрофессионально. Родственникам жертв рассылали уведомления о «неудачных операциях по удалению аппендикса» и прочих болезнях со смертельным исходом. Отбор умственно отсталых проводился при помощи опросника, и за две недели до Рождества 1940 года Гейде получил 2209 заполненных опросников. От врачей требовалось сообщить обо всех пациентах, которые страдали «слабоумием» или старческими расстройствами рассудка, о тех, кто не имел немецкого гражданства или же германской крови. Сначала не существовало письменной рекомендации считать еврейских полукровок 1-й и 2-й степени, негритянских полукровок и цыган слабоумными. Но именно так происходило на деле. Эта система стала известна в концентрационных лагерях под названием «Операция Гейде». На Нюрнбергском процессе свидетели утверждали, что комиссия, состоявшая из психиатров и возглавляемая Гейде, посещала лагеря, быстро отбирала узников, не годных к тяжелой работе, и определяла их как «неизлечимо душевнобольных». Статистика заключенных, отправленных в Маутхаузен в газовые камеры, показывает, что на медицинский осмотр каждого человека у комиссии уходило не более пяти минут.

Гейде, взявший себе имя Саваде, был опознан в 1954 году

психиатром Кройцфельдом, который доложил об этом государственному прокурору Фленсбурга — Бруно Бурвигу, но Кройцфельду посоветовали забыть увиденное. Совет этот исходил от судьи Буреша, делившего в 1945 году с Гейде камеру в британском лагере для интернированных. Доктор Деринг озвучил общее мнение: в военное время действия оправдываются соответствующими условиями.

13 февраля 1964 года в результате протестов со стороны западных немцев с более обостренным чувством справедливости Гейде все же арестовали, но вскоре он якобы повесился, хотя его держали в камере с максимальной степенью защищенности. Дальнейшее расследование показало что ранее ему попытались помочь бежать из заключения. Западногерманская полиция во Франкфурте (где он был впервые арестован) придерживалась мнения, что в течение многих лет Гайде находился под особой защитой со стороны ODESSA. Его фальшивые документы были сделаны очень профессионально. Покровители Гейде рекомендовали ему уйти в подполье, и его задержали уже при попытке покинуть страну. Только один из обвиняемых врачей появился на предварительном слушании — доктор Ганс Гевельман. Говорили, что Гевельман был наименее опасен для остальных, а Гейде слишком много знал, чтобы ему доверять в случае, если он предстанет перед государственным обвинителем на общественном суде.

Тем временем в Лондоне развивалось дело Деринга против Леона Уриса. Деринг затеял процесс против автора и издателя «Исхода», в котором имелся абзац об экспериментах, связанных с повальной стерилизацией еврейского народа, — нацистское «окончательное решение». Истец утверждал, что он выведен в романе под именем «доктора Дееринга» и оклеветан. У Деринга была очень успешная практика в престижном лондонском пригороде, и он ничего не выиграл бы от судебного процесса. На самом деле, он получил полпенни за убытки. Это означало, что присяжные оказались на его стороне, так как на процесс, связанный с массовыми убийствами, не могло собраться достаточное количество свидетелей. Жертвы не встали из могил, виновные не горели желанием давать показания. Деринг умер вскоре после процесса. Кто оплатил за него судебные издержки? Кто или что двигало им? На эти вопросы никто никогда так и не ответил.

Хотя это кажется невероятным, но Деринг был не единственным, кто заявлял, что стал жертвой клеветы. Одним из немецких врачей, упомянутых в деле Деринга, являлся Йозеф Менгеле, капитан СС, который *добровольно* вызвался заниматься в

Освенциме с еврейскими близнецами.

К 1964 году богатое семейство Менгеле более чем восстановило свое состояние. В Западной Германии и Аргентине семейству принадлежала половина пакета акций в «Fadro Farm KG, SA». Эта семья была заинтересована в положительном вердикте английского суда, который бы позволил всем остальным нацистам выйти из тени. Когда процесс по Освенциму в Западной Германии тронулся с мертвой точки, главным обвиняемым стал Йозеф Менгеле.

Еще один врач, упомянутый в этом деле, — Горст Шуман, ставивший эксперименты на заключенных Аушвица, умудрился после войны добиться признания в собственной стране. Получив предупреждение о том, что он может быть вызван в денацификационный суд, Шуман бежал в Африку, где успешно противостоял всем попыткам экстрадиции. И все же Шумана загнали в угол. Это случилось в Гане после того, как его спаситель — президент Кваме Нкрума — был смещен.

…Стивенсону довелось побывать в Освенциме, и он помнил слова молодого коммуниста, который сказал: «Польша считает Россию своим другом и союзником еще и потому, что русские не забывают и не прощают такое».

Стивенсон спросил тогда члена польского министерства иностранных дел, изучавшего в Англии право, есть ли соображения относительно причин, побудивших Деринга начать этот бесславный процесс. Тот ответил, что органы госбезопасности Польши не открывают информацию «не демократическим республикам», поскольку упертые капиталисты типа Стивенсона не способны сделать правильные выводы. Тем не менее Польша оказалась глубоко заинтересованной в процессе не только из-за разоблачения страшных преступлений, но еще и потому, что Деринг был католиком, а большая часть поляков также исповедовали католичество.

Польские интеллектуалы в отличие от твердолобых коммунистов-чиновников сделали в связи с этим процессом важный вывод об обществе в целом. Да, католики пособничали нацистам, и это заключение вполне удовлетворяло коммунистов. Но процесс также демонстрировал опасность слепой веры в единственную сверхсилу, будь то коммунистическая партия, Гитлер или Бог. Он напоминал жителям страны, где партия была всем, о необходимости здорового скептицизма, подвергающего сомнению любое утверждение, считающееся безошибочным, если оно основано только на одном абсолютном авторитете.

Польские газеты освещали процесс с некоторыми подробностями, включая обмен репликами между английским

судьей и обвиняемым по поводу клятвы говорить правду.

Судья: «Вы удовлетворены, что дали клятву?»

Доктор Деринг: «Да».

Судья: «На каком Завете Вы поклялись?»

Доктор Деринг: «Мне было все равно. Я христианин и римский католик».

Тут судья сурово заметил, что Дерингу, возможно, стоило поклясться на Дуэйской библии — английском переводе Библии для католиков.

По окончании процесса Стивенсону позвонил из Варшавы польский юридический наблюдатель и предложил встретиться перед его отлетом домой. Он спросил, не приходило ли кому-либо в голову, что процесс «Деринг против Уриса и т. п.» является завуалированной попыткой прозондировать общественное мнение? Министр юстиции Западной Германии Эвальд Бучер заявил, что после 8 мая 1965 года в судах не будут возбуждаться дела по военным преступлениям, так как закон обеспечивал непривлечение к уголовной ответственности за давностью срока по истечении двадцати лет и более. За начало отсчета принималась дата капитуляции Германии.

Польский юрист, беседовавший со Стивенсоном, сделал несколько острых замечаний по поводу выживания «полезных» нацистов в коммунистической Восточной Германии, поэтому лучше не называть здесь его имени. Позднее он участвовал в деле польского еврея, который возглавлял коммунистическую шпионскую организацию на территории нацистской Германии. В Польше после войны его чествовали как героя, но в 1972 году не дали уехать в Израиль. К тому времени эмиграция евреев из коммунистических государств в Израиль стала серьезной проблемой для Советского Союза, и Польша также была этим затронута.

Позднее выяснилось, что этот юрист готов помочь с реконструкцией операций Братства. Он же сообщил подробности вынесения смертного приговора еще одному врачу из Аушвица коммунистическим восточногерманским судом. Это происходило некоторое время спустя после фиаско Гайде. Слушалось дело Горста Фишера, признанного виновным в том, что он способствовал убийству 70 000 заключенных Аушвица. Но его процесс состоялся после числа, объявленного как дата окончания двадцатилетнего срока давности.

Предложение прекратить преследования военных преступников в Западной Германии означало, что даже Адольф Гитлер мог бы появиться там, чувствуя себя в полной безопасности. Конечно, в случае появления фюрера общество

обратило бы на это внимание. Но не так обстояло дело с менее влиятельными фигурами. Они могли почувствовать себя в безопасности, если бы процесс по обвинению в клевете, начатый Дерингом, окончился его победой. Друзья Деринга верили, что он может быть реабилитирован, что свидетельствует об их странной нечувствительности. Тот факт, что Деринг не был реабилитирован, может служить показателем того ужаса, который испытывали обычные граждане свободной страны, сталкиваясь с преступлениями, казалось бы, похороненными вместе с Гитлером. Англо-саксонский закон уважает право людей помнить преступления против человечества. Этот закон, соблюдаемый в США и Великобритании, основан на принципе «tempus non occurrit régi» — срок давности не влияет на наказание.

В США, как и в Англии, сроки давности для наказания за убийства не существуют.

Народная палата Германской Демократической Республики направила обращение ко всем странам с просьбой не позволить западногерманскому правительству объявить мораторий на военные преступления, заявляя, что «внутренний немецкий закон» должен подчиняться международному. В обращении указывалось, что в ГДР срок давности военных преступлений был продлен, в то время как в Западной Германии нацистские преступники либо не наказаны вообще, либо получили совершенно неадекватные наказания и некоторые из них занимают ответственные посты в правительстве страны и в сфере экономики.

Министр юстиции Западной Германии, из-за которого начались эти споры, Эвальд Бухер, в прошлом являлся членом гитлерюгенда и национал-социалистической партии. Политические наблюдатели в Бонне чувствовали, что на Бухера давила его собственная правая Свободная демократическая партия.

В то время судебное разбирательство угрожало 13 000 подозреваемым. В их числе не оказалось известных западных немцев, но их еще можно было найти и предъявить им обвинения в военных и уголовных преступлениях. Например, в одной только полиции земли Шлезвиг-Гольштейн насчитывалось тридцать шесть высокопоставленных чиновников, которых социальные демократы обвиняли как участников нацистских убийств.

Из 274 высокопоставленных полицейских этой земли — известного убежища военных преступников, не желающих или не имеющих возможности уехать за границу, некоторые жили под чужими именами. Парламент Шлезвиг-Гольштейна под давлением местных журналистов созвал особую комиссию по

расследованию наличия нацистов в полиции, но комиссия, как и многие другие подобные организации, не пришла ни к каким выводам из-за «юридических препятствий».

Три из четырех общественных писем, отправленных в бундестаг в Бонне, выступали за принятие закона о сроке давности в том виде, который предлагал министр юстиции. В итоге парламент принял решение прод лить срок давности до 21 сентября 1969 года — двадцатой годовщины независимости Западной Германии. К 1972 году срок был продлен вновь.

В 1980 году торжественно объявили о прекращении деятельности Центрального ведомства по расследованию нацистских преступлений из-за отсутствия шансов на успех. У возглавлявшего это ведомство юриста Эрвина Шуле также имелись причины желать прекращения «охоты на ведьм», поскольку в 1965 году после пяти лет службы его самого опознали как бывшего штурмовика с 1933 года и члена нацистской партии с 1935 года. Руководство нацистского суда в Штутгарте в 1943 году рекомендовало его на должность в силу его «политической благонадежности», и с одобрения партии нацистский министр юстиции в 1944 году сделал его младшим судьей.

Польский юрист, занимавшийся военными преступниками, послал Стивенсону несколько сотен метров шестнадцатимиллиметровой пленки с уверением, что на ней запечатлен доктор Менгеле, оказавшийся на границе Аргентины и Парагвая. Этот кадр использовался коммунистическими властями в качестве подлинника. Интересны результаты полицейского анализа данного куска пленки: когда его пропустили через мувископ вместе с подлинными фотографиями Менгеле, не осталось сомнений в том, что человек на пленке полностью идентичен с врачом из Аушвица. К тому времени существовало множество свидетельств того, что Менгеле спокойно переехал в Парагвай и действительно жил рядом с аргентинской границей.

Стивенсон получал все больше документации по нацистским беглецам. Часть ее исходила от польского юриста. Когда Стивенсон вновь встретился с ним в конце 1964 года, он сказал, что Восточная Германия очищена от фашистских тенденций. В его честности можно было не сомневаться. Но в октябре того же года Никиту Хрущева отстранили от власти, и дружеские связи с коммунистическими чиновниками стали редкостью.

Пока Стивенсон поддерживал связь с поляком, тот прислал ему имена нескольких преступников из шести тысяч эсэсовцев, которые служили охранниками и техниками в газовых камерах или же санитарами и регистраторами в Освенциме. Были

известны имена 900 человек. Из них Польша разобралась только с третью.

В Восточном Берлине появилось новое издание Коричневой книги, в которой заявлялось, что 1800 основных военных преступников занимали важные посты в Западной Германии или же получали большие пенсии за свою работу в гитлеровское время. В ней упоминались пятнадцать министров, сто генералов и адмиралов восстановленных вооруженных сил Германии, 245 высокопоставленных дипломатов и 297 полицейских и судебных чиновников. Там имелись детали, относящиеся к людям вроде Людвига Гана, члена нацистской партии под номером 194 465, который был назначен заместителем главы гестапо в Ганновере, повышен до должности майора СС и переведен в берлинское гестапо. В период между 1941 и 1944 годами он возглавлял нацистскую службу безопасности в Варшаве, осуществлявшую невиданный в истории террор. Цитировались официальные документы нацистской партии, чья подлинность не вызывала сомнений: служба безопасности «переселила» более 500 000 евреев в газовые камеры в Треблинке и ликвидировала варшавское гетто.

К тому времени Стивенсон узнал, что у польского юриста имелся личный интерес к судьбе варшавских евреев. Он учился в Англии, впитал либеральные идеи, но не мог забыть того, что его родители были евреями и погибли в Освенциме.

Проверяя точность предоставленной польскими юристами информации, Стивенсон более пристально присмотрелся к делу Людвига Гана, служившего заместителем директора страховой компании, расположенной в Карлсруэ. Компания прикрывала западногерманскую службу разведки, и Ганн являлся старшим офицером в этой организации.

Все дальнейшие изыскания Стивенсона наталкивались на непонимающие взгляды коллег. Со стороны Стивенсона проявлялось не более чем праздное любопытство, и казалось, что не было оправдания трате денег и времени на загадку какого-то престарелого немца.

Можно понять, почему такое безразличие приводило поляков в отчаяние. Для восточных немцев отказ верить Коричневой книге казался зловещим: она отвергалась в Бонне как коммунистическая пропаганда, и чиновники таким образом избавлялись от многих проблем. Западногерманское правительство долго приходило в себя после шокирующего процесса Фельфе в федеральном суде Карлсруэ, продемонстрировавшего полную неэффективность организации Гелена и разведывательных операций в коммунистических

странах. Он заставил газету «Вельт» сделать вывод о том, что из-за «катастрофически небрежной работы с кадрами» организация Гелена стала «уютным убежищем как для крупных, так и для мелких нацистов». Защищаясь, Бонн высмеивал восточногерманскую Коричневую книгу.

Спустя восемь лет бывшего полковника СС Людвига Гана привлекли по делу об убийстве заключенных в Варшаве. Его жена, сестра высокопоставленного западногерманского военного, имела хорошие связи во время войны. Его шурин, генерал Йоханнес Штейнхоф, теперь являлся ответственным за воздушные силы «Люфтваффе» и таким образом принадлежал к военной верхушке НАТО. Было очевидно, что Ган долго находился под надежной защитой и процесс, начавшийся 2 мая 1972 года в Гамбурге, где теперь жил обвиняемый, создавал только видимость правосудия. Ему были предъявлены обвинения не в самых тяжких преступлениях — отдаче приказа о депортации нескольких варшавян и невмешательстве в убийство заключенных варшавской тюрьмы в Павьяке.

Еженедельный западногерманский журнал «Тат» комментировал это следующим образом: «Более двух лет тому назад мы привлекли общее внимание к документам, доказывавшим, что Ган отдавал прямые приказы о ликвидации варшавского гетто… Свидетельства составили 133 тома. Обвинения были предъявлены только в августе прошлого года после волны общественного возмущения».

Если бы «менее тяжкие» обвинения, предъявленные Гану, не закончились признанием его виновным, пришлось бы начинать новое расследование всех дел, в которых он мог быть замешан. Суды Гамбурга между декабрем 1970 и августом 1971 года отклоняли все требования обвинительных органов поместить его в заключение. Когда полиция все-таки обыскала-его виллу, там обнаружили фотокопии предварительных показаний, данных свидетелями прокурору по его делу.

Доклад польской полиции попал в Интерпол в Париже в 1972 году. В нем утверждалось, что Ган регулярно летал в Аргентину и Бразилию по поддельным документам, подготовленным организацией Гелена. Что еще более любопытно, если, конечно, поляки не ошибались, так это то, что весной 1962 года Ган посещал доктора Деринга в его клинике в Лондоне. Вскоре после этого, 22 июня 1962 года, Деринг, кавалер ордена Британской империи за свою послевоенную деятельность в колониальной медицинской службе, неожиданно открыл дело о клевете против Уриса.

Никто в здравом уме, защищенный орденом Британской

империи, служившим как бы удостоверением добродетели, не стал бы совершать подобные действия. Тем более что он занимался медициной в национальной организации здравоохранения. Никто в Лондоне не выступал против него. В этом городе не было напечатано ничего порочащего его репутацию, и только очень редкий читатель мог связать вскользь упоминавшееся имя Дееринг с живым доктором Дерингом. Теперь он поместил себя под луч прожектора, и это могло привести его только к катастрофическим результатам. К восемнадцатому дню процесса все англоязычные газеты сообщили о зверствах Освенцима, описанных сухим юридическим языком, а после вынесения приговора практически вся британская пресса публиковала специальные статьи, в которых обсуждались вопросы морали.

Через несколько месяцев началась работа по экстрадиции Франца Штангла, обвиняемого в убийстве по меньшей мере 400 000 евреев в другом лагере, под Варшавой. Он со своим старым другом Гансом Ульрихом Руделем, основателем Братства, нашел убежище в Бразилии. Представ перед судом, он заявил, что бежал с помощью епископа Гудала: «Ему было доподлинно известно, кто я такой».

Штангл и Братство не знали, что в 1948 году министерство внутренних дел Великобритании отказало польскому правительству за отсутствием достаточных доказательств в выдаче Деринга как военного преступника, но с тех пор поляки не прекращали попыток заполучить его. Деринг числился в составленном ООН списке военных преступников, обвиняемых Францией, Чехословакией и Польшей. Англия подала заявку на его экстрадицию, и на этом основании он содержался там в заключении в течение девятнадцати месяцев. Пережив допросы и расследования, он получил работу врача колониальной службы. Возможно, начав процесс, Деринг рассчитывал очистить свою репутацию и таким образом предоставить другим военным преступникам своего рода билет в нормальную жизнь. Его надежды основывались на том факте, что ранее английский закон сработал в его пользу. Оказалось, его плохо проинформированные советники вновь продемонстрировали полное отсутствие морали, не говоря уже о здравом смысле.

К 1972 году было уже трудно взывать к общественному сознанию в некоторых частях Германии и Австрии, и наказания за преступления военного времени там стали более мягкими или вовсе не назначались, а людей, доставленных в суд с запозданием, просто оправдывали. Нацистский архитектор Вальтер Деяка, сконструировавший и построивший газовые

камеры и крематории в Освенциме, был оправдан австрийским судом присяжных. «Нью-Йорк тайме» напечатала 14 марта протест: «В суде были предъявлены чертежи газовых камер, печей и электрических подъемников для транспортировки тел в печи, на которых стояла подпись архитектора. Никакое наказание не может искупить те злодеяния, которые вершились в Освенциме. Позволять злодеям разгуливать на свободе… это осквернение праха жертв и надругательство над их памятью. Такие преступления подрывают самые основы человеческого общества. Как же можно забыть их или же простить?»

Одной из причин возмущения журналистов в Нью-Йорке и в основном довольно спокойная реакция в Западной Германии на это кошмарное эхо прошедших лет была разница в отношении общества. Когда политика американского правительства приводит к военным действиям, задевающим общественные понятия о справедливости, возникает мощный протест. Критики американской внешней политики всегда брали материал для своих выступлений из американских источников.

В Западной Германии занятия крупным бизнесом вновь принесли богатство и престиж людям, запятнавшим себя во время войн. Их судили и приговорили за военные преступления, но потом отпустили на свободу и снова принимали в приличном обществе.

Механизм, использовавшийся в Освенциме для эффективного избавления от человеческих созданий, контролировался и во многом совершенствовался благодаря «I.G. Farben». Во времена гитлеровского режима это был крупнейший в мире химический комбинат. Название «I.G. Farbenindustrie AG» объединяло всемирную сеть из 500 компаний более чем девяноста стран. Комбинат являлся международной организацией, устойчивой к катастрофам в Германии и поэтому очень привлекательной для Бормана и тех, кто планировал пережить приближающееся поражение. Компания управляла механизмами массового уничтожения и в то же самое время готовилась действовать в мире без Гитлера. Это ярче всего было продемонстрировано на так называемом «процессе Освенцима» во Франкфурте в 1964 году.

Американский военный суд в Нюрнберге приговорил тринадцать управляющих «I.G. Farben» к тюремному заключению по обвинению в убийствах и мародерстве. Поезда, предназначенные для перевозки грузов и домашнего скота, набивали евреями и отправляли в лагеря смерти, где в «душевых комнатах» уничтожали жертв и где крематории извергали клубы жирного черного дыма, распространяя удушливый запах

сгоревших трупов. Через двенадцать лет после суда многие из преступников вернулись в компанию, в ее дочерние предприятия или же на другие химические фирмы. Например, Фрицтер Меер, который был признан лично ответственным за производство ядовитых газов и эксперименты на жертвах концентрационного лагеря в Освенциме, вновь занял уважаемое положение директора «Bayer Leverkusen», правопреемника «I.G. Farben». Отто Амброс, бывший председатель управления по производству химического оружия при фашизме, вышел из тюрьмы и стал директором одного из партнеров «I.G. Farben» (Scholven Chemie и AG Feldmunde Papier AG». Именно Отто Амброс написал 12 апреля 1941 года льстивую записку Фрицу тер Мееру: «На банкете, устроенном руководством Освенцима, мы обсудили все дальнейшие меры, касающиеся действительно прекрасной организации концентрационного лагеря для прибыли завода Buna».

После выхода из тюрьмы многие из представителей фирмы были награждены за свою работу немецким федеральным правительством. Генрих Бютефиш, ответственный за использование на фабрике рабского руда и по совместительству полковник СС, был приговорен военным американским судом к шести годам тюремного заключения, но выпущен на свободу после обретении Бойном независимости. Он стал заместителем председателя совета директоров компании «Ruhrchemie AG» и в 1964 году получил за выдающиеся успехи «Большой немецкий крест» от президента Западной Германии Любке.

…Во время войны комбинат «Фарбен» готовился начать строительство фабрики по производству синтетического горючего и резины в Верхней Силезии, там, где был легко доступен рабский труд. Рудольф Хесс, друг Бормана еще с бурных лет их юности, уже шесть лет управлявший концентрационными лагерями, решил помочь в этом деле. В юности он был набожным католиком, немного простоватым, «просто рожденным для того, чтобы стать священником». Осенью 1941 года Хесс не присутствовал на еженедельных отборах больных для введения им смертельной инъекции. Он предложил иное — газовые камеры. По его мнению, это было «добрым выходом из сложного положения», связанного с решением «еврейского вопроса». Число жертв доходило до десяти тысяч за один прием, и химическая индустрия с удовольствием увеличила объемы производства цианида. До этого у Хесса с химиками складывались не самые лучшие отношения. Управляющие комбината «Farben» сетовали на то, что Хесс поставил им только 1300 рабочих вместо 2700, необходимых для срочной работы.

Фотографии Хесса показывают, будто он предвидел грядущее наказание: у него были расширенные от ужаса зрачки и кислое лицо человека, для которого жизнь слишком трудна, чтобы пройти ее до конца. Через два года после окончания войны, перед повешением в том самом месте, откуда он поставлял рабочую силу химическим предприятиям, Хесс сказал корреспонденту агентства Рейтер, что приговор очень несправедлив, так как он никогда не совершал столько убийств, в скольких его обвиняли.

Процветание больших или монопольных компаний зависело от растущей власти таких людей, как Йозеф Менгеле, который выбирал для своих опытов «морских свинок» из тысяч людей, направляемых затем в газовые камеры Освенцима. В 1972 году Менгеле, иногда под именем «доктор Надих», летал из своего нового дома в Южной Америке в Испанию, если Братство считало это вполне безопасным. Успешный бизнес его семьи в Латинской Америке привел Менгеле к мысли, что он слишком долго попросту терял время, лишая расцветавшую западногерманскую экономику своего таланта.

Это животное непонимание дикости собственного поведения он продемонстрировал во время процесса по Освенциму. Когда судьи потребовали экстрадиции Менгеле из Парагвая, остававшегося самым тоталитарным государством в мире, президент Стресснер, генерал и сын немецкого пивовара, ответил на это требование жестким отказом, а Менгеле заявил, что желает навестить свою семью в Германии. Атмосфера в немецких городках, сосредоточенных вокруг той или иной компании, отчасти объясняла его самонадеянность.

Стивенсон видел, что семейство Менгеле свободно правило в «своем» баварском городе и доктор Йозеф мог посещать его совершенно безнаказанно. Стивенсон также был свидетелем, как на другом судебном процессе химическая компания избежала наказания благодаря местному влиянию. Анализ судопроизводства по этому делу был опубликован в 1972 году двумя шведскими исследователями. Из 972-страничного обвинительного акта следовало, что фармацевтическая фирма маленького городка Альсдорф в погоне за наживой проявила безразличие к страданиям и уголовно наказуемую халатность, повлекшую за собой случаи смерти и пороки в развитии новорожденных. Речь шла о поступавшем в продажу талидомиде, препарате, способном вызвать серьезные умственные расстройства. Это «лекарство», которое продавали в разных частях света, было продуктом «Chemie-Grünenthal». Оно стало причиной подлинных трагедий — повреждений плода в утробе матери. В 1972 году это явилось очень опасной проблемой. Два

ребенка появились на свет с перепончатыми руками и прочими неописуемыми уродствами.

Слушание дела проводилось в городе, где находилась компания, а не в земельном центре — Аахене. Это маленький городок, где всех жителей называли «рабочей силой», нанимая их еще в юности. Они с покорностью переходили, как на заклание, из школы на фармацевтическую компанию. В судебном процессе оказались задействованы большие юридические силы, разнесшие в пух и прах неопытных сотрудников местной прокуратуры и экспертов, выступавших со стороны обвинения. Высокооплачиваемые юристы компании провели слушания так, как было возможно исключительно на «своей» территории. При помощи лазейки в конституции федерального правительства удалось отложить судебное разбирательство. Затем компания, зная о том, что родители изуродованных детей не смогут дальше оплачивать судебные издержки, предложила каждой семье небольшое пособие за обещание не обращаться более в суд. Лондонская газета «Санди телеграф», упоминавшая этот процесс, назвала его «опасным эхом невероятной бесчувственности», доставшейся в наследство от нацистских зверств.

…Стивенсон обсуждал это дело с Беатой Кларсфельд. Она считала, что большинство немцев очень быстро подчинились закону. Именно поэтому суды кишели пронацистски настроенными юристами, в совершенстве владевшими тактикой, подобной той, которая использовалась в процессе по талидомиду. Такие юристы позволяли беглым нацистам вернуться домой или же выйти из подполья, вернуть им расположение со стороны общественности и дать законное право занимать государственные посты. Таким образом открывалась дорога для проникновения в общественное сознание идей, которые прежде считались нацистскими и были официально признаны «ложными». Будучи немкой, Беата чувствовала, что ее народ, в силу своей ментальности, склонен подчиняться суждениям, которые звучат в духе закона.

ЕЩЕ ОДИН БОРМАН

В марте 1972 года Стивенсон летел из Нью-Йорка ночным субботним рейсом компании «Avianca» в столицу Колумбии — Боготу. Там из далекого поселения в джунглях вытащили старика. По национальности, возрасту и внешности он соответствовал описанию Мартина Бормана. Этот факт интересовал Стивенсона меньше, чем регулярная доставка в полицию людей, которых назвали Мартинами Борманами. Казалось, Борман обречен материализоваться в разном обличье до конца времен, как демоны и боги, которых люди придумывали с начала человеческой истории, — они появлялись в независимых друг от друга сообществах. Те, кто вновь придумывал Бормана или же действительно верил в то, что видел его, руководствовались не мотивами жажды славы или мщения: они думали, что действительно обнаружили его. Это же произошло и в случае с Йоханном Эрманом — предполагали, что написание имени Бормана могло измениться. У Стивенсона было ощущение, что он пытается ухватить руками ускользающий туман.

Широкие улицы Боготы блестели, омытые моросящим горным дождем. Тут и там под окнами отеля сидели маленькие люди в пончо. Панораму венчал огромный освещенный крест. По утрам туда отправлялась процессия калек целовать алтарь.

Еще не рассвело, когда зазвонил телефон. Это был Эрнандо Ороско из агентства Рейтер. Он, как и все старательные работники, в личной жизни не обращал внимания на ночные часы, хотя «часы» в его голове сообщали ему томное время в любой точке земного шара. В Лондоне читатели воскресных газет уже пили предобеденное пиво, просматривая репортажи о поимке Бормана в колумбийских джунглях. «Возможно, это действительно так, — сказал Ороско. — Я просто подготовил отчет о том, что мне рассказал генерал из полиции безопасности».

Отдел административной службы тайной полиции арестовал старика в индейском поселении на реке, являвшейся частью границы между Колумбией и Эквадором. Деревушка находилась в нескольких днях пути от города Пасто, но в такую погоду требовалась не одна неделя, чтобы добраться туда от столицы. По воздуху расстояние составляло около пятисот километров через высокогорные извилистые долины. В полицейском самолете, отправлявшемся в Пасто на допрос арестованного старика, нашлось место и для Стивенсона.

Немецкое посольство ожидало получения отпечатков пальцев

Бормана из Франкфурта. Оно сделало этот запрос из-за шумихи, поднятой бывшим сторонником Че Гевары. Он издавал влиятельный журнал, именно в нем появились первые новости о случившемся, поэтому полиция и правительство не могли проигнорировать происходящее. По словам Ороско, в Пасто жили в основном немцы, и они подняли кампанию по защите бедного старика, требуя оставить его жить в индейской деревне. Немцы в «Эрихе» были дружелюбны и грубовато-сердечны. «Зачем преследовать бедного старого еврея?», «Правильно, он приехал сюда, чтобы спастись от правосудия», «Зачем охотиться за немецкими изгнанниками? Разве мы мало страдали?». Представитель немецкого посольства дважды изменял версию произошедшего относительно отпечатков пальцев, полиция также не спешила заниматься этим делом. Получилось, будто старик избавился от рисунка на подушечках трех пальцев, включая большой, из-за несчастного случая с огнестрельным оружием. Он соответствовал неподробному описанию Бормана — тот же возраст и так далее, но…

…Стивенсон должен был хоть немного поспать, но Богота находилась на трех тысячах метров над уровнем моря, а эта высота никогда не давала ему нормально уснуть. Он опять вышел на мокрую улицу. Вооруженные солдаты в белых шлемах, стоявшие у дверей, вежливо улыбнулись ему. Центр города притулился среди устрашающих скал, освещаемых только луной, когда она прорывалась сквозь облака. Стивенсона манил клуб «Аргентино» — симпатичный бар с хорошей музыкой. Девушки танцевали в крошечном островке света. Стивенсон нашел свободный уголок и заказал выпить. Посидев там подольше, довольно трудно разобрать, где находишься — в Сайгоне, Каире, Варшаве или Джакарте. Если бы Стивенсон оставался тут достаточно долго, непременно появился бы какой-нибудь человек с интригующей историей.

Вот он. Неизбежный. Вкрадчивый. Слегка угрожающий.

— Не спится? Закурить не хотите?

— Нет, — ответил Стивенсон.

— Не спали в самолете?

— Каком самолете?

— Из Нью-Йорка!

Стивенсон покорно взял предложенную сигарету.

— Привет, Джо! — крикнул незнакомец тучному мужчине, сидящему прямо у островка света, где танцевали девушки.

На этот раз — американец! Большой и довольно помятый. Широкая улыбка и большие руки. Видел Стивенсона в самолете.

— Мы можем чем-либо помочь?

— Что вы имеете в виду?

— Вы же хотите добраться в Пасто, правильно? Я видел, как вы читали новости.

— Спасибо! Думаю, найду, как туда доехать.

— Веселое местечко этот Пасто, да, Гастон?

Первый мужчина кивнул.

— У них там проблемы с партизанами, — продолжал Джо. — Эта страна — сплошные горы и долины. Страна партизан!

— Кардинал Конча Кордоба мог бы много рассказать об этом, — заметил Гастон. — Он лишил духовного сана священника…

— У партизан мало шансов, — прервал его Джо. — Но у них есть несколько верных людей в Пасто. Каждую субботу в гостинице «Эрих» проводится баварская ночь. Варят собственное пиво. Настоящие немцы!

— Вы знаете это место?

— Летаем туда постоянно. У меня собственный самолет. Я мог бы и вас подхватить, если нужно. В любом случае звоните!

Он вручил Стивенсону свою визитку, на которой было написано название нефтяной компании. Стивенсон пообещал позвонить и стал прощаться. Музыка начинала действовать ему на нервы.

Стивенсон бродил по широким улицам. Высокие офисные центры. Большие выставочные павильоны с дорогими машинами. Автомобили в витринах смотрелись памятниками компании «Мерседес». А вокруг, в радиусе полутора километров, люди жили в лачугах!

Стивенсона заинтриговало упоминание о священнике. Он знал, что был один расстриженный священник — Камило, готовившийся возглавить революцию и бежавший в горы. 15 февраля 1966 года власти Колумбии объявили, что отец Камило Торрес убит правительственными войсками, но и потом некоторое время в Колумбии, Уругвае и Венесуэле существовало движение камилизма — в память о католическом мученике.

…Старик выпил местного пива «Клуб Колумбия», когда его задержали. Как заявил местный полковник полиции, в Пасто его привели под предлогом того, что у него просрочено удостоверение личности. Это дало возможность про верить его прошлое. Он родился в Германии в 1899 году, то есть на год раньше официальной даты рождения Бормана. У старика имелся документ. Это измятое удостоверение было выдано в 1952 году на имя Йоханнеса Гартмана. На нем стоял штамп американской организации, занимавшейся беженцами. Старик не понимал

причины такого переполоха. Он натянуто улыбнулся, услышав, что его считали евреем. Нет, сказал он, он не еврей. Старик предъявил и другой клочок бумаги, измочаленный и лоснившийся, выданный приграничной полицией в 1926 году, на котором значилось, что он пересек границу Эквадора в качестве иностранного резидента. Он покинул Германию в двадцатые годы, чтобы начать новую жизнь. Германия — место обитания анархистов и головорезов. Он выращивает овощи со своей индейской семьей. Он ничего не знал о нацистах и улыбался извиняющейся улыбкой. В конце концов, он уехал до их появления и мало что читал.

Он не возражал бы, чтобы полиция отослала его в Германию. В джунглях ему одиноко! Он хотел увидеть, что произошло с его страной. Пусть полиция отправит его туда на выходные! Он ухмылялся, проводя языком по беззубым деснам и поглядывая на полицейских, неспешно прогуливавшихся по пыльной улице.

В ту же ночь его доставили обратно в индейскую общину. Он принадлежал секте, членам которой запрещалось дотрагиваться до механизмов и металлических предметов. Они носили вместо обычной одежды, сшитой на механических машинах, картофельные мешки и назвали себя «костельядос» — от словосочетания «картофельный мешок». Дьявола они именовали «камеонета», буквально — «грузовичок». Место, где они жили, называлось «Ормигой» в честь муравья. Символом их религии служил изогнутый крест, но они ничему не поклонялись, ни духам, ни идолам.

— Можно ли отправиться к нему в деревню? — спросил Стивенсон шефа местной полиции.

— Только с разрешением. Нужно вернуться за разрешением в Боготу. А как вы собираетесь возвращаться? Самолеты предназначены для чиновников. Можно попытаться дойти туда по дороге, но это непросто. Вокруг джунгли. Вам придется спасть в гамаке и питаться кашей из бананов и маниоки, от которой, конечно, разболится живот.

На самом деле существовала военная авиаслужба SATENA для обслуживания общин, находившихся на так называемых внутренних территориях, но выбор пассажиров зависел от расположения чиновника. Летя обратно над этим районом, Стивенсон вновь удивлялся крутым склонам гор, глубоким долинам, буйной растительности и думал о том, как трудно перемещаться там пешком.

— Страна разделена на квадраты, — объяснил Стивенсону его колумбийский спутник. — Это сделано в интересах полиции. За вами все время наблюдают.

— Прошу прощения, но…

— Нас обучали немцы, — он ухмыльнулся. — Специальная миссия из Мадрида, возглавляемая гитлеровским экспертом! Это был человек, спасший Муссолини и шурина Франко во время вашей большой войны… Отто Скорцени!

— Он был тут? Когда?

Собеседник Стивенсона почесал в затылке.

— Последний раз года три назад.

Стивенсон начал вспоминать слова Скорцени об использовании авиалайнеров при перевозках секретных грузов в страны, где за взятку можно было стать иммигрантом. Три года назад… Из праздного любопытства он недавно проверил дипломатический корпус Колумбии. Немецким послом оказался Эрнст Людвиг Остерман фон Рот. О его нацистском прошлом имелись следующие данные в личном деле: вступил в партию в 1937 году, партийный билет номер 3 810 743… Представитель национал-социалистической партии на оккупированных территориях Советского Союза.

…Вскоре стало известно, что Германия не одобряет новую «бормановскую» историю. О раздражении местных жителей сообщалось одновременно в нескольких газетах, при этом их выражения походили друг на друга. Все сводилось к тому, что война давно окончена, а журналисты, рывшиеся в этой грязи, работают на руку коммунистам.

Сначала в немецком посольстве пообещали, что отпечатки Бормана прибудут в субботу утренним рейсом из Франкфурта через Мадрид. Спустя два дня посольство заявило, что отпечатков пальцев в личном деле Бормана не оказалось. Конечно же, отпечатки были. Их сняли с Бормана в двадцатые годы, когда он проходил по уголовному делу об убийстве, но это имело место в Лейпциге, а Лейпциг теперь находился на территории ГДР.

Стивенсон отметил единодушие местной прессы. Единственный издатель, начавший полицейское расследование, через месяц был смещен со своего поста в еженедельном журнале «Кромос». Генерал Ордоньес, глава отдела административной службы, сначала очень гордился обнаружением «Бормана». Затем полиция, контролируемая другим министром, провела допрос и Ордоньес за одну ночь изменил свое мнение. Подозреваемого отпустили.

Полковник полиции в штабе Ордоньеса сказал Стивенсону: «Мой коллега отправил подозреваемому поздравительное письмо: «Теперь вы можете танцевать на улицах городов Колумбии и говорить всем, что вы — Мартин Борман. Все будут смеяться, но может быть, угостят вас рюмкой-другой»».

Как раз перед тем, как старика доставили в Пасто, городок наводнили вооруженные сотрудники регулярной полиции. Полиция присутствовала, чтобы устрашать чужаков. Но по отдельности эти люди в стальных шлемах были готовы общаться с приезжими. Стивенсону предложили: «Вот документы, интересные для Вас. Конечно же, можно сделать с них копию! Пор фавор — пожалуйста! смогу принести и сам оригинал».

С документами тут обращались настолько вольно, что было странно, почему старику оказалось нечем заполнить промежуток между 1926 и 1952 годом? В полиции утверждали, что документы 1926 года ему выдали в Эквадоре, а каноэ старика перевернулось, когда он пересекал реку, и все бумаги затонули. Странное объяснение! И странный городок! Перемешаться тут можно было на collectivo — маленьком автобусе («фольксвагене»), но при условии, если удастся его обнаружить. Пройдя мимо кладбища, Стивенсон вышел на бетонированную площадку, которая вызвала воспоминание о шоссе, строительство которого начал Муссолини на Африканском Роге (в Северо-Восточной Африке) и которое через три километра неожиданно заканчивалось в пустыне, словно призрачная мечта о славе.

…После того как Стивенсон уехал вместе с группой следователей, Эрман-Гартман вновь исчез в джунглях. Венский охотник за военными преступниками Симон Визенталь заявил, что подозреваемый являлся марионеткой дезинформационного отдела Братства. Его подставили, чтобы отвлечь внимание от настоящего местонахождения Бормана в Парагвае. Но как тогда расценить медицинский полицейский отчет, в котором утверждалось, что у старика имеются шрамы в тех местах, где могла быть татуировка и прочие отметины, и что уже в старости ему была сделана неуклюжая и явно весьма болезненная попытка обрезания, хотя он не был евреем?

Если старик оказался пешкой в чьей-то игре, его бумаги следовало привести в более удобоваримое состояние. Существовали эксперты СС, которые удивляли своим искусством даже собственных начальников. Вальтер Шелленберг рассказывал, как его позабавило обвинение в том, что он, бригадефюрер СС, глава иностранной разведки, прятался в Америке в самый разгар войны. Тогда американские следователи предъявили ему паспорт, сделанный на имя Шелленберга со всеми необходимыми отметками о прибытии и убытии и фотографией Шелленберга. Он узнал его и объяснил, что паспорт смастерили техники из отдела поддельных документов и подарили ему в шутку на его день рождения в 1943 году.

Этот отдел продолжал подделывать документы и после

войны. Шелленберг, превратившийся в злобного изгнанника в великолепном, но обветшалом швейцарском укрытии, вспоминал, как Клаус Барбье избежал возмездия со стороны французов за преступления гестапо. Он взял имя Мертенс и потом присоединился к ODESSA, которая имела крупную группу по подделке документов в аугсбургском лагере военнопленных. «Они отправились через Атлантику, чтобы научить этих латиноамериканцев быть хорошими антикоммунистами, — язвительно заявил Шелленберг. — Есть место, где возможно создать целое нацистское государство, и этого никто не заметит. Конечно, у такого предприятия есть свои недостатки. Цель возрождения нацизма — распространить его как евангелие, и поэтому нет смысла прятать четвертый рейх в джунглях. Но с этого можно начать, — сухо добавил он. — Латинская Америка — это шестая часть суши. Я много занимался ее изучением!»

…Тайная база дозаправки немецких подводных лодок во время войны находилась в Колумбии, на меленьком островке Карибского моря. Она располагалась в поразительной близости от важных морских маршрутов союзников. В 1970-е годы на этот остров — Сан-Андрес — летал из Майами самолет западногерманской дочерней фирмы «Люфтганзы» — Condor Flugdienst GmbH. Стивенсон заглянул туда однажды по пути на Бермудские острова, где ему предстояло обсудить последние новости о Бормане с друзьями из союзной разведки и сэром Уильямом Стивенсоном. Не оставалось сомнений, что немцы досконально знали эти воды и продолжали бывать там и после войны. Дальше на север один из небольших бермудских островков делили британская и американская военно-морская разведки. Значительные технические ресурсы и хорошо подготовленные специалисты позволяли наблюдать за нацистскими операциями на достаточно высоком уровне.

Тут все было как в старые времена. Несколько лет назад сотрудник сэра У. Стивенсона, занимавшийся Латинской Америкой, — Питер Дуайер, помог Стивенсону связаться с убийцей главного врага Сталина — Льва Троцкого. Эта история имеет значение и для нашего времени: существуют такие же вопросы по поводу документов, способов добраться до Латинской Америки и целенаправленной охоты за альтернативным лидером движения, те же идеологические и международные устремления. Известно, что в юности Геббельс бросал монетку: орел — буду нацистом, решка — пойду в коммунисты. Поддельный канадский паспорт убийцы Троцкого похож на тот, который использовал сторонник нацистов — беглый граф де Бернонвиль. Канадские паспорта были в чести у международных наемных убийц, а

суверенитет Канады не препятствовал деятельности специалистов по подделке. Они работали с паспортами, взятыми у канадцев, погибших в испанской Гражданской войне. Чтобы узнать настоящее имя убийцы Троцкого, пришлось дать взятку известному мексиканскому министру. В итоге высветилась блестящая работа советских агентов в Латинской Америке. После той истории ничто уже не покажется фантастикой.

…Основным преимуществом Бормана было то впечатление бычьей крестьянской туповатости, которое он производил на окружающих. Он с огромным огорчением узнал, что ирландские фермеры вынудили Скорцени продать его поместье. Борман считал себя крестьянином, и если бы новички захватили власть в Братстве и отобрали бы его богатство, или же если он не смог бы находиться в крупных населенных центрах, то он мог бы спокойно вернуться к простой жизни крестьянина.

Стивенсон полагал, что Эрман-Гартман мог быть Борманом по ряду причин. Сгорбленный старик из джунглей произвел на него впечатление бесконечно хитрого. Через несколько месяцев после того, как шумиха приутихла, он будто дематериализовался. Он попросту исчез. Сэр У. Стивенсон настаивал, чтобы дело не закрывали. Его коллеги в Вашингтоне и Лондоне соглашались с ним, но только на словах.

«СВЯТОЙ ДУХ» с одним яичком

Смерть Гитлера в самый разгар войны превратила бы его в опасную легенду для будущих поколений, которую было бы очень трудно изжить. Это понимал ближайший к фюреру человек — Мартин Борман.

Борман являлся одним из тех людей, которые хорошо ориентируются в любой политической ситуации. Он видел способность Гитлера играть на подсознательных склонностях немецкого народа, его умение говорить о невысказанных желаниях обывателей, парализовать способность к критике и брать ответственность на себя. Он знал, что Гитлер делал это, общаясь с толпой. Немецкий народ не отличался какой-то особой податливостью, и наладить взаимодействие с ним во многом легче сегодня, чем было тогда.

Психоаналитик Вальтер Лангер предсказывал, что самоубийство Гитлера станет основой для создания новой мифологии. Его мнение поддержали преподаватели Оксфорда и такие фигуры, как Айвен Киркпатрик и лорд Бивербрук, который допрашивал заместителя фюрера — Рудольфа Гесса. Гитлер пытался разрушить мир, который он втайне ненавидел. После войны старые нацисты распространяли новый миф, с которым соглашались многие немцы: политическая философия рейха признавалась вполне хорошей, но вот лидер подвел свой народ. Легендой стал Борман.

Борман всячески подчеркивал свое стремление возглавить возрождение нацизма. Это подтверждают исследования, проведенные англо-американскими службами. А чего же хотели советские органы? Есть свидетельства, что Борман казался им более полезным живым, однако не ведающим, что находится под наблюдением. СССР имел богатый опыт тесного сотрудничества с Германией в начале правления Гитлера. Об этом нередко забывают из-за последовавших крупных сражений между фашистскими и советскими армиями. Это, естественно, повлияло на карьеру Бормана. И Советский Союз, и Запад считали Бормана человеком, который был готов на все ради власти. Он стремился к обогащению, и в этом отражалась присущая крестьянам глубокая тяга к обладанию землей. При этом он не зависел от роскоши, мог жить просто, мириться с неудобствами, всегда оставаясь, по выражению Альберта Шпеера, «рожденным выживать». Борман больше любил обладать людьми, нежели деньгами. Он правил при помощи террора. Его сила была в секретности, административном таланте и знании, как заставить работать на

себя всю систему, включая Гитлера и его окружение.

Эти качества могли найти реальное применение в послевоенной карьере Бормана. Аналитические отделы разведок полагали, что имеет смысл оставить его в живых и позволить странствовать по свету. Было интересно, что же он сможет сделать теперь по сравнению с тем, что уже сделал. Прошлое нельзя изменить. Но будущее возможно повернуть в лучшую сторону, если больше узнать о таком человеке как Борман, и о тех, кого привлекала его личность. Люди, изучавшие феномен Бормана, считали, что благодаря ему они могли многое объяснить в человеческом поведении.

Позволить Борману бежать не являлось чьей-либо безответственной выходкой. За его действиями можно было успешно наблюдать. Но британцы обратились к собственным национальным интересам. Американцы занимались восстановлением Европы и отчасти Азии. Возможно, только у Советов нашлось время и порядочное число специалистов, чтобы неотступно преследовать одного человека.

На Мартина Бормана имели влияние особенности поведения Гитлера. Его эротические мечты и одержимость манией величия были доказаны на основе точных исследований. Когда русские врачи провели вскрытие трупа, они не обнаружили левого яичка. Отсутствие одного яичка не считается редким или значительным недостатком, но в сочетании с другими детскими заболеваниями может стать серьезной проблемой.

Этот физический дефект Гитлер держал в страшном секрете. Еще до вскрытия трупа Гитлера о его сексуальных проблемах стало известно из многочисленных интервью с беженцами, включая его племянника Уильяма Патрика Гитлера и прочих, хорошо его знавших. Эрнст Рем после убийства племянницы Гитлера свидетельствовал, что «его сексуальная жизнь состояла в рассматривании толстозадых крестьянок, когда они, наклонясь, работали на поле». Аналитики обнаружили, что для Гитлера созерцание женской груди и ягодиц служило заменой сексуальной жизни.

Была отмечена зависимость Гитлера от старших по возрасту женщин и его жажда власти над толпой, которую он соблазнял, словно женщину. Гитлер проявлял мазохистское поведение в частной жизни и вспышки ярости на публике. Свои сексуальные потребности он удовлетворял так, что его можно было шантажировать этим. Но Борман предотвращал любые нежелательные последствия. Борман заботился о том, чтобы Гитлер придерживался расписания, которое фюрер просто ненавидел. Борман скрывал от остальных частые маниакальные

депрессии фюрера. Ничего не было известно о женоподобной природе великого оратора, хваставшегося: «Аудитория подобна женщине. Тот, кто не понимает женскую сущность толпы, никогда не станет успешным оратором. Женщина ждет от мужчины… чистоты, решимости, власти и действий». Борман знал другого фюрера — просыпавшегося с криком по ночам. Министр рейха по делам религии, Ганс Керрль, сравнивал фюрера со святым духом: «Мы знаем теперь, что такое настоящие христианство и Христос. У нас есть Гитлер — это подлинный святой дух».

Основатель нового общественного порядка для всего мира любил длинные впечатляющие заголовки. Он умел забывать обещания и гневно кричал, когда ему перечили. Казалось, он укреплял свою мужественность потоком слов. Он будто уверял себя самого, что он и вправду вождь. Только Борман видел коротышку с дряблыми мышцами, тощими короткими ногами и такой впалой грудью, что приходилось делать подкладки под пиджак. Зубы у Гитлера были гнилые и черные. Когда он не вышагивал с важным видом среди верных подчиненных, походка его делалась женоподобной, при этом одно плечо вихлялось, а противоположная нога волочилась по земле.

Что делает кукольник, когда марионетка приходит в негодность? Ученые-предсказатели в начале 1945 года сделали правильное предположение, что Мартин Борман уже давно подготовился к этому моменту. Он выполнил последнее задание фюрера, заказав бензин, чтобы сжечь его останки. Это был один из редчайших случаев, когда он просчитался: песчаная почва вокруг бункера впитала горючее, и «кукла» не горела. Борман пожал плечами и ушел.

Никогда не высказывалось предположений, что Борман захочет коротать время со своим семейством. Разве что в случае нервного срыва. Он, возможно, нуждался в ласковой руке женщины, которую называл «мамочкой». Возможно, он искал убежища даже в христианстве, которое презирал и громил, но ведь любовь и ненависть оказываются близки друг другу. Сломанную «куклу» нужно было заменить абстрактным богом, и ничто не отвлекло Бормана от его погони за властью — политической и материальной. Он всегда оставался крайне целеустремленным человеком.

— Почему жена Бормана отправилась в объятия папы? — спрашивал Стивенсон Кэмпбела Стюарта после того, как стало известно об обращении госпожи Борман в католичество. Стюарт ездил к папе по политическим делам много лет назад, во время Первой мировой войны. Тогда возникла необходимость в войсках католической Канады.

— Почему Ватикан принял Гертруду Борман?

Стюарт покачал головой:

— Не надо во всем обвинять Ватикан. Вы же не проклинаете президента авиакомпании Пан Американ, если их служащий по ошибке продал вам билет не в ту сторону.

— Кто-нибудь из детей Бормана говорил с вами о своей матери?

— Они всегда отказывались. Борман-младший однажды сказал, что взялся бы защищать своего отца. Он стал католическим миссионером. Журналист нашел его в Конго и спросил, решился бы он спрятать своего отца. И молодой Мартин ответил, что спрятал бы, потому что несмотря ни на что он был его отцом. Нет такого закона, по которому человек должен отправить собственного отца на виселицу.

— Наверно, так считала и его мать.

— Борман имел комплекс материнской зависимости. Он тщательно его скрывал, так как нацистский стиль подразумевал жесткую мужественность. Эту «слабость» таил за своей грубостью.

Братство, проникнутое подлинным нацистским духом, не допускало в свои ряды женщин. Время от времени из Латинской Америки поступали сообщения о женщинах, которые объявляли себя любовницами Бормана. Женщина, которая действительно знала Бормана, была вдовой Германа Геринга.

Летом 1972 года, прежде, чем Стивенсон вылетел в предместье Мюнхена, чтобы поговорить с ней, он просмотрел часть биографии Бормана, касавшуюся его отношениям с Гердой и места женщин в нацистской Германии. Сопроводительная записка цитировала священника иезуитского ордена, который в августе 1958 года посвятил в духовный сан Мартина Бормана-младшего: «Даже из безбожия, пропагандируемого тоталитаризмом, есть обратный путь».

Госпожа Геринг считала Бормана злым гением, стоявшим за спиной Гитлера, человеком, который уничтожил ее мужа. «Борман вмешивался во все с самого начала, — сказала она. — Мой муж совсем не помышлял о войне против Великобритании. Он хотел отправиться на коронацию короля Георга VI, но Борман не дал ему это сделать!». Коронация, о которой здесь упоминается, состоялась в 1936 году. Геринг, второй по важности в рейхе, даже не смог поговорить с Гитлером наедине. «Борман постоянно находился рядом и записывал каждое слово», — писала жена Геринга.

Нацисты никогда не позволяли женщинам заниматься политикой. В тот год, когда Геринг пропустил коронацию, на празднике партии в Нюрнберге выступала женщина — коренастая

блондинка неопределенного возраста по имени Штольц-Клинк. Она призвала немецких женщин плечо к плечу с фюрером сражаться со злом, воплотившимся в большевизме. Гитлер ответил, что удел женщин — растить детей и хранить семейный очаг, а защищать общество мужчины должны сами. Последовали оглушительные аплодисменты.

Госпожа Геринг, в прошлом оперная певица, имевшая определенное представление о режиссуре, отметила некую оргазмическую природу общения Гитлера с толпой: «Когда наступали ночи нацистской партии, Борман устраивал для Гитлера настоящую феерию. У меня было ощущение, когда я смотрела на выступление Гитлера, что он — несчастная марионетка в руках продюсера».

В 1972 году вдова Геринга подтвердила то, о чем подозревали еще в середине сороковых: Борман использовал женщин, чтобы добиться власти над своими соперниками. Он полностью контролировал ханжу Генриха Гиммлера, который мог одним росчерком пера уничтожить тысячи жизней. Гиммлер женился (к неудовольствию родителей — католиков) на молодой протестантке. Свою любовницу он прятал в Альпийской крепости. Затем любовницей Гиммлера стала его личная секретарша. Она родила сына и дочь. Он признал отцовство в конце 1944 года и стал должником Бормана, который одолжил ему сумму, соответствующую 20 000 долларам, из партийного фонда — это были большие деньги и кошмарное обязательство для Гиммлера, столь добродетельного на публике.

Подобно многим жертвам Бормана, Гиммлер слишком поздно осознал сущность вульгарного простака, который прислуживал фюреру. Борман с легкостью манипулировал им, так как этот претенциозный человечек-убийца постоянно метался между ханжеством и жестокостью. Приказы об уничтожении (одному Богу известно скольких!) человеческих жизней показывали не силу его воли, а страх разоблачения. Борман знал об этом. Он знал, что никогда не утратит власть над человеком, который, представ в девятнадцать лет перед судом за убийство проститутки (Борман также ухлестывал), написал: «Я всегда буду любить Бога и останусь верен католической церкви», а впоследствии принуждал эсэсовцев отказываться от католичества и настаивал на публичной казни папы римского. Тот же самый Гиммлер поддерживал своего друга детства Карла Гебхарда в его экспериментах над людьми. В то время он ощущал себя в руках Бормана из-за попытки скрыть внебрачные отношения, которые подавали дурной пример обществу.

Гиммлер был одержим романтическими представлениями о

вагнеровских героях с их мистическими способностями и о великолепных невинных женщинах. Кодекс сексуальных отношений германской расы исключал какие-либо внебрачные связи. Гиммлер убеждал ханженским тоном моралиста будущую свояченицу «жить чистой здоровой жизнью» и сурово добавлял: «Вас нужно держать на коротком поводке». Его жена Маргарета, возможно, была истинной причиной его злодеяний. Общим у них был только секс. После войны, в 1952 году она призналась, что знала о приказе Гиммлера ликвидировать евреев и всячески это поддерживала.

Борман управлял отношениями окружающих, но собственные дела хранил в таком секрете, что о них знало очень мало людей. Он управлял Гитлером, используя собственную мужественность и неспособность фюрера получать иное сексуальное удовлетворение, кроме как от публичных выступлений, требовавших эмоционального напряжения. Борман намеренно подпитывал его тягу к юным блондинам, от которых так и веяло мужественностью и благородством. «Каждый ребенок, рожденный в этом мире, это победа женщины в битве за наше существование», — провозглашал Гитлер, не имевший детей. Его учитель, Дитрих Эккарт, предсказал в 1919 году, что будущий спаситель Германии останется холостяком.

Немецкое государство при Гитлере поставило себе цель — позаботиться о том, чтобы «достойные, волевые, сильные физически и духовно мужчины производили себе подобных». А селекционный отбор должен был произвести на свет сверхчеловека. Герда Борман не возражала против разделения производства детей с любовницей своего мужа, что служило свидетельством ее верности «национальным биологическим мерам», которые она с Борманом навязывала Германии.

…Союзная исследовательская группа, которая в апреле 1945 года создала первый вариант текста «Жизнь Бормана», пришла к выводу, что Мартин Борман сбежит из руин «корпорации». Засекреченное исследование говорило о том, что этот человек приспособился к монстрообразной бюрократии Германии. Он целенаправленно ограничил свой кругозор, хотя был способен к чрезвычайно напряженной интеллектуальной деятельности. Он не продвигал свои идеи до конца, предоставляя это Гитлеру. Он развил в себе грубость манер, обезоруживавшую оппонентов и удовлетворявшую потребность Гитлера в брутальном друге. Он производил впечатление зашоренной лошади, которая продвигается по узкой дороге, не проявляя интереса ни к каким объектам до тех пор, пока они не оказываются прямо перед ней.

Никто не предполагал, что с поражением Германии Борман

прекратит свою активность. В отчете предсказывалось, что Борман не уйдет, пока у него не будет четких официальных доказательств того, что он стал законным преемником Гитлера. Он понимал политические интриги в окружении фюрера. Его много раз сравнивали со Сталиным того времени, когда еще был жив Ленин. Сталин также изображал из себя усердного бюрократа, пока интеллектуалы, собравшиеся вокруг Ленина, игнорируя эту деревенщину, уничтожали друг друга. Борман выглядел крестьянином, и когда настало время бежать, он снова мог стать крестьянином. Способность сливаться с этим образом сослужила ему добрую службу.

Борман очень хорошо чувствовал слабости других людей и быстро использовал их нерешительность. Он мог проявить гибкость, но с тем же успехом он откровенно запугивал людей. Он кричал на генералов и лебезил перед Альбертом Шпеером, своим самым ненавистным противником, и министр военной промышленности сильно ошибался, называя его «грубым бескультурным мужланом».

В исследовании «Жизнь Бормана» были отмечены его приготовления к побегу. Цитировалось несколько источников. Обнаружилось, что центром перевозки награбленного стала Швейцария. Верхушка СС пыталась купить себе безопасность ценой жизней евреев, и к концу 1944 года существовало две версии этой ситуации. Во-первых, Шелленберг заявлял, что сделал приготовления «по спасению 1200 евреев еженедельно», которых вынуждали двигаться к Швейцарии. Подругой версии, бывшего президента Швейцарии Жана-Мари Мюзи попросили назвать условия, на которых 250 нацистских лидеров получат в этой стране политическое убежище.

Не нужно быть семи пядей во лбу, чтобы догадаться, что происходило на самом деле. Значит, Борман собирался отправиться в Швейцарию! Уже в начале 1944 года союзной разведке было известно, что в личных разговорах с гауляйтером Кохом и комендантом Освенцима Рудольфом Хессом (бывшим инспектором лагерей смерти) Борману предложили два выхода. Они обсуждали дальнейшее применение золота и драгоценностей, поступавших из лагерей смерти. Другие лагерные «продукты» — человеческие волосы и старая одежда — Бормана не интересовали. Он не ладил с самоуверенными рурскими баронами и свои планы побега доверил головорезам, которые за широкими улыбками и в складках двойных подбородков не скрывали свою алчность. Богатства, рекой текущие из лагерей, через гестапо и абвер направлялись в надежные места за границей.

Ожидали, что Борман сначала попытается прорваться к северному редуту.

Многое в подготовке побега зависело от решения Гитлера — отправиться в свое альпийское убежище или же остаться в Берлине. Аналитики считали, что он останется. Они уже достаточно знали о хаосе, царившем на волне вторжения союзнической армии, и предполагали, что Борман постарается смешаться с беженцами на пути к докам для подводных лодок, расположенным в Киле. Он был единственным нацистским главарем, способным исчезнуть и в свинарнике. Ему так мало требовалось, и он отличался тем, что Шпеер назвал «непоколебимой настойчивостью».

В заключительной части отчета подчеркивалось враждебное отношение к союзникам со стороны некоторых шведских военных, включая тех, кто занимался разведкой. Его вызвали жесткие действия британцев по отношению к шведскому военно-морскому флоту. Скандинавский регион считался целью беглецов как альтернатива подводным лодкам в Гамбурге и Киле. Существовала обеспокоенность строительством новых субмарин в Данциге, но Балтийское море было мелким и полным мин, так что подводные лодки нового поколения имели один шанс из тысячи, чтобы прорваться. Докладывали о рискованной попытке лодки другого типа — U-77 выбраться из блокады. Ей удалось достичь Осло, куда направлялись и другие подводные лодки, спасаясь от воздушных бомбардировок. Но еще одной причиной, по которой лодки устремлялись в оккупированную нацистами Норвергию, была необходимость подобрать награбленное и высокопоставленных офицеров.

Все перемещения подводных лодок контролировались Гюнтером Гесслером, зятем адмирала Деница, и это считалось очень важным делом. От арестованного Деница потребовали передать следующее радиосообщение: «В соответствии с безоговорочной капитуляцией всех немецких войск все немецкие корабли должны воздерживаться от каких-либо военных действий. Экипажам запрещается затапливать судна или же наносить им иной ущерб. Любое нарушение данного приказа гросс-адмирала будет иметь тяжелые последствия для немецкого народа». Короче говоря, не давайте союзникам повода для возмездия! Но союзники не питали особого оптимизма по поводу исполнения этого приказа. Впоследствии было замечено, что в своем последнем сообщении Дениц ни словом не обмолвился о возможных побегах.

У немцев были свои «клики» на Ближнем Востоке и в Латинской Америке. Именно второй регион вызывал беспокойство. В «Жизни Бормана» было написано: «Католичество исповедуют 200 миллионов жителей Латинской Америки. Авторитарная форма правления там традиционна… Большие немецкие общины в данном регионе несколько приостановили свою деятельность после того, как их родина начала терпеть поражение. Эти же факторы — религия и тоталитарные традиции подготовят почву для принятия нацистов. Мы не можем считать, что сделали что-то значительное во время разведывательных операций против «Оси». Удалось лишь максимально затруднить секретные коммуникации и использование Гитлером тех ресурсов, которыми он располагал в этом регионе. Нацистские планы в западном полушарии были расстроены. Но мышление нацистского типа сохраняется».

Уже в октябре 1941 года президент Рузвельт заявил, что карта, полученная из нацистских источников, подтверждает существование планов нацистов относительно Латинской Америки. На карте была представлена сеть коммуникаций, которыми предполагалось связывать центры нацифицированной Южной Америки. Колумбия становилась центром Новой Испании, которая предназначалась генералу Франко в награду за пассивную поддержку Гитлера. «Эта предполагаемая реорганизация Южной Америки, — отмечал Рузвельт, — включает и нашу великую артерию — Панамский канал»).

«Если Мартину Борману и ведущим немецким лицам удастся скрыться, они принесут разброд и шатания в те страны, которые их приютят. В силу предполагаемых трудностей с экстрадицией Бормана необходимо держать под постоянным наблюдением… Надо создать ситуацию, при которой бежавшие лидеры будут вынуждены тратить энергию и терять решимость, столкнувшись с «мачизмом» этого региона».

Реалисты, которые изучали возможное развитие событий, считали, что если Борману удастся прорваться через сети союзников, хаотически разбросанных по Европе, он в итоге будет полезен в качестве некоего «заслонного механизма».

ДРУГИЕ ВРЕМЕНА И КИМ ФИЛБИ

Тревожа общественное сознание, Борман оказывал влияние и на Советы, но во всех обзорах его жизни, за исключением полуофициального доклада Льва Безыменского, советской и восточногерманской стороне его истории уделялось мало внимания. Основные факты исходили от Запада в то время, когда советские историки не были готовы к сотрудничеству. Хотя тогда невозможно было себе представить утечку аналитических отчетов союзников, Сталин знал о «мягком» отношении к некоторым беглым нацистам. Сообщения поступали к нему от Кима Филби, советского агента, назначенного в 1945 году главой нового отдела британской службы разведки, занимавшегося операциями против Советского Союза. После его разоблачения уже ничто не выглядело невероятным.

Филби отвечал за пиренейскую секцию отдела особых операций в военное время. Отто Йон, немец, посылавший сообщения о заговорщиках против Гитлера, был разочарован, когда его доклады, переданные через британских агентов в Лиссабоне и Мадриде, не произвели никакого эффекта. Йон до середины шестидесятых не понимал, что в его опасных действиях просто не имелось никакого смысла, потому что в Лондоне его шеф складировал его послания там, где их никогда бы не нашли. Филби разделял с русскими глубокое недоверие к каким бы то ни было связям между немцами и британцами и не хотел допустить союза даже с немцами, восставшими против Гитлера.

Поэтому до того, как Филби не раскрылся и не объявил всему миру, что он являлся советским шпионом, в истории Бормана оставались недостающие звенья. Особый вклад в эту головоломку Филби внес в связи с тем, что его британская секретная служба требовала от него изучения проблемы послевоенных нацистов. Как высокопоставленный чиновник, он ознакомился с аналитическим отчетом по делу Бормана, в котором оговаривалась возможность побега нацистского партийного шефа. С началом «холодной войны» новая работа Филби, направленная против Союза, оказалась новой насмешкой судьбы: это означало, что ему были известны все подробности найма генерала Гелена и его специалистов.

Есть еще один кусок головоломки, которому прежние исследователи не уделили достаточно внимания. Гестаповец Мюллер, второй по значимости военный преступник, чью могилу должным образом обозначили и почитали в Западном Берлине, на деле никогда не был там похоронен. Он, по всей вероятности,

очутился в руках у русских через несколько часов после того, как распрощался с Борманом. Многие факты и обстоятельства, указывающие именно на Мюллера как на высокопоставленного информатора русских внутри Третьего рейха, стали известны в последнее время.

Эти дополнительные части головоломки значительно меняют всю картинку. Что касается Филби, нет сомнений в его преданности Сталину задолго до начала войны. История Мюллера, еще до конца не проанализированная, дает основания считать, что шеф гестапо знал — то, что происходило в окружении Гитлера, становилось известным Сталину. Это объясняет некоторые странности в поведении русских и делает понятным, почему Сталин утверждал, что его союзники не полностью откровенны в том, что касается судьбы разыскиваемых преступников.

Разрыв отношений между Советским Союзом и западными союзниками являлся крайне недальновидным шагом с обеих сторон. Из-за недоверия друг к другу все преследовали только свои узкие цели. На протяжении десятилетий Запад не мог быть уверен в том, что некоторые ветви Братства и связанные с ним организации не ангажированы Советским Союзом. В свою очередь, и советские спецслужбы подозревали в этом бывших союзников. Именно так можно, как нам кажется, объяснить закрытость многих архивных пластов эпохи войны и послевоенного периода, хотя, казалось бы, какие уж здесь секреты! Однако секреты имелись. Заметим, что существовала точка зрения, будто нацисты в свое время помогли СССР, вызвав (или разжигая) распри на Ближнем Востоке. Так считали отдельные американские, британские и французские дипломаты и политические лидеры. Иногда они приходили в такое смятение, что некоторые из них даже подали в отставку во время первого Суэцкого кризиса.

Любопытно, почему англичане до сих пор не открывают тайну, связанную с перелетом Гесса в Англию весной 1941 года? Не перевернет ли эта информация все наши представления о действиях союзников?

От секретности страдает общественность — это закон. Оглядываясь на прошлое, трудно объяснить, почему послевоенные дела нацистов считались чрезвычайно секретными. Секретными для кого? Правительства и религиозные организации, занимавшиеся гуманитарной работой по восстановлению Европы, могли вынести любую бурю. А люди

оказались отрезанными даже оттого малого, что, например, русские могли бы рассказать бывшим союзникам, и от огромной информации, которой тогда обладали другие коммунистические страны Европы. Такое ощущение, словно великие державы Запада объявили монополию на информацию, действительно важную для всех!

Есть данные о том, что было известно Сталину в конце войны, но не все из этого сочли нужным принять во внимание при рассуждениях о судьбе Бормана. Борман приказал Скорцени забрать из леса важные партийные документы. Скорцени заявил западным союзникам, что он приехал слишком поздно, и в это время папки уже находились в разведуправлении Генштаба. Высокопоставленные немецкие чиновники, захваченные в Берлине, делились со спецслужбами информацией о планах побега на Запад. Сталин еще до конца войны был полностью проинформирован о тайных переговорах между ведущими нацистами и союзниками. Он знал, что Ватикан считает советскую империю гораздо большей угрозой, нежели Третий рейх. У Сталина имелись документы немецкой разведки со списками 20 тысяч «надежных укрытий» в одной только Швейцарии, где пособники нацистов могли перевести дыхание и спланировать передачу фондов для создания четвертого рейха. В СССР также знали о большой части той информации, что передавалась Геленом на Запад.

Таким образом, обстановка секретности, царившая в те дни, которую так трудно понять сегодня, никому так не помогла, как бывшим идеологам Оси и выжившим нацистам, всегда мечтавшим о войне между «цивилизациями» немцев и большевиков. В то же время американские начальники на местах испытывали большую потребность оставаться в хороших отношениях со своими советскими союзниками. Генерал Уолтер Бедел Смит сказал шефу разведки Эйзенхауэра сэру Кеннету Стронгу, что США считают Россию страной будущего. «Я был несколько удивлен, — признавался Кеннет в своих мемуарах, — но генерал повторил то, что тогда думали многие американцы». Однако курс на сближение вскоре разрушили сами же русские…

Естественно, Советы несли нелегкую ответственность за рост взаимных подозрений. Их связь с довоенной Германией была отвратительна, и именно она расчистила дорогу Борману как источнику информации для русских. Возможно, появились бы основания для послевоенного альянса с Россией, если бы доверие не было вновь подорвано неожиданным самоубийством Гиммлера. Неизвестны последние слова человека, чье имя связано с массовыми убийствами ради улучшения человеческой породы.

Поспешные похороны Гиммлера в анонимной могиле очень удивили русских… По времени и месту эти события совпали с началом работы, оплачиваемой западными союзниками нацистского эксперта по русским вопросам — генерала Гелена.

Всю войну единственным условием, предлагаемым Германии, была «безоговорочная капитуляция». Ее добивались затем, чтобы, показав немцам масштаб их преступлений, продемонстрировать гнев цивилизованного общества и подчеркнуть, что народ, виновный в столь варварском поведении, должен понести наказание. Президент Рузвельт от лица всех союзников заявил, что только так можно не дать немцам возродить старую версию о предательском «ноже в спину», полученном Германией после Первой мировой войны, которая оправдывала нацистские планы на вторую войну.

Но советским компетентным органам казалось, что союзники несколько изменили намерение не идти ни на какие сделки с немцами. Тут как раз подвернулся под руку Гиммлер, очутившийся у британцев и готовый заговорить, но в следующую минуту уже мертвый. При этом ничто не свидетельствовало о том, что он открыл нацистские планы побегов. Когда все находились в замешательстве, произошла самая большая катастрофа — исчезновение Бормана, законного вожака нацистского движения, которому было доверено все наследие «пророка».

Сталин понимал значение Бормана как лидера партии, не нуждавшейся в территориальной привязке, и потому не было необходимости пускать по следу Бормана наемных убийц, как в случае с Троцким. То, что русские могли сделать и эффективность чего доказали в истории с Троцким, так это начать слежку за Борманом и за другими беглецами.

Изучив краткую хронологию заинтересованности Советского Союза в Бормане, можно сделать интересные выводы.

Год 1942-й. Высокопоставленный американский дипломат Джордж Кеннан, эксперт по вопросам СССР, предлагает западным союзникам устранить после войны всех нацистских чиновников, но сохранить центральные власти, чтобы объединить Европу.

Это предложение возобновило страхи Сталина. Впоследствии Кеннан писал в своих мемуарах, что «русские, намеревавшиеся эксплуатировать экономический потенциал Западной Германии и Западной Европы и опасавшиеся, что их лишат права голоса в этих регионах, не услышали ничего кроме этих строк».

Год 1943-й. Нацистские чиновники начинают тайные переговоры с представителями союзников о возможности

свержения Гитлера.

Сталин ошибочно трактует это как готовность союзников к сговору с новой Германией против России.

Год 1945-й. Апрель. Президент Рузвельт телеграфирует Сталину: «Я не могу избавиться от негодования относительно ваших информантов, которые сколь неправильно интерпретируют мои действия и действия моих доверенных подчиненных».

Так формулировался раздраженный ответ Рузвельта на послание от Сталина, который сетовал по поводу переговоров в Швейцарии между Алленом Даллесом, генералом Карлом Вольфом и другими лицами. Рузвельт заявил, что о соглашении с немцами не может быть и речи: «О, ваша информация исходит из немецких источников».

Год 1945-й. 17 июля. Сталин заявляет государственному секретарю США Джеймсу Бирнсу о своей уверенности, что Гитлер жив и находится в Аргентине или в Испании.

Год 1945-й. 31 августа. Русские передают по радио сообщение о том, что Борман находится в руках союзников. Британский штаб Монтгомери отвечает: «У нас его нет. Это совершенно точно. Думаем, что и у американцев его тоже нет».

Год 1945-й. Сентябрь. Русская следственная комиссия докладывает: следов Гитлера не найдено, но существует неопровержимое доказательство того, что 30 апреля из Берлина в сторону Гамбурга вылетел небольшой самолет, а из Гамбурга отправилась подводная лодка с таинственными пассажирами на борту.

Год 1947–1948-й. Появляется сообщение, что Мартин Борман прибыл под чужим именем в Аргентину.

Год 1955-й. Генерал Гелен конфиденциально докладывает, что его люди располагают доказательством побега Бормана.

Тем временем другие люди, подобно нацистскому пропагандисту Вернеру Науману, изменяют свои рассказы о судьбе Бормана. Теперь Науман заявляет, что был с Борманом в ту судьбоносную ночь и видел, как Борман присоединился к своим настоящим хозяевам — русским.

Год 1963-й. Ким Филби, бывший британской разведчик, внезапно исчезает и объявляется в Москве.

Год 1964-й. Майор советской разведки представляет доклад, который публикуют в открытой печати. В нем описаны перемещения Бормана до его отъезда в Аргентину.

Год 1965-й. Западногерманские власти перекапывают парк в Западном Берлине, в надежде доказать, что Борман мертв.

Год 1971-й. Генерал Гелен, бывший шеф западногерманской разведки, публично заявляет, что в пятидесятые годы Борман был

жив, и утверждает, что Бормана видели в России.

Почему же генерал Гелен ошибался относительно судьбы Бормана? В середине пятидесятых у него имелось достаточно свидетельств того, что Борману удалось бежать, а позднее стало удобно утверждать, что он вернулся на свою духовную родину — в Россию. Когда Гелен делал это заявление, Ким Филби уже находился в Москве и, как известно, стал советником советских спецслужб и идеологических органов по вопросам психологической борьбы и манипуляций средствами массовой информации.

Вскоре после того, как Филби раскрылся, в печати появилась русская версия произошедшего с Борманом. Тогда же доктор Отто Йон, который в 1945 году занимался допросами основных военных и политических нацистских главарей, догадался об истинной причине его похищения в то время, когда он был назначенным британцами шефом западногерманской службы безопасности. Это оказалось связано с Филби, с тогдашней угрозой альянса между немецкими и западными милитаристами, а также с потенциальной возможностью будущего альянса подобного рода.

Эту заинтересованность СССР во всем, что касалось немецкой власти, ее настоящего и будущего, нельзя переоценивать. Советская разведка внедрила Филби в центр англо-немецких связей еще до того, как началась Гражданская война в Испании. Советы тогда не без оснований подозревали общность интересов западных промышленников и рурских баронов. К тому же глубокая заинтересованность СССР в Германии имела давний исторические корни, Германию когда-то считали будущей основой международной коммунистической власти. Она дала миру Карла Маркса и Фридриха Энгельса. Если предположить, что в самом сердце британского истеблишмента оказался советский агент с безупречными английскими рекомендациями, то это же могло произойти и в Германии. И было бы странно считать, что Советы не добились успехов в стране, расположенной к ним намного ближе, менее закрытой, нежели Великобритания, и гораздо более подверженной политическим крайностям.

Яркое описание роли Мюллера как ушей и глаз Сталина в самом сердце Третьего рейха принадлежало Вальтеру Шелленбергу, которому приходилось часто консультироваться с шефом гестапо. В своих опубликованных дневниках Шелленберг привел цитату из высказываний Мюллера: «Национал-социализм не более как новый сорт дерьма в духовной пустыне. В России сосредоточена непреодолимая духовная и биологическая мощь.

Глобальная цель коммунистов — революция в духовном и материальном мире дает мощный импульс для преодоления нашего западного негативизма». Эти слова поразили Шелленберга, и он решил, что Мюллер пьян и слишком много болтает, но при этом ждет от Шелленберга какого-то ответа. Они наедине проговорили всю ночь. Мюллер сказал тогда: «Мы все делаем наполовину. Гиммлер силен, поскольку за ним стоит Гитлер. Борман — вот человек, который знает, чего хочет…»

Шелленберг был удивлен. Он думал, что Мюллер считает Бормана примитивным преступником. Он пошутил: «Товарищ Мюллер, давайте начнем говорить «Хайль Сталин!» — и наш папаша Мюллер возглавит русскую тайную полицию».

Мюллер, прежде чем ответить, сурово посмотрел на шефа разведки. «И когда это произойдет, — наконец сказал он, — вас и ваших буржуазных друзей повесят».

Если Мюллер был, как впоследствии решил Шелленберг, источником информации для Москвы (хотя бы ради собственного морального удовлетворения), то возникают подозрения, что Братство стало инструментом далеко идущих планов по возрождению Германии и объединению ее под опекой Советского Союза. Не исключалась и возможность возвращения немецкой военной касты к своим старым связям с Россией. Мюллер, имевший право заглядывать в любой уголок Третьего рейха, знал, где можно найти для этого потенциальных новобранцев. Известно, что в Кремль порой поступала информация о частных разговорах фюрера.

Иногда информация катастрофически искажалась, словно невидимому наблюдателю не хватало как бы более государственного взгляда, чтобы правильно понять происходящее. Например, как стало ясно из разговора Сталина с Бивербруком, побег Гесса был описан неверно. Это недопонимание никак не могло исходить от Бормана, который прекрасно знал все обстоятельства побега.

То, что русских информировал кто-то из немцев, стало очевидно позднее. Когда был повешен друг Бормана Рудольф Хесс, премьер Польши Йозеф Циранкевич со знанием дела говорил Стивенсону о бормановской клике и планах сохранения нацистской идеологии.

Постепенно Стивенсон вышел на главу «Красной капеллы» — Леопольда Треппера. Этот человек использовал поддельный канадский паспорт, выданный на имя Михаила Джумаги из Виннипега, канадского добровольца, сражавшегося и погибшего в Испании. Как всегда, паспорт подправили, и в нем появилось новое имя — Адам Миклаш, а также фотография Треппера.

Данные об этом фальшивом паспорте присутствовали в архивах гестапо. После войны документы из Германии возвращали тем странам, к которым они имели отношение. Канадских специалистов службы безопасности спросили, известен ли им гражданин Миклаш, примкнувший к нацистам. Следователи зашли в тупик, когда узнали, что фальшивый паспорт и другие документы, принадлежавшие Трепперу, хранились в личном сейфе Мюллера.

…Генрих Мюллер, «тупоголовый баварец», одно время являлся главой антикоммунистического отдела нацистской тайной полиции, возглавляемой Герингом. Мюллер имел репутацию фанатичного антикоммуниста. Но это служило всего лишь уловкой для продолжения карьеры в качестве мюнхенского «полицейского детектива». Он заслужил благосклонность Бормана, предотвратив скандал вокруг загадочного убийства племянницы Гитлера, и его карьера пошла в гору.

Мюллер продвигался по службе вместе с Борманом. У него были все возможности заглядывать за плечо Бормана. Даже Гитлер, будучи фюрером, не мог так свободно проявлять интерес к мельчайшим деталям того, что творилось в Третьем рейхе. Мюллер пропал одновременно с Борманом. Кто-то позаботился о том, чтобы собрать скелет из костей трех человек, закопать останки на берлинском военном кладбище, написать на могиле имя Мюллера и краткую историю его жизни.

Осведомленный источник — маршал Тито — в своих неопубликованных дневниках придерживался мнения, что Мюллер являлся русским информатором, о присутствии которого всегда подозревали, но никак не могли этого доказать. Тито был воинственным молодым человеком, когда увлекся мощным профсоюзным движением, охватившим Германию. Его позднейшая деятельность партизанского лидера затмила те годы, которые он провел в качестве советского агента, причем такого успешного, что он оказался практически единственным среди видных иностранных коммунистов, приглашенных в Москву, кто избежал смерти во время великой сталинской чистки. Работа в Коминтерне давала ему прекрасную возможность периодически появляться в Москве и даже вести там сравнительно свободную жизнь.

Предположение Тито относительно Мюллера поддерживали эксперты западной разведки, которые занимались изучением этого периода в 70-е годы. Считается, что Мюллера завербовали, когда немецкая коммунистическая партия с количеством членов в четверть миллионов человек приближалась к вершине своего благополучия. Она имела двадцать семь газет, четыре тысячи

легальных ячеек и значительное число подпольных. Мюллер побывал тогда в Советском Союзе, где изучал политическую систему. Представляется немаловажным тот факт, что его всегда обвиняли в попытках создать гестапо по образцу советских ГПУ и НКВД, под чьим патронажем он находился в период своего пребывания в Москве, куда приехал с одобрения нацистской партии.

Когда он вернулся, Германия уже стала ареной деятельности крупнейшей в мире шпионской сети. Тито тогда был агентом Коминтерна на немецкой фабрике. Он вспоминал, как рабочим говорили, что, предоставляя техническую информацию Советскому Союзу, они не являются предателями, так как это помогает борьбе за диктатуру пролетариата.

Впоследствии Мюллер проводил репрессии против коммунистов на своем посту в «коммунистическом» 6-м отделе штаба мюнхенской полиции. Но они совпали с затеянной в Москве чисткой сотрудников органов госбезопасности, когда сотни ведущих агентов под разными предлогами вызвали в столицу, где они предстали перед расстрельными командами. Так у Мюллера появилась отличная возможность — убедительно продемонстрировать нацистам свое усердие, избавившись от коммунистов, которые в любом случае были бы уничтожены. Он стал неутомимым врагом коммунизма. Его отчеты содержали мельчайшие подробности работы всех структур советских разведывательных, карательных и следственных органов — от малых ячеек до московской милиции. Гейдриха столь впечатлила активность Мюллера, что он назначил его ответственным за ликвидацию неугодных лиц, подделку документов и за прочие «грязные» вещи. С советской точки зрения, жизни нескольких тысяч товарищей вполне могли быть принесены в жертву ради сохранения доверия к такому крайне важному агенту как Мюллер.

В Великобритании похожее представление устроил Ким Филби, который присоединился к англо-немецкому объединению, чтобы доказать начальникам свои антикоммунистические настроения. Вскоре он стал самым высокопоставленным советским агентом в Великобритании. Как неистовый гестаповец Мюллер, так и непримиримый антикоммунист Филби, смогли таким образом занять посты, на которых они отвечали за тайные операции. Филби имел хорошие отношения с немецкими промышленниками и не возражал против национал-социалистической философии. В испанской Гражданской войне он участвовал на стороне фашистов и получил от Франко крест

«Орден военных заслуг».

Спецслужбы, как и любая порядочная разведка, не раскрывают ничего, если их не вынудить это сделать, либо когда они надеются что-то получить взамен. Это было очевидно, когда варшавское правительство попросило покинуть Польшу Леопольда Треппера, известного как «советский мастер шпионажа» в гитлеровской Германии. Казалось, от него Сталин узнавал о событиях в окружении Гитлера. На самом деле «Красную капеллу» Треппера уничтожили в самом разгаре войны с Россией. Если Треппер действительно оказал коммунистам такие огромные услуги, то почему его держали в заключении до 1973 года? Он был стар, очень болен, и по нормальным меркам его верная служба позволяла выполнить его последнее желание — отправиться в Израиль, чтобы умереть там в окружении родственников.

«Он все еще был способен наговорить лишнего, — сказали Стивенсону. — Его поймали в 1942 году, и его шпионская сеть оказалась разрушенной к зиме того же года». Выдал «Капеллу» бывший участник французского Сопротивления, который после войны работал в контрразведке в Париже. «Из Треппера сделали советского героя, чтобы отвлечь всеобщее внимание от реального источника, откуда Сталин получал информацию. Но Сталин продолжал ее получать и после того, как «Красная капелла» была полностью уничтожена».

Тайная деятельность Мюллера объясняет и странную судьбу бывшего заместителя фюрера — Рудольфа Гесса. Даже в 1973 году его держали в одиночной камере в тюрьме Шпандау — одного посреди 599 пустых камер. Его по очереди охраняли русские, французы, американцы и британцы. Гесс оставался в заключении на крохотном островке в восемь акров, в Берлине, окруженном постами с автоматчиками и забором из проволоки под напряжением. Этого семидесятивосьмилетнего больного старика, жертву ненасытности Бормана, не выпускали по настоянию русских, несмотря на призывы к гуманности со стороны других правительств. Уинстон Черчилль, не отличавшийся добротой по отношению к нацистам, писал: «Я рад, что не несу ответственности за то, как содержат Гесса. Какой бы ни была моральная вина немца, приближенного к Гитлеру, Гесс искупил ее своим фанатичным поступком доброй воли».

Русские выпустили на свободу всех военных преступников, заключенных в Шпандау, кроме Гесса. Старику позволяли видеть свою семью только на Рождество всего полчаса. Русские настаивали, несмотря на возражения трех других стран, ответственных за Шпандау, что Гесса следует держать на

расстоянии от жены или сына и что за его семьей необходимо постоянно наблюдать и записывать все, что происходило во время их кратких свиданий.

Если бы генерал-майор Никитченко, советский член трибунала, добился своего, Гесс был бы уже давно мертв. Что же такое он знал, чего так боялись русские? Во время своего заключения в Великобритании Гесс рассказал о тайном договоре Гитлера и Сталина, которые делили сферы влияния на случай войны. Речь шла не о нацистско-советском пакте августа 1939 года, но о соглашении, подписанном в то же самое время. Бесславный заговор между Советским Союзом и его классовыми врагами о разделе малых государств подтвердил Риббентроп в Нюрнберге после перекрестного допроса со стороны адвоката Гесса — Альфреда Зайдла. Но советский обвинитель генерал Роман Руденко успешно протестовал против создания копии протокола.

Протокол предшествовал вторжению в Польшу, с которого началась Вторая мировая война. Предлогом для вторжения стала операция, проведенная лично Мюллером. Мюллеру предстояло подвезти к польской границе «консервированные продукты» — заключенных концентрационных лагерей. На узников должны были надеть польскую униформу и в последний момент сделать им смертельную инъекцию. Немецким войскам полагалось устроить приграничный инцидент и представить все так, будто польские солдаты вторглись на территорию Германии. «Консервированные продукты» исполняли роль польских солдат, убитых на немецкой территории. На «поле боя» планировалось привезти иностранных журналистов.

Как глава гестапо Мюллер обеспечивал перевозку обреченных узников из концлагерей к границе. Подробности были известны немногим нацистским лидерам. Начало операции обозначалось кодовыми словами: «Мамочка мертва». Гитлер решил представить вторжение в Польшу как результат «неспровоцированного нападения» поляков, доказательством чего послужили бы убитые заключенные.

Мюллер был единственным нацистским лидером, способным предупредить Сталина через свою империю тайной полиции о готовившихся событиях. Он с головой ушел в их подготовку. Требовалось достать 150 комплектов польской униформы, проинформировать войска о плановых «учениях» и произвести в концентрационных лагерях отбор «консервированных продуктов». Было выбрано время начала операции, и Гитлер нажал на спусковой крючок на рассвете 1 сентября 1939 года. «Фелькишер беобахтер» вышел с заголовком: «Польские мятежники пересекли

немецкую границу». Началась война.

Сталин заранее знал о предлоге, подготовленном для этого вторжения. Барон Эрнст фон Вайцзеккер, бывший министр иностранных дел, свидетельствовал на процессе Гесса, что «тайный протокол (между Сталиным и Гитлером) явно или неявно должен был создать в Польше совершенно новый порядок. После вступления протокола в силу сохранялось оговоренное в нем разделение границ. Советская часть включала Финляндию, Эстонию, Латвию, Польшу и отдельные территории Румынии. Все, что лежало к западу от этой линии, отходило к Германии…».

Именно поэтому (вернее, и поэтому тоже) Гесс оставался в тюрьме до самой смерти — до 18 августа 1987 года. Он, как и Треппер, тоже мог рассказать много лишнего. Но не рассказал, так как его убили. Убили, потому что по просьбе М. Горбачева его могли отпустить на свободу в ноябре того же года.

…Группенфюрера СС Генриха Мюллера описывали в отчетах союзной разведки как холодного человека, склонного к секретности, «с головой внушительных размеров и острыми чертами лица, искаженного тонкой линией безгубого рта».

Его имя не значилось в списках, которые русские обнаружили в гитлеровском бункере, но свидетели заявляли, что Мюллер находился там до самоубийства Гитлера. Когда он исчез, вместе с ним пропали все документы, связанные с расследованием родословной Гитлера, проводившимся с 1934 по 1943 год. Если их и подобрали советские службы, то они никогда не признавались в этом.

После того как британская тайная служба, работавшая в 1963 году с одним немецким чиновником, вскрыла могилу «Мюллера», и после того как патологоанатомы пришли к выводу, что ни одна из найденных костей *не может* принадлежать Мюллеру, вспомнили о некоторых фактах, которые ранее не принимались во внимание.

Как известно, на закате Третьего рейха все споры сосредоточивались вокруг предложения немцев западным союзникам сотрудничества в отчаянной попытке создать общий фронт против Красной армии. Мюллер был ярым противником этих предложений. Трое людей, находившихся в совершенно разных отношениях с Мюллером, независимо друг от друга описали его усилия, направленные против переговоров с Западом. Об этом свидетельствовали массажист Феликс Керстен, граф Шверин фон Крозиг, министр финансов, который вскоре стал министром иностранных дел в правительстве гросс-адмирала Деница, и шеф разведки РСХА Вальтер Шелленберг. Последний подозревал, что Мюллер затягивает процесс, ожидая, пока

русские захватят Берлин.

Рядом с отделом Мюллера располагался кабинет Адольфа Эйхмана, гестаповца, отвечавшего за «еврейскую проблему». Мюллер раздавал удостоверения, которые впоследствии использовали многие эсэсовцы, в течение нескольких последних лет работавших в гражданских фирмах. Он пришел в ярость, когда Эйхман начал махать своим армейским пистолетом, заявляя, что это лучший пропуск к свободе или к смерти. «Этот документ, — возразил Мюллер Эйхману, — нечто большее, чем просто пропуск. *Он расскажет нам, где вы находитесь».*

Являлась ли новой задачей Мюллера слежка за действиями Братства? Он был членом шайки и знал о разных планах побега. Когда генерал Ганс Кребс, последний начальник штаба Гитлера, намеревался вести переговоры с генералом Василием Чуйковым, командующим 8-й гвардейской армией, его остановили, и он отправился обратно в бункер, где находился труп фюрера. Он отказался стать беглецом, обреченным бродить по свету как преступник.

Убежище, которое Мюллер использовал в последние дни, было не гестаповским бункером, а подвалом, принадлежавшим шефу тайной полиции и расположенным рядом с партийной канцелярией Бормана. В постоянной близости Бормана и Мюллера есть что-то большее, нежели простое совпадение. Это «большее» и вызывало подозрения, которые питал по отношению к Борману адмирал Канарис, пока оставался главой военной разведки. Канарис был «технологом» и, не являясь прозападно настроенным антикоммунистом, с практической точки зрения смотрел на то, что могла сделать в военном плане могучая советская держава. Перспективы его пугали. Его подчиненный — радист из службы контрразведки Вильгельм Флике — прослушивал нелегальные переговоры между Берлином, Швейцарией и Москвой. После двух лет поисков Флике — нашел источник радиопередач на Москву! Передатчик был расположен в министерских зданиях в Берлине! Он продолжил расследование и пришел к выводу, что таким передатчиком мог обладать только Борман. Партийная канцелярия не имела собственной системы радиосвязи между партайляйтером Борманом и его подчиненными… Смерть Флике в 1957 году еще долго порождала догадки и предположения в немецких полицейских кругах. В любом случае ясно, что Флике докладывал о своих подозрениях Канарису. Помощник адмирала Рауль Леверкюн записал слова адмирала о том, что он предельно обеспокоен тем, что у «Красной капеллы» имелись связи в штабе Гитлера, *«возможно, с Борманом».*

Остальные люди, пришедшие к выводу, что Борман был «коричневым большевиком», строили предположения на необъяснимых событиях, в центре которых находился Борман. Но намекать на подозрения, связанные с Мюллером, было просто опасно. Гестапо повсюду держало своих агентов. Кто бы осмелился вслух произнести имя Бормана, не говоря уже о том, чтобы написать его? Когда перст подозрений указывал в сторону партийной канцелярии, верх брал страх перед тайной полицией. Бормана никто не любил, но в 1942 году Канарис и другие люди, недолюбливавшие Бормана, и представить себе не могли, насколько огромной была его реальная власть. Им пришлось отложить в сторону сомнения в верности Мюллера, — разве не он был самым ярым антикоммунистом в начале тридцатых годов? К несчастью для Канариса, его вольные высказывания против Бормана привели к его казни еще до окончания войны.

После войны к хору обвинений против Бормана присоединились многие известные немцы, но их прошлое часто заставляло относиться к ним с недоверием. Среди них был генерал-лейтенант СС Готтлоб Бергер, который искал у союзников поддержки своих антикоммунистических порывов. Его учреждение издавало военные руководства, в которых русские описывались как недочеловеки. Бергер заявил на процессе в Вильгельмштассе, состоявшемся после военного трибунала в Нюрнберге, что считает Бормана тем, кто «причинил наибольший вред», и что он еще появится в коммунистической Германии под настоящим именем как советский ставленник-комиссар. Бергер оказался одним из многих военных преступников, к которым отнеслись снисходительно — в его случае двадцать пять лет тюрьмы были заменены тремя.

Каковы были преимущества того Братства?

Пропаганда. Большинство старых нацистов не смогли приспособиться к послевоенной необходимости проявлять гибкость. Их поведение раздражало немцев, которые стремились поскорее обо всем забыть. Но Братство поддерживало их. Например, бывшие войска СС оказались неким Комитетом взаимопомощи, сражавшимся на передовой линии борьбы с большевизмом. Когда Берия в 1952 году выступил с проектом объединения Германии, он застал западные державы врасплох: они строили свою политику с позиции силы и вооружали свою зону в Германии. Молодым немцам было стыдно смотреть, как старые пособники Гитлера выступают против России, в то время как им внушали, что перевооружение — это плохо. С одной стороны, им говорили, что гитлеровский режим был злом, а с другой стороны — они видели, что крестовый поход против

коммунизма продолжался, но уже в другом обличии.

Шпионаж. Братство организовало шпионскую сеть в антикоммунистически настроенных странах и в Западной Германии. Списки бывших прихвостней, полицейских начальников и прочих гитлеровских преступников оказались бесценной находкой для руководителей коммунистического лагеря, которые могли использовать их в целях шантажа. Сотрудники лагерей смерти, чтобы избежать ареста, получали сертификаты, «доказывающие», что они работали в других местах. В число жертв шантажа входили бывшие эсэсовцы, которых так много оказалось в организации Гелена. Гейнцу Фельфе, Гансу Клеменсу и Эрвину Тибелю, в течение десяти лет «сливавшим» советским службам информацию из федеральной разведки, КГБ пообещало амнистию. Правда, военное руководство запрещало профессионалам, занятым во время войны в немецкой тайной службе, работать на союзную разведку. В то же время обе стороны тайно вербовали их в качестве шпионов. Попытка Отто Йона создать официальный реестр, чтобы не дать послевоенным шпионам просто продавать информацию всем заинтересованным сторонам, быстро провалилась.

Некоторые члены Братства сотрудничали с советскими службами, используя свои каналы и американские деньги. Есть много записей о немцах, которые этим занимались. Военная каста сохранила связи собственного «братства», несмотря на разделение Германии на Восточную и Западную. Другими бывшими нацистами манипулировали и без их ведома.

Всегда оставалась перспектива объединения Германии. У Бонна были причины, как политические, так и экономические, стремиться к этому. Немцы, которые смотрели дальше «холодной войны», предвидели время, когда крупные финансовые интересы в Латинской Америке и крепкие родственные связи с находившимися там немецкими общинами явятся основой нового движения — к новому немецкому империализму. Правда, история распорядилась несколько иначе.

…Первые попытки сотрудничества начались еще при Троцком. После Первой мировой войны его другом был глава немецкой военной разведки полковник Вальтер Николаи. Они сходились во мнении, что Советский Союз должен запретить Германии иметь собственную армию в рамках Версальского мира. Взамен немецкие офицеры предоставляли свой опыт Красной армии. У Германии не было ни танков, ни тяжелой артиллерии, ни военно-воздушных сил, ни военно-морского флота. По Версальскому договору ее крошечная армия насчитывала не более ста тысяч человек. В Советском Союзе же не хватало

кадровых офицеров. После того как Троцкого убили, Николаи сохранил свои связи с советскими спецслужбами.

Николаи создал корпорацию, которая, обходя ограничения Версальского договора, вела подготовку для производства по немецкой технологии отравляющего газа в Сибири, бомбардировщиков «Юнкере» на Урале, подлодок и военных кораблей в Ленинграде. До 1930 года треть ежегодного бюджета немецкого правительства плюс сто двадцать миллионов «стабилизированных марок» отправлялись в секретный картель. В «черной» немецкой армии находились и обучались в Поволжье двадцать тысяч танкистов. Перед тем как отправить военнослужащего в Россию, его имя исключали из армейских списков. Прототипы немецких танков и самолетов, созданные в немецких мастерских, отправлялись по частям на советские фабрики через свободный порт Щецин. Таким образом кадры и орудия, впоследствии превратившие такие города, как Сталинград, в груду развалин, создавались на советских учебных полигонах и заводах.

Полковник Николаи умело использовал старые связи. Еще до того, как большевики захватили власть, немецкие отряды охраняли опломбированный вагон, в котором Ленин и его соратники направлялись из Швейцарии, чтобы управлять революцией в России. Решение Сталина оказать нацистам тайную поддержку в 1929 году, когда Гитлер нуждался в деньгах, было попыткой сохранить эти хорошие отношения.

Сталин и Гитлер имели общие интересы, заключавшиеся в разделе Польши, но они оказались несовместимыми. Тайное сотрудничество неумолимо привело к великим чисткам в Красной армии 1937 года, когда тысячи советских офицеров были казнены по подозрению в предательстве и шпионаже в пользу Германии.

Со своей стороны, Гитлер хотел сломить власть немецкого генерального штаба, где, по его мнению, существовала просоветская группировка. Одним из забытых исторических фактов, имеющих очень важное значение, является то, что, когда Гитлер хотел допросить Николаи по подозрению в просоветской деятельности в 1943 году, именно Мюллер остановил это расследование. После 1945 года немецкие либералы были более всего обеспокоены тем, что военная каста может сохранить свои традиционные симпатии.

Имя прикрытия — Мюллер

Важные части головоломки хранились в дальнем уголке памяти Стивенсона. Как это часто случается, они появлялись внезапно и долгое время лежали там несоединенными. Но оказалось, они были связаны с защитой, обеспеченной группенфюрером СС Генрихом Мюллером другому человеку, официально признанному в Советском Союзе выдающимся разведчиком эпохи Сталина. Иногда банальные разговоры ищущего человека выводят на информацию, которая затем скрепляет отдельные кусочки головоломки.

Будучи канадцем, Стивенсон мог летать в Ханой в начале его коммунистической оккупации, так как Канада являлась членом международной комиссии по перемирию. В Ханое он скрестил шпаги в полемике с влиятельным членом польской комиссии. Это была женщина. Она атаковала Стивенсона, словно дракон. Затем он встретился с ней во время длинного утомительного перелета по маршруту Ханой — Пекин — Москва. В салоне самолета она оказалась очаровательной собеседницей и необычайно остроумной в критике советской бюрократии. Стивенсон радовался, что основную часть пути говорила эта дама, и многое из того, что она сказала, заставило бы встать дыбом остатки волос на почтенных головах членов ЦК КПСС.

Она работала в Мексике корреспондентом Польского государственного информационного агентства. Эта страна служила как бы наблюдательной площадкой для всей Латинской Америки. Они разговорились о человеке, убившем в Мексике Троцкого. Стивенсон встречался с убийцей в тюремной камере и был поражен его одержимостью коммунистическими идеями.

…Они с трудом передвигали ноги в грязи маленького летного поля где-то в Сибири, пока самолет дозаправляли.

— Иногда мне казалось, будто дело происходит в Средневековье! — сказал Стивенсон собеседнице, вспоминая тот эпизод.

Она улыбнулась и отвела взгляд.

— Россия и есть средневековая страна, — сказала она. — А Сталин являл собой последнего и настоящего средневекового тирана. Он пользовался таким обожанием, потому что в умах людей, неожиданно лишенных своей религии, заменил Бога. Убийца Троцкого был испанцем и католиком по происхождению, но он отверг ценности своего народа и его традиционные верования.

— Вы его знали?

— Немного. Он долгие годы провел в мексиканской тюрьме, но не перестал быть фанатиком. Его с детства готовили к подобным партийным поручениям, и он направил весь свой пыл в эту сторону. Он считал, что убийство величайшего врага и философского противника Сталина послужит спасению всего человечества.

— Троцкий не представлял никакой особой угрозы. Стоило ли концентрировать на нем усилия?

— Сталин концентрировался на любом потенциальном сопернике, просчитывал вперед многие ходы. С истинным врагом типа Гитлера он был хитрым и непримиримым.

— Но ведь он не заслал к нему наемного убийцу?

Она всмотрелась в дальний конец поля.

— Я думаю, все уже готово, чтобы отправляться.

Хана развернулась столь же быстро, как и поменяла тему разговора.

Позднее Стивенсон вновь затронул интересующий его вопрос. На этот раз она не пыталась увильнуть.

— У Сталина имелся потенциальный убийца в ближайшем окружении Гитлера. Но какой смысл было убивать Гитлера?

— Это спасло бы несколько миллионов жизней!

— И превратило бы Гитлера в мученика! И оживило бы старую немецкую теорию — об «ударе в спину». Если бы Гитлера убили, уж поверьте, нацистам не пришлось бы уходить в подполье. Нет, требовался не убийца, а сторожевой пес, который докладывал бы Сталину обстановку и подготавливал военное поражение Германии, а также крушение идеи о немцах как великой расе хозяев.

— И кто же являлся этим сторожевым псом?

— Кто его знает. — Она пожала плечами.

Остановившись по пути в Нью-Йорк в Варшаве, Стивенсон попытался вновь обратиться к этому вопросу.

Муж его знакомой дамы имел научную степень в области международного права. Он участвовал в суде над штандартенфюрером СС Йозефом Мейзингером — «варшавским чудовищем», гестаповским мясником, отличавшимся бычьим самодовольством и тупой грубостью — настоящим ублюдком. И вот что услышал от него Стивенсон.

— Этот Мейзингер был давним другом гестаповца Мюллера, даже его правой рукой с самого начала знакомства. Мне пришлось изучить их прошлое, прежде чем Мейзингера повесили. Он был сыщиком в той же самой мюнхенской команде. Тайная полиция везде одна и та же! Там все думают, что у них есть вечная лицензия на убийство.

— Мюллер должен был убить Гитлера?

— Гитлера? Зачем убивать фюрера? Чтобы сделать из него мученика и заставить немцев вновь стыдиться самих себя? Нет, от Мюллера требовалось уничтожать окружающих и наблюдать за Гитлером. Мюллер систематически избавлялся от тех или иных чудовищ, но всегда обращался осторожно с Борманом и фюрером. Первый был его источником информации, хотя Борман и не догадывался об этом. Гитлер являлся символом зла, то есть тем, кому мы могли противостоять. И заметьте, труднее противостоять идее, нежели ненавидеть конкретного человека. Если уж говорить начистоту, подлинным героем этой истории оказался Мюллер.

…Этот разговор положил начало новому интереснейшему направлению в исследовании Стивенсона. Оказывалось, что Мюллер прикрывал самого известного из русских разведчиков — Рихарда Зорге, члена нацистской партии. Он отправлял отчеты из Токио через немецкое информационное агентство. Рихард Зорге, начиная с 1937 года, информировал Сталина загодя о каждом намерении японцев. Он сообщил точную дату гитлеровского вторжения в Россию. Зорге предоставил также жизненно важную информацию о том, что Япония не намеревается атаковать советские границы на Дальнем Востоке. Тогда Сталин и Генштаб перед угрозой захвата Москвы спешно приняли решение — бросить сибирские войска на защиту столицы. Подвиг Зорге оценили только в 1972 году, присвоив ему звание Героя Советского Союза. В честь него назвали танкер и московскую улицу, а его профиль, значительно усовершенствованный, художником, поместили на четырехкопеечных почтовых марках.

Работа Зорге журналистом вызвала подозрения в Берлине. Зимой 1940 года, будучи еще на второй роли во внешней разведке РСХА, Шелленберг проверял надежность немецких посольств за рубежом. Он отправил Мейзингера, будущего «варшавского душителя», заниматься этим делом. Мейзингер рапортовал в Берлин со ссылкой на японские агентства, что Зорге — советский шпион.

Доклад Мейзингера попал в руки Мюллера, который… конфисковал его. Затем он убедил Шелленберга, своего преданного слушателя, забыть об этом деле: оно могло плохо отразиться на отделе Шелленберга. Шелленберг с его карьеристскими устремлениями очень не хотел служебного расследования, которое продемонстрировало бы отсутствие у него элементарной рассудительности.

К несчастью для Зорге, он был предан одним из своих японских субагентов. Разведчика казнили в Японии почти три года спустя — 7 ноября 1944 года. После провала Зорге

Риббентроп попросил Мюллера предоставить документы по делу Зорге, но все, что ему вручили, — стандартный листок из картотеки гестапо. Мюллер уничтожил все остальные бумаги.

Интересно то, что официальная история демонстрирует сходство прошлого Зорге и Мюллера. Рихард Зорге храбро сражался в кайзеровской войне. Подобно Борману, Мюллеру и тысячам других молодых немцев, он не мог более мириться с хаосом. Как и многие другие, он хотел кардинального решения. Коммунистическая система обещала порядок и лояльность по отношению ко всем людям. Гитлер требовал ото всех людей лояльности и гарантировал систему, основанную на тоталитарном контроле. По Германии рыскали вербовщики, нанимавшие людей для разных работ. Зорге устроился добывать уголь в Рурской области. Через некоторое время он стал основателем коммунистической партии в Гамбурге. Его отправили на обучение в Москву, откуда он вернулся агентом Коминтерна. Тот путь, по которому он двигался, исключал возможность сделать его информатором из окружения Гитлера. Он стал человеком разведуправления Красной армии.

Мюллер не имел явных коммунистических связей, он активно работал с нацистами. К 1930 году, когда Зорге выполнял заграничные операции, Мюллер оказался тем человеком, который мог сделать карьеру в нацистской партии, а в дальнейшем заниматься сбором информации о Гитлере и его ближайших советниках. В Советском Союзе уже довольно много знали о военной машине, которая создавалась в Германии, потому что к этому во многом были причастны.

Теперь не выглядит странным то, как случайная ханойская знакомая Стивенсона выстраивала цепочку событий. Рихард Зорге на пути в Японию, где он должен был создать советскую разведывательную сеть, задержался «для акклиматизации» в Шанхае. Там активно работали его старые товарищи из Коминтерна. Вскоре после его отъезда британская полиция уничтожила штаб дальневосточной сети Коминтерна, которую возглавлял Хилари Нуленс, живший по поддельному канадскому паспорту. Одного из его людей звали Нгуен Ай Куак, впоследствии он стал известен всему миру под именем Хо Ши Мин. Британский полицейский, раскрывший сеть, впоследствии обучал американских агентов в канадской разведшколе, основанной Уильямом Стивенсоном.

Как Борман, так и Мюллер намеревались уничтожить одного влиятельного человека, который мог изменить границы послевоенной Европы. Этим человеком оказался адмирал

Канарис, подозревавший, что Мюллер является советским шпионом. В то же время он боролся с попытками Бормана превратить его систему военной разведки в арену интриг нацистской партии.

Адмирал Вильгельм Франц Канарис стал легендой двух мировых войн. Он был известен как «Великий мастер шпионажа», «Адмирал тьмы». Его шпионская сеть охватывала весь мир. Борман страстно жаждал прибрать ее к своим рукам. Ее агенты и пособники в полицейских службах разных стран, ее транспортное обеспечение, связи и методы перераспределения огромных фондов в обстановке полной секретности — все представляло чрезвычайную важность для существования Братства за рубежом. Но чтобы овладеть этими богатствами, нужно было ослабить мощную хватку Канариса. С этой целью организации распространяли зловещие слухи и сплетни. Говорили, что в ней полно сексуальных извращенцев, что Канарис мазохист, садист и скрытый гомосексуалист, а его система военной разведки наводнена предателями. Мюллер поддерживал эти обвинения. Возможно, он понял, что Канарис считает его основным подозреваемым.

Флике, тот самый радист, который первым уловил радиосигналы из партийной канцелярии в Москву, начал расследование, которое могло прекратиться только с устранением Канариса. Смертный приговор был подписан в суматохе, последовавшей за заговором против Гитлера в 1944 году. Историки до сих пор спорят о той роли, которую сыграл в заговоре адмирал. Преобладает мнение, что Канарис не участвовал в нем непосредственно. Но заговор предоставил Кальтенбруннеру возможность допросить адмирала. Допрос велся с жесточайшим пристрастием, которое описал британский агент Питер Черчилль, оказавшийся в той же тюрьме гестапо. Черчилль считал, что с того времени, как Канарис попал в руки этих головорезов, он был обречен. Причина заключалась в том, что Борман жаждал власти над всемирной сетью немецкой военной разведки, а Мюллер хотел избавиться от человека, который догадывался, кто подлинный источник информации, просачивавшейся к Сталину.

В начале апреля 1945 года 58-летнего адмирала Канариса вывели в тюремный двор, раздели догола и приподняли, чтобы накинуть на голову петлю, свисавшую с крюка. На него навели кинокамеры и отснятый фильм моментально отправили в личную лабораторию Гитлера, где ночью за его проявкой наблюдал лично Борман. Палачи удостоверились в том, что подбородок адмирала находится точно над петлей, и подтолкнули его.

Спустя две недели немецкая военная разведка прекратила существование. В лабиринте подземных бетонных и стальных туннелей в пригороде Гамбурга — Вольдорфе прогремели взрывы союзнических бомб. Во время войны по этим туннелям сновали тысячи людей, занятых отправкой информации в заграничные отделы и расшифровкой поступавших сообщений. 26 апреля 1945 года прозвучал последний сигнал: «Обстоятельства вынуждают нас прервать связь, но держитесь графика работы. Не отчаивайтесь. Мы, как обычно, позаботимся о вас и ваших интересах».

Во владение системой вступил какой-то новый человек…

«Братство» могло возродиться

Тайна Мартина Бормана, кажется, никого не интересует напрямую, но при этом затрагивает очень многих людей. Некоторые из них движимы примитивной жаждой мщения. Других преследует чувство вины или страх, что их найдут, и они разрываются между желанием затаиться и инстинктивной потребностью в самооправдании. Тем, кто сражался с нацистским террором до и во время Второй мировой войны, иногда хочется верить, что подобное могло произойти только в одном месте на отдельно взятой стадии человеческой истории.

Но кошмар возобновляется.

Великие державы, вместе сражавшиеся в войне против угнетателей, не позаботились о том, чтобы очиститься от нацистов и сочувствующих им. В местах, подобных Ближнему Востоку, они смогли, как и прежде, заниматься распространением ненависти. Арабские версии «Майн кампф» стали оружием в войне с Израилем. Книгу ««Майн кампф», Гитлер и нацизм» нашли среди личных вещей египетских офицеров, захваченных в плен в ходе Синайской кампании 1967 года. Это арабское издание, опубликованное с комментариями, цитировалось как одно из авторитетных доказательств существования сионистского заговора. Книга продолжала жить, так как Братство спонсировало ее новые иностранные выпуски. Испанские переводы до недавнего времени распространялись в Латинской Америке, но еврейские организации в целом относились к этому довольно спокойно, заявляя, что сейчас немногие читатели воспринимают Гитлера всерьез. Тем не менее лондонская «Джюиш кроникл» в 1972 году выразила свою серьезную озабоченность, опубликовав колонку, в которой помимо всего прочего говорилось: «В книге есть элементы — обещание дисциплины, авторитета и порядка, способные оказаться весьма привлекательными в наше беспорядочное время, особенно если не знать или не помнить о цене, которую люди заплатили за новый порядок Гитлера. У людей короткая память. Общество до сих пор странно восприимчиво к нелепым, сумасшедшим идеям, и публиковать сегодня такую книгу — значит сложить с себя всякую моральную ответственность».

Понятно, что покуда Братство можно было контролировать и использовать, выдвигались аргументы в пользу терпимости по отношению к нему. Очевидно, Братство являлось средоточием независимых группировок, каждая из которых занималась финансовыми операциями и незаконными договорами лишь в той

мере, которая не вызывала у публики желания их анализировать. Но если западные державы тайно и использовали опыт Братства в регионах, где они стремились противостоять советскому влиянию, то это приводило их к фиаско, подобному тому, которое потерпела организация Гелена.

Возвращение многих немецких изгнанников можно объяснить преклонными годами, ностальгией и, естественно, растущим чувством уверенности в том, что суды уже не стремятся наказывать серьезных преступников.

Рост уверенности чувствовался в деятельности людей, подобных полковнику Гансу-Ульриху Руделю, большому другу Братства и ODESSA, который всегда был готов им помочь и стал очень активен в семидесятые годы. Рудель хвастался тем, что из всех офицеров вермахта имел больше всех наград. Он распространял евангелие от Гитлера в интерпретации молодого нациста Удо Валенди. Последний переформулировал большую часть софистики, использовавшейся официальной немецкой пропагандой в тридцатые годы, чтобы доказать, что «Майн кампф» вовсе не предмет для обвинения Гитлера. В 1970-е годы Рудель командовал организацией «Народная молодежь», действия которой он координировал с другими боевыми молодежными группировками. Они пропагандировали идеи Гитлера, появившиеся в конце жизни фюрера. Вот несколько примеров этих, так сказать, «запоздалых» мыслей: «У Германии нет выбора. Наши враги ненавидят национал-социализм, потому что он превозносит достоинства немецкого народа», «Бедствия — необходимая прелюдия к великому возрождению немецкого народа», «Я открыл всему миру глаза на еврейскую угрозу».

Рудель много путешествовал по респектабельным виллам, обитатели которых составляли пронацистски настроенное сообщество в Южном Тироле, и по поселениям в Латинской Америке, призывая обосновавшихся там беглецов проверить обстановку, вернувшись вместе с ним во Франкфурт. Большинство отказывались. Валенди при поддержке Руделя выступал в молодежных лагерях, используя записи мыслей Гитлера последних нескольких недель, зафиксированные в бумагах Бормана.

В Мюнхене немецкий друг Стивенсона отвел его в один из таких лагерей. Это была встреча сторонников возрождения Братства. Собравшиеся представляли «Новую европейскую молодежь», «Молодых викингов» и «Федерацию верной Родине молодежи». Среди их задач значилось: «народное сопротивление закабалению» и «восстановление территории германских народов». Юнцы приветствовали друг друга криками «Хайль!» и

упражнялись с дробовиками. Их героем, способным возродить великую Германию, являлся баварец Франц-Йозеф Штраус, глава христианских демократов этого региона. Это движение включало, как отмечал западногерманский еженедельник «Штерн», учителей, которые не могли ничего поделать с молодыми бунтарями, государственных служащих, которые не чувствовали тяги к работе, и особенно много сынов и дочерей старых нацистов, остававшихся в изгнании или же только что вернувшихся на Родину. Но вряд ли стоило соглашаться с выводом «Штерна», будто мюнхенская встреча явилась сборищем неудачников. Ведь подобное определение применимо и к первым нацистским собраниям!

Стало очевидным, что общественное мнение сделало свое дело, и западногерманское судопроизводство позволяло самым известным нацистским преступникам разгуливать на свободе. Авторитетный источник — Международный комитет по делам концентрационных лагерей — обвинял судей в том, что они из кожи вон лезли, чтобы принять аргументы защиты и отложить дела на долгие годы. Секретарь комитета Герман Лангбайн, австрийский еврей, переживший Освенцим, человек безупречной честности, заявил Стивенсону, что он движим не жаждой мести, но когда такая могущественная нация извращает закон, страдает цивилизация в целом.

Из отсроченных дел можно составить целую книгу. Одним из них было дело доктора Вернера Беста, которому предъявлялось обвинение как участнику убийства 8273 польских интеллигентов в период, когда он возглавлял нацистскую службу безопасности в Польше. Дело остановили спустя полгода из-за преклонного возраста Беста. Ясно, что в суд его привели только для того, чтобы удовлетворить общественные требования, в основном со стороны ГДР и польского правительства. Из документов следовало, что Беста приговорили к смерти в Дании за его попытки в бытность рейхскомиссаром этой страны уничтожить все еврейское население. В начале антиеврейских чисток в Германии именно Бест придумал метить еврейские паспорта большой буквой J. Он с радостью воплотил предложение Бормана упростить идентификацию евреев, заставив именовать себя словом «жид».

После войны Бест управлял организацией промышленного шпионажа в интересах дочерних компаний «I.G. Farben» и был юридическим советником «Stinnes Trust», одного из крупнейших западногерманских промышленных комплексов. Ему простили уголовно наказуемую связь с нацистскими зверствами, так как в послевоенной истории он «исполнял свой долг», охраняя

западные бастионы от России.

Итак, колеса правосудия вертелись все медленнее. Беста доставили в суд, но отпустили, воспользовавшись прорехой в законе, позволявшей доказать, что во время войны он не имел личных дурных намерений и, таким образом, виновен лишь в непредумышленном убийстве. Затем, когда здоровье Беста не позволило продолжать допросы, в его деле поставили точку. К 1972 году он оказался свободным человеком. В результате к этому убийце отнеслись с таким милосердием, которое он никогда не проявлял по отношению к другим.

Убежище на Путумайо

На реке Путумайо жил старик, имевший пирогу и навесной лодочный мотор. Это позволяло ему свободно передвигаться по рекам, которые спускаются к морю, протекая по просторам Аргентины и Бразилии. Тут трудно говорить о «странах», так как границы весьма размыты. Куда это старик перемещался на своей пироге, мы, наверно, никогда и не узнаем. Он смотрел на окружающий пейзаж иначе, чем большинство из нас. Он был знаком с внутренними районами так же, как советские агенты двадцатых и тридцатых годов были знакомы с горами, где соединялось такое множество культур. Великие мастера побега довоенного периода, подобные маршалу Тито, передвигались, прячась днем и путешествуя ночью. Эти ветераны знали, с какой точки зрения старик видел этот мир, и он, и они жили по правилам охотника, преследующего ночную дичь.

По реке Путумайо старик мог плавать в Перу и Эквадор. В первой стране находится банк, в котором, по слухам, хранились бумаги Бормана. Во второй — скрывался Альфонс Зассен, представитель предприятия Братства — «Эстреллы». Также поговаривали, что Зассена спонсировал Йозеф Менгеле, управлявший фондами, которые стали доступны после продажи добра, награбленного в Европе. Зассен был заочно приговорен к смерти голландским судом за военные преступления. Когда-то он служил капитаном полиции в Эквадоре, где в 1952 году старику выдали удостоверение личности, прежде чем он свил свое гнездо на колумбийской части реки. По Амазонке и ее притокам старик мог достичь Боливии, где не составляло труда купить за 57 000 (цена выросла с тех пор, как швейцарский промышленник Йозеф Гибер провернул подобную сделку) почетный титул генерала-консула и затем развернуть активную общественную деятельность.

Конечно, быстрее и разумнее путешествовать не по рекам, а на самолете. У Братства и его бесчисленных подразделений имелись и самолеты, и морские корабли. Боливия, не имеющая выхода в море, обеспечила себя военным флотом, который сначала состоял из одного грузового корабля. Командовал флотом контр-адмирал Альберто Альбаррачина. Главнокомандующий Горацио Угартече заявлял: «Мы пронесем флаг Боливии по всем свободным портам мира». Так и произошло. По сути, Боливией правили немецкие предприниматели, и Братство отправляло грузы с оружием, куда ему требовалось. Разразившийся в 1971 году скандал принудил

правительство Боливии принять «кое-какие» меры. Поскольку флот являлся компанией, зарегистрированной в Панаме и Гамбурге, в этих местах его счета были заморожены, чтобы заплатить кредиторам. Управляющим этого огромного предприятия, фрахтовавшего судна для перевозки оружия и кокаина по всему миру, оказался не кто иной, как Клаус Барбье-Альтман, увертливый боливийский бизнесмен и нацистский убийца, которого выследила и разоблачила Беата Кларсфельд.

Вероятность того, что Братство тихо распадалось, не уменьшает значимости совершенного Беатой Кларсфельд.

…Время от времени поступали сообщения о том, что Бормана видели в разных частях Латинской Америки. Старик в пироге мог быть Борманом. Он любил менять маски, даже когда был тайным вождем Третьего рейха. Убежище на Путумайо можно назвать крысиным гнездом или же норкой маленького перепуганного лиса. Не такого конца ожидали люди! В том, как Борман появлялся вновь и вновь, было что-то сверхъестественное. Эйхман на суде в Иерусалиме говорил о Бормане так, словно тот жив и стоит рядом с ним. Виллем Зассен, бывший эсэсовец, свидетельствовал, что у него дома в Аргентине хранятся километры магнитной пленки с записью рассказа Эйхмана о том, как ему с Борманом удалось бежать. Запись была сделана до ареста Эйхмана.

Все эти истории ни к чему не приводят. О Бормане рассказывал человек, будто бы бежавший вместе с ним из Берлина, чтобы управлять самообъявленной нацистской колонией в стране диктатора Стресснера, которым Борман так восхищался. Колония была скрыта в одной из величайших крепостей мира (ими полна Латинская Америка) — в километре к западу от реки Параны и в 24 километрах к северу от границы между Бразилией и Парагваем. Она называлась «Kolonie Waldner 555».

Вот еще одна история, связанная с Борманом. Эрих Карл Видвальд заявлял, что оказался в советском военном госпитале наутро после того, как Борман пропал в Берлине. Видвальд бежал в компании шести человек, включая Рольфа Швента и кряжистого офицера средних лет, который привел их на север к Фленсбургу. На датской границе они расстались. Видвальд чувствовал себя в достаточной безопасности, чтобы начать работать с американской военной полицией. Там в «голодную зиму» 1946 года он встретил Швента, предложившего ему отправиться с помощью ODESSA в Аргентину. Они проследовали по известному теперь Бреннерскому пути в монастырь в Риме. Оттуда беглецов отвели на грузовой корабль, который и перевез их через Южную Атлантику. Во время плавания Швент рассказал Видвальду, что

кряжистым офицером из их группы беглецов был Борман. Два года спустя Видвальд нашел убежище в «Kolonie Walnder 555». Она занимала территорию в семьдесят километров шириной и сто шестьдесят длиной и была надежно защищена с одной стороны водами Параны, а с другой — густыми джунглями. Югославские охранники колонии (из старой пронацистской хорватской армии) имели в подчинении небольшое войско из местных племен. Колония имела связь с четырнадцатью подобными крепостями. Если бы чужаки решили подобраться к ней по реке, им пришлось бы нанимать немецких штурманов и использовать немецкие лодки, зафрахтованные Борманом. Если бы пришельцы попытались попасть туда по земле, то очутились бы в руках охранников колонии. Воздушные силы Стресснера защищали крепость от вторжения по воздуху. В распоряжении Бормана имелись самолеты Piper Club. Видвальд решил вернуться в Германию и огласить эту историю в 1967 году. Он рассказывал, что лицо Бормана изуродовано плохой пластической хирургией и что рейхслейтер брал 45 тысяч долларов в месяц на расходы. По его словам, «Kolonie Waldner 555» была образцовым государством, управляемым по нацистским принципам. Якобы доктор Менгеле и другие известные военные преступники жили в похожих колониях, а в их «внешнюю политику» входило создание миниатюрных государств и приглашение туда международных комиссий, чтобы показать, какими они стали безобидными.

Но не обнаружилось никаких свидетельств, которые подтвердили бы показания Видвальда! Он тогда умирал от рака и не был заинтересован в деньгах. Но он использовал хорошо известные факты, чтобы осуществить отвлекающий маневр. Никто не знал, почему он это сделал. Видвальд показал превосходный образец изложения событий: детали интерьера дома в Берлине, в котором они прятались, оказались точными, достоверным пересечение датской границы в Фленсбурге, реальными имена помощников из ODESSA и Ватикана, даже описание плавания и путешествия в Парагвай выглядело правдой.

…Папки Интерпола набиты докладами о перемещении нацистских фондов и о предприятиях, которые работали с этими деньгами. Но парижский следователь сказал как-то Стивенсону: «Я не могу отправиться в чужую страну и арестовать человека, о котором я знаю, что он бывший инспектор нацистских лагерей смерти. Он уже не герр Рихард Глюке, а сеньор такой-то и такой-то, гражданин той страны, пользующийся ее защитой. Единственная надежда — на придание всему этому огласки. Только недавно мы смогли получить информацию из папок тайной полиции латиноамериканских стран, скрывающих у себя

этих дьяволов. Они тратят много денег на покупку гражданства! Они проматывают целые состояния, давая взятки этим правительствам. Они говорят о Боливии: «Эта страна нам столько стоила, что мы убьем каждого, кто попробует продать нас обратно в Европу»». Делалось множество попыток поймать Бормана. Спустя десять лет после того, как президент Кеннеди провозгласил «Союз ради прогресса», 125 миллионов людей жили в условиях военной диктатуры и еще двенадцать миллионов — при гражданской диктатуре, а 104 миллиона радовались сравнительно демократической форме правления. На Кубе после прихода Кастро к власти некоторые наблюдатели отметили, что настоящей угрозой личной свободе стал не марксизм, а военная технократия. Молодые полковники, свергающие старые режимы, фокусировались на идеях, которые можно назвать новыми версиями национал-социализма.

В продвижении Анвара Садата от агента абвера до президента Египта было что-то сюрреалистическое. Международная организация, добивавшаяся правосудия для политических заключенных — Международная амнистия, — создавала многостраничные досье о пытках и полицейской жестокости, напоминавших нацистскую эпоху.

Такие обстоятельства сложились, конечно же, не из-за Братства и разлагавшихся группировок нацистов и политических бандитов. Но призраки Братства возникали повсюду, наполняя настоящее эхом из прошлого. Напомним, что в Германии отсутствие прочного среднего класса помогло Гитлеру терроризировать население и запугивать государственные службы, так как потеря работы одним кормильцем обрекала на голод всю семью. В наше время небольшой средний класс сформировался в Аргентине, Чили, Перу, Колумбии и Мексике, но он составлял мизерную долю всего населения. Поскольку средний класс Северной Америки развивал собственные ценности и идеалы, то средний класс Латинской Америки стремился к тому, чтобы стать частью той немногочисленной аристократии, которая посылала своих детей получать образование в Европе.

А в немецком клубе в Ла-Пасе, в Боливии, гестаповский убийца, разыскиваемый французским правительством за преступления военного времени, — Клаус Барбье-Альтман — мог обругать представителя немецкого посольства за то, что тот привел в клуб еврея в качестве своего гостя. Разговор, по свидетельствам нескольких присутствовавших, развивался следующим образом:

— Почему вы привели сюда еврея?

— Мой гость — атташе по культуре посольства США.

— Мы не потерпим грязных евреев в своем клубе!

— Я доложу об этом послу.

— Я не боюсь! Я был важным человеком в гестапо. Когда-нибудь народная партия возродится, и тогда мы сведем с вами счеты!

…По словам Симона Визенталя, директора венского центра документации, недавно ушедшего из жизни, небольшая делегация еврейских бизнесменов приехала к нему из Парагвая с просьбой не требовать наказания для Йозефа Менгеле. Им пригрозили, что если Менгеле похитят, то в «Парагвае не останется ни одного живого еврея». Бизнесмены боялись старого нацистского принципа — ответственности всех членов семьи. «Идеология 1933 года все еще очень сильна», — утверждал представитель делегации.

Подобные истории все повторялись. В докладе Международной амнистии в Парагвае говорилось о шести юношах, замученных до смерти тайной полицией и сброшенных в реку Парану. Международная амнистия заявляла, что с ними расправились, так как они были коммунистами. По другой версии, это были молодые израильтяне, которые отправились туда, чтобы казнить Менгеле.

Задача Мартина Бормана была выполнена, и неважно, выжил ли Борман после войны или нет. Сейчас значение имеет легенда. И также важно то, что в нашем обществе есть беаты кларсфельд и Стивенсоны, видящие необходимость предупреждать тех, у кого нет опыта столкновения с тираническим безумием гитлеровского масштаба.

«Нацизм — это безумие, — сказала Беата Кларсфельд, прогуливаясь со Стивенсоном по мирной набережной Сены. — Он стал вековой расовой нетерпимости. То, что нацисты умирают, не означает, что человеческая раса очистилась… Меня воспитывали как протестантку, и я хорошо помню, что в церквях были свои чудовищные истории. Почти восемьсот лет назад четвертый Латеранский собор католической церкви обязал евреев носить желтые заплаты. Не оттуда ли все пошло? Видит ли кто-либо связь между тем ужасом и недавним холокостом? Интересно ли кому-либо, где истоки тех идей, которые вдохновили Гитлера, Муссолини, Франко и Сталина? Для меня фактом, который никак невозможно игнорировать, является то, что человечество с аккуратным расчетом убило — не в бою — миллионы, которые были виноваты лишь в том, что они — другие. Более всего пострадали те, кого было легче узнать, — евреи. Все, что они имели, — это их закон и бесконечный диалог с Богом».

…Наш рассказ окончен, но вряд ли завершен. Жаль, что пока

не удалось дать правильный ответ (да и вообще какой-либо ответ) на «головоломку» и осталось столько ненайденных ее частей. Мы лишь попытались с помощью славных людей, которым небезразлично прошлое, рассказать о некоторых темных страницах наиболее порочного и бесславного периода нашей обшей истории. По количеству страданий и жертв он может соперничать и даже превзойти любую другую эпоху, включая древнеримскую и Средневековье. Этот рассказ всего лишь малая часть длинной и малопривлекательной хроники ужасов мировой истории.

Надеемся, что кому-то откроется основная цель этого повествования — это не просто комментарий к одной исторической загадке, а предупреждение всем нам и нашим потомкам. Темные силы, выпущенные на свободу Третьим рейхом, не были ликвидированы, а видоизменились подобно опасным вирусам и стали трудноузнаваемы. Они, как принято сегодня говорить, мутировали и остаются столь же болезнетворными и опасными, как и прежде. Если и есть какая-либо польза в загадке Бормана, то она в том, что напоминает нам о темной стороне человеческой природы, чудовищным проявлением которой являются он и его Братство.

Джордж Сантаяна, современный американский философ, написал в книге «Жизнь разума» фразу, которая весьма приложима к тому, что здесь изложено. Он сказал: «Те, кто не помнит прошлого, обречены на его повторение».

Суждено ли нам быть обреченными? Надеемся, что нет. Поэтому — помните!

notes

Примечания

1

«Круг друзей» впоследствии проявил себя в открытую. В 1970 году он регулярно выпускал бюллетени в поддержку Франца-Йозефа Штрауса из баварского Христианско-социального союза. Вот отрывок из бюллетеня, выпущенного в Кельне в октябре 1970 года: «Мы призываем всех, кто сочувствует национальным демократам (основной неонацистской группировке) голосовать, чтобы укрепить позиции Франца-Йозефа Штрауса. Он очень многообещающий человек. Он не заменит Адольфа Гитлера, но у него есть задатки лидера. Офицеры немецкой армии ждут сильного человека — Штрауса. Немецкой молодежи нужен сильный и упорный лидер… Журналистов необходимо обуздать… Мы должны так или иначе прийти к власти, даже если выборы пройдут не в нашу пользу. На кону — судьба Германии».